

NIION 2003-0059
MOSURED 77/27-003

ISSN 2073-0454 (Print)
ISSN 2782-5698 (Online)

ВЕСТНИК

Московского университета МВД России

Рекомендован Перечнем ВАК при Министерстве науки
и высшего образования Российской Федерации

Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ)

1
2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Е. Н. Бегалиев,

доктор юридических наук, профессор, почетный работник образования РК (Республика Казахстан)

С. А. Боголюбов,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

К. К. Гасанов,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ

В. И. Елинский,

доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник Следственного комитета РФ

А. Е. Епифанов,

доктор юридических наук, профессор

С. С. Жевлакович,

кандидат социологических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы РФ

О. В. Зиборов

доктор юридических наук, профессор

И. А. Калининченко,

кандидат педагогических наук

О. Г. Карпович,

доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

В. Л. Кубышко,

заместитель Министра внутренних дел РФ, кандидат педагогических наук

С. С. Маилян,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,

кандидат юридических наук, доцент

А. А. Реан,

доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Н. В. Румянцев,

доктор юридических наук, доцент

Д. Субошич,

кандидат юридических наук, профессор (Республика Сербия)

В. Ю. Федорович,

кандидат юридических наук, доцент

Ю. А. Цыпкин,

доктор экономических наук, профессор

Б. С. Эбзеев,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования

E. N. Begaliev,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of the RK (Republic of Kazakhstan)

S. A. Bogolyubov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

K. K. Gasanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Employee of the internal affairs bodies of Russia

V. I. Elinskiy,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Employee of Investigate Committee of Russia

A. E. Epifanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

S. S. Zhevlakovich,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Honored Worker of Higher School of Russia

O. V. Ziborov

Doctor of Legal Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,

Candidate of Pedagogical Sciences

O. G. Karpovich,

Doctor of Legal Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Honored Scientist of Russia

V. L. Kubysenko,

Deputy Minister of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences

S. S. Mailyan,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

A. A. Rean,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Scientist of Russia

N. V. Rumyantsev,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

D. Subošić,

PhD, Professor (Republic of Serbia)

V. Yu. Fedorovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Yu. A. Tsypkin,

Doctor of Economic Sciences, Professor

B. S. Ebzeev,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia, Honored Lawyer of Russia, Judge of the Constitutional Court of Russia (Retired)

N. D. Eriashvili,

Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of Russia, Winner of an Award of the Government of Russia in the Field of Science and Technology, Winner of an Award of the Government of Russia in the field of Education

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL COUNCIL

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

С. В. Алексеев,
доктор юридических наук, профессор, почетный
работник высшего профессионального образования РФ,
заслуженный юрист РФ

Ю. М. Антонян,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

А. В. Барков,
доктор юридических наук, профессор

А. Р. Белкин,
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН

Е. В. Богданов,
доктор юридических наук, профессор

А. А. Власов,
доктор юридических наук, профессор

Т. М. Гандилов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

М. М. Дикажев,
доктор юридических наук, доцент

В. В. Долинская,
доктор юридических наук, профессор

А. В. Ендольцева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Л. Г. Ефимова,
доктор юридических наук, профессор

О. Д. Жук,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ

С. М. Зырянов,
доктор юридических наук, профессор

С. В. Иванцов,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

О. Ю. Ильина,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. Г. Кадников,
доктор юридических наук, профессор, почетный
работник высшего профессионального образования РФ

Р. А. Каламкьян,
доктор юридических наук, профессор

В. П. Камышанский,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ

И. Б. Кардашова,
доктор юридических наук, профессор

А. И. Клименко,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

LEGAL SCIENCES

S. V. Alekseev,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russia,
Honored Lawyer of Russia

Yu. M. Antonyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

A. V. Barkov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. R. Belkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Member of RANS

E. V. Bogdanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. A. Vlasov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

T. M. Gandilov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

M. M. Dikazhev,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

V. V. Dolinskaya,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Endoltseva,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

L. G. Efimova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. D. Zhuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Prosecutor of Russia

S. M. Zyryanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. V. Ivantsov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia

O. Yu. Ilyina,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. G. Kadnikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russia

R. A. Kalamkaryan,
Doctor of Legal Sciences, Professor

V. P. Kamyshanskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Education of Russia

I. B. Kardashova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. I. Klimentko,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Employee
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Н. А. Колоколов,

доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного Суда РФ (в отставке)

М. В. Костенников,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ

А. Н. Кузбагаров,

доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

С. Я. Лебедев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Левушкин,

доктор юридических наук, профессор

Н. П. Майлис,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,

доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. В. Михайлова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Р. С. Мулукаев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

Н. Г. Муратова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан

С. М. Никитюк,

кандидат юридических наук

С. Л. Никонович,

доктор юридических наук, доцент

Ш. М. Нурадинов,

доктор юридических наук, профессор

А. М. Осавельюк,

доктор юридических наук, профессор

Р. Б. Осокин,

доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

А. С. Прудников,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

К. Е. Сигалов,

доктор юридических наук, профессор

А. В. Симоненко,

доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,

доктор юридических наук, доцент

N. A. Kolokolov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Judge of Supreme Court of Russia (Resigned)

M. V. Kostennikov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of the internal affairs bodies of Russia

A. N. Kuzbagarov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Scientist of Russia

S. Ya. Lebedev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Levushkin,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N. P. Maylis,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer
of Russia, Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. F. Medushevskaya,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. V. Mikhaylova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R. S. Mulukaev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

N. G. Muratova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

S. M. Nikityuk,

Candidate of Legal Sciences

S. L. Nikonovich,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. M. Nuradinov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. M. Osavelyuk,

Doctor of Legal Sciences, Professor

R. B. Osokin,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Employee
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

A. S. Prudnikov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

K. E. Sigalov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Simonenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

Л. В. Туманова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Е. Н. Хазов,

доктор юридических наук, профессор

О. В. Химичева,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы России

Л. А. Чеговадзе,

доктор юридических наук, профессор

Н. М. Чепурнова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. П. Шергин,

доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

А. Б. Янишевский,

доктор юридических наук

L. V. Tumanova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

E. N. Khazov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

O. V. Khimicheva,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

L. A. Chegovadze,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N. M. Chepurnova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. P. Shergin,

Doctor of Legal Sciences,
Honored Worker of Science of Russia

B. S. Ebzeev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

A. B. Yanishevskiy,

Doctor of Legal Sciences

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. А. Агапова,

доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,

доктор экономических наук, профессор

В. И. Бобошко,

доктор экономических наук, профессор

Р. П. Булыга,

доктор экономических наук, профессор

Л. П. Дашков,

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Д. В. Дианов,

доктор экономических наук, профессор

А. Ф. Дятлова,

доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илюхина,

доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,

доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,

доктор экономических наук, доцент

Е. И. Кузнецова,

доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрещенко,

доктор экономических наук, профессор

А. Н. Литвиненко,

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

И. А. Майбуров,

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

В. Б. Мантусов,

доктор экономических наук, профессор

ECONOMIC SCIENCES

T. A. Agapova,

Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,

Doctor of Economic Sciences, Professor

V. I. Boboshko,

Doctor of Economic Sciences, Professor

R. P. Bulyga,

Doctor of Economic Sciences, Professor

L. P. Dashkov,

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

D. V. Dianov,

Doctor of Economic Sciences, Professor

A. F. Dyatlova,

Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyuhina,

Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,

Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

E. I. Kuznetsova,

Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,

Doctor of Economic Sciences, Professor

A. N. Litvinenko,

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

I. A. Mayburov,

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

V. B. Mantusov,

Doctor of Economic Sciences, Professor

В. С. Осипов,
доктор экономических наук, профессор

Г. Б. Поляк,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

С. Г. Симагина,
доктор экономических наук, профессор

А. Е. Суглобов,
доктор экономических наук, профессор, заслуженный
экономист РФ, заслуженный деятель науки РФ

Н. В. Цхададзе,
доктор экономических наук, профессор

V. S. Osipov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

G. B. Polyak,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

S. G. Simagina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. E. Suglobov,
Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored
Economist of Russia, Honored Scientist of Russia

N. V. Tskhadadze,
Doctor of Economic Sciences, Professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В. С. Агапов,
доктор психологических наук, профессор

И. В. Грошев,
доктор психологических наук, доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ,
лауреат премии Правительства РФ
в области образования

В. Ф. Енгальчев,
доктор психологических наук, профессор

А. Г. Караяни,
доктор психологических наук, профессор, заслуженный
деятель науки РФ, лауреат Государственной премии РФ
им. Маршала Советского Союза Г. К. Жукова

В. М. Крук,
доктор психологических наук, профессор

Л. Н. Костина,
доктор психологических наук, профессор

И. Б. Лебедев,
доктор психологических наук, профессор

В. Л. Ситников,
доктор психологических наук, профессор

С. Н. Федотов,
доктор психологических наук, профессор

В. Л. Цветков,
доктор психологических наук, профессор

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

V. S. Agapov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. V. Groshev,
Doctor of Psychological Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Worker
of Science of Russia, Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Education

V. F. Engalychev,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. G. Karayani,
Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honored Worker
of Science of Russia, Laureate of the State Prize of Russia
named after Marshal of the Soviet Union G. K. Zhukov

V. M. Kruk,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

L. N. Kostina,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. B. Lebedev,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

V. L. Sitnikov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

S. N. Fedotov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

V. L. Tsvetkov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

С. Р. Аблеев,
доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,
доктор философских наук, профессор

В. А. Волох,
доктор политических наук, профессор,
почетный работник ФМС России

А. Л. Золкин,
доктор философских наук, доцент

А. Д. Иоселиани,
доктор философских наук, профессор

S. R. Ableev,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

V. A. Volokh,
Doctor of Political Science, Professor,
Honorary Employee of the Federal Migration Service of Russia

A. L. Zolkin,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии
Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии
Правительства РФ
в области образования,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор, почетный работник
сферы образования РФ
Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор
М. А. Андронаки

Старший редактор
В. С. Клементьева

Редактор
М. В. Пешков

Ответственный секретарь
А. В. Петрушина

Номер подготовили:
Л. С. Антоненко,
А. И. Антошина

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка:
О. А. Головлева

Журнал зарегистрирован
Министерством Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций

Свидетельство
о регистрации № 77-14723

Индекс по каталогу Агентства
«Урал-Пресс Округ» — 84629

Адрес редакции:
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12
Тел. 8 (499) 789-67-35
E-mail:
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
<https://vk.com/mosumvd.official>

ВЕСТНИК**МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ****Содержание № 1 • 2025****ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Теоретико-исторические правовые науки
Публично-правовые (государственно-правовые) науки
Частноправовые (цивилистические) науки
Уголовно-правовые науки
Международно-правовые науки

БЕЖЕНЦЕВ А. А., ПАУК Н. Н. Профессиональная культура юриста: значение в юридической практике	10
ВЕЧЕРНИН Д. С. Проблема обеспечения продовольственной безопасности в контексте реализации принудительных и ограничительных мер: международно-правовые аспекты	17
ВОРОНОВ А. М. Террористическая угроза как фактор социальной напряженности современной России	26
ГАСАНОВ К. К., ИГНАТОВ А. Н. Факторы детерминации и меры противодействия обороту фальсифицированных строительных материалов	31
ГРАЧЕВ А. В. Анализ используемых субъектами теневой экономики приемов сокрытия правонарушений от правоохранительного контроля в рамках обеспечения своей экономической безопасности	37
ДАВИТАДЗЕ М. Д. Бедность и нищета как криминогенные факторы преступности	44
ЕПИФАНОВ А. Е. Предварительное следствие в деятельности российской политической полиции на рубеже XIX–XX вв.	48
ЗАРИНА А. М. Уголовно-правовые средства противодействия буллингу в России	53
ИВАНОВ Д. А., МАКАРЕНКО М. М. Хищение предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность: некоторые аспекты расследования	56
ИДРИСОВ Н. Т. К вопросу о концептуальной формуле прогнозирования уровня противодействия уголовно-правовым запретам	63
ИСАКОВ В. М., МЕЛЬНИК Е. В. Меры по предотвращению дезертирства во время Великой Отечественной войны	68
КОМАХИН Б. Н. Совершенствование деятельности государственных служащих в условиях интеграции искусственного интеллекта: плюсы и минусы	75
КУЗНЕЦОВ А. А. Ответственность как правовая категория и ее влияние на развитие уголовного и уголовно-исполнительного права	81
МЕЛЕХОВА А. Ю. Инструментальный подход в механизме административно-правового регулирования	91
МИХАЙЛОВА Н. В. Развитие российского процессуального права в IX — первой четверти XVIII вв.: историко-правовой аспект	95
МИЧУРИНА О. В. Руководствуясь законом и совестью: муки выбора правоприменителя	100
НЕСТЕРОВ Е. А., РЕПЬЕВ А. Г. Уважение как принцип и ценностный приоритет коммуникации в праве	105
НУРИЕВ И. Н. Предельные сроки производства предварительного следствия: не пора ли их закрепить в УПК РФ?	112
ОСОКИН Р. Б., КОВРИГИН В. С. К вопросу о совершенствовании уголовного законодательства об ответственности за присвоение или растрату	118
ПРОКОПОВИЧ Г. А. Основные направления совершенствования законодательства в сфере оказания туристских услуг	124

• Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

• При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

• В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная.
Тираж 1500 экз.
(1-й завод — 300).

Заказ № 53

Подписано в печать 27.02.2025
Цена договорная

**Московский университет
МВД России
имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12**

**Подписной индекс Агентства
«Урал-Пресс Округ» 84629,
или на сайте Научной
электронной библиотеки:
<http://elibrary.ru>**

РАСТОРОПОВ С. В., СОКОЛОВА М. В. Алгоритм действий следователя на стадии возбуждения уголовного дела при расследовании вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет	129
САУДАХАНОВ М. В. Право частной собственности в контексте развития общества: конституционно-правовой анализ	134
УСТИМОВА С. А., РАССКАЗОВА Е. Н. Правовые проблемы оценки форс-мажора в условиях внешнеэкономических ограничений	139
ХАРЛАМОВ С. О., НЕЧАЙ С. Л. Организационно-правовая природа и стратегическая трансформация административно-юрисдикционной деятельности подразделений по вопросам миграции МВД России	143
ХАРЛАМОВА О. А. Систематизация научных знаний теории судебной экспертизы и ее структурных элементов на современном этапе	147
ЧИСТОВА Л. Е. Использование тактических приемов при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств	151
ШАРОВ Д. В. Правовые средства удовлетворения законных интересов: понятие и соотношение	156
ШЕНШИН В. М. К вопросу о наделении войск национальной гвардии Российской Федерации статусом федерального органа исполнительной власти — Федеральной службы	161

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Региональная и отраслевая экономика
Финансы*

АГАПОВА Т. Н., МИНАКОВ А. В. Развитие энергетики как фактора обеспечения экономической безопасности регионов	166
БУЗДАЛИНА О. Б. Современные тенденции в оценке фискального пространства	179
ДИАНОВ Д. В. Статистический очерк по экономической преступности как угрозе экономической безопасности и объекте перспективных исследований	185
КАРАСЕВА М. В., ТЮРИНА Ю. Г. Государственные закупки как инструмент повышения эффективности бюджетных расходов	193
КИКОТЬ-ГЛУХОДЕДОВА Т. В. Цифровизация как направление и угроза экономической безопасности государства	200
КОСОВ М. Е. Финансовые аспекты эффективности распределения бюджетных средств внутри регионов Российской Федерации	207
КУЗНЕЦОВА Е. И., САРАДЖЕВА О. В. Управление устойчивым развитием в обеспечении экономической безопасности регионов	214
ЛИТВИНЕНКО А. Н., СИНЕГУБ Т. Н. Противодействие недобросовестным практикам в контексте развития российского финансового рынка	220
ШМАНЕВ С. В. Анализ теоретических основ экономической политики переходного периода в России (1991–2014)	229
ЯКОВЛЕВ А. А. Экономическая составляющая перспектив взаимодействия России и стран Африки в условиях сложившейся геополитической обстановки	236

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая психология, психология личности, история психологии

РОДИН В. Ф. Некоторые психологические проблемы патриотического воспитания курсантов образовательных учреждений МВД России	242
ФЕДОТОВ С. Н., СУДАРИК А. Н. Констатация уровня развития коммуникативной сферы курсантов — будущих психологов органов внутренних дел: результаты исследования	246
ШАШКОВА И. А., ГОНЧАРОВА Е. М. Проблема агрессивности в служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел	251

FOUNDER:

Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian
Federation

117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

*Scientific editor, responsible
for the publication, the Winner
of the Award of the Government
of the Russian Federation in the
field of science and technics,
the Winner of the Award
of the Government*

*of the Russian Federation
in the field of education,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Candidate of Historical
Sciences, Professor, Honorary
Worker of Education of Russia*

N. D. Eriashvili

E-mail: nodari@unity-dana.ru

Tel. 8 (499)740-68-30

EDITORIAL STAFF:

Editor-in-Chief
M. A. Andronaki

Senior editor
V. S. Klementieva

Editor
M. V. Peshkov

Executive secretary
A. V. Petrushina

This issue has been prepared by:
L. S. Antonenko,
A. I. Antoshina

With participation of:
M. I. Nikitin

Design and layout:
O. A. Golovleva

The journal is registered
by Ministry for Press,
Broadcasting and Mass
Communications
of the Russian Federation

The certificate of registration
№ 77-14723

Zip Code at the List of the Agency
«Ural-Press Okrug» — 84629

Editorial Staff adress:

117997, Moscow,

Akademika Volgina, d. 12

Tel. 8 (499) 789-67-35

E-mail:

vestnik.mosu.mvd@mail.ru

<https://vk.com/mosumvd.official>

BULLETIN

**OF THE MOSCOW UNIVERSITY
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS
OF RUSSIA**

Contents ❁ **№ 1 • 2025**

JURISPRUDENCE

Theoretical and historical legal sciences

Public law (state law) sciences

Private law (civilistic) sciences

Criminal law sciences

International law sciences

BEZHENTSEV A. A., PAUK N. N. Professional culture of a lawyer: importance in legal practice.	10
VECHERNIN D. S. The problem of ensuring food security in the context of the implementation of coercive and restrictive measures: international legal aspects	17
VORONOV A. M. Terrorist threat as a factor in the social intensity of modern Russia.	26
GASANOV K. K., IGNATOV A. N. Determination factors and measures to counteract the turnover of falsified building materials	31
GRACHEV A. V. Analysis of the methods used by the subjects of the shadow economy to conceal offenses from law enforcement control in the framework of ensuring their economic security	37
DAVITADZE M. D. Poverty and poverty as criminogenic factors in crime.	44
EPIFANOV A. E. Preliminary investigation in the activities of Russian political police at the turn of the XIX–XX centuries	48
ZARINA A. M. Criminal legal means of combating bullying in Russia.	53
IVANOV D. A., MAKARENKO M. M. Theft of objects of special historical, scientific, artistic or cultural value: some aspects of investigation.	56
IDRISOV N. T. On the issue of a conceptual formula for predicting the level of resistance to criminal prohibitions	63
ISAKOV V. M., MELNIK E. V. Measures to prevent desertion during the Great Patriotic War.	68
KOMAKHIN B. N. Improving the activities of civil servants in the context of the integration of artificial intelligence: pros and cons	75
KUZNETSOV A. A. Responsibility as a legal category and its influence on the development of criminal and penal enforcement law	81
MELEKHOVA A. YU. Instrumental approach in the mechanism of administrative and legal regulation.	91
MIKHAILOVA N. V. The development of Russian procedural law in the IX — first quarter of the XVIII century: historical and legal aspect	95
MICHURINA O. V. Guided by the law and conscience: the agony of choosing of law enforcement officer	100
NESTEROV E. A., REPYEV A. G. Respect as a principle and value priority of communication in law	105
NURIEV I. N. Time limits for preliminary investigation: isn't it time to fix them in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation?	112
OSOKIN R. B., KOVRIGIN V. S. On the issue of improving criminal legislation on liability for embezzlement or embezzlement.	118
PROKOPOVICH G. A. Main directions of improvement of legislation in the sphere of tourism services provision	124

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials of the Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia the reference to the journal is obligatory.

- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8.

Offset printing

Circulation 1500 copies

(1st batch — 300)

Order № 53

*It is sent for the press 27.02.2025
Contractual price*

**Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs
of Russian Federation
named after V.Ya. Kikot'
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12**

**Zip Code at the List
of the Agency «Ural-Press
Okrug» 84629, or on the website
Scientific electronic library:
<http://elibrary.ru>**

RASTOROPOV S. V., SOKOLOVA M. V. The algorithm of actions of the investigator at the stage of initiation of criminal proceedings in the investigation of the involvement of a minor in the commission of a crime using the information and telecommunication network Internet	129
SAUDAKHANOV M. V. The right of private property in the context of the development of society: constitutional-legal analysis.	134
USTIMOVA S. A., RASSKAZOVA E. N. Legal problems of force majeure assessment under conditions of foreign economic restrictions	139
KHARLAMOV S. O., NECHAY S. L. Organizational and legal nature and strategic transformation of the administrative and jurisdictional activities of the divisions on migration issues of the Ministry of Internal Affairs of Russia	143
KHARLAMOVA O. A. Systematization of scientific knowledge of the theory of forensic examination and its structural elements at the present stage.	147
CHISTOVA L. E. Use of tactical techniques in the investigation of offences related to illicit trafficking in narcotic drugs	151
SHAROV D. V. Legal means of satisfying legitimate interests: the concept and correlation	156
SHENSHIN V. M. On the issue of granting the troops of the National Guard of the Russian Federation the status of a federal executive authority — the Federal Service.	161

ECONOMIC SCIENCE

*Regional and sectoral economics
Finance*

AGAPOVA T. N., MINAKOV A. V. Development of energy as a factor in ensuring the economic security of regions.	166
BUZDALINA O. B. Current trends in the assessment of fiscal space	179
DIANOV D. V. Statistical essay on economic crime as a threat to economic security and an object of prospective research	185
KARASEVA M. V., TYURINA YU. G. Public procurement as a tool to increase the efficiency of budget expenditures	193
KIKOT³-GLUKHODEDOVA T. V. Digitalization as a direction and a threat to the economic security of the state.	200
KOSOV M. E. Financial aspects of the efficiency of budget allocation within the regions of the Russian Federation	207
KUZNETSOVA E. I., SARADZHEVA O. V. Sustainable development management in ensuring regional economic security	214
LITVINENKO A. N., SINEGUB T. N. Countering unfair practices in the context of Russian financial market development	220
SHMANEV S. V. Analyzing the theoretical foundations of economic policy of the transition period in Russia (1991–2014)	229
YAKOVLEV A. A. The economic component of the prospects for cooperation between Russia and African countries in the current geopolitical situation.	236

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

General psychology, personality psychology, history of psychology

RODIN V. F. Some psychological problems of patriotic education of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia	242
FEDOTOV S. N., SUDARIK A. N. Statement of the level of development of the communicative sphere of cadets — future psychologists of the internal affairs bodies: the results of the study	246
SHASHKOVA I. A., GONCHAROVA E. M. The problem of aggression in the service activities of internal affairs officers	251

Научная статья
УДК 340.312
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-10-16>
EDN: <https://elibrary.ru/yqgemz>

НИОН: 2003-0059-1/25-216
MOSURED: 77/27-003-2025-01-415

Профессиональная культура юриста: значение в юридической практике

Александр Анатольевич Беженцев¹, Наталья Николаевна Паук²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Санкт-Петербург, Россия, adovd@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9909-9869

² Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, tasha-bush@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6959-1481

Аннотация. Анализируются теоретико-правовые аспекты профессиональной культуры юриста и ее значение в юридической практике, а также сущность профессиональной культуры юриста. На основании чего сделан вывод, что профессиональная культура юриста является мультикультурным феноменом, олицетворяющим разновидность общей культуры личности, сущность которой определяется онтологией юридической профессии и отражает опыт деятельности юристов как духовный, так и материальный, а также ожидания социума по профессиональной деятельности юриста. Выводы и рекомендации сформулированы благодаря комплексному применению диалектического метода, аксиологического подхода, логических методов, структурно-функционального подхода, формально-догматического (юридико-технического) метода, метода сравнительно-правового и правового моделирования.

Обоснованы положения о дифференциации процесса формирования профессиональной культуры юриста с выделением трех его этапов. Сформулированы понятия категорий «правовая культура юриста»; «моральная культура юриста»; «политическая культура юриста»; «экономическая культура юриста». Обоснована необходимость унификации профессиональных требований к юристам и их объективации в форме нормативно-правового акта, что особенно актуально в условиях, когда профессиональные требования игнорируются, а профессиональные объединения не являются самым эффективным регулятором профессиональной среды. Важным вектором повышения действенности морально-нравственных норм является введение стандартов поведения на локальном уровне, в частности в рамках адвокатских объединений, что усилит контроль за реализацией этих норм.

Аргументировано положение о необходимости формирования нового типа юриста, который, помимо наличия соответствующей квалификации, должен быть профессионалом с присущими ему навыками комплексного решения проблем, критического и креативного мышления, высокой самоорганизации, с умением управлять людьми и взаимодействовать с окружающими; он должен быть работоспособным, а также с когнитивной гибкостью и эмоциональным интеллектом. Эпистемология моделей профессиональной культуры юриста в России и евразийском регионе предполагает выделение в архитектонике таких моделей следующих элементов: а) идеологический; б) морально-нравственный; в) образовательный; г) государственно-политический, комбинация которых позволяет создать целостный образ юриста. Доказано, что приоритетным направлением развития юридической профессии должно стать сближение стандартов юридической деятельности нашего государства и развитых государств евразийского и восточного регионов, что должно отражаться как в нормативном обеспечении, так и в повседневной деятельности юристов в России.

Ключевые слова: правовая культура, правовая культура юриста, профессиональная культура юриста, модель профессиональной культуры юриста, моральная культура юриста, политическая культура юриста, экономическая культура юриста

Для цитирования: Беженцев А. А., Паук Н. Н. Профессиональная культура юриста: значение в юридической практике // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 10–16. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-10-16>. EDN: YQGEMZ.

Original article

Professional culture of a lawyer: importance in legal practice

Alexander A. Bezhentsev¹, Natalya N. Pauk²

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), St. Petersburg, Russia, adovd@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9909-9869

² St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia, tasha-bush@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6959-1481

Abstract. Analyzed the theoretical and legal aspects of a lawyer's professional culture and its importance in legal practice, as well as the essence of a lawyer's professional culture. Based on this, it is concluded that the professional culture of a lawyer is a multicultural phenomenon embodying a kind of general personality culture, the essence of which is determined by the ontology of the legal profession and reflects the experience of lawyers, both spiritual and material, as well as the expectations of society for the professional activity of a lawyer. The conclusions and recommendations contained in the work are formulated through the integrated application of the dialectical method, the axiological approach, logical methods, the structural and functional approach, the formal dogmatic (legal and technical) method, the method of comparative law and legal modeling.

The provisions on the differentiation of the process of formation of a lawyer's professional culture with the allocation of its three stages are substantiated. The concepts of the categories «legal culture of a lawyer»; «moral culture of a lawyer»; «political culture of

© Беженцев А. А., Паук Н. Н., 2025

a lawyer»; «*economic culture of a lawyer*» are formulated. The necessity of unifying professional requirements for lawyers and objectifying them in the form of a regulatory legal act is substantiated, which is especially important in conditions when professional requirements are ignored and professional associations are not the most effective regulator of the professional environment. An important vector for increasing the effectiveness of moral norms is the introduction of standards of conduct at the local level, in particular within the framework of law associations, which will strengthen control over the implementation of these norms.

The article argues for the need to form a new type of lawyer, who, in addition to having appropriate qualifications, must be a professional with the inherent skills of complex problem solving, critical and creative thinking, high self-organization, with the ability to manage people and interact with others; he must be efficient, as well as with cognitive flexibility and emotional intelligence. The epistemology of models of a lawyer's professional culture in Russia and the Eurasian region suggests the allocation of the following elements in the architectonics of such models: a) ideological; b) moral; c) educational; d) state-political, the combination of which allows you to create a holistic image of a lawyer. It has been proved that the priority direction for the development of the legal profession should be the convergence of the standards of legal activity of our state and the developed countries of the Eurasian and Eastern regions, which should be reflected both in regulatory support and in the daily activities of lawyers in Russia.

Keywords: legal culture, legal culture of a lawyer, professional culture of a lawyer, model of professional culture of a lawyer, moral culture of a lawyer, political culture of a lawyer, economic culture of a lawyer

For citation: Bezhentsev A. A., Pauk N. N. Professional culture of a lawyer: importance in legal practice. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):10–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-10-16>. EDN: YQGEMZ.

Современный финальный этап эволюции российской государственности, вектором развития которой определена имплементация евразийских концептов верховенства права в демократическом государстве, обуславливает необходимость переоценки отдельных правовых явлений. Превалирование в прошлом веке «нормативистского» понимания права и признания в правах человека только тех возможностей, которые закреплены в прескриптивном тексте и, соответственно, являющихся результатом волеизъявления государства, влияло на сущность и содержание правовой деятельности, во многом носившей догматический характер в *профессиональной культуре юриста*.

Признание в Конституции РФ основными ценностями человека и гражданина его жизнь, здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность личности, а также закрепление принципа верховенства права, стали основой отказа от превалирования «юридического нормативизма» и имплементации положений природного понимания права, а также фактором изменения аксиологических основ правовой деятельности и профессиональной культуры юриста. Именно их внедрение является целью завершения реформы юридического образования, проводимой в России, а также изменения нормативно-правовой основы организации и деятельности юриста. Однако, иногда мероприятия по осуществлению положений этой реформы носят отчасти несистемный и противоречивый характер, что обусловлено несколько недостаточно целостным видением юристами, их правовой культуры и значения последней в юридической деятельности, в частности, в правовом развитии общества в целом. Это указывает на необходимость переосмысления сущности профессиональной культуры юриста, ведь реализовать возложенные на него обществом задачи по обеспечению

реализации прав человека на основе верховенства права (в том числе и в юридических конфликтах с государством и органами публичной власти) сможет только тот юрист, для которого основой профессиональной культуры выступают такие категории, как человеческое достоинство, права человека, верховенство права, а не только одна законность, особенно в ограниченном ее понимании.

Анализ отечественной юридической литературы, в которой освещается юридическая деятельность, позволяет сделать вывод о перманентном интересе исследователей, ученых из разнообразных отраслей знаний (юристы, педагоги, филологи, социологи) к обозначенной проблематике. Существующие на сегодняшний день научные [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11], учебные [12; 13; 14; 15] разработки профессиональной культуры юриста и их значение в юридической практике преимущественно основываются на понимании этого явления в рамках «юридического нормативизма» и не учитывают последние изменения нормативно-правовых актов в контексте повышения доверия к практикующим юристам, сотрудникам правоохранительных органов, суду и расширение содержания самоуправления юристов.

Процесс формирования личности юриста, способного выполнять свою роль в обществе, чрезвычайно актуальный и сложный вопрос, требующий поиска новых способов и средств организации обучения юристов, допуска юристов к профессии, правового регулирования юридической практической деятельности. Имплементация международных евразийских и восточных стандартов прав человека в национальную правовую систему требует не только создания эффективного правового механизма их обеспечения, но и подготовки профессионалов-юристов нового поколения, для которых человеческое до-

стоинство, права человека, справедливость являются основой их правового мировоззрения и профессиональной культуры. Необходимость разработки темы научной статьи усиливается в связи с тем, что профессия юриста не лишена значительного влияния коррупционных факторов, деформирующих российский юридический социум.

Комплексный характер предмета исследования обуславливает необходимость использования для его познания системы философских, общенаучных и специально научных подходов и методов. Основой научной эпистемологии профессиональной культуры юриста и ее значения в юридической практике является *диалектический метод*, позволяющий рассмотреть предмет исследования в его динамике и взаимосвязи с другими социальными, в том числе правовыми явлениями. *Аксиологический подход* позволил выявить сущность профессиональной культуры юриста и ее значение в юридической практике. С помощью *логических методов* — анализа и синтеза, дедукции и индукции — определены признаки и сформулированы дефиниции понятий, составляющих предмет исследования. *Структурно-функциональный подход* позволил охарактеризовать разные виды культур, составляющих систему профессиональной культуры юриста. Описание нормативно-правового регулирования профессиональной культуры юриста была произведена с помощью *формально-догматического (юридико-технического) метода*. *Методы сравнительно-правового и правового моделирования* применены для освещения моделей профессиональной культуры юриста в России и евразийском регионе, а также для характеристики особенностей профессиональной культуры юриста.

Переходя к результатам исследования подчеркнем, что профессиональная культура юриста является мультикультурным феноменом, представляющим собой разновидность общей культуры личности, сущность которого определяется онтологией юридической профессии и отражает опыт деятельности юристов как духовный, так и материальный, а также ожидания социума по профессиональной деятельности юриста.

Исходя из пресупозиционности положения относительно того, что принципы профессиональной культуры юриста и моральные качества юриста являются пределом усмотрения при принятии решения, выскажем мнение о необходимости унификации профессиональных требований к юристам и их объективации в форме нормативно-правового акта, что особенно актуально в условиях, когда профессиональные требова-

ния игнорируются, а профессиональное объединение не является эффективным регулятором профессиональной среды. Важным направлением повышения действенности морально-нравственных норм мы фиксируем введение стандартов поведения на локальном уровне, в частности в рамках адвокатских объединений, что усилит контроль за реализацией этих норм.

Правовая, моральная, политическая, экономическая культуры юриста как элементы профессиональной культуры являются определяющими для формирования юриста-профессионала.

Детализируем, что правовая культура юриста и правовая культура общества соотносятся как часть и целое, однако правовая культура юриста требует критического и творческого осмысления правовых норм, законов и правовых явлений с точки зрения их гуманистического, демократического и нравственного содержания. Обратим внимание, что правовая культура юриста должна быть ориентирована на духовно-философское осознание природного духа и содержания положительного права.

Сформулируем дефиницию категории «*правовая культура юриста*» — составляющая профессиональной культуры юриста, отражающая правовой опыт и обозначающая систему правовых ценностей, включающих в современных условиях верховенство права, человеческое достоинство, справедливость. Имманентной чертой современной правовой культуры юриста является ощущение справедливости (*sense of justice*), придающее правовой культуре дискретный характер: *с одной стороны*, — это обладание формально-юридическими навыками и умениями применения юридического инструментария; *с другой стороны*, — это восприятие аксиологических установок естественно-правового понимания и умения оперировать правовыми принципами.

Мы являемся сторонниками того, что дихотомический характер морали, предусматривающий ее: 1) универсальность; 2) релятивность, является фактором повышенных моральных требований к юристу, моральной обязанностью которого является имплементация универсальных моральных ценностей в общественные отношения с целью дальнейшего развития и утверждения человека, его прав и свобод как основных ценностей.

Утверждается, что моральная культура позволяет юристу осознать собственные упущения и выработать пути их исправления, почувствовать собственную моральную ответственность перед людьми, перед каждым гражданином, не забывая о «кредите доверия» ему и о необходимости отстаивать правду.

Дадим определение категории «*моральная культура юриста*» — составляющая профессиональной культуры юриста, обозначающая степень интериоризации юристом моральных норм и принципов, а также отношение к ним и их реализация как в профессиональной деятельности, так и в обыденной жизни юриста.

Политическая культура юриста вобрала в себя те структурные элементы всех видов политических субкультур, которые необходимы в юридической деятельности, поэтому политическая культура юриста тесно связана с политической культурой общества, отдельных социальных групп и лиц.

Конкретизируем дефиницию категории «*политическая культура юриста*» — составляющая профессиональной культуры юриста, отражающая политические знания юриста, понимание закономерностей и тенденций функционирования и развития политической системы общества, которые являются основой принятия беспристрастных решений в юридической деятельности в условиях политической трансформации.

В условиях перманентных изменений экономической ситуации и рыночной экономики важным направлением усовершенствования профессиональной культуры юриста является развитие его экономической культуры.

Предложим определение категории «*экономическая культура юриста*» — составляющая профессиональной культуры юриста, отражающая степень овладения основами экономических знаний, понимание закономерностей и тенденций функционирования и эволюции экономики как сферы жизнедеятельности общества и их использование в своей профессиональной деятельности.

Юридическая практическая деятельность, имея имманентные черты, позволяющие отделить ее от других сфер социальной деятельности и определяющие ее специфику, является фактором необходимости формирования профессиональной культуры современного юриста, который должен быть высокоинтеллектуальным и неординарным лицом, способным решать сложные социальные вопросы в условиях быстротеющего времени.

Квалификация юриста указывает на возможности выполнения им функций, определенных законодательством; профессионализм же юриста является имманентным признаком его профессиональной культуры.

Рынок юридических услуг (как и другие сферы социальной экономической деятельности) зависит от состояния развития экономики. Следовательно, толчком для развития юридических услуг в нашем

государстве может стать продолжение устойчивого развития экономики, которое, в свою очередь, возможно при устранении ряда негативных факторов, в частности коррупции.

В научной статье содержится теоретическое обобщение и решение научной задачи, заключающейся в установлении теоретико-правовых аспектов *профессиональной культуры юриста* и ее значение в юридической практике. Основными научными и практическими результатами работы являются следующие **выводы**.

1. Профессиональная культура юриста является мультикультурным феноменом, представляющим собой разновидность общей культуры личности, сущность которого определяется онтологией юридической профессии и отражает опыт деятельности юристов как духовный, так и материальный, а также ожидания социума по профессиональной деятельности юриста.

Считаем, что между профессиональной культурой юриста и состоянием правовой системы соответствующего общества существует диалектическая бинарная связь: 1) правовая культура является фактором определения содержания и сущности права и других правовых явлений; 2) в свою очередь, правовая система, будучи системой правовых явлений, определяет содержание и сущность правовой культуры юриста.

2. Профессионализм является принципиальной неотъемлемой составляющей профессиональной культуры юриста. Важнейшим ожиданием от работы юриста являются его высокие и стабильные результаты деятельности, отвечающей требованиям гуманизма, справедливости и основанные не на правовом пуризме, а на принципе верховенства права.

В современных условиях осуществления профессиональной деятельности фундаментальным ее принципом, как и основой формирования профессиональной культуры юриста, должен стать общечеловеческий принцип — *принцип верховенства права*. Принцип верховенства права обязывает юриста оказывать активное противодействие имплементации положений несправедливого закона, отдавая приоритет не закону, а праву. При этом верховенство права не отрицает законности, которая является его составной частью. В то же время, законом выступает не любой нормативно-правовой акт, а только тот, который отвечает требованиям качества закона, основывается на верховенстве права.

Лишь при условии имманентности профессиональной культуры юриста, преобладании в его профессиональной деятельности верховенства права, его можно считать представителем гражданского общества, который способен принимать справедливые и

беспристрастные решения, в том числе и в спорах с органами публичной власти.

3. Дифференциация процесса формирования профессиональной культуры юриста позволяет выделить три его этапа: 1) этап осознания соискателем высшего образования назначения юриста, знакомство с функциональными обязанностями и особенностями работы той или иной юридической профессии; 2) этап формирования юриста как профессионала в процессе служебной деятельности; 3) этап перманентного усовершенствования мастерства.

Каждой из выделенных стадий имманентны особые формы и методы формирования профессиональной культуры, к тому же пресс-позицией всего процесса в целом является интенция юриста в защиту прав человека, стоящая на фундаменте верховенства права.

Под профессионализмом юриста следует понимать комплексное явление, включающее систему специальных знаний, умений, навыков, ценностей, а также отражающее отношение к юридической деятельности, являющейся результатом процесса профессиональной социализации.

4. Анализ нормативных регуляторов морально-профессионального аспекта права практической деятельности юриста указывает на их дискретный характер, содержащий два уровня структуры: макро- и микросферы. Первой из них является имманентное явление концепций общекультурного и универсального значения, что является аксиологической составляющей нравственного сознания социума, вторая обращена непосредственно к юристам.

Регулирование профессиональной культуры юриста осуществляется через ряд нормативных предписаний, которые целесообразно объединить в три группы: 1) международные стандарты профессиональной деятельности юристов; 2) Конституция РФ, законы, подзаконные нормативные правовые акты, регулирующие особенности и отдельные процедуры осуществления юридической практической деятельности; 3) корпоративные нормы. При этом для отдельных нормативных регуляторов, составляющих третью группу, характерен бинарный характер: а) корпоративная сущность; б) принятие осуществлялось с участием органов публичной власти.

5. В глобализирующемся и интенсивно меняющемся мире юридическая практика требует нового типа юриста, который, помимо наличия соответствующей квалификации, должен быть профессионалом с присущими ему навыками комплексного решения проблем, критического и креативного мышления, высокой

самоорганизации, с умением управлять людьми и взаимодействовать с окружающими; он должен быть работоспособным и одновременно с когнитивной гибкостью и эмоциональным интеллект. Следовательно, квалификация юриста указывает на возможности выполнения им функций, определенных законодательством, профессионализм же юриста является имманентным признаком его профессиональной культуры.

Важным средством приобретения необходимых компетентностей является надлежащая гуманитарная подготовка, а также фундаментальная теоретико-правовая подготовка, обеспечивающая овладение принципами права и интегрированными юридическими знаниями, что является фактором эффективного разрешения юридических конфликтов в условиях дифференциации и специализации юридического знания в профессии юриста.

6. Юридический рынок в России склонен к интеграции юристов с применением комплексного подхода к обслуживанию клиентов и расширению стартапов, использованию информационно-телекоммуникационных средств, определяющих вектор развития юридической профессии и рынка юридических услуг, выдвигая требования к профессиональной культуре юриста. В условиях некоторых изменений экономической ситуации, а также проведения вооруженных действий специальной военной операции и внешнего санкционного давления недружественных западных стран важным направлением усовершенствования профессиональной культуры юриста является развитие его экономической культуры.

Трансформация сферы юридических услуг, содержания классических компетенций является аттрактором изменений требований к юристу с имманентным ему эмоциональным интеллект, который, в частности, должен способствовать комплексному решению юридических проблем и сочетать одновременно как критическое мышление, так и когнитивную гибкость.

7. Этические нормы деятельности адвоката в национальных условиях пока не стали эффективным средством регулирования социального поведения юриста. К ним существует в основном формальное отношение. Воплощение в национальную правовую систему принципов верховенства права обуславливает, в частности, необходимость переосмысления морально-нравственных факторов деятельности адвоката. В России неотложной необходимостью является легализация доходов частного рынка юридических услуг, фактором которых должно стать введение информационно-телекоммуникационных средств, переход с

наличного расчета на безличный. Важным направлением повышения действенности морально-нравственных норм является введение стандартов юридического поведения на локальном уровне, в частности в рамках адвокатских объединений, что усилит контроль за реализацией этих норм.

Заключительным аккордом отметим, что правовая культура — качественный показатель общей культуры общества, сформированного в государство. Степень совершенства уровня правовой культуры составляет культура в области права каждой личности, но особый упор делается на уровень профессионального вида. Профессиональный уровень правовой культуры формируется у профессиональных юристов, которые обладают глубокими правовыми знаниями и правильно реализуют эти знания в повседневной практической деятельности.

У юристов-практиков на базе имеющейся теоретической юридической подготовки в процессе каждодневной правовой деятельности вырабатывается профессиональный уровень в правотворческой или правореализующей сфере. Профессиональная правовая культура олицетворяется фундаментальной подготовленностью юристов-практиков, позволяющей и эффективно реализовать правовые ценности в ходе подготовки и принимать конкретные правовые акты как нормативного, так и правоприменительного характера в духе воплощения сущности права, его принципов и закономерностей в содержании права, т. е. в выработке такой системы конкретных норм, которые устанавливаются при тщательном учете всех правообразующих и правотворческих факторов и точно реализуются во времени, в пространстве и по кругу лиц.

Именно профессиональная культура играет главенствующую роль в общей картине правовой культуры государства и его населения. При наличии высокой правовой культуры юристов, они в состоянии верно себя ориентировать исходя из избранного правового поведения. Сейчас это особенно важно, поскольку, с одной стороны, еще существуют многие морально устаревшие, не отвечающие интересам правового государства и гражданского общества юридические правила, а с другой, — появилась реальная угроза нарушения правового закона под прикрытием негативных демагогических рассуждений недружественных западных стран о демократии в России. Именно поэтому дальнейшие исследования профессиональной культуры юриста особенно востребованы в наше время, а ее качественное повышение служит интересам прогрессивного развития права и демократии в нашей державе.

Список источников

1. Анохин Ю. В., Бытко С. Ю., Малько А. В. и др. Правовая культура. Правовая политика. Права человека: XXI век: моногр. Саратов, 2020.
2. Кожевников В. В. Профессионально-правовая культура юристов-практиков // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2020. Т. 17. № 2. С. 5–16.
3. Славова Н. А., Чвякин В. А. Дескрипторы юридической деонтологии в формировании профессионально-правовой культуры будущих юристов // Полицейская и следственная деятельность. 2020. № 2. С. 41–50.
4. Дроздова А. М. Значение правовой культуры для процесса формирования профессионального правосознания юриста // Теория государства и права. 2020. № 3(19). С. 69–85.
5. Танаева З. Р. Методические аспекты развития межкультурной коммуникативной компетентности будущих сотрудников правоохранительных органов // Инновационное развитие профессионального образования. 2024. № 1(41). С. 53–61.
6. Кузьменко М. В., Меднис М. Д. Формирование и развитие профессиональной культуры будущих юристов с использованием контекстного обучения // Заметки ученого. 2023. № 5-1. С. 91–95.
7. Штукарев Н. А., Стрелец Ю. Ш. Аксиологические противоречия современного российского общества и их влияние на профессиональную культуру будущего юриста // Социодинамика. 2021. № 7. С. 23–33.
8. Боровая Е. В. Значение изучения фундаментальных юридических дисциплин для формирования профессиональной правовой культуры юриста // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2021. № 1(41). С. 158–162.
9. Деккерт Д. В. Правовая культура юриста: теоретическое поле // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. Т. 4. № 4. С. 5–9.
10. Ревизская Ю. А., Асеева Н. В. Взаимосвязь между профессиональной компетентностью юриста и его гражданской культурой // Вестник Донецкого национального университета. 2019. № 2. С. 163–171.
11. Славова Н. А., Адаменко А. П. Профессиональные качества и социальный престиж юриста как неотъемлемая составляющая правовой культуры // Современный юрист. 2020. № 1(30). С. 186–192.
12. Карташов В. Н. Актуальные проблемы юридической культуры, антикультуры и ответственности в правовой системе общества. М., 2023.
13. Соколов Н. Я. Профессиональная культура юристов. Понятие. Сущность. Содержание. М., 2020.

14. Олейник С. А., Мельничук А. О. Подготовка кадров для структур общественной безопасности. Формирование правовой культуры юриста. Исторический опыт, проблемы практики. М. : Русайнс, 2023.

15. Нарциссова С. Ю., Розанова Е. В., Соловьев А. А. Профессиональная этика юриста: учеб. пособие. М. : Эдитус, 2021.

References

1. Anokhin Yu. V., Bytko S. Yu., Malko A. V. and others. Legal culture. Legal policy. Human rights: The 21st century: monograph. Saratov, 2020.

2. Kozhevnikov V. V. Professional and legal culture of practicing lawyers // Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2020. Vol. 17. No. 2. P. 5–16.

3. Slavova N. A., Chvyakin V. A. Descriptors of legal deontology in the formation of the professional and legal culture of future lawyers // Police and investigative activities. 2020. No. 2. P. 41–50.

4. Drozdova A. M. The importance of legal culture for the formation of professional legal awareness of a lawyer // Theory of the state and law. 2020. No. 3(19). P. 69–85.

5. Tanaeva Z. R. Methodological aspects of the development of intercultural communicative competence of future law enforcement officers // Innovative development of professional education. 2024. No. 1(41). P. 53–61.

6. Kuzmenko M. V., Mednis M. D. Formation and development of professional culture of future lawyers using contextual learning // Notes of a scientist. 2023. No. 5-1. P. 91–95.

7. Shtukarev N. A., Strelets Yu. Sh. Axiological contradictions of modern Russian society and their impact on the professional culture of a future lawyer // Sociodynamics. 2021. No. 7. P. 23–33.

8. Borovaya E. V. The importance of studying fundamental legal disciplines for the formation of a lawyer's professional legal culture // Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. 2021. No. 1(41). P. 158–162.

9. Dekkert D. V. Legal culture of a lawyer: a theoretical field // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2019. Vol. 4. No. 4. P. 5–9.

10. Reviskaya Yu. A., Aseeva N. V. The relationship between the professional competence of a lawyer and his civic culture // Bulletin of Donetsk National University. 2019. No. 2. P. 163–171.

11. Slavova N. A., Adamenko A. P. Professional qualities and social prestige of a lawyer as an integral component of legal culture // Modern lawyer. 2020. No. 1(30). P. 186–192.

12. Kartashov V. N. Actual problems of legal culture, anti-culture and responsibility in the legal system of the company. М., 2023.

13. Sokolov N. Ya. Professional culture of lawyers. The concept. Entity. Content. М., 2020.

14. Oleinik S. A., Melnichuk A. O. Personnel training for public security structures. Formation of a lawyer's legal culture. Historical experience, problems of practice. М. : Rusains, 2023.

15. Narcissova S. Yu., Rozanova E. V., Soloviev A. A. Professional ethics of a lawyer: textbook. the manual. М. : Editus, 2021.

Информация об авторах

А. А. Беженцев — доцент кафедры уголовного права юридического факультета Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), кандидат юридических наук, доцент;

Н. Н. Паук — заместитель начальника кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the authors

A. A. Bezhentsev — Associate Professor of the Criminal Law Department of the Law Faculty of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

N. N. Pauk — Deputy Head of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.12.2024; одобрена после рецензирования 14.12.2024; принята к публикации 12.02.2025. The article was submitted 09.12.2024; approved after reviewing 14.12.2024; accepted for publication 12.02.2025.

Научная статья
УДК 341.1/8
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-17-25>
EDN: <https://elibrary.ru/zkecgv>

НИОН: 2003-0059-1/25-217
MOSURED: 77/27-003-2025-01-416

Проблема обеспечения продовольственной безопасности в контексте реализации принудительных и ограничительных мер: международно-правовые аспекты

Денис Сергеевич Вечернин

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия,
d.vechernin@yandex.ru

Аннотация. Определяются терминологические рамки понятий санкции, контрмеры и ограничительные меры; формулируются условия, при обязательном соблюдении которых могут применяться международные санкции и контрмеры как инструменты имплементации международно-правовой ответственности; подготавливаются предложения по обеспечению продовольственной безопасности и права на достаточное питание. Несмотря на актуальность проблемы обеспечения права на достаточное питание, пока не произошло закрепление в нормах-принципах международного права запрета на использование в мирное время принудительных и односторонних ограничительных мер, которые могут спровоцировать голод и недоедание. Отмечается, что в текущих условиях международному сообществу важно не допустить закрепления данной практики в качестве международно-правового обычая. Предложенные автором институциональные и нормативные изменения направлены на формирование более справедливой и равноправной международной экономической системы, открывающей возможности для обеспечения продовольственной безопасности и права на достаточное питание для всех.

Ключевые слова: международно-правовое принуждение, односторонние ограничительные меры, принудительные меры, продовольственная безопасность, санкции, международное право

Для цитирования: Вечернин Д. С. Проблема обеспечения продовольственной безопасности в контексте реализации принудительных и ограничительных мер: международно-правовые аспекты // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 17–25. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-17-25>. EDN: ZKECGV.

Original article

The problem of ensuring food security in the context of the implementation of coercive and restrictive measures: international legal aspects

Denis S. Vechnin

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, d.vechernin@yandex.ru

Abstract. The terminological framework of the concepts of sanctions, countermeasures and restrictive measures will be defined; conditions will be formulated, subject to which international sanctions and countermeasures can be applied as instruments for implementing international legal responsibility; proposals on ensuring food security and the right to adequate food will be prepared. Despite the urgency of the problem of ensuring the right to adequate food, there has not yet been a consolidation in the norms and principles of international law of the prohibition on the use of forced and unilateral restrictive measures in peacetime, which can provoke hunger and malnutrition. It is noted that in the current conditions, it is important for the international community to prevent the consolidation of this practice as an international legal custom. The institutional and regulatory changes proposed by the author are aimed at creating a more just and equitable international economic system that opens up opportunities for ensuring food security and the right to adequate food for all.

Keywords: international legal coercion, unilateral restrictive measures, coercive measures, food security, sanctions, international law

For citation: Vechnin D. S. The problem of ensuring food security in the context of the implementation of coercive and restrictive measures: international legal aspects. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):17–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-17-25>. EDN: ZKECGV.

Обеспечение продовольственной безопасности для всех является одной из фундаментальных проблем, стоящих перед человечеством на современном этапе его развития. Необходимость решения данной глобальной проблемы объявляется приоритетом на различных площадках межгосударственного взаимодействия и неизменно включается в программные

документы различных международных организаций и объединений.

Однако анализ положения дел в данной сфере, осуществляемых на постоянной основе специализированными учреждениями ООН и международными финансовыми организациями, свидетельствует об отсутствии решения проблемы продовольственной

© Вечернин Д. С., 2025

безопасности в мире в среднесрочной и долгосрочной перспективах. В условиях увеличения неравенства по уровню дохода между развитыми и развивающимися странами возможно констатировать лишь краткосрочное улучшение ситуации с продовольственной безопасностью.

Согласно Глобальному докладу о продовольственных кризисах (GRFC) [1], в 2023 г. почти 282 млн человек в 59 странах и территориях испытывали высокий уровень острого голода, что на 24 млн больше, чем годом ранее. При этом доля людей, сталкивающихся с острой нехваткой продовольствия, неуклонно растет с 2017 г. и составляет примерно 22 % от общего числа обследованных.

К ключевым факторам, спровоцировавшим продовольственные кризисы в различных регионах мира в 2023 г., авторы доклада относят вооруженные конфликты, экстремальные погодные условия и экономические потрясения.

Наступление последних может быть вызвано различными причинами, но в настоящее время в качестве важнейших драйверов ухудшения состояния экономики развивающихся стран, которые испытывают наибольшие проблемы с обеспечением собственной продовольственной безопасности, все чаще называют различные экономические меры коллективного и индивидуального характера. Указанные меры в научной и публицистической литературе принято называть санкциями.

Институт экономических санкций в международных отношениях, ввиду расширения практики их применения в современных социально-экономических условиях, равно как и проблема обеспечения продовольственной безопасности на глобальном, региональном и национальном уровнях постепенно становятся объектами многих научных исследований как в России, так и за рубежом.

Однако проблема поддержания продовольственной безопасности в условиях экономических санкций в контексте реализации норм международного права к настоящему моменту пока не стала предметом специального исследования в отечественной юридической науке. В академическом сообществе рассматривают данную проблему преимущественно в рамках политологических и экономических исследований, не уделяя при этом достаточного внимания международно-правовым аспектам. Восполнить указанный пробел призвано настоящее исследование, которое преследует цель определить терминологические рам-

ки понятия «международно-правовые санкции», сформулировать условия, при обязательном соблюдении которых могут применяться международные санкции и контрмеры как инструменты имплементации международно-правовой ответственности, а также подготовить предложения по обеспечению продовольственной безопасности в рамках функционирования различных санкционных режимов в современной международно-правовой системе.

Изучению феномена продовольственной безопасности и связанных с ней проблем посвящено огромное количество научных трудов. При этом в научной литературе существует множество различных определений термина «продовольственная безопасность». По оценкам экспертов, насчитывается свыше 200 определений и 450 индикаторов продовольственной безопасности [2, с. 128–129; 3, с. 21].

Однако проблема заключается в том, что сформулированное в международно-правовых документах преимущественно на глобальном уровне понятие продовольственной безопасности не является правовым понятием и не накладывает обязательства на заинтересованные стороны, как и не наделяет их правами [4].

В этих условиях, стремясь обеспечить базовую потребность населения в доступе к продовольствию, государства стремятся создать организационно-правовой механизм обеспечения продовольственной безопасности путем принятия соответствующих нормативных актов как на национальном, так и на региональном уровнях. При этом данные нормативные акты все чаще носят обязательный, а не рекомендательный характер.

Проведенный анализ нормативного обеспечения продовольственной безопасности в странах, являющихся лидерами по производству сельскохозяйственной продукции, свидетельствует о том, что каждое суверенное государство в современных условиях стремится как можно быстрее и эффективнее обеспечить национальную продовольственную безопасность в первую очередь за счет самообеспечения важнейшими продовольственными товарами. Именно этот подход все активнее получает нормативное закрепление в международно-правовых документах [5, с. 25].

Таким образом, автор определяет понятие «продовольственная безопасность» как состояние, при котором в государстве обеспечивается социальный, физический и экономический доступ к продуктам питания для населения в количестве, необходимом для активного и здорового образа жизни, преиму-

щественно за счет собственного производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия.

Говоря о содержании таких международно-правовых явлений, как принудительные и ограничительные меры, следует отметить, что существует объективная проблема интерпретации данных понятий, так как ни в текстах международных документов, ни в зарубежной и отечественной научной литературе не сформировался единый терминологический подход.

В академической литературе используются такие термины, как «контрмеры», «международно-правовые санкции», «односторонние ограничительные меры», «односторонние санкции», «ответные меры», «принудительные меры», «репрессалии» и т. д. Специалисты, изучающие данную проблему, высказывают различные точки зрения по поводу содержания указанных понятий. Применительно к рассматриваемой проблеме официальные лица и ученые все активнее используются понятие «продовольственные санкции» [6, с. 6–7; 7, с. 215].

Институт санкций достаточно хорошо разработан как в зарубежной, так и в отечественной доктрине международного права. При этом отличительной чертой изучения данного феномена на первоначальном этапе являлась расширительная трактовка его содержания. В частности, основной акцент делался на принудительности как ключевом признаке санкционных мер [8, с. 300; 9, с. 216–217].

В дальнейшем многие представители научного сообщества стали придерживаться мнения, что термин «санкции» следует использовать исключительно в отношении коллективных принудительных мер, применяемых государствами и международными организациями в строгом соответствии с положениями гл. VII Устава ООН [10, с. 171–173; 11, с. 28; 12, с. 344].

В рамках данного подхода при характеристике содержания института международно-правового принуждения также используется понятие «контрмера», который означает форму принуждения со стороны потерпевшего государства в ответ на противоправное деяние другого государства.

В доктрине сформулированы следующие условия правомерности применения контрмер, которые основаны на анализе проектов статей об ответственности государств и международных организаций за международно-противоправные деяния, подготовленных Комиссией международного права ООН (КМП ООН): осуществляются только потерпевшим государством после отказа нарушителя выполнить обязательства,

вытекающие из нарушения, направлены исключительно против государства-нарушителя, соразмерны правонарушению, не противоречат императивным нормам (*jus cogens*), должны побуждать нарушителя к выполнению обязательств, вытекающих из деликта и прекращаться при окончании противоправного деяния или при передаче дела в орган по урегулированию споров. Несоблюдение любого из названных условий должно означать неправомерность действий субъекта международного права, применяющего указанные контрмеры [13, с. 100–101].

В свою очередь, в отличие от санкций и контрмер, односторонние ограничительные меры все чаще рассматриваются в научных исследованиях как не связанные с конкретным противоправным деянием и международно-правовой ответственностью за его совершение, недружественными действиями государства или группы государств в отношении другого государства преимущественно финансово-экономического характера и направленные на защиту собственных интересов путем побуждения или принуждения другого государства к изменению политики [14, с. 79].

Учитывая изложенное, автор в рамках настоящего исследования рассматривает санкции в качестве принудительных мер, не связанных с применением вооруженной силы и осуществляемых по решению Совета Безопасности ООН в установленном порядке в целях обеспечения международного мира и безопасности. Контрмеры (ответные меры, репрессалии) в данном контексте представляют собой правомерные принудительные меры преимущественно экономического характера, предпринимаемые государством в ответ на правонарушение, совершенное другим государством (государствами), в целях восстановления нарушенных прав. В свою очередь, под ограничительными мерами (рестрикциями) понимаются не связанные с институтом международно-правовой ответственности действия государства или группы государств в отношении другого государства, направленные на изменение его внешней политики.

Учитывая предложенную классификацию принудительных и ограничительных мер, автор полагает, что специальные экономические меры РФ, предусматривающие запрет либо ограничение ввоза на территорию РФ отдельных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, являются контрмерами (ответными мерами) — мерами принуждения, применяемыми в целях восстановления нарушенных прав российских физических и юридических лиц.

Экономические санкции, оказывающие влияние на обеспечение продовольственной безопасности, рассматриваются исследователем как ограничительные меры экономического характера, не являющиеся инструментом имплементации международно-правовой ответственности и применяемые как отдельными государствами, так и группой государств в отношении другого государства с целью достижения собственных внешнеполитических интересов. В этой связи считаем использование термина «продовольственные санкции» некорректным с точки зрения содержания и практики применения норм современного международного права.

Проблема использования механизма односторонних ограничительных мер экономического характера в настоящее время связана с тем, что государства и международные организации, являющиеся инициаторами введения рестрикций, не всегда учитывают нормативные ограничения на применение данных мер, предусмотренные Международным биллем о правах человека, рекомендации органов ООН, а также социально-экономические последствия реализации односторонних рестрикций.

В свою очередь, содержание международно-правовых актов в сфере защиты прав человека, многие из которых приобрели статус универсальных норм, и практика их применения не всегда позволяют предотвратить принятие односторонних ограничительных мер экономического характера.

Вследствие отсутствия общепризнанного определения односторонних ограничительных мер и признания их незаконного характера, что неоднократно подтверждалось Советом по правам человека и резолюциями Генеральной ассамблеи ООН, государства стремятся представить иницилируемые национальными органами власти односторонние ограничительные меры в качестве международных санкций и контрмер, которые являются легальными инструментами реализации международно-правовой ответственности.

Как показывает практика, продовольственная безопасность служит важным и необходимым условиям реализации общепризнанного права человека на достаточное питание.

Как известно, нормативное закрепление права на питание произошло после Второй мировой войны в ряде важнейших международно-правовых актов. Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Замечание общего порядка 12, одобренное

Комитетом ООН по экономическим, социальным и культурным правам в 1999 г. [15], позволяют четко идентифицировать данное право в общем массиве социально-экономических прав и свобод.

Недопустимость ограничения права на питание зафиксирована в нормах международного гуманитарного права. Так, Дополнительный протокол от 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. [16], касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, содержит запрет на использование голода среди гражданского населения в качестве метода ведения войны, а также запрет на уничтожение запасов продуктов питания, сельскохозяйственных угодий, посевов, скота, запасов питьевой воды с целью не допустить их использования гражданским населением или противной стороной как средств поддержания существования. Указанные действия расцениваются Международным судом ООН (МС) как геноцид [17], и в этой связи такие действия должны пресекаться и наказываться в соответствии с нормами международного и внутригосударственного права.

Однако закрепление в нормах-принципах международного права аналогичного запрета на использование в мирное время принудительных и односторонних ограничительных мер, которые могут спровоцировать голод и недоедание в мирное время, пока не произошло.

Провозгласивший право на достаточное питание Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах не содержит территориальных или юрисдикционных ограничений в отношении сферы его применения и, как справедливо отмечают исследователи [18, с. 51–52], устанавливает экстерриториальные обязательства для государств-участников по защите прав человека в отношении физических лиц в третьих странах. Исходя из этого, делается вывод, что государство, вводящее в отношении другого государства односторонние ограничительные меры, может быть привлечено к ответственности за данное деяние (например, за нарушение права на питание), даже если государство, применяющее рестрикции, не осуществляло официальной юрисдикции или контроля над населением на территории подсанкционного государства. Однако правоприменительная практика не позволяет согласиться с данным утверждением.

Необходимо отметить, что, начиная с 1970-х гг., когда достижение всемирной продовольственной бе-

зопасности впервые было провозглашено на международном уровне в качестве важнейшей глобальной цели человечества, неоднократно предпринимались попытки зафиксировать как минимум озабоченность международного сообщества действиями отдельных развитых стран, которые приводят к ухудшению ситуации с обеспечением продовольствием, в первую очередь, в ряде развивающихся стран [19].

В декларациях, содержащих рекомендательные нормы и принятых по итогам всемирных продовольственных саммитов в 1996, 2002 и 2009 гг., декларировался призыв к международному сообществу отказаться от практики использования продовольствия в качестве инструмента политического или экономического давления, а также применения односторонних мер, не согласующихся с международным правом и Уставом ООН и ставящих под угрозу безопасность в области продовольствия и питания.

Проекты статей об ответственности государств и международных организаций за международно-правовые деяния, подготовленные КМП ООН и одобренные Генеральной ассамблеей ООН [20; 21], раскрывают понятие «контрмер» в связи с международно-противоправными деяниями данных субъектов международного права и определяют условия их применения.

В частности, государство и международная организация вправе отказаться от исполнения своих международно-правовых обязательств в отношении другого субъекта международного права, который совершил в отношении первых противоправное деяние. В этом случае в отношении деликтанта могут быть применены меры международно-правовой ответственности — контрмеры. При этом данные принудительные меры не могут затрагивать обязательства: воздерживаться от угрозы силой или ее применения; по защите основных прав человека; гуманитарного характера, запрещающих репрессалии; а также обязательства, вытекающие из императивных норм общего международного права. Однако проекты статей не содержат понятий «санкции» и «односторонние ограничительные меры», организационный механизм их применения также не раскрывается. Таким образом, несмотря на значительные успехи КМП ООН в кодификации института международно-правовой ответственности, проблема регулирования использования таких инструментов принуждения, как санкции и односторонние ограничительные меры по-прежнему требует правового решения.

Анализ практики применения экономических санкций позволяет выявить следующие важные, с точки зрения поддержания продовольственной безопасности, тенденции.

Во-первых, изменение субъекта принятия решения о введении ограничительных мер: если до 90-х гг. XX в. санкции были инструментом, применяемым преимущественно в соответствии с резолюциями Советом Безопасности ООН, то с начала XXI в. рестрикции применяются, главным образом, в одностороннем порядке государствами или региональными международными организациями. Во-вторых, в этот период также произошло изменение концепции применения ограничительных мер: вместо всеобъемлющих санкций, которые применяются ко всем возможным торгово-экономическим операциям и в отношении всех физических и юридических лиц государства — адресата санкций, постепенно стали применяться так называемые умные или адресные санкции (targeted sanctions) [22, с. 88–89]. Последние представляют собой индивидуальные меры воздействия, принимаемые в отношении лиц, принимающих политические и экономические решения, значимых секторов экономики и субъектов хозяйственной деятельности, а также лидеров общественного мнения. Кроме того, умные или адресные санкции (targeted sanctions) предполагают гуманитарные изъятия, которые должны снизить негативный эффект от введения рестриктивных мер для населения и обеспечить соблюдение общепризнанных прав человека. Отмеченная тенденция характерна как для международных санкций и контрмер (ответных мер), так и односторонних ограничительных мер.

Также необходимо отметить проблему чрезмерного соблюдения организациями негосударственного сектора односторонних ограничительных мер (over-compliance), которая в настоящее время получила широкое распространение в различных сферах мировой экономики и не позволяет гражданам многих стран мира в полной мере воспользоваться правом на достаточное питание. В частности, вследствие экстерриториального характера односторонних рестрикций зарубежные контрагенты, специализирующиеся на предоставлении преимущественно инвестиционных, логистических и финансовых услуг, предпочитают либо воздерживаться от сотрудничества с подсанционными физическими или юридическими лицами, а также любыми другими представителями государства, ставшего объектом односторонних огра-

ничений, либо вынуждают последних взаимодействовать через посредников, что, в свою очередь, приводит к существенным временным, транзакционным и финансовым издержкам.

Как показывает практика, чрезмерное соблюдение односторонних ограничительных мер (over-compliance) частными организациями крайне негативно отражается на обеспечении продовольственной безопасности в различных регионах мира, поскольку наносится существенный ущерб финансовой и логистической инфраструктуре, без надлежащего функционирования которой невозможно поддерживать необходимый для жизни уровень потребления продуктов питания. В этих условиях принятие законов, запрещающих соблюдать односторонние санкции других государств и гуманитарные изъятия со стороны инициаторов введения рестриктивных мер в лучшем случае не оказывают существенного влияния на показатели продовольственной безопасности в странах, которые в наибольшей степени зависят от импорта продовольствия и важных для развития сельского хозяйства средств производства из стран, который стали объектами односторонних ограничительных мер.

Поддерживая точку зрения о важности обеспечения формализации и транспарентности в ходе применения принудительных мер [23, с. 580], полагаем, что необходимым условием решения проблемы продовольственной безопасности является формулирование в доктрине международного права и последующее нормативное закрепление следующих условий, при обязательном соблюдении которых могут применяться международные санкции и контрмеры как инструменты имплементации международно-правовой ответственности:

♦ обязательным условием реализации принудительных мер должно стать их соответствие нормам-принципам *jus cogens* (принципам суверенного равенства государств, политической независимости государств и невмешательства в их внутренние дела), а также принципам соразмерности, недискриминации и предосторожности;

♦ государства и международные организации должны отказаться от односторонних ограничительных мер, которые предусматривают введение эмбарго на продовольствие, и от аналогичных мер, которые могут поставить под угрозу производство продуктов питания и доступ к продовольствию в других странах;

♦ решение о введении экстерриториальных международных санкций должно приниматься в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН. Субъект международного права, который не является участником спора между другими субъектами, не должен становиться объектом применения ответных мер или односторонних ограничительных мер, которые вводятся спорящими сторонами;

♦ необходимым условием введения международных санкций должна стать предварительная оценка гуманитарных последствий ООН и ее специализированных учреждений (в первую очередь, Продовольственной и сельскохозяйственной организацией).

Стремясь не допустить угрозы суверенитету, политической и экономической безопасности государств и обеспечить создание механизма применения мер межгосударственного давления при соблюдении принципов и норм международного права в доктрине неоднократно высказывалось предложение о необходимости принятия глобального международного договора универсального характера, который установил бы правовой режим применения мер межгосударственного давления, ограничив их определенными рамками [24, с. 68; 25, с. 242]. Однако, учитывая современные геополитические реалии, считаем принятие такого универсального международного соглашения в краткосрочной и долгосрочной перспективе маловероятным.

В условиях расширения практики применения некоторыми странами односторонних ограничительных мер экстерриториального характера в отношении широкого круга лиц, организаций и государств международному сообществу важно не допустить закрепления данной практики в качестве международно-правового обычая.

Необходимо отметить, что на уровне Генеральной Ассамблеи ООН регулярно предпринимаются попытки осудить применение принудительных экономических мер, включая односторонние санкции как подрывающие принципы, закрепленные в Уставе Организации Объединенных Наций и международном праве, и создающие угрозу для свободы торговли и инвестиций. Системную работу в данном направлении также проводят Совет по правам человека ООН, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, а также специальные докладчики.

Также нельзя не отметить и последовательную многолетнюю работу крупнейшей межгосударственной организацией развивающихся стран, действующей

щей в рамках ООН, — Группы 77 по искоренению политики политического и экономического давления. В частности, в сентябре 2023 г. министры иностранных дел государств – членов Группы 77 и Китая приняли декларацию, в которой в очередной раз осудили применение принудительных экономических мер, включая односторонние санкции, и потребовали незамедлительно удовлетворить насущную потребность в отмене всех экстерриториальных законов, подзаконных актов и всех других мер экономического принуждения, включая односторонние санкции в отношении развивающихся стран [26].

В условиях формирования многополярного мироустройства проблема односторонних ограничительных мер может быть решена путем углубления политического и экономического сотрудничества между различными региональными межгосударственными объединениями. В сфере продовольственной безопасности существует положительный опыт консолидации усилий сторон в форме обмена нормативными правовыми актами, статистическими и справочными материалами, методическими рекомендациями и иными документами, проведения совместных консультаций, конференций, практических семинаров и других совместных мероприятий [27]. В этой связи считаем, что одной из результативных форм данного сотрудничества может быть подписание меморандумов о взаимопонимании между региональными интеграционными организациями в области продовольственной безопасности с целью осуществления сотрудничества и упрощения взаимодействия в данной сфере, а также минимизации последствий существующих санкционных ограничений.

Обобщая вышесказанное, полагаем, что достижение глобальной продовольственной безопасности требует от международного сообщества следующих институциональных (организационных) изменений в части:

- ◆ обеспечения единообразного закрепления в международно-правовых документах понятий «санкции», «контрмеры» и «односторонние ограничительные меры»;
- ◆ совершенствования практики применения «контрмер» при активной роли ООН, иных международных организаций и институциональных структур межгосударственного сотрудничества;
- ◆ формирования на региональном уровне механизмов ограничения использования односторонних ограничительных мер как инструментов изменения

внешней политики государств и/или международных организаций посредством расширения форм и методов интеграционного сотрудничества, а также создания альтернативных моделей финансовой и логистической инфраструктуры;

- ◆ расширения возможностей Глобального договора ООН по защите права на достаточное питание и популяризации практики несоблюдения организациями частного сектора односторонних ограничительных мер.

Представляется, что указанные институциональные изменения предполагают реализацию комплекса мероприятий по совершенствованию нормативных основ института международно-правовой ответственности, а именно:

- ◆ придание проектам статей об ответственности государств и международных организаций за международно-противоправные деяния статуса международного договора;
- ◆ закрепление в нормах-принципах международного права положения о недопустимости принятия субъектами международного права односторонних ограничительных мер (рестрикций), которые предусматривают введение эмбарго на продовольствие и иных мер, не согласующихся с Уставом ООН и ставящих под угрозу безопасность в области продовольствия и питания;
- ◆ расширение практики принятия многосторонних заявлений и деклараций с осуждением принятия односторонних ограничительных мер, которые могут негативно отразиться на состоянии продовольственной безопасности, с целью признания их недействительными с точки зрения международного права.

По мнению автора, представленные институциональные и нормативные изменения будут способствовать формированию более справедливой и равноправной международной экономической системы, открывающей возможности для обеспечения продовольственной безопасности и права на достаточное питание для всех.

Список источников

1. Глобальный доклад о продовольственных кризисах (GRFC) 2024 // URL: <https://www.fsinplatform.org/report/global-report-food-crises-2024/#download>
2. Rcdcliff M. Human Security and the Environment: International Comparisons. London, 2002.
3. Maxwell S. Food Security: a Post-modern Perspective. 1996.

4. Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности. Принята 16 ноября 2009 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summit2009_declaration.shtml
5. Вечернин Д. С. Международно-правовое регулирование продовольственной безопасности в современных условиях // Международное публичное и частное право. 2023. № 3. С. 22–26.
6. Доклад Национального координатора России по реализации решений Саммита ООН по продовольственным системам «Влияние западных санкций на глобальный продовольственный кризис и рынок удобрений». М., 2022.
7. Трунов И. Л. Еда становится оружием. Проблемы продовольственной безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 214–217.
8. Тункин Г. И. Теория международного права. М., 1970.
9. Черниченко С. В. Теория международного права. Т. 1. М.: НИМП, 1999.
10. Бахин С. В., Еременко И. Ю. Односторонние экономические «санкции» и международное право // Закон. 2017. № 11. С. 162–175.
11. Кехлер Х. Санкции и международное право // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14. № 3. С. 27–47.
12. Kunz J. L. Sanctions in International Law // American Journal on International Law. 1960. Vol. 54. No. 2. P. 324–347.
13. Геворгян К. Г. «Односторонние санкции» и международное право // Международная жизнь. 2012. № 8. С. 93–104.
14. Крицкий К. В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2021.
15. Замечание общего порядка 12 «Право на достаточное питание (статья 11)» // URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=E%2FC.12%2F1999%2F5&Lang=ru
16. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Подписан в г. Женеве 8 июня 1977 г.) // СПС «Консультант Плюс».
17. Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Rwanda) (Jurisdiction and Admissibility) [2006] ICJ Rep 6, 32.
18. Economic Sanctions in International Law and Practice / Ed. M. Asada. Abingdon, Oxon: Routledge, 2020.
19. Всеобщая декларация о ликвидации голода и недоедания. Принята 16 ноября 1974 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/hunger.shtml
20. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/56/83 от 12 декабря 2001 г. // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/56/83>
21. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/66/100 от 9 декабря 2011 г. // URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n11/464/84/pdf/n1146484.pdf>
22. Капустин А. Я. Санкции ООН: Международно-правовая концептуализация принудительных мер // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 6(73). С. 85–90.
23. Международное экономическое право: учебник / под общ. ред. В. М. Шумилова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2021.
24. Виноградова Е. В. Реторсии, репрессалии и санкции. Контрфорс государственного суверенитета и мер межгосударственного давления // Право и государство: теория и практика. 2022. № 9(213). С. 66–68.
25. Галиев Р. С. Международно-правовой анализ соотношения категорий санкции, контрмеры и односторонние экономические меры // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 239–243.
26. Декларация министров иностранных дел государств – членов Группы 77 и Китая // URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n23/281/34/pdf/n2328134.pdf>
27. Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Африканским союзом в области экономического сотрудничества от 24 октября 2019 г. // URL: https://docs.eaenion.org/docs/ru-ru/01523876/ms_25102019

References

1. Global Report on Food Crises (GRFC) 2024 // URL: <https://www.fsinplatform.org/report/global-report-food-crises-2024/#download>
2. Rcdcliff M. Human Security and the Environment: International Comparisons. London, 2002.
3. Maxwell S. Food Security: a Post-modern Perspective. 1996.
4. Declaration of the World Summit on Food Security. Adopted on 16 November 2009 // URL: <https://>

www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summit2009_declaration.shtml

5. Vechernin D. S. International legal regulation of food security in modern conditions // *International public and private law*. 2023. No. 3. P. 22–26.

6. Report of the National Coordinator of Russia for the implementation of the decisions of the UN Food Systems Summit «The Impact of Western Sanctions on the Global Food Crisis and the Fertilizer Market». M., 2022.

7. Trunov I. L. Food Becomes a Weapon. Problems of Food Security // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023. No. 2. P. 214–217.

8. Tunkin G. I. *Theory of international law*. M., 1970.

9. Chernichenko S. V. *Theory of International Law*. Vol. 1. M.: NIMP, 1999.

10. Bakhin S. V., Eremenko I. Y. Unilateral Economic «Sanctions» and International Law // *Law*. 2017. No. 11. P. 162–175.

11. Koehler H. Sanctions and International Law // *Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy*. 2019. Vol. 14. No. 3. P. 27–47.

12. Kunz J. L. Sanctions in International Law // *American Journal on International Law*. 1960. Vol. 54. No. 2. P. 324–347.

13. Gevorgyan K. G. «Unilateral sanctions» and international law // *International life*. 2012. No. 8. P. 93–104.

14. Kritsky K. V. Sanctions and unilateral restrictive measures in modern international law: diss. ... candidate of legal sciences. Kazan, 2021.

15. General Comment 12 «The right to adequate food (Article 11)» // URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=E%2FC.12%2F1999%2F5&Lang=ru

16. Additional Protocol to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Signed in Geneva on 8 June 1977) // RLS «ConsultantPlus».

17. Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Rwanda) (Jurisdiction and Admissibility) [2006] ICJ Rep 6, 32.

18. *Economic Sanctions in International Law and Practice* / Ed. M. Asada. Abingdon, Oxon: Routledge, 2020.

19. Universal Declaration on the Eradication of Hunger and Malnutrition. Adopted on 16 November 1974 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/hunger.shtml

20. UN General Assembly Resolution A/RES/56/83 of 12 December 2001 // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/56/83>

21. UN General Assembly Resolution A/RES/66/100 of 9 December 2011 // URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n11/464/84/pdf/n1146484.pdf>

22. Kapustin A. Y. UN Sanctions: International Legal Conceptualization of Coercive Measures // *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2018. No. 6(73). P. 85–90.

23. *International Economic Law: textbook* / edited by V. M. Shumilov. 7th ed., rev. and enl. M., 2021.

24. Vinogradova E. V. Retorsions, Reprisals and Sanctions. Counterforce of State Sovereignty and Interstate Pressure Measures // *Law and State: Theory and Practice*. 2022. No. 9(213). P. 66–68.

25. Galiev R. S. International Legal Analysis of the Relationship between the Categories of Sanctions, Countermeasures and Unilateral Economic Measures // *Bulletin of Economic Security*. 2019. No. 3. P. 239–243.

26. Declaration of the Ministers of Foreign Affairs of the Member States of the Group of 77 and China // URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n23/281/34/pdf/n2328134.pdf>

27. Memorandum of Understanding between the Eurasian Economic Commission and the African Union in the field of economic cooperation dated 24 October 2019 // URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01523876/ms_25102019

Информация об авторе

Д. С. Вечернин — руководитель проекта Центра управления изменениями Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук.

Information about the author

D. S. Vechernin — Project Manager of the Change Management Center of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 01.10.2024; одобрена после рецензирования 30.11.2024; принята к публикации 15.01.2025.
The article was submitted 01.10.2024; approved after reviewing 30.11.2024; accepted for publication 15.01.2025.

Научная статья
УДК 34
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-26-30>
EDN: <https://elibrary.ru/zddsjh>
НИОН: 2003-0059-1/25-218
MOSURED: 77/27-003-2025-01-417

Террористическая угроза как фактор социальной напряженности современной России

Алексей Михайлович Воронов

Российская академия наук, Москва, Россия, Alex_voronoff@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые негативные факторы, существенным образом влияющие на состояние социальной напряженности современной России: геополитическая обстановка, миграционный кризис, «спящие ячейки» экстремистских и террористических организаций, армия гастарбайтеров и проч. Отмечается при этом, что существенную угрозу безопасности современной России представляет этническая составляющая, которая в настоящее время трансформировалась из вызова безопасности в более емкое понятие — миграционная безопасность.

Ключевые слова: социальная напряженность, геополитическая обстановка, миграционная безопасность, армия гастарбайтеров, угрозы и вызовы безопасности

Для цитирования: Воронов А. М. Террористическая угроза как фактор социальной напряженности современной России // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 26–30. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-26-30>. EDN: ZDDSJH.

Original article

Terrorist threat as a factor in the social intensity of modern Russia

Alexey M. Voronov

Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Alex_voronoff@mail.ru

Abstract. Some negative factors that significantly affect the state of social tension in modern Russia are considered: geopolitical situation, migration crisis, «sleeping cells» of extremist and terrorist organizations, army of migrant worker, etc. It is noted that a significant threat to the security of modern Russia is the ethnic component, which has now transformed from a security challenge into a more comprehensive concept — migration security.

Keywords: social tension, geopolitical situation, migration security, army of guest workers, threats and security challenges

For citation: Voronov A. M. Terrorist threat as a factor in the social intensity of modern Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):26–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-26-30>. EDN: ZDDSJH.

Развитие современной Российской государственности очень динамично, так как происходит в сложнейшей геополитической обстановке, вызванной, прежде всего, рядом негативных факторов, таких как: санкции стран Евросоюза и Америки в связи с проведением Российской Федерацией специальной военной операции по освобождению русскоязычного населения Донецкой и Луганской республик, а также Запорожской и Херсонской областей, подвергающихся более восьми лет обстрелам террористическим правящим режимом Украины. Также беспрецедентная террористическая атака ВСУ была совершена 24 июня 2024 г. по гражданскому населению Севастополя, когда люди отдыхали на пляже.

По информации Минобороны, противник ударил ракетами АТАСМС, снабженными (в нарушение

всех конвенций) кассетными боеголовками. Четыре ракеты были сбиты на подлете, однако пятая успела подорвать головную часть над пляжем, при этом рассеянные кассетные боеприпасы поразили людей. По последним данным, пять человек, в том числе трое детей, погибли. Пострадал еще 151 человек, в том числе не менее 27 детей, пятеро из них в тяжелом состоянии, за их жизни борются врачи [2].

Еще один негативный фактор, свидетельствующий о террористической угрозе извне, с целью подорвать мир и согласие в регионах России и открыть в торой фронт на Северном Кавказе. 23 июня 2024 г. в Дагестанских городах Махачкала и Дербент были совершены террористические атаки на синагогу, два православных храма, а также пост ДПС. В результате атаки погибли 15 сотрудников полиции, чет-

© Воронов А. М., 2025

веро гражданских и среди них православный священник. Силами правопорядка нападавшие были ликвидированы. По мнению экспертов, атаки боевиков, устроивших нападения инспирированы извне, а сами террористы являются приверженцами международной террористической организации и управляются из одного центра.

Здесь уместно отметить еще один негативный фактор, который влияет на криминогенную обстановку в стране — это миграционный кризис. В памяти еще свежи события в Крокус Сити, где террористы, выходцы из Средней Азии, совершили террористический акт в концертном зале при большом скоплении зрителей. Вечером 22 марта 2024 г. в здание концертного зала «Крокус Сити Холл» ворвалась группа вооруженных людей в камуфляжной форме и открыли огонь по людям. Во время теракта в концертном зале могли находиться 7 тыс. человек. Стрельбу открыли пятеро людей в камуфляже, стреляли в упор. После стрельбы в здании прогремел взрыв и начался пожар.

По данным официальных источников, число погибших составило 143 человека, в результате теракта пострадали 360 человек, включая 11 детей [3].

Вопиющий случай с участием мигрантов произошел в Подмосковье, иностранцы буквально захватили чужую квартиру. Одна семья очень долго ждала, когда же в их будущей квартире закончится ремонт. Однако менеджеры кормили их бесконечными «завтраками», говоря, что выдача ключей задерживается, мотивируя тем, что квартира все еще не прошла приемку. Когда собственники сами приехали в свою квартиру, то были очень удивлены...

Оказалось, что в их родную квартиру заселили целую толпу мигрантов. Жилище превратилось в бесплатный хостел для мигрантов-строителей. Состояние их будущего жилья шокировало владельцев. Хозяева квадратных метров прошлись по своему жилищу, записав все на видео. Люди поинтересовались у иностранцев, имеется ли у них регистрация или же стоит вызвать полицию. Те упорно молчали в ответ, отворачиваясь от камеры, делая вид, что не понимают русского языка. Собственники возмутились, что они давно уже должны были жить в квартире, но вместо этого здесь другие люди, которые загадили все вокруг.

Между тем, ситуация с мигрантами в России накаляется. В настоящее время они штурмуют МФЦ,

почуяв, что скоро закроются лазейки. При этом продажные чиновники и рады подзаработать — гражданство выдают даже вчерашним нелегалам. В итоге тысячи нарушителей становятся новыми «согражданами».

Сколько именно в России мигрантов, вопрос открытый. Ни одно ведомство не дает точных данных. По оценке члена СПЧ Кирилла Кабанова, доля мигрантов составляет более 10 % населения страны, т. е. около 15 млн. «Преимущественно это выходцы из Средней Азии, большая часть из них уже граждане России. Уверен, 90 % получили гражданство незаконно. Это грозная сила, находящаяся пока в «спящем» режиме. И если мы не хотим потерять свою страну, нужно с этим бороться» [4].

Также следует обратить внимание на существенный негативный фактор, который имеет место быть в современной России. Как отмечалось ранее, в стране наметилась устойчивая тенденция увеличения числа иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывших на ее территорию, что крайне негативно сказывается на криминогенной обстановке.

Министр внутренних дел РФ Владимир Колокольцев, руководитель Следственного комитета Александр Бастрыкин в своих публичных выступлениях постоянно говорят о росте преступности в мигрантской среде, о резком увеличении тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых мигрантами, при этом обсуждается проблема наркотрафика, который активно развивается в данной среде.

Здесь уместно отметить, что в теорию и практику обеспечения безопасности в современной России прочно вошел в оборот термин «миграционная безопасность», при этом возрастающее внимание обращено к правовому аспекту миграционной проблематики, что в настоящее время обусловлено, в том числе, вопросами национальной безопасности и не только, потому что демографическая реальность в большинстве развитых стран становится значимым фактором социально-экономического развития. Процессы нелегальной миграции, значительное количество беженцев из политически нестабильных регионов и сопредельных государств несут в себе ощутимый криминальный потенциал, что позволяет говорить об относительно обособленной сфере правового регулирования — миграционной безопасности.

Как нами отмечалось в предыдущих публикациях [1], также следует учитывать негативный фактор вы-

зывающий особое опасение, который заключается в формировании «спящих ячеек» экстремистских и террористических организаций, которые могут представлять угрозу для национальной безопасности. При этом «недружественные государства» для раскачивания ситуации против России активно используют миграционную составляющую. В условиях противостояния с Западом, тревожит не только количество иностранных граждан и новоиспеченных «россиян» в стране, но и их низкий уровень знания русского языка, нежелание идентифицировать себя с российским государством.

Здесь уместно обратить внимание на экстраординарный, из ряда вон выходящий случай, по мнению автора, составляющий квинтэссенцию настоящей публикации.

9 июня 2024 г. в Балашихе гуляла свадьба азербайджанской диаспоры. Гости вели себя довольно шумно и нагло, начиналось все дикими криками громкой музыкой с танцами и размахиванием национальным флагом во дворе многоквартирного дома, при этом завершением гуляния стала стрельба из огнестрельного оружия. Напуганные жители вызвали сотрудников правопорядка, однако пока полицейские собирались, спустя час колонна с азербайджанскими флагами уже выдвинулась в сторону Кремля.

Задержали этот картеж из 15 автомобилей с вооруженными людьми уже у Красной площади. Здесь возникает вполне резонный вопрос, как получилось, что вооруженные иностранцы на 15 автомобилях беспрепятственно проехали почти 30 км до стен Кремля и только потом были задержаны? Ситуация на самом деле вопиющая. Группа охамевших от собственной безнаказанности, стреляющих из огнестрельного оружия людей, как ни в чем не бывало, едут в центр Москвы с совершенно непонятными намерениями. Возникает вопрос, почему азербайджанцев задержали лишь тогда, когда они подъехали к стенам Кремля? Неужели именно Кремль является той красной линией, за которую не позволено переступать? Получается на остальной территории страны можно все.

Таким образом, очередная азербайджанская свадьба устроила массовые автопробег организованной колонной с национальными флагами и перекрытием дорог не в Баку, а в центре Москвы и не просто в центре, а прямо на Кремлевской набережной, выбрав ее для дальнейшего кутежа и демонстрации

флага своей родины. Поскольку вся эта группа весельчаков спокойно подъехала к Кремлю, где их в результате заблокировали и задержали силовики, стало понятно, что это свадьба гостей из Азербайджана, которые плевать хотели на наши законы, порядки и традиции.

Думается, что всем участникам свадьбы со стрельбой и гонками власти должны сделать шикарный свадебный подарок — пожизненную депортацию из нашей страны молодоженов, всех их гостей и родственников.

Здесь возникает довольно резонный вопрос: а что если в данном случае под прикрытием свадебного торжества могли подъехать полсотни подготовленных террористов. Результаты такого демарша могли быть вполне предсказуемыми... В Москве, да и не только, уже имели место такие прецеденты, когда мигранты большими группами проходили по центру Москвы в районе Третьяковки. Эти акции мигрантов являются проверкой на готовность властей, каким образом будет управляться неконтролируемая волна агрессии иностранных специалистов. Создается устойчивое впечатление, что под видом мигрантов нам завозят людей, которые готовят захват России. Те, кто курирует их массовый завоз, думают совсем не про строительный бизнес, это очевидно.

При такой либеральной миграционной политике, которая существует в России, лишь вопрос времени, когда у нас будет как во Франции и даже хуже, с учетом лоббистских возможностей этнических групп. С мигрантами и активными мусульманами уже относительно долгое время активно «работают» зарубежные спецслужбы, в том числе и спецслужбы киевского режима. Действуют десятки откровенно экстремистских пабликов в соцсетях, прикидывающиеся мусульманскими, которые распространяют различные провокационные призывы. Основная цель вполне понятна — устроить в Москве и крупных городах беспорядки и погромы, как во Франции. Представляется необходимо повысить бдительность (и по линии спецслужб, и по линии полиции), в том числе в части пресечения преступлений в сфере миграции. И нужно понимать, что будут и новые провокации. Враг не дремлет. Главное — не поддаваться на них, потому что самое опасное, что может быть сейчас в России — конфликты на национальной и религиозной почве. Этого необходимо всячески избегать.

Справедливость заявленных тезисов можно аргументировать материалами состоявшегося 11 июня 2024 г. заседания Национального антитеррористического комитета (НАК) на котором заявили, что «с начала проведения СВО правоохранными органами на стадиях приготовления предотвращено 134 террористических преступления. Пресечена деятельность 32 ячеек МТО (международных террористических организаций), не допущено совершения восьми терактов на государственных объектах и в местах массового пребывания людей, подготовку которых осуществляли выходцы из стран Центрально-Азиатского региона». В НАК добавили, что с учетом роста террористических угроз федеральные и региональные органы власти активизировали профилактическую работу с «группами риска» по недопущению вовлечения граждан, прежде всего молодежи, в преступную деятельность.

Однако, на наш взгляд, подходы к профилактике терроризма и экстремизма нужно менять. Суть, формы и методы экстремистских и террористических атак значительно изменились. По сравнению с теми экстремистскими проявлениями и террористическими атаками, которые происходили в нашей стране 10–15 лет назад в разгар деятельности «вооруженного бандподполья». Сегодня есть то, чего мы не видим. Сегодня терроризм в основном имеет латентный, скрытый характер такой, что мы не знаем, как он может себя проявить. Над этим как раз и работают спецслужбы США, Украины и других не дружественных Российской Федерации государств, при этом для проверки готовности властей на отражение этих террористических атак эмиссары зарубежных спецслужб дают команду «спящим ячейкам» проявить себя, в том числе с целью устрашения и раскола нашего многонационального и многоконфессионального гражданского общества.

Здесь уместно обратить внимание еще на один существенный фактор, идущий в контексте рассматриваемой проблематики. В Санкт-Петербурге 26–29 июня 2024 г. прошел очередной Международный юридический форум, участие в котором приняли ведущие специалисты в области юриспруденции, а также законодатели и высокопоставленные представители правоохранительных органов. На основной сессии самым громким и критичным было выступление руководителя Следственного комитета России Александра Бастрыкина.

Глава СКР потребовал от народных избранников ужесточение мер в отношении «незаменимых иностранных специалистов» и сделать их наконец-то заменимыми, опираясь на внутренние ресурсы. Как он справедливо отмечает, «самое главное — изменить миграционную политику России, точно обосновать необходимость, а может быть даже вообще сделать так, чтобы внутренними ресурсами решить свои политические, экономические, национальные и другие проблемы. При привлечении на работу мигрантов нужно руководствоваться вопросами национальной безопасности. Необходимо разработать механизм функционирования внутренней миграции, обеспечить достойный уровень гарантий соотечественникам, используя опыт советского прошлого» [6].

Действительно, бесконтрольный приток иммигрантов из Средней Азии и Закавказья ставит под угрозу национальную безопасность и размывает складывавшийся веками этнокультурный баланс в регионе. Продолжение либерального курса в вопросе привлечения импортной рабочей силы приведет лишь к разжиганию еще большей межнациональной и межконфессиональной розни на радость нашим геополитическим противникам. При таком подходе следует отметить, что, согласно данным «Российской газеты», не так давно средняя заработная плата мигрантов и граждан России сравнялись. При большой выработке приезжий может заработать на такси до 200 тыс. руб., при низкой — 60 тыс. Неужели жители регионов, где получают по 25–30 тыс. руб. не согласятся работать вахтой в крупных городах, тем более, если государство окажет поддержку?

Следует отметить, что терпение народа по миграционной проблеме уже на исходе. А. Бастрыкин выражает это аккумулированное недовольство, обращая внимание на то, что растет география мигрантской преступности. Теперь уже не только в Москве, Подмосковье, Санкт-Петербурге и Ленинградской области орудуют шайки приезжих, но и в не самых зажиточных регионах.

За 2023 и текущий годы увеличилось количество преступлений, совершенных иностранцами и лицами без гражданства (только за прошлый год — 40 тыс. нарушений уголовного законодательства). Рост идет по всем направлениям: преступления против половой неприкосновенности, экономические преступления, экстремистская деятельность, распространение наркотических препаратов, при этом темпы замещающей

миграции просто поражают. По словам А. Бастрыкина, за четыре месяца 2024 г. в Москву приехали 1 млн 200 тыс. мигрантов, в Московскую область — 880 тыс., в Санкт-Петербург — 860 тыс. Общее число «незаменимых иностранных специалистов» достигло 14 млн человек. Это почти сопоставимо с численностью населения Таджикистана и Киргизии, вместе взятых. Возникает резонный вопрос — с какой целью мы заводим мигрантов в нашу страну? Это может быть экономическая политика, о которой говорят руководители некоторых профильных министерств, что не могут обойтись без мигрантов. Это могут быть какие-то политические соображения, либо что-то иное, о чем стоит задуматься руководству силового блока правоохранительных органов.

При таком подходе, существенную угрозу безопасности современной России представляет этническая составляющая, которая в настоящее время трансформировалась из вызова безопасности в более емкое понятие — миграционная безопасность. Концепция «армии гастарбайтеров», а их только по официальным данным МВД России более 6 млн, представляет серьезную угрозу национальной безопасности России.

Понятие «миграционная безопасность» в современных реалиях более емкое и охватывает своим содержанием, прежде всего, интересы личности, права и свободы именно граждан страны пребывания мигрантов — России, при этом именно вопросы реализации конституционных прав и свобод граждан РФ, обеспечения защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз являются основой понятия миграционная безопасность.

В современной России обострились проблемы миграционной безопасности в контексте обеспечения защищенности граждан России от заповоливших ее мигрантов, которые зачастую живут по своим шаритатским законам, определяющим убеждения, а также формирующим их религиозную совесть и нравствен-

ные ценности, игнорируя при этом Российское законодательство, традиции и обычаи Россиян, нормы этики и морали. Именно вопросы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации должны быть приоритетными при разработке миграционной политики нашего государства.

Список источников

1. Воронов А. М. Миграционная безопасность: реалии современной России // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 1. С. 65–70.
2. Три факта о России // URL: <https://dzen.ru/a/Znj4JeFfEimNHpWY>
3. Число пострадавших в «Крокус Сити Холле» возросло до 360 человек // URL: <https://dzen.ru/a/ZgPTO8op3j6oEGbI>
4. URL: <https://dzen.ru/a/Znj4JeFfEimNHpWY?ysclid=lxw3ywgah923472814>
5. URL: <https://www.interfax.ru/russia/966109>
6. Зачем мы заводим мигрантов? Бастрыкин назвал вещи своими именами // URL: <https://dzen.ru/a/Zn1jKC6MDCRN0Dez>

References

1. Voronov A. M. Migration security: the realities of modern Russia // Education. Science. Scientific cadres. 2024. No. 1. P. 65–70.
2. Three facts about Russia // URL: <https://dzen.ru/a/Znj4JeFfEimNHpWY>
3. The number of people injured in Crocus City Hall has risen to 360 people // URL: <https://dzen.ru/a/ZgPTO8op3j6oEGbI>
4. URL: <https://dzen.ru/a/Znj4JeFfEimNHpWY?ysclid=lxw3ywgah923472814>
5. URL: <https://www.interfax.ru/russia/966109>
6. Why are we importing migrants? Bastrykin called things by their proper names // URL: <https://dzen.ru/a/Zn1jKC6MDCRN0Dez>

Информация об авторе

А. М. Воронов — главный научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. M. Voronov — Chief Researcher of the Center for Security Studies of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 27.07.2024; одобрена после рецензирования 20.09.2024; принята к публикации 11.11.2024.
The article was submitted 27.07.2024; approved after reviewing 20.09.2024; accepted for publication 11.11.2024.

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-31-36>

EDN: <https://elibrary.ru/ykezhk>

ИПОН: 2003-0059-1/25-219

MOSURED: 77/27-003-2025-01-418

Факторы детерминации и меры противодействия обороту фальсифицированных строительных материалов

Карим Кадырович Гасанов¹, Александр Николаевич Игнатов²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² aleksandrignatov@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены общественная опасность и актуальное состояние оборота фальсифицированных строительных материалов. Констатируется, что масштабы оборота фальсифицированных строительных материалов могут только возрастать. Установлены следующие факторы детерминации оборота фальсифицированных строительных материалов: фактор экономической выгоды; фактор регулятивной гильотины; «эпидемиологический» фактор; фактор импортозамещения; таможенный фактор; фактор недостаточной ответственности. В соответствии с установленными факторами детерминации предложены основные направления и меры противодействия обороту фальсифицированных строительных материалов: маркировка продукции и цифровизация оборота строительных материалов; минимизация и контроль импорта; оптимизация государственного контроля; консолидация усилий бизнеса, власти и гражданского общества; адаптация зарубежного опыта; виктимологическая профилактика. Сделан вывод о необходимости и перспективах дальнейшего научного исследования проблем противодействия обороту фальсифицированных строительных материалов.

Ключевые слова: промышленная продукция, строительные материалы, фальсификация, оборот, факторы детерминации, противодействие, маркировка, сертификация, ответственность

Для цитирования: Гасанов К. К., Игнатов А. Н. Факторы детерминации и меры противодействия обороту фальсифицированных строительных материалов // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 31–36. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-31-36>. EDN: YKEZHК.

Original article

Determination factors and measures to counteract the turnover of falsified building materials

Karim K. Gasanov¹, Aleksandr N. Ignatov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

² aleksandrignatov@mail.ru

Abstract. Public danger and current state of the turnover of falsified building materials are considered. It is stated that the scale of turnover of falsified building materials can only increase. The following factors of determination of the turnover of falsified building materials have been established: the factor of economic benefit; the factor of regulatory guillotine; the «epidemiological» factor; the factor of import substitution; the customs factor; the factor of insufficient responsibility. In accordance with the established factors of determination the main directions and measures of counteraction to the turnover of falsified building materials are proposed: product labeling and digitalization of the turnover of building materials; minimization and control of imports; optimization of state control; consolidation of efforts of business, government and civil society; adaptation of foreign experience; victimological prevention. The conclusion is made about the need and prospects for further scientific research into the problems of counteracting the turnover of falsified building materials.

Keywords: industrial products, building materials, falsification, turnover, factors of determination, counteraction, labeling, certification, responsibility

For citation: Gasanov K. K., Ignatov A. N. Determination factors and measures to counteract the turnover of falsified building materials. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):31–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-31-36>. EDN: YKEZHК.

Введение. Строительная индустрия занимает устойчивую и весомую позицию в легальном секторе экономики страны. Вместе с тем, результаты работы в данной сфере напрямую зависят от качества приме-

няемых материалов. Фальсификация строительных материалов обладает не меньшей общественной опасностью, чем фальсификация пищевых товаров или лекарственных препаратов.

© Гасанов К. К., Игнатов А. Н., 2025

Это обусловлено тем, что производство и распространение фальсифицированных строительных материалов:

- ◆ наносит урон ключевым отраслям экономики и негативно влияет на инвестиционную привлекательность и престиж государства на мировом рынке;
- ◆ учитывая долю строительной индустрии в экономике страны, существенно снижает налогооблагаемую базу и таможенные платежи, способствует недобросовестной конкуренции на рынке;
- ◆ посягает на имущественные интересы обладателей прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации;
- ◆ приводит к снижению качества строительства, что может иметь следствием увеличение затрат на их ремонт и обслуживание, подрывает доверие населения к строительной отрасли, а любое строительство, как известно, это долгосрочные инвестиции;
- ◆ непосредственно влияет на безопасность и долговечность объектов строительства, что может выражаться в конструктивных недостатках объектов строительства, риске их разрушений, критическом снижении уровня пожарной безопасности и, в конечном результате, в существенном вреде жизни и здоровью населения, в том числе в случаях производства материалов из некачественного сырья, с нарушением технологии и требований безопасности.

Сегодня рынок промышленных товаров характеризуется изобилием. Производители предлагают товары с учетом качественных характеристик и ценовой политики. Вместе с тем, не всегда реализуемые товары отвечают одному из главных критериев — качеству.

Обсуждение. По данным исследований доля фальсификата на рынке строительной продукции России составляет около 25 %, или 2 трлн руб. убытков для госбюджета в год [2]. Согласно статистике Минпромторга и Национального объединения производителей строительных материалов и строительной индустрии, в 2023 г. доля фальсифицированных трубной продукции, сухих строительных смесей выросла до 30 %, цемента — до 21,3 %¹. Реализация фальсифицированных стройматериалов осуществляется как в оптово-розничной сети, так и производителями напрямую. Наибольший процент фальсификата приходится на регионы с высокой активностью строительства, а также на приграничные территории.

Реалии развития экономики страны указывают на то, что масштабы оборота фальсифицированных

строительных материалов могут только возрастать. С ростом ставки ЦБ России и влиянием данного фактора на сферу кредитования, наблюдается тенденция роста индивидуального жилищного строительства, а с обретением новых территорий отмечается активный рост объемов строительства — от дорог федерального значения до строительства многоквартирных домов и восстановления целых городов.

Результаты. Основными детерминантами оборота фальсифицированных строительных материалов являются следующие факторы.

1. Фактор экономической выгоды. Фальсификация цемента, как и гипса, извести, а также продукции из камня или гипса, являющихся технологически не сложными материалами, не требует особых технологических и трудовых затрат. Прибыль от производства фальсифицированных строительных смесей достигает 500 %. Обязательного требования на получение сертификатов, подтверждающих качество сухих смесей, нет и, по мнению экспертов, пока не предвидится.

2. Фактор регулятивной гильотины. Цемент входит в перечень товаров, которые должны пройти обязательную сертификацию в соответствии с Постановлением Правительства РФ № 2425 от 23 декабря 2021 г.².

При этом в результате реализации механизма «регуляторной гильотины»³ в 2021 г. Росстандарт утратил надзорную функцию за качеством стройматериалов, а другому органу данные полномочия переданы не были. В соответствии с ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в

¹ URL: <https://news.tpprf.ru/ru/media/5531827/>

² Постановление Правительства РФ от 23 декабря 2021 г. № 2425 «Об утверждении единого перечня продукции, подлежащей обязательной сертификации, и единого перечня продукции, подлежащей декларированию соответствия, внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 2467 и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 1 (ч. I, II). Ст. 136.

³ Перечень федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих функции по нормативно-правовому регулированию в сферах осуществления государственного контроля (надзора), и федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих контрольно-надзорные функции, участвующих в реализации механизма «регуляторной гильотины», видов федерального государственного контроля (надзора), осуществляемых федеральными органами исполнительной власти, на которые должен быть распространен механизм «регуляторной гильотины» (утв. Председателем Правительства РФ 4 июля 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Российский Федерации» контроль и надзор за оборотом цемента был прекращен⁴.

Контроль за соблюдением существующих регламентов ЕАЭС для производителей стройматериалов ничем не регламентирован и обеспечивается, по сути, лишь нормами КоАП (ст. 14.43 Нарушение изготовителем, исполнителем (лицом, выполняющим функции иностранного изготовителя), продавцом требований технических регламентов).

Действие данного фактора проявилось существенным увеличением объемов фальсификата.

3. «Эпидемиологический» фактор. За последние 3–4 года, с учетом складывающейся эпидемиологической и общественно-политической ситуации, наложен мораторий на проведение проверок коммерческих структур, что, в свою очередь, привело к ослаблению государственного контроля, в том числе производителей цемента и иных строительных материалов.

4. Фактор импортозамещения. С учетом санкционного давления на нашу страну и с целью минимизации его последствий на основании постановления Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506⁵ разрешен ввоз на территорию РФ востребованных оригинальных товаров иностранного производства без согласия правообладателя. В соответствии с данным постановлением, положения подп. 6 ст. 1359 и ст. 1487 Гражданского кодекса РФ не применяются к определенному перечню товаров (групп товаров), включая цемент, известь, штукатурные материалы.

При отсутствии надлежащего государственного контроля под видом такой продукции могут также ввозиться некачественные и фальсифицированные строительные материалы с использованием соответствующего товарного знака, а также ввозиться товары с нарушением таможенной процедуры без уплаты налогов и сборов.

5. Таможенный фактор. В январе 2022 г. в качестве временной меры, направленной на повышение конкуренции на рынке и стабилизации цен на цемент в России, фактически отменен контроль качества ввозимой цементной продукции на границе.

Инспекционный контроль на границе занимал 28 дней, его отмена должна была ускорить поставки и пополнить дефицит. Указанные меры не могли не сказаться на объемах ввозимого фальсификата.

6. Фактор недостаточной ответственности. С учетом того, что многие строительные материалы, например, цементная продукция, не подлежат обя-

зательной маркировке, на сегодняшний день за производство и сбыт такой продукции с использованием чужого товарного знака распространенной является практика применения норм административного законодательства (ст. 14.10 КоАП РФ «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)»), что, с учетом незначительных размеров штрафа, малоэффективно. Во всех случаях при оценке превентивного потенциала административной ответственности необходимо учитывать фактор экономической выгоды.

С точки зрения специфической криминальной практики оборот фальсифицированных строительных материалов следует рассматривать в контексте двух основных аспектов: 1) производство некачественной продукции; 2) оборот контрафакта с нарушением интеллектуальных прав, а также сочетания данных аспектов.

Уголовно-правовыми средствами противодействия обороту фальсифицированных строительных материалов являются, в частности, нормы Уголовного кодекса РФ, предусматривающие ответственность за:

- ♦ производство, приобретение, хранение, перевозку или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации (ст. 171.1 УК РФ);

- ♦ незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (ст. 180 УК РФ);

- ♦ производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ).

При этом правоохранительные органы сталкиваются с трудностями выявления и расследования данных преступлений, связанными в том числе с от-

⁴ Федеральный закон от 11 июня 2021 г. № 170-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 24 (ч. I). Ст. 4188.

⁵ Постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 14. Ст. 2286.

сутствием соответствующего методического обеспечения, а также проведением экспертиз, что негативно отражается на процессе и результатах доказывания.

Говоря об экспертных исследованиях, в том числе при производстве и обороте строительных материалов, включая столь необходимые экспериментальные исследования готовой продукции, надо учитывать, что качество проведения экспертиз во многом зависит от правовой регламентации качества промышленной продукции — четкие, нормативно закреплённые требования к качеству позволяют осуществлять экспертные исследования с однозначными выводами.

Кроме того, правоохранительные органы испытывают трудности при квалификации соответствующих деяний и разграничении смежных составов преступлений (в частности, указанных составов и мошенничества). Следует отметить, что, согласно статистическим данным⁶, каждое десятое преступление, выявленное подразделениями ЭБиПК МВД России, связано со строительством. В свою очередь, удельный вес мошенничества в сфере строительства от количества преступлений, связанных со строительством, выявленных подразделениями ЭБиПК МВД России, в 2018 г. составил 56,48 %, 2019 г. — 61,07 %, 2020 г. — 55,72 %, 2021 г. — 49,49 %, 2022 г. — 48,98 %, 2023 г. — 45,88 %.

С учетом рассмотренных факторов детерминации можно определить следующие основные направления и меры противодействия обороту фальсифицированных строительных материалов, в частности цемента.

1. Маркировка продукции и цифровизация оборота строительных материалов. С целью улучшения ситуации на рынке строительных материалов в части их качества Правительством Российской Федерации инициирован и законодательно урегулирован вопрос о проведении с 15 марта 2024 г. по 1 декабря 2024 г. на территории государства эксперимента по маркировке средствами идентификации отдельных видов строительных материалов⁷.

Следует отметить, что ранее государством предпринимались попытки стабилизировать ситуацию путем введения обязательной сертификации на цементную продукцию (ГОСТ Р 56836–2016, утвержден приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 11 января 2016 г. № 1-ст⁸). Вместе с тем, указанные меры, как показала практика, не являлись достаточными.

Следует учитывать, что маркировке подлежит упаковка цемента до 50 кг, что составляет не более 15 % рынка цемента; т. е., для противодействия обороту фальсифицированных строительных материалов, наряду с маркировкой, необходима реализация комплекса иных мер. Кроме того, применение маркировки как меры противодействия обороту фальсифицированных строительных материалов, в частности цемента, должно осуществляться с учетом рисков критического укрупнения игроков рынка строительных материалов и его монополизации, что неизбежно повлечет криминализацию (переход в неправовое поле) экономической деятельности многих менее крупных производителей.

Использование цифровых платформ и иных цифровых инструментов организации и контроля оборота строительных материалов позволит осуществлять системный мониторинг объема и качества продукции, участвующей в обороте, выявлять и блокировать недобросовестных участников оборота. Введение цифровой идентификации продукции (маркировки) позволяет внедрять соответствующие меры контроля (режим запретительной кассы) и существенно увеличить масштабы.

2. Минимизация и контроль импорта. Необходимо расширение мощностей производства строительных материалов на национальном рынке и минимизация импорта цементной продукции, установление жесткого контроля качества ввозимых из-за рубежа строительных материалов, а также установление контроля соблюдения порядка пересечения таможенной границы РФ (в том числе с целью надлежащей процедуры налогообложения) и обеспечение

⁶ Сводный отчет по России «Сведения о результатах работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (ЭБиПК) органов внутренних дел Российской Федерации (форма 495) за 2018–2023 гг. // URL : <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics?ysclid=m4blnn3kxg741849641>

⁷ Постановление Правительства РФ от 12 марта 2024 г. № 287 «О проведении на территории Российской Федерации эксперимента по маркировке средствами идентификации отдельных видов строительных материалов в потребительской упаковке» (вместе с «Положением о проведении на территории Российской Федерации эксперимента по маркировке средствами идентификации отдельных видов строительных материалов в потребительской упаковке») // URL : <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-12032024-n-287-o-provedenii/>

⁸ Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 56836-2016 «Оценка соответствия. Правила сертификации цементов» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 11 января 2016 г. № 1-ст) // URL : <https://base.garant.ru/57150029/>

надлежащего инспекционного контроля качества ввозимых на территорию РФ строительных материалов, особенно из стран, не являющихся членами ЕЭС.

3. Оптимизация государственного контроля. Государственный контроль в сфере оборота строительных материалов должен осуществляться на основе парадигмы риск-ориентированного подхода. Проблема выработки эффективных индикаторов риска нарушения обязательных требований к продукции и связанным с требованиями к этой продукции процессам, как базового элемента системы организации и осуществления контроля, касается не только производства строительных материалов, но его оборота, в том числе прохождения товара, а также осуществления входного контроля на объектах использования строительных материалов.

Необходимо обеспечение «мягкого» государственного контроля в данной сфере путем определения исчерпывающего перечня государственных органов и должностных лиц, уполномоченных на выполнение функций контроля качества ввозимой продукции и надзора за соблюдением требований законодательства для продукции, производимой на внутреннем рынке, а также оптимизации режима и процедуры проверок производителей строительных материалов.

Требует усовершенствования процедура согласования проверок хозяйствующих субъектов органами прокуратуры, поскольку имеющие сегодня место порядок и срок согласования такого рода проверок позволяют беспрепятственно сбывать значительные объемы фальсифицированных строительных материалов. Содействие профессионального бизнес-сообщества — добросовестных производителей, для которых государственный контроль является средством обеспечения и гарантией развития бизнеса, может помочь эффективно решить данную проблему.

Отдельного внимания заслуживает необходимость усиления государственного контроля в части проверок субъектов хозяйственной деятельности, осуществляющих строительные-монтажные работы за счет бюджетных средств.

4. Консолидация усилий бизнеса, власти и гражданского общества. Необходимо формирование альтернативных инструментов контроля качества реализуемой на рынке строительных материалов продукции при активном участии профессионального бизнес-сообщества (выработка методик и процедур контроля качества, обучение персонала, организация

потребительского контроля, осуществление контрольных закупок и т. п.). Государство должно поддерживать эффективные формы самоорганизации (ассоциации производителей и т. п.) и саморегуляции производителей строительных материалов.

Роль бизнес-сообщества и консолидации его с деятельностью государственных органов и гражданского общества определяется также значительным потенциалом в выявлении и пресечении деятельности недобросовестных участников рынка, поскольку реализация административных и правовых мер в данной сфере часто малоэффективна. Так, например, отзыв сертификата не исключает получение его тем же самым недобросовестным субъектом, зарегистрировавшим новое юридическое лицо.

Необходимо также развитие во всех субъектах РФ сети экспертных центров и лабораторий по проведению экспертных исследований строительных материалов. При этом необходимо учитывать, что без установления и нормативного закрепления конкретных требований к качеству строительных материалов, обеспечивающих их конкурентоспособность и безопасность, эффективная экспертная оценка промышленной продукции, в частности строительных материалов, невозможна.

5. Адаптация зарубежного опыта. По мнению исследователей, «принятие закона «о складских расписках» (подобные законодательные акты существуют в европейских странах) положительным образом повлияет на снижение количества контрафактной продукции на строительных рынках, так как сотрудники складов будут непосредственно нести ответственность за подлинность и качество хранящихся строительных материалов» [1]. Внедрение подобного института сможет существенно снизить риски приобретения фальсифицированных строительных материалов населением.

Отдельного внимания заслуживает актуальный зарубежный опыт (например, Республики Казахстан) по осуществлению биржевой торговли строительными материалами. Так, электронные товарные торги на бирже позволяют осуществлять торговлю элементом прозрачно и без рисков спекуляций. Оцифровка оборота строительных материалов способствует унификации качества данной продукции и соблюдению его гарантий, установлению справедливой цены, а также выявлению и контролю внебиржевого оборота строительных материалов.

6. Виктимологическая профилактика. Необходимо принятие комплекса мер, направленных на повышение потребительской грамотности населения, в частности информирование населения о требованиях, предъявляемых к качеству строительных материалах, а также возможностях установления подлинности и качества товара и идентификации фальсификата. Целесообразно систематическое освещение в СМИ информации о типичных выявляемых правонарушениях в данной сфере и принимаемых мерах по их устранению, направленное в том числе на формирование правосознания потенциальных и реальных правонарушителей.

7. Совершенствование деятельности правоохранительных органов. Необходимо осуществление специализированных научных исследований с целью получения научного знания о криминологической и криминалистической характеристиках преступлений в сфере оборота фальсифицированных строительных материалов и выработка на их основе методических рекомендаций по выявлению, расследования и квалификации данных преступлений.

Заключение. Таким образом, по официальным оценкам на фальсифицированные строительные материалы приходится четверть оборота данного вида промышленной продукции. Основными факторами детерминации оборота фальсифицированных строительных материалов являются следующие: фактор экономической выгоды; фактор регулятивной гильотины; «эпидемиологический» фактор; фактор импортозамещения; таможенный фактор; фактор недостаточной ответственности. Выявленные детерминанты определяют следующие основные направления и меры противодействия обороту фальсифицирован-

ных строительных материалов, в частности цемента: маркировка продукции и цифровизация оборота строительных материалов; минимизация и контроль импорта; оптимизация государственного контроля; консолидация усилий бизнеса, власти и гражданского общества; адаптация зарубежного опыта; виктимологическая профилактика. Общественная опасность и масштабы оборота фальсифицированных строительных материалов требуют внимания к данной проблеме не только со стороны профессионального бизнес-сообщества и гражданского общества, но и со стороны государства, в том числе правоохранительных органов, а также ученых.

Список источников

1. Бабурин В. В., Бойко О. А., Панов С. Л. Оборот контрафактных строительных материалов: детерминанты и меры противодействия // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1 (35). С. 128–133.

2. Ткаченко В. С., Голова Е. Е., Коваленко Е. В. Нормативный барьер для фальсификации строительных материалов // Контроль качества продукции. 2022. № 11. С. 37–41.

References

1. Baburin V. V., Boyko O. A., Panov S. L. Turnover of counterfeit building materials: determinants and counteraction measures // Legal science and law enforcement practice. 2016. No. 1 (35). P. 128–133.

2. Tkachenko V. S., Golova E. E., Kovalenko E. V. Regulatory barrier for falsification of building materials // Product quality control. 2022. No. 11. P. 37–41.

Информация об авторах

К. К. Гасанов — заместитель начальника Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ;

А. Н. Игнатов — профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

K. K. Gasanov — Deputy Head of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Employee of the internal affairs bodies of Russia;

A. N. Ignatov — Professor of the Department of Criminology Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.12.2024; одобрена после рецензирования 25.01.2025; принята к публикации 17.02.2025. The article was submitted 23.12.2024; approved after reviewing 25.01.2025; accepted for publication 17.02.2025.

Научная статья
УДК 338.462
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-37-43>
EDN: <https://elibrary.ru/xgbfjn>
НИОН: 2003-0059-1/25-220
MOSURED: 77/27-003-2025-01-419

Анализ используемых субъектами теневой экономики приемов сокрытия правонарушений от правоохранительного контроля в рамках обеспечения своей экономической безопасности

Александр Владимирович Грачев

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, grachevalexunder@rambler.ru

Аннотация. Определены и охарактеризованы тактические приемы сокрытия экономическими субъектами нарушений от правоохранительного контроля. Обозначена проблема ограниченности выборочного контроля, обуславливающая риски не-обнаружения нарушений. Выборочный контроль ориентирует субъекты теневой экономики на использование специальных приемов латентизации нарушений. Выделено 30 таких тактических приемов.

Ключевые слова: теневая экономика, правоохранительный контроль, латентизация, тактические приемы

Для цитирования: Грачев А. В. Анализ используемых субъектами теневой экономики приемов сокрытия правонарушений от правоохранительного контроля в рамках обеспечения своей экономической безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 37–43. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-37-43>. EDN: XGBFJN.

Original article

Analysis of the methods used by the subjects of the shadow economy to conceal offenses from law enforcement control in the framework of ensuring their economic security

Aleksandr V. Grachev

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia, grachevalexunder@rambler.ru

Abstract. Tactical methods of concealment of violations by economic entities from law enforcement control are defined and characterized. The problem of limitations of selective control, which determines the risks of non-detection of violations, is outlined. Selective control directs the subjects of shadow economy to use special techniques of latentization of violations. 30 such tactics are identified.

Keywords: shadow economy, law enforcement control, latentization, tactical techniques

For citation: Grachev A. V. Analysis of the methods used by the subjects of the shadow economy to conceal offenses from law enforcement control in the framework of ensuring their economic security. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):37–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-37-43>. EDN: XGBFJN.

Введение. Проблема распределения ресурсов правоохранительной системы является актуальной и требующей постоянного поиска актуальных решений на разных уровнях управления. Данная проблема рассматривалась в работах Л. Филлипса, Х. Л. Воти [1], Л. Туроу [2], М. Рейнолдса [3], Р. Андерсон [4], А. Н. Литвиненко, О. Ю. Максимовой [5; 6], Ю. Н. Благовещенского, К. И. Головщинского [7, с. 42–45].

Так, к примеру, можно выделить два основных стратегических подхода при распределении ресурсов правоохранительных органов относительно

типов преступлений по их опасности, тяжести, величине наносимого ущерба.

Первый заключается в направлении основных ресурсов на борьбу с правонарушениями наиболее опасными, ущербными, резонансными. К управленческим решениям в сфере правоохранительной политики, основанной на данном стратегическом принципе, можно отнести выделение правоохранительных ресурсов в большем объеме или лучшего качества в населенные пункты, на территории, где располагаются более обеспеченные слои населения,

© Грачев А. В., 2025

либо выделение ресурсов преимущественно на борьбу с тяжкими и особо тяжкими преступлениями. Эффект от данного подхода заключается в экономической эффективности. Недостатками данной стратегии является безнаказанность мелких нарушений, которая детерминирует как мелкие, так и крупные нарушения, а также девальвирует в глазах общества успехи правоохранительных органов. Детерминация крупных нарушений безнаказанностью мелких ярко демонстрирует эксперимент художницы Марины Абрамович.

Второй стратегический подход, напротив, заключается в уделении внимания самым незначительным нарушениям. Данный подход основан на криминологической «теории разбитых окон», рассматривающей мелкие правонарушения не только как индикатор криминогенной обстановки, но и как активный фактор, влияющий на уровень преступности в целом. Успешная практика его применения в борьбе с преступностью имела место в Нью-Йорке в 90-х гг. прошлого века. Действенность подхода неоднократно демонстрировали социальные эксперименты. Результатом применения данного подхода является профилактический эффект, заключающийся в том, что субъекты, видя наказание, назначаемое даже за небольшие нарушения, отказываются от совершения крупных нарушений. Однако для реализации данного подхода на начальном этапе требуется значительное количество ресурсов.

Из-за отсутствия возможности, в силу ограниченности ресурсов, а также из-за риска негативных последствий для экономической системы (например, увеличение контрольной нагрузки на бизнес) реализация политики тотального или перманентного правоохранительного контроля за каждым экономическим субъектом невозможна, и она уступает место менее ресурсозатратному выборочному контролю.

Выборочный правоохранительный контроль может быть организован на основе обозначенных выше стратегических подходов к борьбе с преступностью, с вкраплением в них риск-ориентированного подхода, когда контрольная нагрузка увеличивается на субъекты, риск совершения правонарушений которыми и величина потенциального ущерба от которых выше. Выборочный правоохранительный контроль может быть организован и без риск-ориентированного подхода, когда проверки осуществляются на

основе простой периодичности или randomness проверяемых объектов.

В любом случае выборочный контроль оставляет неохваченные контролем хозяйствующие субъекты, периоды деятельности, хозяйственные операции, документы, а, следовательно, оставляет риск невыявления правонарушений. Субъекты теневой экономики, обеспечивая свою экономическую безопасность, используют комплекс инструментов, направленных на снижение риска угрозы выявления теневой деятельности, снижение риска применения санкции и минимизация ее размера при выявлении теневой деятельности, снижение риска незащищенности прав собственности субъектов теневой экономики, обеспечение устойчивого спроса на свою продукцию (товары, работы, услуги). Данные инструменты рассмотрены в более ранних наших работах.

Методы. В рамках данной статьи представим возможные тактические приемы, используемые субъектами теневой экономики для латентизации своих нарушений от выборочного правоохранительного контроля. Данные тактики выступают инструментами обеспечения своей экономической безопасности субъектами теневой экономики и способами защиты от угроз выявления субъекта теневой экономики и применения к нему санкции [8; 9].

Под правоохранительным контролем мы будем понимать любой контроль, направленный на выявление нарушений у субъекта теневой экономики. Субъектами такого контроля могут быть субъекты финансового контроля, субъекты налогового контроля, правоохранительные органы и др.

Представленные ниже действия экономических субъектов теневой экономики по сокрытию имеющихся у них нарушений от контролирующих субъектов также могут быть распространены на любые модели отношений «субъект нарушитель — субъект контроля» (например: «недобросовестный сотрудник — руководитель»). В научной литературе данным отношениям уделено внимание в контексте налогового контроля, где представлены лишь два тактических приема недобросовестных налогоплательщиков по сокрытию налоговых нарушений — «противодействие налоговому контролю» (А. И. Миккулин [10], Е. Г. Васильева [11]) и «юридическая миграция» (Н. В. Щербакова [12], Ю. А. Романовская [13], Е. И. Гнатышина [14], З. Ю. Борисенко [15]). Отдельные приемы затруднения работы проверяющих

рассматривались в работах, посвященных проблеме противодействия следствию (А. Ф. Волынский [16]). Однако тактики экономических субъектов, направленные на латентизацию нарушений от проверяющих, включают в себя приемы, выходящие за рамки «противодействия» и «миграции».

Результаты. К тактическим приемам сокрытия экономическими субъектами нарушений от правоохранительного контроля мы отнесли следующие.

1. Тактика «показательного педантизма» (или тактика «тихого омута»). Данная тактика предполагает недопущение экономическим субъектом в своей деятельности мелких незначительных нарушений, связанных с формальным оформлением юридической и экономической документации, ведением учета, соблюдением принципов аккуратности, своевременности. В произведении Арма Коста «Грабитель с детским зонтиком» обозначен принцип выявления преступлений, сформулированный следующим образом: «Большие преступления раскрываются благодаря маленьким ошибкам», который становится неэффективным в отношении экономического субъекта, недопускающего мелких нарушений. Эффект, который получает экономический субъект, использующий рассматриваемый тактический прием, хорошо отражен в антиутопии Джорджа Оруэлла «1984», где был обозначен следующий принцип: «Если соблюдаешь мелкие правила, можно нарушать большие». Целью такой тактики выступает создание видимости репутации добропорядочности и ответственности экономического субъекта перед государством и частными контрагентами. Достижение данной цели позволяет минимизировать количество и качество контрольных мероприятий в отношении такого «педантичного» экономического субъекта, у которого учетная дисциплина в «ажуре». Контроль, построенный на риск-ориентированном подходе, при такой тактике становится неэффективным. Отрицательной характеристикой данного тактического приема для использующего его экономического субъекта является его ресурсозатратность, так как для его реализации требуются опытные бухгалтеры и юристы.

2. Тактика «маски праведника» (или тактика «пыли в глаза»). Данный тактический прием также направлен на формирование у контролирующих органов ложного представления о добропорядочности проверяемого экономического субъекта. Однако

такое представление, в отличие от предыдущей тактики, создается не путем «потемкинской деревни» в организации и ведении бухгалтерского учета, а путем участия экономического субъекта в социально-значимых проектах, благотворительности, крупных форумах, получения призовых мест на конкурсах и выставках по направлению деятельности, взаимодействия с известными контрагентами. Такое участие может быть фактическим (реальным) или формальным, подтверждаемым лишь красивыми сертификатами и дипломами, определение происхождения которых не входит в программу проверки контролирующих субъектов. Представление о положительной репутации экономического субъекта может быть сформировано у проверяющих как в момент проведения контрольных мероприятий от продемонстрированного им многообразия наград, сертификатов и прочих признаний («пыль в глаза»), так и до контрольных мероприятий от распространения в экономической системе информации об участии экономического субъекта в благотворительности, в социально-значимых проектах, в известных общественных и бизнес-форумах, об общественном и государственном признании и т. п. В независимости от степени реальности участия экономического субъекта в указанных выше мероприятиях, конечная цель заключается в создании «маски праведника» — ложной репутации в глазах контролирующих органов о непогрешимости и добросовестности, что в итоге позволяет минимизировать количество и качество контрольных мероприятий в отношении такого «известного и честного» экономического субъекта. Отрицательной характеристикой данного тактического приема для использующего его экономического субъекта является его ресурсозатратность.

3. Тактика «орфанности (редкости) нарушений». Мы обозначили название данной тактики, используя взятую из медицины характеристику «орфанный», которая означает редкость. Данная тактика предполагает совершение нерегулярных нарушений с крайне низкой частотой, недопущение массового, поточного характера нарушений. Данный тактический прием позволяет скрывать единичные противоправные операции в массе законных операций. Экономический субъект, использующий тактику орфанности нарушений, получает положительный эффект в виде минимизации вероятности обнаружения нарушений от сокращения возможностей выборочного конт-

роля. Частично достигается эффект, схожий с эффектом от тактики «показательного педантизма», который заключается в создании для контролирующих органов видимости добропорядочности экономического субъекта. Вместе с тем, данная тактика повышает эффективность сплошного документального контроля по выявлению нетипичных операций. Кроме того, применение данной тактики снижает количество совершаемых нарушений, а, следовательно, минимизируется размер получаемого экономическим субъектом преступного дохода.

4. Тактика «кочевника (гастролера, однодневки)». Это очень известный и распространенный тактический прием, который заключается в том, что экономический субъект создается непосредственно под совершение конкретной противоправной хозяйственной операции, преступления или серии преступлений. Экономическая деятельность прекращается либо непосредственно после совершения преступной операции, либо перед контрольным мероприятием в отношении данного экономического субъекта. Для данного тактического приема свойственно использование таких инструментов латентизации деятельности, как юридическая, географическая и иная миграция (оставление офиса, уничтожение документации, смена юридического лица, смена региона проживания и ведения деятельности, использование подставных лиц для регистрации и др.). Эффект, получаемый экономическим субъектом, который его применяет, заключается в сокращении временного интервала, в течение которого у контролирующих субъектов есть возможность выявить нарушение и нарушителей.

5. Тактика «приоритета синиц над журавлями» (тактика «преднамеренного аскетизма»). Данная тактика предполагает ориентацию противоправной деятельности экономического субъекта на совершение незначительных, мелких нарушений. Крупные нарушения исключаются из практики. Объектом внимания правоохранительного контроля при риск-ориентированном подходе с большей вероятностью становятся те субъекты, которые наносят или способны нанести большой ущерб. Кроме того, объектом внимания правоохранительных органов обычно становятся деяния, потенциально подпадающие под квалификацию преступлений, для чего размер наносимого ущерба по некоторым из них должен быть выше установленных уголовным законом размеров.

Таким образом, данная тактика позволяет минимизировать два фактора риска для экономического субъекта: во-первых, внимание субъектов правоохранительного контроля, во-вторых, вид и размер ответственности за нарушения. Отрицательной стороной применения данной тактики для экономического субъекта выступает минимизация получаемого преступного дохода, компенсировать недостаток которого возможно через увеличение количества совершаемых нарушений, что увеличивает риск их выявления.

6. Тактика «жертвенного агнца» (тактика «экономического гамбита»). Данная тактика предполагает умышленную демонстрацию экономическим субъектом для субъектов контроля мелких незначительных нарушений. Такая умышленная демонстрация может быть выражена в: прямом сообщении (признании) экономическим субъектом субъекту контроля о наличии у него нарушений; создании легкой доступности выставленных в качестве «жертвы» нарушений для выявления субъектом контроля. Таким способом незначительные мелкие нарушения «приносятся в жертву» для отвлечения внимания и времени проверяющих от крупных нарушений. Эффект от использования экономическим субъектом данного тактического приема заключается в минимизации риска сплошного полного контроля в условиях ограниченности времени контрольных процедур, что в итоге минимизирует риск выявления латентных крупных нарушений. Данная тактика увеличивает действенность в условиях наличия неформальных связей между экономическим субъектом и экономическим субъектом. Эффект достигается в том числе за счет понимания того факта, что субъекту контроля необходимо обязательно отразить хоть какие-то нарушения в итоговых документах проверки для демонстрации своей работы. Негативными последствиями применения данного тактического приема для экономического субъекта выступают: во-первых, необходимость нести ответственность за умышленно плохо скрытые или продемонстрированные мелкие нарушения; во-вторых, риск восприятия субъектом контроля выявленных мелких нарушений как повода для проведения более тщательной проверки. Второй вариант последствий достаточно емко отражает цитата А. Энштейна: «Тому, кто небрежно относится к правде в мелочах, нельзя доверять важные дела».

7. Тактика «исключения девиаций». Данная тактика предполагает контроль экономическим субъектом значений показателей, характеризующих его деятельность, в границах, существенно не отличающихся от аналогичных показателей других хозяйствующих субъектов, других периодов, нормативно установленных, средних. Это связано с тем, что существенные отклонения показателей являются одной из причин привлечения внимания контролирующих субъектов, так как именно отклонения выступают одним из признаков нарушений. Эффектом данной тактики для использующего ее экономического субъекта выступает минимизация риска контрольных мероприятий, вызванных вниманием субъектов контроля к отклонениям характеристик и показателей, а также их интересом к установлению причин таких отклонений. Кроме того, отсутствие существенных отклонений характеристик деятельности экономического субъекта снижает риск выявления нарушений в ходе самих контрольных мероприятий, так как у субъекта контроля отсутствует необходимость более тщательной проверки для установления причин существенных отклонений. Недостатками данной тактики для экономического субъекта выступают: невозможность снижения риска контрольных мероприятий и контрольных действий, причинами проведения которых выступают не отклонения; искусственное «удержание» показателей в установленных границах может выступать самостоятельной причиной совершения нарушений (искажение отчетности, нарушение правил ведения учета).

8. Тактика «преднамеренных помех». Данная тактика направлена на затруднение работы субъектов контроля в ходе проверочных мероприятий. Такое затруднение может быть создано посредством непредоставления допуска или затягивание времени для допуска проверяющих к объекту проверки (на территорию экономического субъекта, к отдельным участкам деятельности, к документации, к отдельным сотрудникам субъекта) путем: уклонения от получения процессуальных документов, закрытия офиса (или иного помещения), установления контрольно-пропускных пунктов на вход и средств ограничения перемещения по территории, затягивания времени на оформление пропусков, раздельного хранения документации (например, хранение архивных документов вне основного офиса), непредставления документов для проверки, уничтожения документов,

ликвидации информации у контрагентов, увольнения (отправки в командировку, отпуск, на больничный и т. п.) необходимого для проверяющего сотрудника экономического субъекта и др. Другим направлением реализации данной тактики является создание условий, ухудшающих работу проверяющего на объекте, в том числе: шум, отсутствие электричества, отсутствие связи, отвлечение от работы разговорами, вопросами, навязанной обширной культурной программой, затягивание времени в предоставлении запрашиваемой информации, бессистемный порядок ведения, хранения или представления проверяемых документов, и др. Эффектом для применяющего данную тактику экономического субъекта будет снижение результативности деятельности субъекта контроля. В качестве потенциальных негативных последствий применения тактики «преднамеренных помех» можно выделить то, что ее применение выступает для субъекта контроля индикатором недобропорядочности экономического субъекта. В налоговом контроле противодействие со стороны проверяемых экономических субъектов действиям субъектов налогового контроля влечет за собой меры штрафного, компенсационного и процессуального характера.

9. Тактика «коррупционной сделки». Данная тактика связана с заключением коррупционных сделок с контролирующим субъектом, в рамках которых экономический субъект приобретает выгоды в следующих формах: получение информации о контрольных мероприятиях (месте, времени, субъектах) с целью подготовки к ним; исключение своей деятельности из объектов контроля или существенное ограничение времени на ее проверку; разработка программы проверки, не позволяющей выявить теневую деятельность (исключение из программы проверки вопросов, связанных с теневой деятельностью; включение в программу проверки вопросов, отвлекающих проверяющего от проверки вопросов, связанных с теневой деятельностью); назначение на проведение контрольных мероприятий «нужных» (неквалифицированных, загруженных другими вопросами, коррумпированных или на которых можно оказать воздействие) сотрудников; фальсификация результатов контрольных мероприятий (неотражение или неполное отражение нарушений; отражение нарушений в более мягкой квалификации; снижение размера выявленного ущерба; неотражение или ис-

кажение информации о виновных лицах и др.). Недостатком данной тактики выступает ее противоправность, размер ущерба от ее разоблачения может быть выше, чем ущерб от выявления скрываемых нарушений.

Заключение. В заключение отметим, что для субъектов теневой экономики представленные в работе тактические приемы не являются открытием. Наша задача заключалась в том, чтобы выявить и систематизировать используемые ими приемы. Знания представленных в данной статье тактических приемов, используемых субъектами теневой экономики для латентизации своих нарушений от выборочного правоохранительного контроля способствуют повышению эффективности такого контроля и снижению риска необнаружения нарушений, замаскированных указанными в статье способами.

Список источников

1. Phillips L., Votey H. L. Jr. *The Economics of Crime Control*. Beverly Hills etc., 1981.
2. Thurrow L. *Equity versus Efficiency in Law Enforcement* // *Economics of Crime*. Cambridge, N. Y. etc., 1980.
3. Reynolds M. M. *The Economics of Criminal Activity* // *Economics of Crime*. N.Y. etc., 1980. P. 27–70.
4. Андерсон Р. Экономическая теория преступности // *Экономическая теория преступлений и наказаний*. 2009. № 2.
5. Литвиненко А. Н., Максимова О. Ю. Подходы к определению оптимального уровня ресурсной обеспеченности органов внутренних дел МВД России в системе обеспечения экономической безопасности страны // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2010. № 4(48). С. 145–150.
6. Грачев А. В., Максимова О. Ю. Расчет оптимального уровня ресурсной обеспеченности ОВД МВД России в системе обеспечения экономической безопасности страны // *Вестник Московского университета МВД России*. 2010. № 11. С. 38–44.
7. Благовещенский Ю. Н., Головщинский К. И. и др. *Определение факторов, влияющих на эффективность предоставления услуг по безопасности от преступных посягательств*. М., 2007.
8. Грачев А. В., Сикорская Л. В. Анализ угроз экономической безопасности субъектов теневой экономики // *На страже экономики*. 2022. № 3(22). С. 9–15.
9. Грачев А. В. *Общая классификация инструментов обеспечения экономической безопасности субъектов теневой экономики по целям их применения* // *Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения*: мат. всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 7 апреля 2023 г.) / сост. Н. В. Мячин, В. О. Соболева. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 66–68.
10. Микулин А. И. Противодействие налоговому контролю и его последствия // *Налоговед*. 2018. № 1. С. 12–22.
11. Васильева Е. Г. Противодействие налогоплательщика проведению налогового контроля как злоупотребление правом // *Вестник Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа*. 2013. № 4(14). С. 78–84.
12. Щербакова Н. В., Домнина А. А. Фиктивная миграция юридических лиц как способ уклонения от уплаты налогов // *Новый университет. Серия: Экономика и право*. 2016. № 9(67). С. 98–101.
13. Романовская Ю. А. Проблемы межрегиональной миграции налогоплательщиков и уклонения от уплаты налогов // *Baikal Research Journal*. 2015. Т. 6. № 4. С. 4.
14. Гнатышина Е. И. «Фирмы-однодневки» как способ снижения налогового бремени и методы борьбы с ними // *Экономика и управление: новые вызовы и перспективы*. 2014. № 7. С. 113–115.
15. Борисенко З. Ю. Проблема номинальных юридических лиц («фирм-однодневок») как элемента теневого сектора экономики // *Вестник КНИИ РАН. Серия: Социальные и гуманитарные науки*. 2022. № 1(1). С. 30–36.
16. Волынский А. Ф. О способах противодействия расследованию экономических преступлений // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2013. № 3. С. 27–36.

References

1. Phillips L., Voti H. L. Jr. *The economics of fighting crime*. Beverly Hills et al., 1981.
2. Thurrow L. *Equity versus Efficiency in Law Enforcement* // *Economics of Crime*. Cambridge, N. Y. etc., 1980.
3. Reynolds M. M. *The Economics of Criminal Activity* // *Economics of Crime*. N.Y. etc., 1980. P. 27–70.
4. Anderson R. *The economic theory of crime* // *Economic theory of crimes and punishments*. 2009. № 2.

5. Litvinenko A. N., Maksimova O. Y. Approaches to determining the optimal level of resource provision of the internal affairs bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the system of ensuring the economic security of the country // *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2010. № 4(48). P. 145–150.

6. Grachev A. B., Maksimova O. Y. Calculation of the optimal level of resource availability of the Interior Ministry of the Russian Federation in the system of ensuring the economic security of the country // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2010. No. 11. P. 38–44.

7. Blagoveshchenskiy Yu. N., Golovshchinsky K. I. and others. Identification of factors affecting the effectiveness of the provision of security services against criminal encroachments. M., 2007.

8. Grachev A. V., Sikorskaya L. V. Analysis of threats to the economic security of the subjects of the shadow economy // *On guard of the economy*. 2022. № 3(22). P. 9–15.

9. Grachev A. V. General classification of tools for ensuring economic security of shadow economy entities according to the purposes of their application // *Economic security of the individual, society, and the state: problems and ways to ensure: mat. All-Russian scientific and practical conference (St. Petersburg, April 7, 2023) / comp. N. V. Myachin, V. O. Soboleva*. St. Petersburg :

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. P. 66–68.

10. Mikulin A. I. Counteraction to tax control and its consequences // *Tax expert*. 2018. No. 1. P. 12–22.

11. Vasilyeva E. G. Taxpayer's counteraction to tax control as an abuse of law // *Bulletin of the Federal Arbitration Court of the North Caucasus District*. 2013. № 4(14). P. 78–84.

12. Shcherbakova N. V., Domnina A. A. Fictitious migration of legal entities as a way of tax evasion // *New University. Series: Economics and Law*. 2016. № 9(67). P. 98–101.

13. Romanovskaya Yu. A. Problems of interregional migration of taxpayers and tax evasion // *Baikal Research Journal*. 2015. Vol. 6. No. 4. P. 4.

14. Gnatyshina E. I. «One-day firms» as a way to reduce the tax burden and methods of combating them // *Economics and Management: new challenges and prospects*. 2014. No. 7. P. 113–115.

15. Borisenko Z. Y. The problem of nominal legal entities («one-day firms») as an element of the shadow sector of the economy // *Bulletin of the Research Institute of the Russian Academy of Sciences. Series: Social Sciences and Humanities*. 2022. № 1(1). P. 30–36.

16. Volynsky A. F. On ways to counteract the investigation of economic crimes // *Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences*. 2013. No. 3. P. 27–36.

Информация об авторе

А. В. Грачев — начальник кафедры финансового учета и контроля Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

A. V. Grachev — Head of the Department of Financial Accounting and Control of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.10.2024; одобрена после рецензирования 20.12.2024; принята к публикации 25.01.2025.

The article was submitted 23.10.2024; approved after reviewing 20.12.2024; accepted for publication 25.01.2025.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-44-47>

EDN: <https://elibrary.ru/ukrhay>

НИОН: 2003-0059-1/25-221

MOSURED: 77/27-003-2025-01-420

Бедность и нищета как криминогенные факторы преступности

Мевлуд Демуралович Давитадзе^{1,2}

¹ Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Москва, Россия, md2063@mail.ru

² Московский университет имени С.Ю. Витте, Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются бедность и нищета как криминогенные факторы преступности, а также порождающие их причины. Приведены данные Росстата об уровне бедности и нищеты в стране как среди взрослого населения, так и детей. Фокусируется внимание на последствиях бедности и нищеты, а также необходимости принятия мер по их преодолению. Подчеркиваются исторические аспекты значения предупреждения и профилактики преступности и государственная политика, направленная на преодоление преступности, в том числе бедности и нищеты.

Ключевые слова: бедность, нищета, преступность, предупреждение, профилактика, причины преступности, безработица, низкая зарплата, низкий уровень жизни, жизненно необходимые потребности, правоприменительная и судебная практика, социально-экономическое развитие

Для цитирования: Давитадзе М. Д. Бедность и нищета как криминогенные факторы преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 44–47. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-44-47>. EDN: UKRHAY.

Original article

Poverty and poverty as criminogenic factors in crime

Mevlud D. Davitadze^{1,2}

¹ Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Moscow, Russia, md2063@mail.ru

² Moscow Witte University, Moscow, Russia

Abstract. Poverty and poverty are considered as criminogenic factors of crime, as well as their causes. Rosstat data on the level of poverty and destitution in the country, both among adults and children, are presented. The focus is on the consequences of poverty and destitution, as well as the need to take measures to overcome them. The historical aspects of the importance of crime prevention and prevention and government policies aimed at overcoming crime, including poverty and destitution, are emphasized.

Keywords: poverty, poverty, crime, prevention, prevention, causes of crime, unemployment, low wages, low standard of living, vital needs, law enforcement and judicial practice, socio-economic development

For citation: Davitadze M. D. Poverty and poverty as criminogenic factors in crime. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):44–47. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-44-47>. EDN: UKRHAY.

Выявление причин (факторов, детерминантов) преступности позволит своевременно принять меры для ее профилактики и предупреждения. Одной из основных и актуальных причин преступности в современных условиях выступают социально-экономические причины.

Среди причин данной категории существенное место занимает низкий уровень жизни части населения страны, несоответствующий не только положению ч. 1 ст. 7 Конституции РФ [1], но и уровню обеспечения физиологической выживаемости человека, т. е. бедность и нищета.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики (далее — Росстат) численность населения РФ с денежными доходами ниже

границы бедности в первом квартале 2023 г. составила 19,6 млн человек, или 13,5 % населения страны [2]. Касаемо детской бедности следует отметить, что по официальным данным на 2019 г. в России 23,6 % детей в возрасте до 18 лет проживало в малоимущих семьях, уровень доходов которых находился ниже размера прожиточного минимума [3]. Процент детей, которые оказались за чертой бедности, выше в сельской местности: там в малоимущих семьях проживали 44,5 % несовершеннолетних (в городах — 15,7 %). В многодетных семьях уровень детской бедности составлял 48,3 %, в молодых семьях — 32,5 % [4].

В декабре 2024 г. Росстат впервые представил данные о структуре бедности с учетом пола, возраста и места проживания. Анализ Росстата охватывает пе-

© Давитадзе М. Д., 2025

риод с 2020 по 2022 гг. и рассматривает три ключевых показателя: низкий уровень дохода, материальные депривации (нехватка базовых материальных благ не только для обеспечения нормальной жизни, но и для удовлетворения жизненно необходимых потребностей), а также низкую интенсивность занятости.

Согласно анализу, все три характеристики в 2020 г. наблюдались у 6,3 % малоимущего населения, в 2021 г. — у 5,7 %, а в 2022 г. этими характеристиками обладали 4,4 % малоимущих (сведения по указанным показателям за 2023–2024 гг. в настоящее время отсутствуют) [5].

По итогам первого полугодия 2024 г. Росстат насчитал 13,3 млн бедных, или 9,3 % населения страны [6]. Это больше, чем в 2023 г., но намного меньше реального числа бедных. При этом следует отметить, что Росстату не всегда удается определить точное количество бедных и нищих людей в стране, в связи с чем его данные могут разительно отличаться от реальности.

Как известно, для человека как биологического существа из базовых потребностей особое значение имеют физиологические (органические) потребности, которые заложены от природы и имеют первостепенное, жизненно необходимое значение, и без удовлетворения которых человек не может существовать. К числу таких потребностей относятся еда, вода, одежда, кров, сон, воздух (кислород), и уже после удовлетворения этих потребностей для человека значимыми становятся такие потребности, как безопасность, здоровье, духовные потребности, самосовершенствование, отношения с окружающими, признание и др.

Важно отметить, что для удовлетворения своих нужд и потребностей законопослушные граждане прилагают особые усилия. Однако, по различным причинам и обстоятельствам, порой независящим от их воли, им не всегда удается законным способом достичь соответствующих целей.

Как свидетельствует правоприменительная и судебная практика, в условиях безработицы, низкой зарплаты, низкого уровня жизни и социальных гарантий, неконкурентоспособности, низкого уровня образования и профессиональной подготовки, неравномерного социально-экономического развития регионов, неравномерное распределение доходов лишает многих граждан возможности поддерживать жизненные стандарты на должном уровне (в данном случае речь идет не о туеядцах, которые сознательно ведут паразитический образ жизни). Все это, в ко-

нечном счете, ведет к бедности и нищете, а она, в свою очередь, как говорил древнегреческий философ Аристотель, порождает бунт и преступление [7].

Бедность как характеристика неблагоприятного экономического положения индивида или социальной группы означает отсутствие у последних материальных благ и ресурсов, исключающее возможность удовлетворить определенный круг минимальных потребностей, необходимых для жизни (отсутствие постоянного дохода, средств существования, жилья), сохранения трудоспособности, продолжения рода [8].

Соответственно, под нищетой понимается состояние человека, которое характеризуется невозможностью удовлетворения самых базовых и жизненно необходимых потребностей (в продовольствии, питьевой воде, жилье). Состояние нищеты является следствием не только низкого уровня доходов, но и социального неравенства, ограниченного доступа к базовым услугам в области здравоохранения, образования, информации, финансовым услугам и др. [9].

В условиях отсутствия финансовых ресурсов достаточно значительное число граждан не имеют возможности не только содержать семью, подготовить детей к дошкольным и образовательным учреждениям, а также оказывать должную помощь иждивенцам, но и порой не могут удовлетворить свой личные, жизненно необходимые потребности.

Бедность и нищета, с которыми по объективным причинам человек не способен справиться, часто приводят к снижению авторитета главы семьи, распаду семьи, беспризорности детей, падению собственной самооценки, безысходности, к гибели внутреннего мира и душевного равновесия и, в конечном счете, к саморазрушению (аутоагрессии) личности, а порой и к самоубийству.

Имея порок бедности, человек, чтобы трезво не смотреть на реально существующие непреодолимые проблемы, для начала начинает вести вроде бы безобидный образ жизни, постепенно перерастающий в частое употребление алкогольных напитков и одурманивающих веществ, в последующем приводящих его к маргинальному образу жизни, из которого очень сложно выбраться.

Все вышеуказанные обстоятельства в условиях отсутствия поддержки со стороны государства и общества (социопатогенез), в конечном счете могут привести к антиобщественному образу жизни, т. е. пьянству, систематическому употреблению наркоти-

ческих и иных веществ, бродяжничеству, административным правонарушениям и преступлениям.

Исходя из идей божественного провидения [10], становление личности преступника, в рамках которого, согласно протестантской этике, в качестве критерия богоизбранности выступал жизненный успех, следствием чего явилось воззрение о том, что преступность присуща лишь беднейшим слоям населения, следует отметить, что именно в условиях бедности и особенно при нищете совершение преступлений является актом безысходности.

Как правило, в условиях бедности и нищеты растет уровень преступности против собственности, которая чаще всего проявляется в форме хищения: кража, грабеж, разбой и т. д. Данные деяния, особенно кражи, совершаются не в целях обогащения или в виде профессиональной деятельности, а для того, чтобы выжить. Как отмечал Чезаре Беккариа, «кража является обычно преступлением нищеты и отчаяния, преступлением той несчастной части человечества, которой право собственности оставило возможность одного лишь голого существования» [11].

Часто встречаются случаи, когда по причине безысходности безработные, оставшиеся без средств к существованию, пенсионеры из-за нехватки пенсии в условиях инфляции и безудержного роста цен на лекарства, продукты питания, коммунальные и бытовые услуги систематически совершают мелкие кражи продуктов питания и предметов первой необходимости из магазинов и на рынках.

Безусловно, всякие противоправные деяния, особенно преступные проявления, имеют соответствующие причины и условия, их порождающие. Для предупреждения и профилактики преступлений, связанных с бедностью и нищетой, требуется принятие со стороны государства соответствующих мер по улучшению в стране социально-экономического положения и повышению жизненного уровня, что обеспечит достойную жизнь и свободное развитие граждан, особенно для развития подрастающего поколения.

Исходя из опыта многих стран, экономия средств на создание достойного уровня жизни для граждан контрпродуктивна, так как все это связано с падением уровня жизни, производительности труда, социальными потрясениями, ростом преступности и другими негативными последствиями.

Как выше было упомянуто, неудовлетворенные жизненно необходимые потребности и безысход-

ность будут подталкивать человека к преступлениям. Чем больше будет в стране бедных и нищих граждан, тем больше будет преступлений и преступников, что, безусловно, потребует увеличения соответствующих сил и средств правоохранительных органов для борьбы с преступностью, а также принятия в отношении преступников мер уголовно-правового воздействия. Все это в итоге связано не только с огромными финансовыми расходами, но и с поломанными судьбами многих граждан.

Лица, прошедшие все этапы уголовно-правового воздействия, связанные с привлечением к уголовной ответственности, отбыванием наказания и наступлением судимости, во всех своих бедах будут винить общество и государство и, в какой-то степени, будут враждовать с обществом или вредить ему. Соответственно, и само общество будет относиться к таким лицам настороженно и с недоверием, что в последующем осложнит процесс их ресоциализации.

Принятие со стороны государства соответствующих мер для улучшения социально-экономического положения в стране по преодолению бедности и нищеты, во-первых, будет способствовать повышению жизненного уровня граждан и предупреждению (профилактики) преступности, а во-вторых, — способствовать сохранению социально полезных индивидов для общества.

О значении предупреждения и профилактики преступности как одного из важных способов экономики наказания говорилось и раньше. Екатерина II Великая, императрица Российской империи, отмечала: «Гораздо лучше предупреждать преступления, нежели их наказывать» [12]. Итальянский мыслитель Чезаре Беккариа в своем труде «О преступлениях и наказаниях» писал: «Лучше предупреждать преступления, чем карать за них. Это составляет цель любого хорошего законодательства, которое, в сущности, является искусством вести людей к наивысшему счастью или к возможно меньшему несчастью» [13].

Предупреждению преступности существенное внимание уделялось и в античной эпохе. Древнегреческий философ Аристотель в отношении предупреждения преступления разработал концепцию его сдерживания, которая включает справедливое государственное устройство, стабильность закона, борьбу с коррупцией и уровень развития экономики, обеспечивающий высокое благосостояние

граждан [14], что, в свою очередь, создает благоприятную почву для преодоления бедности и нищеты в стране.

Применительно к указанной концепции Аристотеля уместно следующее высказывание китайского философа и мыслителя Конфуция: «Когда государство управляется согласно с разумом, постыдны бедность и нужда; когда государство не управляется согласно с разумом, то постыдны богатства и почести» [15].

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «Консультант-Плюс».
2. URL: <https://ria.ru/20230607/bednost-1876829753.html>
3. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13293>
4. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_Ind_bedn_2013-2020.pdf
5. URL: <https://www.vesti.ru/article/4290902>
6. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/12/2024/676fba119a794701ae55d64b>
7. URL: <https://aforizmov.net/aristotel-czitaty-i-aforizmy-460-czitat.html>
8. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Бедность>
9. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Нищета>
10. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Личность_преступника
11. URL: <https://юрпро.РФ/классика/беккариа/кражи.html>
12. URL: <https://обществознание-онлайн.рф/info/news/pravovedenie-gorazdo-luchshe-preduprezhdatt-prestupleniya-nezheli-ikh-nakazyvat-ekaterina-ii/>
13. URL: <https://protivpytok.org/biblioteka/bekkaria-chezare-o-prestuplenii-i-nakazanii>
14. URL: <https://ebooks.grsu.by/criminal/1-vozniknovenie-kriminologii.htm>
15. URL: <https://www.litres.ru/book/raznoe-47672/kitayskie-krylatye-vyrazheniya-4419025/chitat-onlayn/>

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved in the course of the all-Russian vote on July 1, 2020) // LRS «ConsultantPlus».
2. URL: <https://ria.ru/20230607/bednost-1876829753.html>
3. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13293>
4. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_Ind_bedn_2013-2020.pdf
5. URL: <https://www.vesti.ru/article/4290902>
6. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/12/2024/676fba119a794701ae55d64b>
7. URL: <https://aforizmov.net/aristotel-czitaty-i-aforizmy-460-czitat.html>
8. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Poverty>
9. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/beggary>
10. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/The_identity_of_the_criminal
11. URL: <https://yurpro.RF/classic/Beccaria/thefts.html>
12. URL: <https://social-studies-online.rf/info/news/pravovedenie-gorazdo-luchshe-preduprezhdatt-prestupleniya-nezheli-ikh-nakazyvat-ekaterina-ii/>
13. URL: <https://protivpytok.org/biblioteka/bekkaria-chezare-o-prestuplenii-i-nakazanii>
14. URL: <https://ebooks.grsu.by/criminal/1-vozniknovenie-kriminologii.htm>
15. URL: <https://www.litres.ru/book/raznoe-47672/kitayskie-krylatye-vyrazheniya-4419025/chitat-onlayn/>

Информация об авторе

М. Д. Давитадзе — профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры публичного права Московского университета имени С.Ю. Витте, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

M. D. Davitadze — Professor of the Department of Criminology and Criminal Enforcement Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Professor of the Department of Public Law of the Moscow Witte University, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 20.01.2025; одобрена после рецензирования 03.02.2025; принята к публикации 17.02.2025.
The article was submitted 20.01.2025; approved after reviewing 03.02.2025; accepted for publication 17.02.2025.

Научная статья
УДК 343.101:344.22
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-48-52>
EDN: <https://elibrary.ru/vosefo>

НИОН: 2003-0059-1/25-222
MOSURED: 77/27-003-2025-01-421

Предварительное следствие в деятельности российской политической полиции на рубеже XIX–XX вв.

Александр Егорович Епифанов^{1,2}

¹ Государственный университет управления, Москва, Россия, mvd_djaty@mail.ru

² Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия

Аннотация. В Российской империи процессуальные полномочия политической полиции являлись неотъемлемой частью ее компетенции, что нашло свое выражение в форме расследования преступлений под наименованием «дознание». Предпринята попытка раскрыть детали и процессуальные особенности участия российской политической полиции в предварительном расследовании как общеуголовных, так и государственных преступлений.

Ключевые слова: предварительное расследование, Устав уголовного судопроизводства, политическая полиция

Для цитирования: Епифанов А. Е. Предварительное следствие в деятельности российской политической полиции на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 48–52. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-48-52>. EDN: VOSEFO.

Original article

Preliminary investigation in the activities of Russian political police at the turn of the XIX–XX centuries

Alexander E. Epifanov^{1,2}

¹ State University of Management, Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru

² Moscow University of Finance and Industry «Synergy», Moscow, Russia

Abstract. In the Russian Empire the procedural powers of the political police were an integral part of its competence, which was expressed in the form of investigation of crimes under the name of «inquiry». An attempt to reveal the details and procedural features of the participation of the Russian political police in the preliminary investigation of both ordinary and state crimes was the purpose of this article.

Keywords: preliminary investigation, Statute of Criminal Procedure, political police

For citation: Epifanov A. E. Preliminary investigation in the activities of Russian political police at the turn of the XIX–XX centuries. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):48–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-48-52>. EDN: VOSEFO.

В ходе полицейской реформы, осуществлявшейся в изучаемый период, расследование по государственным преступлениям в полном объеме было отнесено к ведению губернских жандармских управлений. С 1871 г. полномочия по непосредственному «ведению и направлению» следственных дел этой категории перешли к Департаменту полиции [2, с. 62]. Директор последнего одновременно исполнял должность командира Отдельного корпуса жандармов и являлся «заведующим государственной полицией» [1]. В 1892 г. названные полномочия были закреплены «Учреждением министерства внутренних дел». Наблюдением за политическими дознаниями, а также гласным и негласным надзором полиции занимались образованные в 1883 г. 4-е и 5-е делопроизводства Департамента полиции. С 1902 г. за произво-

димыми жандармскими управлениями дознаниями, главным образом по политическим преступлениям, вместо упраздненного 4-го стало наблюдать 7-е делопроизводство.

Деятельность политической полиции по производству дознаний как по государственным, так и по общеуголовным преступлениям регламентировалась «Правилами о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений» от 19 мая 1871 г. [1]. Дознаниям о государственных преступлениях была посвящена ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства (УУС) [3, с. 31–43].

Полномочия жандармов Отдельного корпуса по производству дознаний в отношении общеуголовных преступлений регулировались также ст. 261 УУС [10, л. 9]. Приступать к ним жандармские чины наделя-

© Епифанов А. Е., 2025

лись правом согласно соответствующему поручению прокурорского надзора, а также при отсутствии общей полиции, угрозе уничтожения следов преступления или исчезновения самого преступника [4, с. 34].

Характерно, что в ходе дознаний чины политической полиции обязаны были обращаться ко всем его участникам, включая подозреваемого, спокойно, вежливо и терпеливо [5, с. 415]. Под страхом «законной ответственности», МВД категорически запрещало прибегать к насильственным действиям или угрозам любого рода на предмет получения признательных показаний [9, с. 3–7]. Согласно установленному порядку, дознания осуществлялись с ведома и в присутствии лиц прокурорского надзора [6, с. 41].

При возбуждении дознания или исполнения отдельного следственного поручения в порядке ст. 1035 УУС, чины политической полиции обязаны были в тот же день уведомить об этом прокурора суда с точным изложением всех данных по делу. Учитывая обстановку или данные особой важности (включая сложность дела; предстоящие обыски, выемки и т. п.; допрос лиц, занимающих особо привилегированное положение) последнему направлялось уведомление о «желательности» личного участия в разбирательстве лица прокурорского надзора, надзирающего за производством дознания. В случае его положительного ответа в любой форме, как письменно, так и устно, время совершения всех последующих следственных действий назначалось по согласованию с названным прокурорским работником. Вместе с тем, неполучение подобного уведомления основанием для приостановления дознания не служило.

В изучаемый период законными поводами к началу производства дознания признавались случаи, перечисленные в ст. 297–300, 306–313, 208 и 289 Устава уголовного судопроизводства [3], а равно предписания своего непосредственного начальства, «предложения» чинов прокурорского надзора и Департамента полиции. При этом в основу его закладывалось не только исследование того или иного конкретного преступного проявления, но и выявление всего того «сообщества», под влиянием которого оно имело место. Законный повод к возбуждению дознания также оставался без последствий не иначе как по соглашению с судебным прокурором [10, л. 3].

О принятии дела к производству по любому поводу чинами политической полиции составлялось постановление о «приступе к производству дозна-

ния». В нем указывались соответствующие статьи Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, после чего, согласно ст. 1035 УУС, не позднее суток после составления оно направлялось в литерном порядке в Департамент полиции, с сообщением об этом местному прокурору суда, а в необходимых случаях — военному начальству. Обращает на себя внимание скрупулезность, с которой жандармы подходили к составлению всех актов уголовного судопроизводства. Если заменяя следственную власть они неправильно составляли какой-либо акт, то он в обязательном порядке подлежал переоформлению и приведению в надлежащее состояние. При невозможности повторения соответствующего следственного действия, содержание акта подлежало проверке путем допроса всех чинов, присутствовавших при его составлении, включая самого проводившего следственное действие жандарма. Дознания возбуждались о каждом новом самостоятельном преступлении.

В случаях приостановления производства по независямым от политической полиции причинам, составлялось особое постановление с указанием в нем тех действий или мер, которые были необходимы для окончания дела. Обыски, выемки, освидетельствования, привлечение в качестве обвиняемого предпринимались не иначе как с объяснением в особом постановлении законных поводов к производству названных следственных действий.

Применительно к ст. 292 УУС в порядке исключения допускалось телеграфное требование о производстве следственных действий [3], но в сопровождении мотивированного особого постановления, составленного при участии лица прокурорского надзора. Вслед за телеграммой копия названного постановления в обязательном порядке подлежала незамедлительному направлению почтой [10, л. 3 об.]

Согласно требованиям ст. 398 и 399 УУС [3], все вызванные на допрос лица подлежали производству этого следственного действия в тот же день с составлением соответствующих постановления и протокола. При отсутствии особых к тому препятствий незамедлительному допросу подлежали задержанные лица, доставленные полицией вместе с дознанием или без него.

Согласно установленному порядку, все протоколы допросов, опросов, выемок, освидетельствований и пр. составлялись по месту производства,

подлежали прочтению присутствующими и подписанию ими. За невозможностью их осуществления, в соответствующем протоколе учинялась запись с объяснением причин. При производстве освидетельствований требовалось личное присутствие понятых.

Согласно ст. 109, 320 и 321 УУС [3], в случаях неграмотности, отказа от подписи или болезненного состояния участников следственных действий, в протоколах в обязательном порядке учинялась подпись удостоверявших данный факт понятых. Характерно, что при допросе последние не присутствовали, а приглашались лишь после его завершения с тем, чтобы показания были зачитаны допрошенному в их присутствии.

Неотъемлемой частью материалов дознания являлись характеризующие обвиняемого сведения, а именно справки о роде занятий, круге знакомств, возрасте, звании и степени политической благонадежности (ст. 413, 414 УУС) [3]. Таковые в обязательном порядке запрашивались производящими дознание чинами политической полиции сразу же после допроса, как по месту жительства, так и приписки. Задержка в получении названных справок до окончания сроков дознания препятствием для последующей его передачи на предмет рассмотрения по существу не являлась. Справки, поступившие с опозданием, высылались в дополнение к делу.

По окончании разбирательства компрометирующая информация направлялась жандармами по принадлежности. Так, о привлечении в качестве обвиняемых лиц, состоящих в запасе «по роду оружия» сообщалось тому воинскому начальнику, у которого они состояли на учете; о состоящих на государственной или общественной службе — губернатору; учащимся — руководству соответствующего учебного заведения.

Особое постановление составлялось полицией о привлечении в качестве обвиняемого. Оно содержало подробные указания на улики и доказательства обвинения, а также точное определение вида преступления. Названное постановление подлежало объявлению обвиняемому в «общеупотребительных выражениях», причем прежде любого допроса по существу обвинения. Все ссылки обвиняемого на «уменьшающие вину» обстоятельства подлежали проверке жандармскими чинами в ходе дознания. Отказ от этой проверки был возможен лишь по особому, «подробно мотивированному» постановлению. Необходимо отметить, что к

протоколу допроса обвиняемого присовокуплялась «выборка сведений» из его личных документов, за «подлежащей подписью» [10, л. 6]. Кроме того, составлялось и объявлялось обвиняемому постановление об избрании меры пресечения. Правила судопроизводства изучаемого периода допускали случаи, когда в отношении одного и того же лица возбуждалось несколько уголовных дел, по каждому из которых избирались различные меры пресечения. Если это происходило, то по каждому из таких дел составлялось особое постановление о мере пресечения, но реально применялось наиболее строгое из них [8, л. 155].

Постановление о применении меры пресечения в обязательном порядке сопровождалось «точной» справкой о том, был ли обвиняемый арестован в порядке охраны накануне возбуждения формального дознания или нет; если был, то сколько времени содержался под стражей и где именно. В течение 24-х часов со времени заключения каждое постановление о взятии под стражу в копии подлежало направлению соответствующему начальнику пенитенциарного учреждения и прокурору суда. При избрании меры пресечения в виде «особого надзора полиции», жандармы обязаны были одновременно сообщать об этом «подлежащей полицейской власти» и местному представителю жандармского надзора.

Постановление о принятии залога (ст. 426 УУС) в обязательном порядке визировалось залогодателем, содержало сведения о сумме залога и точное указание на то, из каких именно денежных знаков состоит залог [3]. Что касается процентных бумаг, то указывалась их номинальная, а не рыночная стоимость, а также число находящихся при них купонов. Ценности незамедлительно записывались в особую денежную книгу и сдавались в местное казначейство на депозит Губернского правления, если это происходило в губернском городе. В уездах поступавшие в порядке залога ценности поступали на депозит Уездного полицейского управления. В обоих случаях соответствующая финансовая отчетность подшивалась к уголовному делу в специальном запечатанном конверте сразу за протоколом о принятии залога. Документация по приему, пересылке и возврату ценностей в порядке залога являлась неотъемлемой частью материалов дознания.

В качестве залогодателя могло выступать любое лицо, представившее назначенную для залога сумму. Поручителем могло быть состоятельное лицо, пред-

ставившее нотариально заверенное удостоверение о своей кредитоспособности. Ст. 428 УУС допускала как увеличение суммы залога или поручительства, так и ее уменьшение, причем незамедлительно [3]. В обоих случаях жандармами выносилось особое постановление. При передаче прокурору суда как законченного производством, так и приостановленного дознания, изменять меру пресечения уже не допускалось [10, л. 5].

Согласно требованиям ст.ст. 415 и 429 УУС [3], осуществлявшие дознание чины политической полиции въезд в столицы и иные города привлеченным в качестве обвиняемых лицам могли разрешать лишь с санкции «наблюдающего» за следствием лица прокурорского надзора. В случае его положительного решения, о выезде обвиняемого в известность ставились соответствующие начальник жандармского управления и жандармские чины по территориальности. При этом возбуждающим ходатайство о выезде не рекомендовалось избирать местом своего жительства уезды, служившие местом дислокации императорской резиденции. При самовольном оставлении обвиняемым избранного места жительства, мера пресечения заменялась на более строгую. О подобной перспективе соответствующим лицам объявлялось при первоначальном избрании меры пресечения.

Согласно циркуляру Департамента полиции 1906 г. № 7519, на выезд обвиняемого за границу, помимо названных формальностей, требовалась санкция такового, причем для решения вопроса необходимо было указать, подлежит ли дело судебному разбирательству или прекращению. При выезде в Финляндию во внимание принимались соображения по поводу того, что там особый надзор полиции в полной мере осуществлять возможным не представлялось (Циркуляр Департамента полиции 1906 г. № 4890) [10, л. 6].

Согласно ст. 1035/22 Устава уголовного судопроизводства чины политической полиции обязаны были объявить об окончании дознания каждому обвиняемому, как содержащемуся под стражей, так и «наличному», т. е. проживающему в районе его производства [3]. При этом ему разъяснялось право на ознакомление с материалами дознания. Каждое заявление обвиняемого о желании ознакомиться с материалами дела подлежало безусловному удовлетворению. О предъявлении дознания для ознакомления для каждого из проходящих по делу обвиняемых составлялся отдельный протокол. Он содержал запись,

удостоверяющую о том, что обвиняемому были предъявлены для ознакомления лишь те следственные акты, которые касались только его лично. Материалы оперативного характера и агентурные данные не предъявлялись ни в коем случае [10, л. 8]. Выдавать обвиняемым какие либо копии материалов дознания категорически запрещалось.

После предъявления обвиняемым все законченные производством дознания, согласно циркуляру Департамента полиции 1908 г. № 117140, представлялись соответствующему начальнику жандармского управления для дальнейшего направления по подсудности. Как того требовали ст. 277 и 1035/25-26 УУС, при обнаружении виновных или недостаточности улик, составлялось мотивированное заключительное постановление. В случае, если обвиняемый скрылся и разыскан не был, на него составлялась розыскная ведомость, поступавшая в Департамент полиции и в копии — начальнику соответствующего жандармского управления. После этого выносилось постановление о приостановлении дознания, но лишь применительно к скрывшемуся обвиняемому. В отношении прочих оно продолжалось в установленном порядке. По окончании дознания арестованные лица одновременно с направлением дознания перечислялись содержанием за тем лицом, которому оно поступило для последующего производства. Об этом незамедлительно ставился в известность начальник места заключения, в котором обвиняемый находился под стражей [10, л. 8].

Исследование показало, что сосредоточение в руках Департамента полиции полномочий по борьбе с противоправительственной деятельностью и направленных против нее ответных мерах, включая дознание по государственным преступлениям, позволило в значительной степени оптимизировать борьбу с революционными проявлениями и преодолеть разобщенность компетентных органов МВД. По государственным преступлениям к компетенции жандармов относилось производство осмотров, освидетельствований, допросов, обысков и выемок. Также они имели право предъявлять обвинения.

Накопленный исторический опыт определяет необходимость дальнейшего развития и формирования прочной правовой базы в деятельности правоохранительных органов. Насущные требования современности формируют необходимость глубокого изучения и последующего учета наследия, заложенного развитием отечественного государства и права [7, с. 1393].

Список источников

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 46. № 4915.
2. Епифанов А. Е., Баев Р. Р., Джумагулов А. С. Федеральное вмешательство как институт федерального государства. Волгоград, 2011.
3. Епифанов А. Е. Организационные и правовые основы деятельности российской политической полиции по дознанию на рубеже XIX–XX в. // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. XVIII. СПб., 2021.
4. Епифанов А. Е. Из истории организации и деятельности общей полиции Российской империи на рубеже XIX–XX вв. (по материалам Нижнего Поволжья) // Вестник экономической безопасности. 2023. № 2. С. 59–64.
5. Епифанов А. Е. К вопросу о культуре правоприменения в деятельности российской политической полиции по дознанию на рубеже XIX–XX вв. // Право — явление цивилизации и культуры. Вып. 3 / отв. ред. М. В. Немытина. М. : РУДН, 2021.
6. Епифанов А. Е., Панченко А. В. Правовая природа механизма обеспечения личной безопасности граждан // Новая правовая мысль. Научно-аналитический журнал. 2010. № 4(41). С. 39–46.
7. Goran Rajović, Bratanovskii S. N., Epifanov A. E., Buryanov S. A. The System of Public Education in Dagestan Oblast (1860–1917) // European Journal of Contemporary Education. 2022. No. 11(4). P. 1385–1393.
8. Епифанов А. Е. К вопросу о преодолении пробелов и коллизий действующего законодательства в правоприменительном процессе // Парадигмы управления, экономики и права. 2020. № 2. С. 153–162.
9. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 465.
10. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 466.

Информация об авторе

А. Е. Епифанов — профессор кафедры публичного права и правового обеспечения управления Института государственного управления и права Государственного университета управления, профессор кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин Московского финансово-промышленного университета «Синергия», доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. E. Epifanov — Professor of the Department of Public Law and Legal Support of Management of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management, Professor of the Department of Fundamental Law and Social and Humanitarian Disciplines of the Moscow University of Finance and Industry «Synergy», Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024; одобрена после рецензирования 01.11.2024; принята к публикации 14.01.2025.
The article was submitted 09.09.2024; approved after reviewing 01.11.2024; accepted for publication 14.01.2025.

Научная статья
УДК 34.63
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-53-55>
EDN: <https://elibrary.ru/vkicae>

НИОН: 2003-0059-1/25-223
MOSURED: 77/27-003-2025-01-422

Уголовно-правовые средства противодействия буллингу в России

Александра Михайловна Зарина^{1,2}

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, sistersashenka86@yahoo.com

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. Актуальной проблемой для современного общества является противодействие уголовно-правовыми средствами таким негативным явлениям как буллинг и кибербуллинг. Предложена классификация преступных деяний, связанных с буллингом, на основные и непосредственные составы преступлений. Необходимо предусмотреть ответственность за травлю в отдельной ст. 128.2 УК РФ «Незаконное преследование».

Ключевые слова: буллинг, кибербуллинг, травля, оскорбление, клевета, Интернет, неоднократность, физическое насилие, психологическое насилие

Для цитирования: Зарина А. М. Уголовно-правовые средства противодействия буллингу в России // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 53–55. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-53-55>. EDN: VKICAЕ.

Original article

Criminal legal means of combating bullying in Russia

Alexandra M. Zarina^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, sistersashenka86@yahoo.com

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. An urgent problem for modern society is to counter such negative phenomena as bullying and cyberbullying by criminal legal means. A classification of criminal acts related to bullying is proposed into basic and direct elements of crime. It is necessary to provide for liability for bullying in a separate article 128.2 of the Criminal Code of the Russian Federation «Illegal persecution».

Keywords: bullying, cyberbullying, bullying, insult, slander, Internet, repetition, physical violence, psychological violence

For citation: Zarina A. M. Criminal legal means of combating bullying in Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):53–55. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-53-55>. EDN: VKICAЕ.

На сегодняшний день достаточно важным и актуальным является вопрос о привлечении к ответственности лиц, реализующих такие противоправные деяния, как буллинг и кибербуллинг. К сожалению, в УК РФ отсутствует самостоятельная норма, предусматривающая ответственность за травлю. При причинении вреда лицу ответственность наступает по разным статьям УК РФ, а посягательство происходит не на тождественные объекты.

В связи с обозначенной проблемой, предлагаем выделить составы преступлений, которые направлены на реализацию насилия и классифицировать статьи УК РФ на основные или непосредственные составы преступлений, относящиеся к буллингу и опосредованные, которые могут присутствовать в совокупности неправомерных действий лица или те, что связаны с противоправным поведением лица.

Основные составы преступлений, предусмотрены статьями УК РФ: 110, 110.1, 110.2, 128.1, 137, 163, 183, 213, 280.3, 282, 298.1. Опосредованные составы

преступлений, предусмотрены статьями УК РФ: 133, 135, 138, 138.1, 150, 151.2, 270.2, 272.

Перечень представленных статей достаточно обширен по объекту уголовно-правовой охраны и, безусловно, может рассматриваться в контексте расширительного толкования и включения в списки классификации новых статей УК РФ.

Отдельные авторы совершают попытки классифицировать данные преступления и определить единые признаки вышеобозначенных составов преступления [4]. Однако, данная позиция носит дискуссионный характер и впоследствии будет вызывать трудности в практике применения правоохранительных органов.

Д. К. Амирова и Ю. В. Куницына обращают внимание на внесение изменений в отдельные статьи УК РФ. Так, они предлагают дополнить ч. 2 ст. 137, ч. 2 ст. 119 УК РФ таким квалифицирующим признаком, как способ совершения преступления, обратив внимание на кибербуллинг [1, с. 16].

© Зарина А. М., 2025

Важно обратить внимание на специфику объекта посягательства при травле. Безусловно, такие незаконные действия должны относиться к главе, предусматривающей ответственность за преступления против свободы, чести и достоинства личности.

Среди ученых существуют точка зрения о конструировании нормы ст. 130.1 УК РФ, обозначив ее название как «Публичное оскорбление», при этом оставив в неизменном виде декриминализованную ст. 130 УК РФ, но включив в диспозицию нормы публичный способ совершения деяния [2, с. 715].

Интересной является позиция Ю. А. Чич, которая считает, что в данном случае важно говорить о введении специальной нормы УК РФ, которая описывала бы противоправные действия, характеризующие буллинг, но и обратила внимание на такое явление, как кибербуллинг. Предложено сконструировать ст. 128.2 УК РФ «Травля с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» следующим образом: «Действия, направленные на распространение достоверных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, Интернета с целью причинения физических и (или) моральных страданий лицу...» [4, с. 163–164]. Конечно, в связи с трансформацией современного российского общества указанное предложение является своевременным и актуальным. Однако, необходимо учитывать не только эффект информационно-телекоммуникационных сетей, но и травлю в публичном общественном пространстве с выделением всех необходимых квалифицирующих признаков.

Такие явления, как буллинг и кибербуллинг, получили широкое распространение в образовательной среде несовершеннолетних по ряду причин: в силу несформированности личности и неразвитости психики, отдельных личностных качеств — жестокости, мстительности и др. и, конечно же, семейных и бытовых проблем.

Однако, мы зачастую забываем о проявлении буллинга в среде совершеннолетних, когда происходят случаи травли женщин, которые отказываются рожать детей или жен военнослужащих, которые находятся в зоне специальной военной операции. Такие действия нарушают не только нормальные социальные отношения в обществе, но и посягают на объекты, охраняемые уголовным правом. Особое внимание среди ученых на сегодняшний день уделяется информационно-телекоммуникационным технологиям, но совершенно забыт эффект реализации буллинга в

социальных учреждениях и общественных местах. Также Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» введена ст. 207.2. Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия, однако отсутствует уголовная ответственность за травлю отдельных лиц или социальных групп при наступлении отдельных последствий.

На наш взгляд, ст. 128.2 УК РФ («Незаконное преследование») необходимо сконструировать в следующей редакции: «1. Неоднократное совершение физического и (или) психологического насилия, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию.

2. То же деяние:

а) повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью человека;

б) совершенное при публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации либо совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет;

в) в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных, а также в отношении несовершеннолетнего.

3. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия».

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» внести изменения и разъяснить такие категории, как неоднократность, физическое насилие, психологическое насилие.

Неоднократность — это совершение лицом двух и более тождественных действий, ни за одно из которых оно ранее не несло ответственности.

Физическое насилие характеризуется как активное физическое действие, проявляющееся в виде ударов, пинков и причинения иного вреда лицу в виде побоев или иных насильственных действий, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, указанных в ст. 115 УК РФ. Если лицо причинило легкий, средний, тяжкий вред здоровью последствия будут квалифицированы в совокупности с указанными в УК РФ статьями.

Психологическое насилие является видом насилия, посредством которого осуществляется воздействие на психику лица, которое впоследствии может нанести глубокие психологические травмы лицу.

Отграничить ст. 128.2 УК РФ от ст. 116.1 УК РФ можно по такому признаку, что при буллинге субъект преступления наносит вред одному и тому же лицу или лицам.

В п. «б» ч. 2 конструированной статьи особое внимание уделено кибербуллингу, когда субъект использует информационно-телекоммуникационные технологии.

Кибербуллинг проявляется в виде сообщений оскорбительного и клеветнического характера, угрозы распространения и опубликования фотографий компрометирующего характера, унижительных постов; создания профилей-двойников; взлома профиля лица в социальных сетях для психологического воздействия на жертву; распространения информации личного, интимного или дискредитационного характера [3].

В п. «а» ч. 2 использована конструкция двойной формы вины, т. е. лицо умышленно совершает физическое и (или) психологическое насилие, порочащее честь и достоинство другого лица или подрывающие его репутацию, а неосторожность проявляется относительно причинения тяжких последствий. Следует отметить, что данные деяния имеют неоднократный, систематический характер. В других случаях умышленного поведения лица ответственность будет наступать по другим составам УК РФ в зависимости от объекта посягательства.

Итак, нами проведена классификация статей УК РФ, которые непосредственно реализуют действия буллера и опосредованно могут сопровождать буллинг. Введение в УК РФ нормы, предусматривающей уголовную ответственность за буллинг и кибербуллинг поможет урегулировать отношения в обществе,

исключить случаи травли. Указание в УК РФ на противоправность таких деяний под страхом применения наказания позволит сократить количество негативных проявлений в социальном пространстве.

Список источников

1. Амирова Д. К., Куницына Ю. В. К вопросу об установлении уголовной ответственности за кибербуллинг // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 7. № 1(13). С. 12–16.
2. Зуева Т. Ю. Кибербуллинг: уголовно-правовой аспект // Традиции и новации в системе современного российского права. М., 2018.
3. Сенина Ю. Е. Уголовно-правовая природа кибербуллинга в эпоху цифровой трансформации общества // Интеллектуальные ресурсы — региональному развитию. 2022. № 2. С. 303–308.
4. Чич Ю. А. Уголовно-правовая характеристика кибербуллинга — травли с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Теория и практика общественного развития. 2023. № 5. С. 160–164.

References

1. Amirova D. K., Kunitsyna Yu V. On the issue of establishing criminal liability for cyberbullying // Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. 7. No. 1(13). P. 12–16.
2. Zueva T. Yu. Cyberbullying: criminal legal aspect // Traditions and innovations in the system of modern Russian law. M., 2018.
3. Senina Yu. E. The criminal legal nature of cyberbullying in the era of digital transformation of society // Intellectual resources for regional development, 2022. No. 2. P. 303–308.
4. Chich Yu. A. Criminal legal characteristics of cyberbullying — bullying using information and telecommunication networks // Theory and practice of social development. 2023. No. 5. P. 160–164.

Информация об авторе

А. М. Зарина — доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент кафедры международного и частного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. M. Zarina — Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Associate Professor of the Department of International and Private Law of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.07.2024; одобрена после рецензирования 19.09.2024; принята к публикации 01.11.2024.
The article was submitted 27.07.2024; approved after reviewing 19.09.2024; accepted for publication 01.11.2024.

Научная статья

УДК 34.3

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-56-62>

EDN: <https://elibrary.ru/vruodx>

ИПОН: 2003-0059-1/25-224

MOSURED: 77/27-003-2025-01-423

Хищение предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность: некоторые аспекты расследования

Дмитрий Александрович Иванов¹, Мадина Муссаевна Макаренко²

¹ Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия, ida_2008_79@mail.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, mak72-00@mail.ru

Аннотация. Раскрыты процессуальные и тактические особенности производства некоторых следственных действий по уголовным делам, возбужденным по фактам хищения предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность. Сделан вывод о том, что успешное раскрытие и расследование хищения указанных материальных субстратов связано со своевременным и квалифицированным проведением следующих следственных действий: осмотры, допросы, назначение экспертиз. Выделена такая особенность расследования преступлений, предусмотренных ст. 164 УК РФ, как необходимость обладания следователем специальными познаниями в области истории, науки, искусства и культуры. Отмечено, что общие нормативно установленные положения, касающиеся порядка, условий хранения, учета и передачи вещественных доказательств не распространяются на правила обращения с предметами, представляющими особую ценность для истории, науки, искусства и культуры. Последние требуют специальных условий хранения. Обоснован вывод о нецелесообразности проведения опознания в отношении предмета преступного посягательства применительно к ст. 164 УК РФ.

Ключевые слова: предметы, представляющие особую ценность для истории, науки, искусства и культуры, расследование, тактические особенности, следственные действия

Для цитирования: Иванов Д. А., Макаренко М. М. Хищение предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность: некоторые аспекты расследования // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 56–62. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-56-62>. EDN: VRUODX.

Original article

Theft of objects of special historical, scientific, artistic or cultural value: some aspects of investigation

Dmitry A. Ivanov¹, Madina M. Makarenko²

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ida_2008_79@mail.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, mak72-00@mail.ru

Abstract. The procedural and tactical features of production of some investigative actions in criminal cases initiated on the facts of theft of objects of special historical, scientific, artistic or cultural value are disclosed. It is concluded that successful disclosure and investigation of theft of the mentioned material substrates is connected with timely and qualified carrying out of the following investigative actions: inspections, interrogations, appointment of expertise. Such peculiarity of investigation of crimes under Art. 164 of the Criminal Code of the RF, as the need for the investigator to possess special knowledge in the field of history, science, art and culture. It is noted that the general normatively established provisions concerning the order, conditions of storage, accounting and transfer of physical evidence do not apply to the rules of handling objects of special value for history, science, art and culture. The latter require special storage conditions. The conclusion about the inexpediency of identification in relation to the subject of criminal offense in relation to article 164 of the Criminal Code of the Russian Federation is substantiated.

Keywords: objects of special value for history, science, art and culture, investigation, tactical features, investigative actions

For citation: Ivanov D. A., Makarenko M. M. Theft of objects of special historical, scientific, artistic or cultural value: some aspects of investigation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):56–62. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-56-62>. EDN: VRUODX.

Являясь неотъемлемой частью интеллектуального кода развития человеческой цивилизации памятники истории, культуры, науки и искусства находятся под защитой любого демократического государственного образования. При этом реализуется комплекс правовых, организационных и практических мер, направленных на сохранение их целост-

ности, защиту от уничтожения и повреждения, предотвращение возможных хищений и спекуляций на различных мировых антикварных рынках [4]. Среди таковых следует выделить криминализацию указанных действий путем введения в уголовное законодательство соответствующих формализованных норм.

© Иванов Д. А., Макаренко М. М., 2025

По данным Министерства культуры РФ, официально пропавшими, похищенными и утраченными в России числятся более 20 тыс. объектов культурного наследия [8]. Более того, наша страна задает негативный тренд, входя в тройку государств – мировых лидеров по количеству хищений антиквариата [6]. Однако, эффективного противодействия данному процессу, как показывает анализ эмпирических данных, до настоящего времени не обеспечено, а норма, предусмотренная ст. 164 УК РФ, применяется крайне редко.

Справочно: в 2023 г. в РФ было зарегистрировано всего 11 преступлений, связанных с хищением предметов, представляющих особую ценность, расследовано и направлено в суд 13 уголовных дел, по ним к ответственности привлечено 13 фигурантов. Низкая результативность применения нормы, предусмотренной ст. 164 УК РФ, зафиксирована и в текущем отчетном периоде, — с января по июнь 2024 г. зарегистрировано всего 5 исследуемых составов, расследовано и направлено в суд 9 уголовных дел в отношении такого же количества фигурантов [7].

Отметим, что складывающаяся неблагоприятная оперативная обстановка на данном направлении деятельности отчасти обусловлена отсутствием единой методикой расследования указанных преступлений, слабой профессиональной подготовкой следователей, специализирующихся на подобных составах, в том числе в части обладания специальными знаниями в области истории, науки, культуры и искусства, необходимого взаимодействия с соответствующими специалистами служб и подразделений МВД России, а также иных заинтересованных министерств и ведомств.

Изложенные выше обстоятельства актуализируют вопросы, рассматриваемые в рамках настоящей статьи.

Главным процессуальным инструментом, способствующим успешному расследованию хищения предметов, имеющих особую ценность, являются следственные действия. Своевременность их проведения, а также соблюдение при этом всех законодательно установленных положений, гарантируют формирование необходимой доказательственной базы, достаточной для установления объективной картины преступления и привлечения к уголовной ответственности виновных лиц. Очевидно, что именно следственные действия являются важнейшим компонентом того инструментария процессуальных средств, которым законодатель наделил участников уголовного процесса. Кроме того, согласно закону,

именно результаты следственных действий выступают в качестве доказательств по уголовному делу.

В практической деятельности следователя наиболее востребованными следственными действиями для успешного расследования преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ, являются: осмотры, допросы, назначение экспертиз. Выбор тактики их производства осуществляется следователем в зависимости от сложившейся следственной ситуации по уголовному делу, в частности с учетом времени, прошедшего со дня совершения преступления, процессуального статуса фигуранта, с которым проводятся данные манипуляции, особенностей предмета преступного посягательства.

Огромное доказательственное значение для установления объективной картины произошедшего играет такое следственное действие, как осмотр. Посредством его проведения следователем могут быть обнаружены материальные следы преступления. В доктрине виды осмотра классифицируются в зависимости от его объекта. Применительно к исследуемым составам наибольший интерес представляют осмотр места происшествия, а также осмотр предмета.

Основной задачей следователя при осмотре места происшествия является фиксация обстановки совершения преступления, обнаружение и изъятие следов преступной деятельности, орудий и средств совершения преступного деяния. В качестве места происшествия по такого рода делам могут выступать: музеи, картинные галереи, выставочные залы, художественные салоны и антикварные магазины, архивы, реставрационные мастерские, квартиры и дома граждан, где хранятся частные коллекции произведений искусства либо их отдельные образцы, здания для опавления культа (молельные дома, церкви, католические храмы, синагоги, мечети и пр.). Осмотр проводится по правилам, установленным ст. 176, 177, 180 УПК РФ.

При подготовке к осмотру следователь должен проанализировать имеющуюся ориентирующую информацию о совершенном криминальном деянии и лицах к нему причастных, а также заблаговременно решить вопрос о круге участников данного следственного действия, приглашении дополнительных специалистов, использовании технических средств.

Так, если планируется осмотр музея или галереи, то необходимо обеспечить участие в данном следственном действии сотрудника указанного учреждения, имеющего властно-распорядительные либо административно-хозяйственные функции, который может дать необходимые пояснения по плану здания, имеющихся дополнительных выходах, штате сотруд-

ников и их функциональных обязанностях, особенностях охраны, в том числе наличия сигнализации и камер видеонаблюдения (записи с последних впоследствии будут изъяты в ходе рабочего этапа осмотра места происшествия).

Принимая во внимание специфичность объекта преступного посягательства и его значение для истории, науки, искусства и культуры, целесообразно присутствие при осмотре искусствоведа, историка, ювелира, скульптора, архивариуса, библиотекаря, специалиста в области религиоведения, либо иного сведущего лица, способного дать следователю необходимые пояснения как по особенностям похищенного, так и разъяснить некоторые правила обращения с осматриваемыми объектами в ходе проводимого следственного действия (работа в перчатках, бахилах, соблюдение температурного режима, учет конфессиональной культуры в части недопустимости употребления ненормативной лексики, неэтичного внешнего вида, использования служебно-розыскных собак, гендерных особенностей участников при осмотре конкретных внутренних участков при работе в храмовых комплексах, а также запретов дотрагиваться до священных сосудов и предметов (потир, звезда, цибориум, моностранция, свиток Торы и т. п.). Кроме того, любой осмотр помещения для отправления культа нужно согласовать с руководителем региональной конфессии, а также принять меры к тому чтобы в процессе осмотра все религиозные ритуалы были приостановлены, а прихожане удалены с места происшествия.

При осмотре больших внешних территорий, прилегающих к месту, откуда был похищен предмет, представляющий особую ценность, целесообразно использование кинолога со служебно-розыскной собакой. Как показывает практика, ситуативные преступники, скрываясь с места происшествия оставляют многочисленные следы преступления (оклады от икон, багеты от картин, фрагменты холста, упаковки похищенного, приспособления для проникновения (различные инструменты для вскрытия запирающихся устройств, повреждения сигнализации и пр.).

Кроме того, нужно иметь в виду, что осмотр жилого помещения (например, когда там оборудована реставрационная либо художественная мастерская, где изготавливались копии похищенных предметов) может быть произведен только при условии того, что проживающие в нем лица не возражают против этого. Если же ситуация носит характер конфликтной, то целесообразно заручиться судебным разрешением на проведение подобного осмотра в порядке ст. 165 УПК РФ.

В ситуациях, когда способ хищения был связан с применением насилия (грабеж, разбой), требуется пригласить специалистов в области медицины (на случай если необходимо будет оказать врачебную помощь участникам криминальных действий), Указанное следственное действие рекомендуется проводить с участием потерпевшего лица, если по медицинским показаниям оно в состоянии присутствовать при данном следственном действии. В ситуации, когда это невозможно, целесообразно привлечь к осмотру иных лиц, которые были невольными очевидцами случившегося.

В ходе осмотра места происшествия в рамках рабочего этапа, различают статическую и динамическую стадии.

На статической стадии во время рабочего этапа осмотра следователь изучает и фиксирует в протоколе общую обстановку помещения или местности, взаимное расположение находящихся на месте происшествия предметов.

Во время динамической стадии (в рамках рабочего этапа осмотра) подробно осматриваются предполагаемые места, где находились или экспонировались похищенные предметы, представляющие особую ценность, следы борьбы (в случае если преступное деяние совершено с применением насилия), поджога (если имел место таковой), пути возможного проникновения и отхода преступников (здесь можно обнаружить следы распила, разжима, разбора кирпичной кладки, сверления, использования масла, термического воздействия, альпинистского снаряжения), фиксируются и изымаются предметы и вещества, имеющие значение для дела: орудия преступления и борьбы (в момент совершения преступления потерпевший мог защищаться каким-либо предметом); одежда потерпевшего; окурки; волосы, следы, похожие на кровь; различные предметы со следами бурого цвета, напоминающими кровь. Специалистом берутся смывы указанного вещества. Впоследствии изъятые образцы будут представлены эксперту для сравнительного анализа в ходе проведения биологической, либо химической экспертизы.

После описания каждого изымаемого объекта, следователь описывает также упаковку, в которую помещается изъятый объект, с дословным указанием в протоколе пояснительной надписи, нанесенной на эту упаковку. На это необходимо обращать очень серьезное внимание для того, чтобы в дальнейшем при направлении на экспертизу изъятых объектов и их последующем осмотре экспертом ни у кого не возникло сомнения в их идентичности.

По делам такого рода следователю рекомендуется составление фототаблицы, которая образно помогала бы воссоздать обстановку места происшествия и найденные следы преступления.

В качестве предмета, который подлежит осмотру в рамках расследования уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 164 УК РФ, чаще всего выступают похищенные материальные субстраты, а также орудия и средства совершения данного преступления.

Следует выделить такую особенность расследования преступлений, предусмотренных ст. 164 УК РФ, как необходимость обладания следователем специальными познаниями в области истории, науки, искусства и культуры. Безусловно, что закон позволяет лицу, производящему расследование, использовать при проведении следственных действий (осмотры, допросы, назначение экспертиз, освидетельствования, опознания, обыска, выемки) помощь узких специалистов в той или иной области (геммологи, религиоведы, искусствоведы, ювелиры, скульпторы и т. п.), ибо без участия последних этот процесс будет просто непродуктивным.

Однако полагаем необходимым рекомендовать следователю при подготовке к данным следственным действиям изучить специальную литературу в интересующей области знаний (художественные, нумизматические, филателистские, аукционные каталоги, специальные альбомы и книги о творчестве того или иного художника, зодчего, ювелира и пр., редкие издания книг по истории, науке, искусству и культуре и т. п.).

Во-первых, это позволяет повысить результативность следственных действий, так как сведущий представитель стороны обвинения будет серьезно восприниматься стороной защиты.

Во-вторых, это способствует конструктивному диалогу между лицом, проводящим следственное действие, и фигурантами, с которыми оно проводится.

В-третьих, при описании в процессуальных документах механизма совершения преступления, особенностей предмета преступного посягательства, следователь будет применять терминологию, правильно отображающую обстоятельства совершенного преступления, входящие в предмет доказывания.

Как уже отмечалось, современные преступники при совершении анализируемого состава все чаще используют Интернет (объявления о покупке или продаже предметов, представляющих особую ценность). В этой связи, следователю, производящему расследование подобных криминальных действий, необходимо

внимательно изучить и обобщить всю имеющуюся информацию о совершенном преступлении и определить приоритеты, связанные с поиском и изъятием значимой компьютерной информации. В соответствии со ст. 176 УПК РФ в целях фиксации и процессуального оформления, производится следственный осмотр страницы конкретного интернет-сайта.

Применительно к расследованию преступлений, предусмотренных ст. 164 УК РФ, следует выделить еще одну особенность в части, касающейся порядка, условий хранения, учета и передачи вещественных доказательств. Нужно отметить, что общие нормативно установленные положения не распространяются на правила обращения с предметами, представляющими особую ценность для истории, науки, искусства и культуры [5]. Последние требуют специальных условий хранения и на практике передаются для этого в территориальные управления Министерства культуры Российской Федерации, либо частным владельцам на основании внесенного уполномоченным лицом (следователем, либо судом) процессуального акта (постановления о передаче на ответственное хранение вещественных доказательств).

В рамках исследования особенностей проведения следственных действий по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 164 УК РФ, следует остановиться на проблеме проведения опознаний. Как свидетельствует анализ материалов уголовных дел, изученных в ходе подготовки данной статьи, а также научных исследований других авторов [1; 3], указанное следственное действие в большинстве случаев проводится по правилам, предусмотренным ст. 193 УПК РФ, в отношении лиц, причастных к совершению хищений предметов, представляющих особую ценность в случаях совершения их путем грабежа или разбоя. Однако имеют место ситуации, когда возникает вопрос о целесообразности проведения указанного следственного действия в отношении предмета преступного посягательства. Авторы настоящей статьи в этом случае придерживаются позиции о нецелесообразности такового в силу следующих, изложенных ниже причин.

Во-первых, специфики предмета преступного посягательства, выражающейся в таком его свойстве, как эксклюзивность. Найти подобные однородные схожие по внешним признакам предметы на практике либо в принципе невозможно, либо крайне затруднительно.

Во-вторых, особая ценность определенного материального субстрата для истории, науки, искусства или культуры в рамках уголовного дела всегда опре-

деляется фактом его нахождения в специальном государственном реестре, либо путем проведения экспертного исследования, результатом которого является соответствующее заключение. Именно последнее будет выступать в качестве доказательства по уголовному делу. Поэтому очевидно, что проводить опознание похищенного предмета, представляющего особую ценность, нелогично.

Важным доказательственным значением обладают результаты такого следственного действия, как допрос. При этом, в качестве потерпевших по данным уголовным делам могут быть допрошены представители государственных учреждений культуры, подведомственных Министерству культуры РФ, частных музеев и галерей, владельцы индивидуальных коллекций, настоятели церквей, епископы, раввины, имамы, руководители иных религиозных конфессий, частные лица, владеющие предметами преступного посяательства на правах собственности. В ходе их допроса обязательно выяснению подлежат обстоятельства, связанные с установлением характера и размера причиненного вреда (индивидуальные свойства похищенных предметов, представляющих особую ценность, их стоимость и нахождение в соответствующем реестре), законность владения похищенными материальными субстратами (подтверждается документально); порядок и условия их хранения, экспонирования, охраны, транспортировки (в том числе через границу РФ); данные об организациях и конкретных лицах, в чьи непосредственные обязанности входило обеспечение указанных процессов (в том числе медиа поддержки); сведения о применяемых при этом технических средствах, автотранспорте и т. п.

В качестве свидетелей по делу допрашиваются: сотрудники Музейного фонда, в том числе директора музеев, заведующие научными отделами, хранители, экскурсоводы, начальники охраны объектов; служители храмов, мечетей, синагог, молельных домов и иных объектов для отправления культа, лица, занимавшиеся транспортировкой ценных экспонатов, техническим обслуживанием объектов, откуда были похищены предметы, имеющие особую ценность, сотрудники ломбардов, антикварных магазинов, аукционных домов и пр., соседи, родственники потерпевшего, сотрудники Государственной таможенной службы, занимавшиеся процессом документального оформления перемещения похищенных объектов через государственную границу Российской Федерации и пр.; иные лица, чьи показания могут иметь значение для уголовного дела (участковый уполномоченный, в чьем веде-

нии находится административный участок, где произошло преступление, инспектор подразделения по делам несовершеннолетних, сотрудники патрульно-постовой службы, осуществлявшие охрану общественного порядка и др.), т. е. те субъекты, которые располагают информацией о совершенном криминальном деянии, либо иными сведениями, составляющими предмет доказывания и представляющими интерес для уголовного дела. Следует обратить особое внимание на то, что, если способ совершения преступления был открытым с применением насилия, очевидцы данных действий должны быть допрошены подробно по приметам и характерным особенностям преступников. В дальнейшем эта информация служит ориентиром для поиска преступников, их задержания и проведения опознания подозреваемых.

При допросе подозреваемого, сотрудничающего со следствием, дающего правдивые показания, выясняются все обстоятельства, подлежащие доказыванию. Особое внимание при этом необходимо уделить выяснению обстоятельств, касающихся события преступления: конкретного времени, места и способа его совершения (тайный, открытый, нападение с целью хищения, присвоение или растрата, мошенничество), используемых при этом орудий и средств, характеру и размеру причиненного вреда (стоимость похищенного, его уничтожение или порча), количеству соучастников и роли каждого из них, корыстной мотивации и осознанию ими особой ценности похищенного предмета для истории, науки, культуры и искусства, предполагаемым местам сбыта похищенного, наличию коррупционной составляющей и пр. Необходимо выяснить вопрос о наличии у подозреваемого специальных познаний в указанных областях, позволяющих исключить версию о том, что фигуранты не имели представления о ценностных и иных индивидуальных характеристиках похищенного.

Показания в протоколе допроса должны быть изложены точно, чтобы не допускать возможности разночтения. Неполное выяснение обстоятельств, относящихся к событию преступления, цели и мотивам хищения предметов, имеющих особую ценность, а также других обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 73 УПК РФ, может повлечь возвращение уголовного дела для дополнительного расследования.

При расследовании хищения предметов, имеющих особую ценность, назначаются и производятся различные экспертизы в соответствии со ст. 195–207 УПК РФ, в том числе государственная экспертиза культурных ценностей и государственно-историко-

культурная экспертиза, которые назначаются следователем для определения категории историко-культурного значения объекта культурного наследия; отнесения объекта культурного наследия к особо ценным объектам культурного наследия Российской Федерации или к объектам всемирного культурного наследия. Как правило, эти исследования проводятся специалистами Министерства культуры РФ. Заключение о том, является ли объект предметом, имеющим особую ценность, может дать лишь эксперт, например, в ходе производства судебной искусствоведческой экспертизы (или экспертизы предметов изобразительного и декоративно-прикладного искусства).

Следует отметить, что данная экспертиза носит комплексный характер, поскольку ответы на поставленные вопросы требуют использования методов из различных отраслей науки (искусствоведческого, технологического, реставрационного анализа). Как правило, экспертизы такого рода проводятся сотрудниками ФГНИУ «Государственный научно-исследовательский институт реставрации». Вместе с тем, определение стоимости произведений искусства происходит посредством привлечения специалистов из организаций, реализующих предметы антиквариата, поскольку это не является предметом названной экспертизы. Данный вопрос решается в ее рамках только в исключительных случаях. Экспертиза произведений изобразительного искусства, архитектуры и дизайна может проводиться также специалистами «Российской академии художеств» — крупнейшего научного центра в области изучения, сохранения и развития изобразительного искусства и искусствоведения в России.

В рамках данной статьи целесообразно коснуться и вопроса взаимодействия следователя с органами дознания, а также иными заинтересованными министерствами и ведомствами при расследовании хищения предметов, имеющих особую ценность. Указанная деятельность имеет законодательную регламентацию. По своему содержанию она должна носить совместный согласованный характер, осуществляться с соблюдением необходимых правовых гарантий личности и иметь конечной целью достижение эффективного результата проводимого расследования.

В рамках уголовного производства по делам о рассматриваемом составе следователь взаимодействует, прежде всего, с сотрудниками уголовного розыска в случае необходимости установления личности подозреваемого фигуранта и местонахождения похищенного, в том числе с задействованием возможно-

стей автоматизированной информационной системы «Антиквариат», использованием оперативных позиций в среде представителей науки, искусства и культуры, торговцев предметами антиквариата, проведением соответствующих гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий [2].

Среди заинтересованных ведомств отдельно следует отметить Министерство культуры РФ. Его представители могут выступать в уголовном деле и в качестве потерпевшей стороны, и как специалисты или эксперты. Приоритетным для следователя также должно стать сотрудничество на постоянной основе с представителями Федеральной службы безопасности России, Федеральной таможенной службы РФ, Международной организации уголовной полиции (Интерпол), поскольку похищенные особо ценные предметы могут быть переправлены через государственную границу РФ, а заказчиком преступления выступать как российские, так и иностранные граждане.

В заключение отметим, что своевременность проведения следственных действий, а также соблюдение при этом всех законодательно установленных положений, грамотное взаимодействие с представителями органов дознания, иными заинтересованными министерствами и ведомствами, гарантируют формирование необходимой доказательственной базы, достаточной для установления объективной картины преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ, и привлечения к уголовной ответственности виновных лиц.

Список источников

1. Алехин Д. В. О некоторых проблемах предъявления для опознания предметов и документов, имеющих особую ценность // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2009. № 1(2). С. 77–84.
2. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазова В. Е., Хазов Е. Н. Противодействие хищениям предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, культурную, религиозную и художественную ценность // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 169–176.
3. Зинченко Л. Ю. Особенности криминалистической характеристики расследования хищений научных ценностей // Актуальные проблемы уголовного права и процесса, уголовно-исполнительного права и криминалистики: мат. IV науч.-практ. конф. Саранск, 2016. С. 48–53.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 21 августа 2012 г. № 848 «О порядке пе-

редачи на реализацию предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено, и их уничтожения» // Российская газета. 2012. 29 авг.

5. Реестр пропавших, похищенных и утраченных культурных ценностей // URL: <http://culture.gov.ru/services/>

6. Справочно-информационные материалы Международной организации уголовной полиции Интерпол // URL: <https://www.interpol.ru/>

7. Статистические данные ФГКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России». Ф. 1-ЕГС. Кн 5. Сводный отчет по России за январь – декабрь 2023 г., январь – июнь 2024 г. // URL: <https://xn--b1aew.xn-p1ai/folder/101762/item/15304733/>

8. Распоряжение Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г.» // URL: <https://culture.gov.ru/about/>

References

1. Alekhine D. V. On some problems of presentation for identification of objects and documents of special value // Siberian criminal procedural and forensic readings. 2009. No. 1(2). P. 77–84.

2. Bogdanov A. V., Ilyinsky I. I., Khazova V. E., Khazov E. N. Counteracting theft of objects or documents of special historical, scientific, cultural, religious and artistic value // Bulletin of the Moscow University

of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3. P. 169–176.

3. Zinchenko L. Yu. Features of the criminalistic characteristics of the investigation of theft of scientific values // Actual problems of criminal law and procedure, penal enforcement law and criminalistics: mat. IV scientific and practical conference. Saransk, 2016. P. 48–53.

4. Resolution of the Government of the Russian Federation dated August 21, 2012 No. 848 «On the procedure for transferring for sale items that are material evidence, the storage of which until the end of a criminal case or during a criminal case is difficult, and their destruction» // Rossiyskaya Gazeta. 2012. August 21.

5. Register of missing, stolen and lost cultural property. Official website of the Ministry of Culture of the Russian Federation // URL: <http://culture.gov.ru/services/>

6. Reference and information materials of the International Criminal Police Organization Interpol // URL: <https://www.interpol.ru/>

7. Statistical data of the Federal State Budgetary Institution «Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia». Form 1-EGS, book 5. Consolidated report on Russia for January – December 2023, January – June 2024 // URL: <https://xn--b1aew.xn-p1ai/folder/101762/item/15304733/>

8. Resolution of the Government of the Republic dated February 29, 2016 «Strategy of the State cultural policy for the period up to 2030» // URL: <https://culture.gov.ru/about/>

Информация об авторах

Д. А. Иванов — профессор департамента уголовного права, процесса и криминалистики Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, доктор юридических наук, профессор;

М. М. Макаренко — доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент,

Information about the authors

D. A. Ivanov — Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and Forensics of the National Research University Higher School of Economics, Doctor of Legal Sciences, Professor;

M. M. Makarenko — Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.10.2024; одобрена после рецензирования 13.12.2024; принята к публикации 25.01.2025. The article was submitted 17.10.2024; approved after reviewing 13.12.2024; accepted for publication 25.01.2025.

Научная статья
УДК 343.01
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-63-67>
EDN: <https://elibrary.ru/vvkluj>

НИОН: 2003-0059-1/25-225
MOSURED: 77/27-003-2025-01-424

К вопросу о концептуальной формуле прогнозирования уровня противодействия уголовно-правовым запретам

Наиль Талгатович Идрисов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия, nail070@mail.ru

Аннотация. Эффективное уголовное правотворчество, гарантирующее качественное социальное управление и стабильную социальную дисциплину, в современных условиях требует от законодателя не только соблюдения требований и правил легализации властной социальной информации о недопустимости социально опасного акта поведения индивида, но и научно обоснованного предвидения последствий такой легализации. С одной стороны, включаясь в информационную матрицу общества, уголовно-правовой запрет оказывает воздействие на правилосообразную сферу сознания индивида и определяет паттерны его социального поведения. С другой стороны, такое воздействие неминуемо натолкнется на противодействие, которое онтологически присуще человеческой природе. Однако такое противодействие также необходимо прогнозировать, обеспечивая властное веление о недопустимости совершения преступления еще большей адекватной реализацией индивидом.

Обобщены подходы к определению сущности прогнозирования. Предложены стратегии прогнозирования противодействия уголовно-правовым запретам, а также авторская концептуальная формула прогнозирования уровня противодействия уголовно-правовому запрету. Делается вывод о важности и необходимости такого предвидения в процессе уголовного правотворчества как условия эффективности законодательной деятельности.

Ключевые слова: уголовно-правовой запрет, прогнозирование, акт поведения индивида, прогноз, когнития, искусственный интеллект

Для цитирования: Идрисов Н. Т. К вопросу о концептуальной формуле прогнозирования уровня противодействия уголовно-правовым запретам // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 63–67. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-63-67>. EDN: VVKLUJ.

Original article

On the issue of a conceptual formula for predicting the level of resistance to criminal prohibitions

Nail T. Idrisov

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russia, nail070@mail.ru

Abstract. Effective criminal lawmaking, guaranteeing quality social governance and stable social discipline, in modern conditions requires from the legislator not only compliance with the requirement and rules of legalization of authoritative social information about the inadmissibility of socially dangerous act of behavior of an individual, but also scientifically grounded anticipation of the consequences of such legalization. On the one hand, being included in the information matrix of society, the criminal-legal prohibition has an impact on the rule-like sphere of the individual's consciousness and determines the patterns of his social behavior. On the other hand, such an impact will inevitably encounter opposition, which is ontologically inherent in human nature. However, such opposition must also be predicted, providing the power dictate on the inadmissibility of committing a crime with even more adequate realization by an individual.

Approaches to the definition of the essence of forecasting are generalized. Strategies of forecasting of counteraction to criminal-legal prohibitions as well as the author's conceptual formula of forecasting the level of counteraction to criminal-legal prohibition are offered. The conclusion is made about the importance and necessity of such foresight in the process of criminal lawmaking as a condition for the effectiveness of legislative activity.

Keywords: criminal-legal prohibition, forecasting, act of individual behavior, forecast, cognition, artificial intelligence

For citation: Idrisov N. T. On the issue of a conceptual formula for predicting the level of resistance to criminal prohibitions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):63–67. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-63-67>. EDN: VVKLUJ.

Социальное прогнозирование играет ключевую роль в обеспечении эффективности уголовно-правового запрета. Легализация властной социальной информации о недопустимости социально опасного акта поведения индивида под угрозой применения

мер уголовно-правового принуждения предполагает «погружение» правотворца в глубину социальной реальности при помощи социологических методов его исследования. Такое «погружение» не только формирует тенденции уголовной политики, но и легитими-

© Идрисов Н. Т., 2025

рует уголовно-правовую материю, т. е. гарантирует ее социальную необходимость и востребованность. В то же время, в философском и антропологическом дискурсе обоснованно, что поведение индивидов определяется не только существующим сейчас, но и детерминировано представлениями о дальнейшем ходе событий, образом будущего [7, с. 243–244]. Поэтому эффективный уголовно-правовой запрет основан не только на изъятии существующей социальной информации, необходимой к легализации, но и предполагает научно-обоснованный образ будущего его реализации, перспектив отражения содержания запрета в правилосообразной сфере сознания индивида и возможных вариантов противодействия такому властному государственному велению.

Анализ социально-философских представлений о прогнозировании, создании образа будущего, позволили нам выявить разные подходы к определению сущности такого явления: утопический [1], рационалистический [10, с. 79–97], социально-философский [9], синергетический, феноменологический [8, с. 11–33]. Данные подходы не применимы к прогнозированию противодействия реализации уголовно-правового запрета, поскольку не учитывают механизм воздействия властной социальной информации на правилосообразную сферу индивида и его индивидуальные особенности редуцирования такой информации в реальное поведение. Представляется, что для определения онтологических свойств прогнозирования противодействия уголовно-правовым запретам следует применить когнитивный подход, отвечающий на вопрос: «Каким образом субъективные значения становятся объективной фактичностью?» [3, с. 23].

Под прогнозированием противодействия уголовно-правовому запрету мы понимаем направление социального прогнозирования, которое фокусируется на предвидении возможных форм, способов и масштабов уклонения от соблюдения паттернов поведения, определяемых легализованным государственно-властным велением о недопустимости социально опасного акта поведения индивида, а также методов и форм активного сопротивления такому велению. Сущность такого прогнозирования состоит в превентивном анализе того, как индивиды и группы воспринимают транслируемую государством властную социальную информацию и в какой степени такая информация определяет их психосоциальные установки. Целью данного прогнозирования является не просто предвидение количества и свойств нарушителей или нарушений запрета, а вы-

явление механизмов мотивации и стратегий противодействия властному велению.

Когнитивный подход к прогнозированию противодействия уголовно-правовым запретам позволяет выявить ряд стратегических направлений такого предвидения.

1. Стратегия учета рационального выбора. Такая стратегия предполагает, что индивиды действуют рационально, стремясь минимизировать опасность уголовного преследования и максимизировать выгоду от преступления (в чем бы она ни выражалась). Противодействие уголовно-правовому запрету с точки зрения данной стратегии рассматривается как результат потенциальных выгод от нарушения закона и рисков наказания и предполагает анализ потенциальных выгод и рисков, связанных с нарушением запрета. Например, повышение наказуемости незаконного оборота оружия позволит повысить эффективность уголовного запрета, если выгода от реализации изъятых из гражданского оборота предметов не превысит риск уголовного преследования индивида.

2. Стратегия социальных факторов учитывает те или иные условия и обстоятельства, определяющие паттерны социального поведения индивида: ценности, влияние референтных групп, субкультуры. При такой стратегии прогнозирования подлежат исследованию социальные настроения адресатов государственного властного веления о недопустимости социально опасного акта поведения, анализ социальных сетей, выявление групп и индивидов, склонных к нарушениям запретов.

3. Психологическая стратегия прогнозирования противодействия уголовно-правовым запретам фокусируется на таких факторах, как мотивация, убеждения, эмоциональные состояния, когнитивные искажения. Противодействие при данной стратегии рассматривается как психологическая реакция на запрет (отрицание, сопротивление и т. д.). Например, если уголовно-правовой запрет воспринимается как несправедливый и чрезмерно репрессивный, то высока вероятность психологического сопротивления такому велению.

4. Технологическая стратегия учитывает технологические возможности для противодействия уголовно-правовому запрету. Современные технологии создают новые инструменты для уклонения от социального управления и несоблюдения властной социальной информации. С точки зрения когнитивного подхода важность такой стратегии обусловливается возможностью предвидения противодействия реали-

зации властной социальной информации такими инструментами, как искусственный интеллект, VPN, криптовалюта, виртуальные средства совершения преступлений. Такая стратегия включает также оценку возможностей правоохранительной системы по преодолению технологического противодействия уголовно-правовым запретам.

Таким образом, прогнозирование противодействия уголовно-правовым запретам является комплексным процессом, требующим учета различных социальных и индивидуальных факторов. Представляется возможным на основе научной абстракции интегрировать такие факторы в концептуальную формулу прогнозирования уровня противодействия уголовно-правовым запретам. Отметим, мы далеки от мысли о возможности математической формулы социального предвидения вообще и прогнозирования уголовно-правовых запретов в частности. Однако, на наш взгляд, возможно предложить концептуальную формулу, отражающую логику прогнозирования противодействия уголовно-правовым запретам.

Определим элементы концептуальной формулы прогнозирования уровня противодействия уголовно-правовому запрету.

L. C. (level of counteraction) — уровень противодействия уголовно-правовому запрету. Данный показатель выражается в интенсивности и масштабе действий, направленных на обход или нарушение запрета. Уровень противодействия определяется как качественный (низкий, средний, высокий) или количественный показатель (количество зарегистрированных преступлений, количество осужденных лиц, количественные показатели мер уголовно-правового принуждения).

F () — функция, связывающая социально-правовые факторы с уровнем противодействия. Она сложна и отражает комплекс социальных, правовых и индивидуальных когнитивных и социально-психологических механизмов.

Q. T. (quality of translation) — качество трансляции властной социальной информации о недопустимости социально опасного акта поведения индивида под угрозой применения мер уголовно-правового принуждения. Качество трансляции формальными источниками уголовного права властной социальной информации является непосредственным условием достижения уголовно-правового веления правилосообразной сферы сознания индивида. От данного показателя зависит легитимность такой информации, преемственность и стабильность трансляции и, как

следствие, поведение индивида в соответствии с запрещающими нормами уголовного права. Качество трансляции властной социальной информации обеспечивается, в первую очередь, правилами эффективной законодательной техники, которые учитывают психологические, когнитивные, социальные и иные свойства индивидов и их групп — адресатов уголовно-правового запрета. Отметим, что качество трансляции властной социальной информации обеспечивает и эффективность правоприменения, его транспарентность и подотчетность, что также является важнейшим условием гарантирования соблюдения уголовно-правового запрета.

L. E. L. (level of effectiveness of law enforcement) — ретроспективные статистические показатели реализации уголовно-правового запрета (в случае новой легализации данный показатель может учитываться через неуголовно-правовые показатели, например, число смежных административных правонарушений). Данный показатель предполагает применение метода экстраполяции, предполагающий сбор и анализ статистических данных нарушения уголовно-правового запрета, выявление тенденций и последующее построение прогноза развития противодействия уголовно-правовому запрету.

L. A. (level of awareness) — уровень индивидуальных когниций в социально-правовой сфере. Данный показатель отражает то, как индивид воспринимает, обрабатывает и интерпретирует транслируемую властную социальную информацию о недопустимости социально опасного акта поведения под угрозой применения мер уголовно-правового принуждения. Данный показатель в концептуальной формуле является случайным, поскольку невозможно выявить абсолютные закономерности психоэмоциональной и интеллектуальной деятельности адресатов уголовно-правового запрета и их групп. Случайность данного показателя обусловлена структурой когнитивных способностей индивида, включающей: интеллект (способность к логическому мышлению, анализу информации и принятию решений), критичность мышления (умение оценивать информацию, отличать достоверные факты от ложных) и эмоциональную регуляцию (способность индивида контролировать свои эмоции и принимать рациональные решения в стрессовых ситуациях). Уровень индивидуальных когниций применительно к уголовно-правовой сфере определяется следующими показателями.

1. L. L. (level of legitimacy) — восприятие легитимности властной социальной информации о недопу-

стимости социально опасного акта поведения индивида под угрозой применения мер уголовно-правового принуждения. На наш взгляд, восприятие легитимности уголовно-правового запрета является показателем достижения транслируемой властной социальной информации правилосообразной сферы сознания индивида и формирование на основании этой информации таких социальных установок, которые гарантируют законопослушное поведение индивида. Легитимность для уголовного правотворчества является двуединым явлением: с одной стороны, в процессе правотворчества законодатель должен руководствоваться срезом реального общественного мнения (т. е. совокупности психоэмоциональных оценок предполагаемой легализации и самой социальной информации), с другой стороны, легитимность уголовно-правового запрета не может быть стабильной, «на века», и зависит от конкретных социально-экономических, политических, идеологических и иных свойств современной социальности.

2. R. B. A. (risk and benefit assessment) — оценка риска и выгоды предполагает применение ранее предложенной нами модели рационального выбора и состоит в рациональном взвешивании потенциальных выгод от нарушения запрета и рисков, связанных с наказанием. Этот компонент включает субъективную оценку вероятности быть задержанным в связи с нарушением запрета и субъективное восприятие тяжести наказания. Ранее данный показатель рассматривался нами как результат модели рационального выбора индивида.

3. M. A. (moral assessment) — моральная оценка является показателем, определяющим насколько индивид считает этически приемлемым нарушение уголовно-правового запрета. Моральные убеждения лица формируют метаправо, т. е. такое доправовое состояние индивида, которое выступает «благодатной почвой» для развития как сдерживающих, так и стимулирующих установок. Позитивные моральные убеждения (позитивные представления индивида о справедливости, высокие ценностные ориентации) не позволяют сформироваться противоправным паттернам поведения. Кроме того, позитивные моральные убеждения лица являются фундаментом для формирования высокой правовой культуры и правовой грамотности индивида, не допускающие «коррозии» в правилосообразной сфере индивида и создающие качественной трансляционный канал для обмена властной социальной информацией и информацией о фактическом поступке индивида в информационной мат-

рице общества. Чем социально позитивнее моральные убеждения индивида, тем эффективнее индивид включен в правомерное социальное взаимодействие.

4. I. R. G. (influence of the reference group) — влияние референтной группы, которое определяется мнением и поведением ближайшего окружения, лидеров мнений и референтных групп. Согласно теории референтных групп, «каждый человек ориентируется на определенную группу, членом которой он может и не являться, но нормы, идеалы и ценности которой воспринимает в качестве образцов, эталонов собственного поведения» [2, с. 4]. Референтные группы играют значительную роль в формировании отношения индивида к уголовно-правовым запретам и, соответственно, влияют на его поведение. Референтная группа для целей концептуальной формулы противодействия уголовно-правовому запрету — это группа людей, с которыми индивид себя идентифицирует и чьи нормы, ценности и мнения он принимает как свои собственные. Такими группами являются семья, друзья, рабочий коллектив. В условиях современного технологического развития сети Интернет, на первое место выходит влияние групп в виртуальных сообществах (виртуальная референтная группа). Опасность влияния виртуальных референтных групп как инструмента формирования социальных и индивидуальных поведенческих установок убедительно описана Н. С. Козловой [5, с. 278].

Учитывая представленные показатели, авторская концептуальная формула прогнозирования уровня противодействия уголовно-правовому запрету выглядит следующим образом:

$$L. C. = F(Q. T., L. E. L., L. A. \\ (L. L. + R. B. A. + M. A. + I. R. G.))$$

В рамках представленной концептуальной формулы прогнозирования уровня противодействия уголовно-правовому запрету как вида социального прогнозирования, сочетаются два противоречивых показателя: закономерность (показателями закономерности являются качество трансляции социальной информации и показатели правоприменения) и случайность (показателями случайности являются когниции [4, с. 5; 6, с. 198]).

Показатели закономерности противодействия уголовно-правовым запретам могут быть определены путем линейной экстраполяции, статистическими методами и методами экспертных оценок. Изъятие и интерпретация смысла, который наполняет случайные величины в формуле прогнозирования противодействия уголовно-правовым запретам,

возможно посредством социологических, психологических и кибернетических исследований, но является возможной и актуальной применительно к конкретному случаю (именно поэтому такие показатели именуются случайными), требует индивидуальных подходов и инструментов при легализации конкретной социальной информации о недопустимости социально опасного акта поведения индивида под угрозой применения мер уголовно-правового принуждения. В данном контексте особенное значение получает не только сам процесс формирования и реализация индивидуальных когнитивных, но и процесс трансформации индивидуального смысла в социальный. Процесс преобразования индивидуального в социальное предполагает сложный процесс, при котором личные переживания, мысли и действия становятся частью коллективного опыта, норм и практик.

Таким образом, прогнозирование противодействия уголовно-правовым запретам позволяет получить более полное и точное представление о потенциальном противодействии и разработать более эффективные и устойчивые уголовно-правовые запреты, способные эффективно решать задачи социального управления. Игнорирование социального предвидения в процессе уголовного правотворчества создает условия к созданию неэффективной уголовно-правовой материи, которая не только не достигает социально полезных целей, но и порождает негативные социально-правовые последствия.

Список источников

1. Александер Дж. Прочные утопии и гражданский ремонт // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 3–10.
2. Андреева Г. М., Андреева Г. М. Социальная психология: учебник. М., 2009.
3. Бергер П. Л. Конструирование социальной реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
4. Величковский Б. М. Предисловие // Когнитивные исследования: сб. науч. тр. Вып. 1. М., 2006.

Информация об авторе

Н. Т. Идрисов — доцент кафедры уголовного права и криминологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

N. T. Idrisov — Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.01.2025; одобрена после рецензирования 30.01.2025; принята к публикации 17.02.2025.
The article was submitted 13.01.2025; approved after reviewing 30.01.2025; accepted for publication 17.02.2025.

5. Козлова Н. С. Влияние интернет-среды на личность и ее жизнедеятельность // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 274–283.
6. Пирогов С. В. Социальное прогнозирование и проектирование: учеб. пособие. М., 2020.
7. Рубинштейн С. А. Бытие и сознание. М. : Изд-во АН СССР, 1957.
8. Тоффлер О. Предисловие // Пригожин И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / пер. с англ. М., 1986.
9. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.
10. Мэмфорд Л. Миф машины // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М., 1991.

References

1. Alexander J. Durable Utopias and Civil Repair // Sociological Research. 2002. No. 10. P. 3–10.
2. Andreeva G. M., Andreeva G. M. Social Psychology: a textbook. M., 2009.
3. Berger P. L. Construction of Social Reality. Tract on the Sociology of Knowledge. M., 1995.
4. Velichkovsky B. M. Preface // Cognitive Research: collection of scientific papers. Issue 1. M., 2006.
5. Kozlova N. S. The Influence of the Internet Environment on the Individual and Her Life // Knowledge. Understanding. Skill. 2015. No. 3. P. 274–283.
6. Pirogov S. V. Social Forecasting and Design: A Tutorial. M. : Prospect. 2020.
7. Rubinstein S. A. Being and Consciousness. M. : Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1957.
8. Toffler O. Preface // Prigogine I. Order out of Chaos: A New Dialogue between Man and Nature / From English. M., 1986. P. 11–33.
9. Schutz A. The Structure of Everyday Thinking // Sociological Research. 1988. No. 2. P. 129–137.
10. Mumford L. The Myth of the Machine // Utopia and Utopian Thinking: An Anthology of Foreign Literature. M., 1991.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-68-74>

EDN: <https://elibrary.ru/tamgfs>

ИПОН: 2003-0059-1/25-226

MOSURED: 77/27-003-2025-01-425

Меры по предотвращению дезертирства во время Великой Отечественной войны

Владимир Маркович Исаков¹, Елена Владимировна Мельник²

¹ Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Старотеряево, Россия, ivm45@mail.ru

² Московский университет МВД имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, melnikev@mail.ru

Аннотация. Освещена сложная проблема, связанная с военной дисциплиной во время Великой Отечественной войны и вопросами безопасности. Долгое время этот вопрос не являлся предметом исследования и обходился стороной. Однако, так называемые уклонисты и дезертиры имели место во все времена и у всех народов, поэтому проблему стоит поднимать и обсуждать. Актуальность темы не вызывает сомнений, так как сегодня учитывать исторический опыт немаловажно, в том числе в условиях проведения СВО.

Ключевые слова: дезертиры, уклонисты, дисциплинарные батальоны, штрафные роты и батальоны, заградотряды, НКВД, банды

Для цитирования: Исаков В. М., Мельник Е. В. Меры по предотвращению дезертирства во время Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 68–74. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-68-74>. EDN: TAMGFS.

Original article

Measures to prevent desertion during the Great Patriotic War

Vladimir M. Isakov¹, Elena V. Melnik²

¹ Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Staroteryaev, Russia, ivm45@mail.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, melnikev@mail.ru

Abstract. The complex problem related to military discipline during the Great Patriotic War and security issues is covered. For a long time this issue was not the subject of research and was bypassed. However, the so-called evaders and deserters took place at all times and in all nations, so the problem is worth raising and discussing. The relevance of the topic is not in doubt, as today it is important to take into account the historical experience, including in the conditions of a special military operation.

Keywords: deserters, shirkers, disciplinary battalions, penal companies and battalions, detachments, NKVD, gangs

For citation: Isakov V. M., Melnik E. V. Measures to prevent desertion during the Great Patriotic War. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):68–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-68-74>. EDN: TAMGFS.

Обсуждая патриотическую тему Великой Отечественной войны, как правило, принято обходить вниманием то, как современное этому событию общество по-разному к нему относилось, сколько предателей и дезертиров оно породило. В истоках и мерах противодействия этому явлению авторы настоящей статьи и пробуют разобраться.

Прежде чем говорить непосредственно о данной войне, следует обратиться к истории российского государства на предмет давности существования подобного явления и его масштабов.

О давности проблемы говорят многочисленные исторические источники. Однако, долгое время это не находило отражения в законодательстве. Неким рубежом перехода к законодательному отражению проблемы становится XVII в. Формирование постоянной профессиональной армии, регламентация службы в условиях почти непрерывных войн приводят к необходимости квалификации «уклонения от воинской службы в виде побега или неявки» [13, с. 8] в качестве преступления и установлению за него наказания. Так, Соборное Уложение 1649 г. в главе «О

© Исаков В. М., Мельник Е. В., 2025

службе всяких ратных людей Московского государства», предусматривало за это преступление ссылку. Петром I в гл. XII «Артикула воинского» 1715 г., посвященной «дезертирам и беглецам» (Артикулы с 94 по 100) впервые дезертирство начинает рассматриваться как самостоятельный вид преступления. В качестве наказания за него полагалась смертная казнь — «без процессу на первом древе, которое прилунится, повешены быть» [2]. Известно, что на формирование российского, в том числе военно-уголовного законодательства, большое влияние оказало западноевропейское право.

Спустя почти век, в 1812 г., в преддверии войны с Наполеоном, было принято «Полевое Уголовное Уложение для Большой Действующей Армии», включавшее в себя семь глав, посвященных измене, побегу к неприятелю, побегу и отлучке с места сражения, побегам и отлучке из армии, неповиновению, и т. д. Уложение действовало только в условиях военного времени, а в мирное — Артикул воинский. Таковой ситуация сохранялась до 1839 г., пока не был разработан Военно-уголовный Устав [11, с. 81], объединивший правовые нормы, действовавшие как в военное, так и в мирное время. Наказания за самовольное оставление военной службы по-прежнему были суровыми.

Устав о наказаниях 1868 г. посвятил этому вопросу разд. II гл. III «Об уклонении от службы» [3, с. 44]. Ст. 130 за уклонение от служебных обязанностей, упущения по службе и проступки, происходящие от нерадения, подвергало лицо, их совершившее «содержанию на гауптвахтах от одного до трех месяцев; или же одиночному заключению в военной тюрьме от одного месяца до двух месяцев и двух недель, или лишению нашивки, или переводу в разряд штрафованных» [3, с. 46]. За повторение ситуации виновный подвергался «отставлению от службы, или исключению из оной с лишением или без лишения чинов; или же одиночному заключению в военной тюрьме от двух до шести месяцев, или потере всех особенных прав и преимуществ и отдаче в военно-исправительные роты от одного года до одного года и шести месяцев» [3, с. 47].

За причинение вреда себе непосредственно или через другое лицо, с целью уклонения от службы, увечья, виновный подвергался: «потере всех особенных прав и преимуществ и ссылке на житье в Сибирь, или в отдаленные, кроме Сибирских губернии;

или таковой же потере всех особенных прав и преимуществ и отдаче в военно-исправительные роты от одного до шести лет» [3, с. 47]. Устав 1875 г. подтвердил данные нормы.

В марте 1878 г. было принято «Положение о дисциплинарных батальонах и ротах, а также указ «О присуждении к отдаче в дисциплинарные роты взамен военно-исправительных рот».

Очередной раз изменения относительно наказания за это преступление произошли во время Первой мировой войны. Имеющаяся статистика по количеству дезертиров этого периода изобилует цифрами и вносит сумятицу в ряды исследователей. Дело в том, что расплывчатые формулировки прежних законов подводили под эту статью и тех, кто совершал дисциплинарные проступки и преступников, не желавших исполнять свой гражданский долг. В связи с этим двумя документами от 6 марта 1915 г. и от 12 января 1916 г. были внесены корректировки в прежние законы о побегам со службы. Нововведением стала цель побега — нежелание служить. При этом срок отсутствия и условия службы стали носить второстепенный характер. В зависимости от умысла (цели) стали рассматриваться данные правонарушения в батальонных судах. Если умысла (оставить службу) не усматривалось, то деяние рассматривалось как самовольная отлучка [1, с. 94]. Выяснение мотивов проступка усложнило деятельность правоохранительных органов, но сократило статистику лиц, признаваемых дезертирами. Наказания за побег варьировались от лишения всех прав состояния до смертной казни.

Со второй половины 1916 г. за склонение к уклонению от воинской службы устанавливались суровые наказания вплоть до смертной казни.

События 1917 г. и гражданская война проблему дезертирства не только не разрешили, но напротив, подтолкнули к развитию. В связи с чем советская власть стала уделять пристальное внимание этому вопросу и принимать соответствующие постановления и декреты.

Советское государство, строя новое сознательное, воспитанное на коммунистической идеологии общество, первоначально использовало политико-воспитательные и организационные меры воздействия на дезертиров. Однако, тяжелые условия, в которых оно находилось в первое десятилетие своего существования, не способствовали подъему боевого

духа. К тому же разрушение традиционных православных ценностей, и предание забвению славной героической истории России, выплились в существенное падение нравов и как следствие — непомерный рост числа дезертиров.

Уголовные кодексы РСФСР 1922 г. и 1926 г. «побегом со службы» признавали самовольное оставление военнослужащими своей части свыше 6-ти суток или неоднократную (не менее 3-х раз) самовольную отлучку. Кроме побега, кодекс относил к дезертирству неявку к месту службы при назначении, переводе, невозвращении из командировки, отпуска, лечебного заведения. За дезертирство в мирное время полагалось лишение свободы, а в военное — наказание вплоть до смертной казни.

В 1927 г. было принято «Положение о воинских преступлениях», которое по-прежнему термин «дезертирство» не употребляло, но самовольное оставление места службы рассматривало в качестве преступления в зависимости от цели, срока и обстановки.

За год до начала Великой Отечественной войны в июле 1940 г. в «Положение» были внесены изменения. Термин «побег» заменялся на «дезертирство». Под последним понималось самовольное оставление части и места службы на срок более суток без учета умысла. Практика создания дисциплинарных частей для исполнения воинских наказаний сохранилась и была продолжена советской властью.

Таким образом, можно отметить, что дезертирство имело место быть в разные исторические периоды, противодействие ему на законодательном уровне говорит о значимости этой проблемы. Причины, вызывавшие это явление к жизни, эволюционировали вместе с развитием общества. На виды наказания за это преступление большое влияние оказывало иностранное западноевропейское законодательство.

С началом Великой Отечественной войны проблема дезертирства никуда не исчезла. Неудачи на фронте, сопровождавшимися огромными потерями в живой силе и технике, разгромом и окружением воинских формирований, неприятие частью общества советской власти и просто человеческое малодушие стали той питательной средой, которая сеяла панику и хаос, возвращающих дезертиров. По имеющейся информации, с 29 июня по 1 июля 1941 г., только в 6-м стрелковом корпусе особый отдел Юго-Западного фронта арестовал около 700 человек по обвинению в дезертирстве [4, с. 328].

Спустя две недели Государственный комитет обороны СССР принял постановление, признававшее на официальном уровне наличие дезертиров и подчеркнул, что: «Паникер, трус, дезертир хуже врага, ибо он не только подрывает наше дело, но и порочит честь Красной Армии» [15, с. 123]. Было принято решение о предании военному трибуналу лиц, забывших свой долг перед Родиной.

По воспоминаниям Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского примеров трусости военнослужащих было немало. Среди них отмечались «леворучники», затем «праворучники», которые для того, чтобы покинуть поле боя, отстреливали сами себе пальцы либо ладонь. Иногда это совершалось взаимно по договору между несколькими лицами.

Только за первый месяц войны было задержано более 100 тыс. бойцов и командиров, отбившихся от частей [4, с. 102]. Военнослужащие бежали не только с фронта, но и по пути на фронт. Бежали в одиночку и группами. В июле 1941 г. были созданы Управления особых отделов НКВД СССР и отдельные стрелковые взводы, роты и батальоны. Особые отделы использовали их для засад, выставления дозоров и постов на коммуникациях для проверки личности перемещающихся лиц. В сентябре 1941 г. была принята Директива Ставки Верховного Главнокомандования № 001919, в соответствии с которой в каждой стрелковой дивизии требовалось создать заградительные отряды численностью не более батальона, чтобы не допускать самовольного отхода с позиций воинскими частями. Заградотряды комплектовались из обычных красноармейцев и подчинялись командиру дивизии. Принятые меры в какой-то степени помогли остановить бегство с поля боя, но не изменили ситуацию в целом.

Одновременно велась работа по борьбе с дезертирством в тылу. Этим занимались районные военкоматы и органы НКВД. Наибольшую сложность эта работа представляла, как раз на первом этапе войны, поскольку у правоохранительных органов такого опыта не имелось, а массовость этого явления требовала колоссальных сил и средств.

В качестве примера можно сослаться на цифры по состоянию на 19 октября 1941 г. деятельности одного из полков, выполнявшего задачи охраны тыла 50-й армии. Задержано: дезертиров — 270 человек, бывших в плену у немцев — 186, подозрительных как шпионов и диверсантов — 6, антисоветского и

контрреволюционного элемента — 9, не организовано отходивших с фронта — 9161, уклоняющихся от призыва — 177, уголовно-преступного элемента — 58, сомнительных, требующих проверки — 272, уклоняющихся от трудового фронта — 30, одиночек и групп отрядов рабочих — 254. Всего: 10 693 345 [9, с. 113]. Задержанные направлялись в соответствующие органы для направления их на фронт, а часть из них — в особые отделы на предмет фильтрации и привлечения к ответственности. В процессе работы было установлено, что многие бродят группами, в одиночку и даже подразделениями, уклоняясь от встреч с заградительными отрядами войск НКВД.

26 декабря 1941 г. в НКО СССР из НКВД СССР поступило письмо «О принятых мерах по организации борьбы с дезертирством и наведению порядка в тыловых районах и на транспорте». В нем буквально по месяцам приводилась информация о предпринятых действиях. Так, в июне 1941 г. упор делался на наведении порядка на вокзалах и станциях, задержании лиц, вызывавших подозрение и не имеющих документов. Спустя месяц последовало решение об усилении этой работы, что свидетельствует о нарастании этой проблемы. В августе уже прямо говорилось о необходимости организации работы с дезертирством. Ухудшение ситуации к сентябрю способствовало усилению этой работы. И возможно, имели место в работе исполнителей перегибы, поэтому последовало решение об устранении недостатков в организации работы по задержанию дезертиров.

В октябре появляется информация о распространении провокационных слухов и работе вражеских элементов, силы направляются на борьбу с этими явлениями. К концу года в деле организации борьбы с дезертирством наблюдается определенный прогресс. Организовываются заслоны, устанавливаются дозоры и ведутся патрулирования. Налаживается агентурно-осведомительная работа. Вводится ответственность для лиц, укрывающих дезертиров [10].

Л. П. Берия сообщал И. В. Сталину: «В результате принятых мер органами НКВД СССР с начала войны по 20 декабря с. г. в тыловых районах задержано по подозрению 189137 человек, в том числе: по Ленинградской области — 78 196 и по Московской области — 23 454 (не считая задержаний военных командиров). Из этого числа задержанных органами НКВД арестовано 39 965, передано в райвоенкоматы и войсковые части 149 172 человека. Кроме

того, в прифронтовой полосе особыми отделами НКВД за это же время задержано 448 975 человек, из них: арестовано — 42 900, передано в войсковые части Красной Армии — 406 075. Всего в тыловых районах и прифронтовой полосе органами НКВД задержано по подозрению в дезертирстве 638 112 человек, из них: арестовано — 82 865, передано в военкоматы и войсковые части — 555 247» [5, с. 56].

В некоторых районах дезертиры организовывали целые банды, совершавшие хищения государственной и личной собственности граждан. Основная часть лиц, бежавших со службы, скрывалась в сельской местности, лесах. В городах это сделать было сложнее, поскольку проверки производились чаще.

К поиску дезертиров в советском тылу подключили внутренние войска и органы НКВД и НКГБ, а также группы охраны общественного порядка и бригады содействия милиции. В сложившейся непростой ситуации ГУМ НКВД СССР весной 1942 г. циркулярно потребовало с мест тщательной подготовки операций по задержанию дезертиров.

С начала войны многие военнослужащие из дисциплинарных батальонов направлялись в действующие части Красной Армии. В условиях легкой компании 1942 г. под влиянием поражений и соответствующих настроений в армии, наркомом обороны СССР был издан приказ № 227, известный как «Ни шагу назад!». Он продолжил практику создания штрафных частей, предназначенных для военнослужащих, осужденных военными трибуналами [8, с. 112].

Газета «Известия» от 28 июля 1942 г. так отражает сложившуюся ситуацию: «Немецко-фашистские войска продолжают рваться на Юг. Требуется величайшее напряжение сил, чтобы остановить и отбросить врага. Воины Красной Армии! Над Родиной нависла серьезная опасность. Будьте стойки в бою! До последней капли крови, до последнего удара сердца отстаивайте каждую пять родной земли!» [7]. Исходя из этого становится понятно, что в условиях критической ситуации необходимо было предпринимать чрезвычайные меры. Приказ гласил: «Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции ... чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу» [14, с. 412]. Устанавливается правило — «Ни шагу назад без приказа высшего командования».

26 сентября 1942 г. было принято Положение о штрафных батальонах действующей армии, утвержденное заместителем наркома обороны СССР Г. К. Жуковым [12, с. 212].

Согласно Положению, лица среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава направляются в штрафные батальоны на срок от одного до трех месяцев (п. 9). Эти лица подлежат разжалованию в рядовые (п. 10). На время нахождения в штрафном батальоне у штрафников отбираются награды, которые хранятся в отделе кадров фронта (п. 11). За неисполнение приказа, членовредительство, побег с поля боя или попытку перехода к врагу командный и политический состав штрафного батальона обязан применить все меры воздействия вплоть до расстрела на месте (п. 13). Из числа штрафников могут назначаться младшие командиры с присвоением звания ефрейтора, младшего сержанта и сержанта, которым выплачивается содержание по должности. Выплата денег семье по денежному аттестату прекращается, и она переводится на пособие, установленное для семей красноармейцев и младших командиров Указами Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. и от 19 июля 1942 г. (п. 14). За боевое отличие штрафник может быть освобожден досрочно по представлению командования штрафного батальона, утвержденному военным советом фронта. За особо выдающееся боевое отличие штрафник, кроме того, представляется к правительственной награде (п. 15). Все освобожденные из штрафного батальона восстанавливаются в звании и во всех правах (п. 17). Штрафники, получившие ранение в бою, считаются отбывшими наказание, восстанавливаются в звании и во всех правах, и по выздоровлении направляются для дальнейшего прохождения службы, а инвалидам назначается пенсия из оклада содержания по последней должности перед зачислением в штрафной батальон (п. 18). Семьям погибших штрафников назначается пенсия на общих основаниях со всеми семьями командиров из оклада содержания по последней должности до направления в штрафной батальон (п. 19) [14, с. 601].

По мнению исследователей, за период с 1942 по 1945 г. в среднем было создано около 60 штрафных батальонов и 1049 штрафных рот [16, с. 39].

Приказ № 227 также упорядочил создание заградотрядов. Данные отряды формировались из

бойцов и командиров численностью до 200 человек и подчинялись командованию армии. Руководили отрядами офицеры госбезопасности.

С изменением ситуации на фронтах в пользу Красной Армии необходимость в использовании данных мер исчезла и к 15 ноября 1944 г. заградительные отряды были расформированы.

С целью усиления борьбы с дезертирством 14 октября 1942 г. приказом НКВД МММР руководство и контроль за деятельностью органов НКВД по борьбе с дезертирством и уклонение от мобилизации были возложены на Отдел по борьбе с бандитизмом НКВД СССР и его органы на местах. В июне 1943 г. в ОББ НКВД СССР было организовано специальное отделение по борьбе с дезертирством, что дало возможность сделать эту работу более организованной и эффективной. Повышению уровня профессионализма органов внутренних дел способствовала специальная директива НКВД СССР «О мерах борьбы с бандитизмом и дезертирством», разосланная в декабре 1942 г. в периферийные подразделения. В ней требовалось перестроить оперативную работу и сделать ее более результативной, в частности, вместо преследования бандитско-дезертирских групп силами войск и милиции давалась установка обеспечить внедрение в банды агентов, способных подвести криминальные группировки под оперативный удар. В местах их дислокации предписывалось создавать специальную агентурно-осведомительную сеть из лесных объездчиков, охотников и чабанов, способных организовать необходимое наблюдение, а чекистско-войсковые операции по ликвидации банд осуществлять в сочетании с агентурно-оперативными мероприятиями.

В начале 1943 г. НКВД СССР обобщил опыт борьбы с дезертирством. Было обращено внимание на эффективность предпринимаемых мер, а также на изобретательность преступного элемента. Дезертиры изобретали все новые способы укрытия в труднодоступных, безлюдных местах.

В июле–сентябре 1944 г. по всей стране органы НКВД, НКГБ, прокуратуры и военной контрразведки «Смерш» провели совместную широкомасштабную операцию по выявлению дезертиров и уклонистов.

В ходе операции было задержано 170 757 человек, в том числе 87 923 дезертира и 82 834 уклониста от воинской службы. 104 343 человека были переданы в райвоенкоматы и затем пополнили ряды

РККА, 33 954 человека были арестованы, а 181 человек убит при оказании сопротивления [6, с. 376–377].

Определенный перелом в борьбе с дезертирством отмечается только в конце войны. Конечно, дезертиры составляли меньшую и далеко не лучшую часть советского общества. Патриотически настроенных людей было гораздо больше, иначе войну мы бы не выиграли. Однако, следует понимать, что данное явление имело и имеет место быть, для воздействия на него надо разрабатывать комплекс мер и анализировать имеющийся исторический опыт на предмет эффективности этих мер в различных ситуациях.

Уклонение от службы и бегство с поля боя имели место во все исторические времена и у всех народов. Особенно остро эта проблема вставала во время военных компаний. Российское, а затем советское государство не стало исключением. В мерах противодействия дезертирству прослеживается историческая преемственность.

Список источников

1. Анисимов А. Н. Воинский устав о наказаниях, разъясненный мотивами, на которых он основан, решениями Главного военного суда и дополненный приказами и циркулярами по Военному ведомству по 15-е июня 1897 г. СПб., 1898.
2. Артикул воинский 1715 г. // URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2008/>
3. Воинский устав о наказаниях. СПб., 1868.
4. Гланц Д. М. Восставшие из пепла. Как Красная Армия 1941 года превратилась в Армию Победы. М., 2009.
5. Жирнов Е. П. Дезертир скрывался более года на высоком дереве, в гнезде аиста // Коммерсантъ-Власть. 2011. 11 апр.
6. Зефилов М. В., Дегтев Д. М. Все для фронта? Как на самом деле ковалась победа. М., 2009.
7. Истребляй гитлеровцев! // Известия. 1942. № 175.
8. Мельник Е. В. К вопросу о фальсификации истории на примере приказа «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в красной армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» от 28 июля 1942 г. // Правовая культура и правовая идеология российского общества: сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессора В. М. Курицына. М., 2021. С. 110–116.
9. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. док. Т. 2. М., 2000.

10. Письмо НКВД СССР в НКО СССР о принятых мерах по организации борьбы с дезертирством и наведению порядка в тыловых районах и на транспорте. 26 декабря 1941 г. № 755 // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/178756#mode/inspect/page/3/zoom/4э>

11. Россия. Законы и постановления. Свод военных постановлений. Ч. 1. Устав военно-уголовный. СПб., 1839.

12. Русский архив: Великая Отечественная Т. 13 (2–3). Приказы Народного комиссара обороны СССР 1943–1945 гг. М., 1997.

13. Соборное Уложение 1649 г. // ПСЗРИ. 1830. Собр. 1. Т. 1. № 1.

14. Строчков А. А. История военного искусства. Т. 5. СПб., 1994.

15. 1941 год. В 2 кн. Кн. 2. М., 1998.

16. Чапурина В. А. Штрафные части в годы Великой Отечественной войны // Вестник Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. 2008. № 49. С. 38–40.

References

1. Anisimov A. N. Military regulations on punishments, clarified by the motives on which it is based, decisions of the Main Military Court and supplemented by orders and circulars on the Military Department on June 15, 1897. St. Petersburg, 1898.
2. Military article 1715 // URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2008/>
3. Military regulations on punishments. St. Petersburg, 1868.
4. Glants D. M. Risen from the ashes. How the Red Army of 1941 turned into the Army of Victory. M., 2009.
5. Zhirnov E. P. The deserter hid for more than a year in a tall tree, in a stork's nest // Kommersant-Vlast. 2011. April, 11.
6. Zefirov M. V., Degtev D. M. Everything for the front? How victory was actually forged. M., 2009.
7. Exterminate the Nazis! // Izvestia. 1942. No. 175.
8. Melnik E. V. On the issue of falsification of history on the example of the order «On measures to strengthen discipline and order in the Red Army and the prohibition of unauthorized withdrawal from combat positions» dated July 28, 1942 // Legal culture and legal ideology of Russian society: collection of scientific articles of the international scientific and practical conference dedicated to the memory of Professor V. M. Kuritsyn. M., 2021. P. 110–116.

9. State security agencies of the USSR in the Great Patriotic War: Collection of documents. Vol. 2. M., 2000.
10. Letter from the NKVD of the USSR to the NCO of the USSR on the measures taken to organize the fight against desertion and restore order in the rear areas and on transport. December 26, 1941, No. 755 // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/178756#mode/in-spect/page/3/zoom/4e>
11. Russia. Laws and regulations. The Code of military regulations: Part 1. The military-criminal Statute. St. Petersburg, 1839.
12. Russian Archive: The Great Patriotic War Vol. 13 (2–3). Orders of the People's Commissar of Defense of the USSR 1943–1945. M., 1997.
13. The Cathedral Code of 1649 // PSZRI. 1830. Col. 1. Vol. 1. No. 1.
14. Stokov A.A. History of military art. Vol. 5. St. Petersburg, 1994.
15. 1941. In 2 books. Book 2. M., 1998.
16. Chapurina V. A. Penal units during the Great Patriotic War // Bulletin of the Novgorod State University named after Yaroslav the Wise. 2008. No. 49. P. 38–40.

Информация об авторах

В. М. Исаков — старший научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отделения Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

Е. В. Мельник — доцент кафедры истории государства и права Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

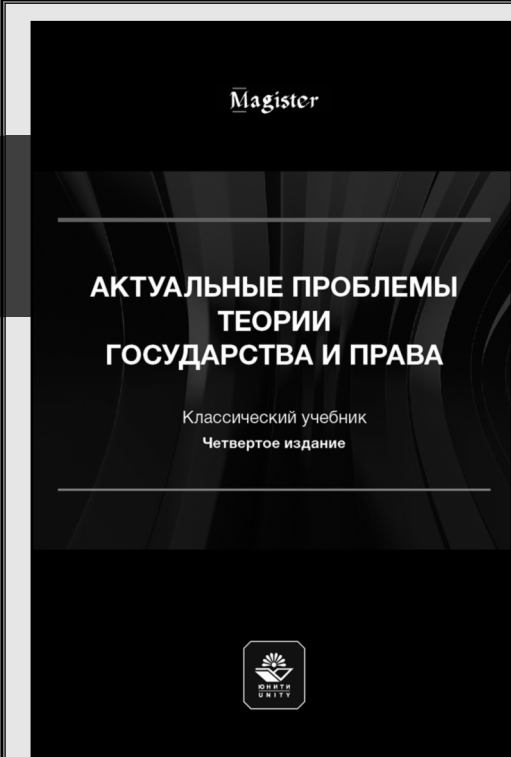
V. M. Isakov — Senior Researcher of the Research and Editorial Publishing Department of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor;

E. V. Melnik — Associate Professor of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.07.2024; одобрена после рецензирования 19.09.2024; принята к публикации 01.11.2024. The article was submitted 27.07.2024; approved after reviewing 19.09.2024; accepted for publication 01.11.2024.

	<p style="text-align: center;">АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА</p> <p style="text-align: center;">Учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник» Гриф НИИ образования и науки Под ред. А.И. Клименко, М.М. Рассолова; под общ. ред. В.П. Малахова, В.В. Оксамытного</p> <p>Исследуются проблемы предмета и методов теории государства и права, новые теоретические аспекты происхождения права и государства, проблемы государственной власти в условиях глобализации, признаки, типология, строение и функции современного государства. Рассматриваются сущность и парадигмы права, новые подходы к формам, правотворчеству и систематизации нормативно-правовых актов, а также вопросы теории правоотношений, реализации, толкования норм права и ответственности в демократическом обществе.</p> <p>Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, всех интересующихся проблемами развития государства и права.</p>
---	---

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-75-80>

EDN: <https://elibrary.ru/qpmarz>

НИОН: 2003-0059-1/25-227

MOSURED: 77/27-003-2025-01-426

Совершенствование деятельности государственных служащих в условиях интеграции искусственного интеллекта: плюсы и минусы

Борис Николаевич Комахин

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, komakhin@yandex.ru

Аннотация. Проанализирована авторская позиция использования искусственного интеллекта государственными служащими в управленческой деятельности. Особое внимание уделено ошибкам и негативным последствиям, которые может допускать система, использующая искусственный интеллект, и принимаемым мерам, исключающим повторение подобных ситуаций. Раскрывается вопрос о том, кто несет ответственность за неправомерные действия, совершенные с помощью искусственного интеллекта; рассмотрены виды ответственности госслужащих за ошибки, которые допустил искусственный интеллект.

Ключевые слова: государственный служащий, управление, искусственный интеллект, цифровые технологии, ответственность

Для цитирования: Комахин Б. Н. Совершенствование деятельности государственных служащих в условиях интеграции искусственного интеллекта: плюсы и минусы // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 75–80. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-75-80>. EDN: QPMARZ.

Original article

Improving the activities of civil servants in the context of the integration of artificial intelligence: pros and cons

Boris N. Komakhin

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia,

komakhin@yandex.ru

Abstract. The author's position on the use of artificial intelligence by civil servants in management activities is analyzed. Special attention is paid to the mistakes and negative consequences that a system using artificial intelligence can make, and the measures taken to prevent the recurrence of such situations. The question of who is responsible for illegal actions committed with the help of artificial intelligence is revealed; the types of responsibility of civil servants for mistakes made by artificial intelligence are considered.

Keywords: civil servant, management, artificial intelligence, digital technologies, responsibility

For citation: Komakhin B. N. Improving the activities of civil servants in the context of the integration of artificial intelligence: pros and cons. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):75–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-75-80>. EDN: QPMARZ.

В рамках реализации Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»¹ в России создан Центр четвертой промышленной революции (Индустрия 4.0)² [3], в связи с этим внедрение искусственного интеллекта (далее — ИИ) в различные области промышленности, в том числе и в государственное управление, приобретает все большее значение и становится важным инструментом, способствующим повышению эффективности различных сфер деятельности, способным решать задачи, которые требуют интеллектуальных усилий, таких как анализ данных, распознавание образов и принятие решений, а также реализация инновационных проектов. Интеграция ИИ в деятельность государственных служащих открывает новые горизонты, однако сопровождается рядом вызовов, требующих

внимательного подхода, требует тщательного анализа потенциальных преимуществ и недостатков, что позволяет сбалансировать инновационные подходы с этическими и социальными аспектами.

Рассмотрим, какова роль искусственного интеллекта в государственном управлении.

1. Повышение эффективности при анализе данных. ИИ способен обрабатывать и анализировать

¹ Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президентом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/

² Центры четвертой промышленной революции — это пространство для сотрудничества государственного и частного секторов в целях использования технологий для достижения социального и экономического прогресса // URL: <https://c4ir.ru/http://government.ru/news/43532/>

© Комахин Б. Н., 2025

большие объемы данных быстрее и точнее, чем человек, что позволяет государственным органам оперативно принимать обоснованные решения. Это может касаться как планирования государственных программ, так и оценки существующих инициатив и позволяет службам разрабатывать более обоснованные решения и реагировать на потребности граждан в режиме реального времени. При подборе кадров на замещение вакантных должностей ИИ может анализировать резюме соискателей, а также осуществлять поиск и подбор кандидатов в базах данных вакансий. Это особенно полезно при выполнении рутинных и высокотратных этапов в процессе подбора персонала [1, с. 64].

2. Автоматизация рутинных процессов. Многие однообразные операции, такие как обработка заявлений и различных документов, заполнение форм, управление базами данных и составление планов возможно автоматизировать при помощи ИИ, что освобождает время государственных служащих для выполнения более важных и креативных задач, и это не только ускоряет процессы, но и снижает вероятность человеческой ошибки.

3. Повышение уровня обслуживания граждан. С помощью ИИ можно улучшить взаимодействие с гражданами. Чат-боты³ и виртуальные помощники способны предоставить необходимую информацию в любое время суток и решать множество проблем без участия человека, а системы на основе машинного обучения предлагают персонализированные решения.

4. Улучшение процессов принятия решений, предсказательная аналитика. Системы, основанные на ИИ, в состоянии анализировать исторические данные и предоставлять прогнозы, что значительно улучшает качество принимаемых решений и позволяет избегать потенциальных ошибок. ИИ помогает в прогнозировании социальных и экономических трендов, что дает возможность заранее реагировать на несанкционированные мероприятия, нежелательные вызовы, стихийные бедствия или кризисы.

5. Изменение структуры кадров. Интеграция технологий меняет состав и квалификацию работников, открывая возможности для профессионального развития и обучения в новых областях.

6. Создание более эффективных услуг. Следует согласиться с М. А. Измайловой что, применение новейших технологий искусственного интеллекта и облачных технологий, достижение кибербезопасности позволяют кардинально повысить качество процессов, включая оказание государством услуг в цифро-

вом формате на основе модернизированных операционных моделей [4, с. 578]. Примеры включают электронное правительство и онлайн-платформы для связи с государственными органами.

7. Улучшение прозрачности. ИИ может способствовать повышению прозрачности государственных процессов, например, при помощи систем, которые отслеживают целевое использование бюджетных средств при реализации государственных проектов.

8. Оптимизация распределения ресурсов. С помощью алгоритмов ИИ минимизируется коррупционная составляющая, улучшаются процессы распределения ресурсов, эффективно управляющие финансами и охватывающие те области, которые нуждаются в первоначальной помощи.

Тем не менее: «Среди ученых существует обоснованный скептицизм, что правительства, использующие цифровые инструменты в управлении, могут стать слишком технократичными и это поставит под угрозу неприкосновенность частной жизни индивида, усилит неравенство граждан и территорий» [2, с. 375].

Вызовы (минусы), связанные с интеграцией ИИ в государственное управление.

1. Этические и правовые аспекты. Использование ИИ в государственных службах вызывает вопросы относительно конфиденциальности и защиты персональных данных граждан. Как гарантировать, что ИИ не нарушит права человека, этические правила и будет соблюдать действующее законодательство? Необходимо разработать четкие нормы, определяющие, как и когда применять инновационные технологии, использующие ИИ.

2. Риск дискриминации. ИИ может давать ошибочные советы или делать выводы, основанные на некорректных данных. Использование односторонних данных приводит к нарушению прав граждан, искажению исторических событий и дискриминации определенных групп населения. Многие алгоритмы ИИ являются «черными ящиками», что затрудняет понимание причин их решений. Государственные службы должны стремиться к недопущению дискриминации и обеспечению равного доступа к услугам для всех групп населения. В случае, если ИИ приводит к дискриминации или нарушает права человека,

³ Чат-бот — это программа, которая общается с пользователями без участия человека на сайте компании, в соцсетях или мессенджере // URL: <https://practicum.yandex.ru/blog/chto-takoe-chat-bot/>

организация обязана компенсировать ущерб и принять меры к недопущению повторения подобных ситуаций. Если ИИ, использующийся в правоохранительных органах, выдает ложные данные, последствия могут затронуть не только отдельных служащих, но и всю правоохранительную систему, что требует от нее принять меры и устранить ошибки [6].

3. Проблемы с доверием общества. Необходимость доверия населения к технологиям ИИ является критически важной. Граждане должны быть уверены, что их персональные данные надежно защищены и что ИИ работает в их интересах. Непрерывный мониторинг работы ИИ и периодические оценки его эффективности позволят своевременно выявлять проблемы и устранять их. Граждане имеют право знать, как их данные используются и на основе каких алгоритмов принимаются решения.

4. Необходимость кадрового обучения. Интеграция ИИ требует от государственных служащих новой квалификации и навыков, что может вызвать сопротивление и потребовать значительных бюджетных затрат на разработку эффективных программ обучения персонала. Государственные служащие должны понимать и использовать эти новые технологии. Инвестирование в обучение государственных служащих, работающих с ИИ, важно для обеспечения их информированности о потенциальных рисках, которые возможны при использовании ИИ.

5. Потеря рабочих мест. Автоматизация рутинных задач, вероятно приведет к сокращению численности персонала, особенно в тех сферах, где ИИ способен эффективно выполнять человеческие функции. Это создает риск увеличения безработицы в определенных областях.

6. Отсутствие человеческого фактора. Искусственный интеллект может упустить нюансы, которые известны только человеку. Взаимодействие с гражданами требует эмпатии и эмоционального интеллекта, которых ИИ лишен.

7. Технические сбои. Как и любая технология, ИИ подвержен сбоям и ошибкам, возникающим в результате перегрузок, поломок или отключения электроэнергии. Ошибочные алгоритмы приводят к неправильным решениям и негативным последствиям.

Между тем, интеграция искусственного интеллекта в деятельность государственных служащих открывает множество возможностей для повышения эффективности и качества государственного управления, и выполнения социальных функций. Несмотря на ряд вызовов, связанных с его внедрением, возмож-

ности, которые открываются перед государственными органами, значительны.

Для успешной интеграции ИИ необходимо создавать соответствующие правовые рамки, обучать персонал и учитывать этические аспекты. В долгосрочной перспективе ИИ может стать ключевым фактором, меняющим подходы к управлению и улучшению жизни граждан. Вместе с тем, необходимо признать и риски, связанные с этим процессом. Основным вызовом является создание сбалансированной системы, в которой ИИ будет работать в тандеме с государственными служащими, направляя их и поддерживая принятие решений, а не заменяя их полностью. Долгосрочный успех будет зависеть от способности адаптироваться к новым технологиям и обеспечивать соответствие этическим стандартам и потребностям общества.

С развитием технологий искусственного интеллекта, учитывая все большую автономность робототехнических комплексов, делающих невозможным полный контроль за ними со стороны операторов, предопределяет необходимость решения двух этических вопросов: о безопасности таких систем для человека и об ответственности за вред, причиненный в результате их применения [5, с. 60].

Государственные служащие играют ключевую роль в интеграции ИИ в систему управления; при этом все чаще возникают вопросы о том, кто несет ответственность за неправомерные действия, совершенные при использовании ИИ, т. е. кто является субъектом юридической ответственности, физические или юридические лица? В частности, это касается государственных служащих, которые прибегают к помощи ИИ принимая решения в различных отраслях промышленности, здравоохранения, образования, науки до правоохранительных органов. И если ИИ совершает ошибку или неправомерное действие, кто за это ответит? Важно рассмотреть разные аспекты, связанные с ответственностью государственных служащих за действия ИИ, а также исследовать возможные механизмы реализации такой ответственности.

Существует несколько подходов к определению ответственности государственных служащих за действия ИИ. В данной статье не будем останавливаться на юридической ответственности государственных служащих, которая зависит от характера и размеров причиненного ущерба и может быть гражданско-правовой, дисциплинарной, административной или уголовной. Рассмотрим ответственность госслужащих с точки зрения: индивидуальной ответственно-

сти, коллективной ответственности, ответственности организаций за ошибки совершенные искусственным интеллектом.

Индивидуальная ответственность. Что касается индивидуальной ответственности, в некоторых юрисдикциях предполагается, что государственные служащие могут быть привлечены к ответственности за ошибки и неправомерные действия, поскольку они использовали ИИ. Индивидуальная ответственность подразумевает, что конкретный человек, занимая определенную должность, отвечает за свои решения и их последствия. Это означает, что он привлекается к ответственности в случае, если неправомерные действия были следствием его недостаточной подготовки, халатности или игнорирования важных факторов. М. В. Кешнер считает, что индивидуальная ответственность, предполагающая несение субъектом ответственности только за собственные действия, независимо от их связи с другими субъектами, стала доминирующим подходом при обсуждении Комиссией международного права ООН вопросов международной ответственности [7, с. 151].

Ошибки, которые допускает искусственный интеллект, возникают по различным причинам: от неадекватности обучающих данных до программных сбоев или неверной настройки систем; ИИ также может быть не подготовлен к принятию непростых решений в сложных ситуациях, что приведет к ошибкам. Важно четко определить границы ответственности технологической инфраструктуры и человеческого фактора.

На степень индивидуальной ответственности госслужащего влияют различные факторы, такие как уровень их подготовки, образование, опыт работы в данной сфере, квалификация, участие в принятии решений о внедрении системы и выполнение установленных процедур. Эти аспекты могут существенно повлиять на степень ответственности конкретного работника.

Правовая природа индивидуальной ответственности в контексте ИИ остается неопределенной. Многие юрисдикции еще не создали качественных норм, касающихся данной ответственности, что создает правовую неопределенность для работников, использующих новые инновационные технологии.

С этической точки зрения важно, чтобы индивидуальная ответственность соответствовала не только закону, но и обеспечивала справедливую оценку действий государственных служащих. Необходимо, чтобы они осознавали возможные последствия своих решений и были готовы отвечать за них.

Индивидуальная ответственность государственных служащих за ошибки ИИ — это сложный и многогранный вопрос, требующий глубокого анализа. С одной стороны, важно защитить их от чрезмерной ответственности в условиях быстро развивающихся технологий, с другой, — сохранить механизмы подотчетности, чтобы обеспечить готовность принимать ответственные решения в условиях неопределенности.

Для установления адекватной системы ответственности требуется разработать четкие правовые нормы и обеспечить соответствующую подготовку государственных и муниципальных служащих. Это поможет минимизировать риски, связанные с применением ИИ, и повысит степень доверия общества к новым технологиям.

Коллективная и личная ответственность — это особая разновидность сознательности, связанная с самоограничением. Это готовность добровольно и осознанно принимать на себя обязательства в отношении других членов общества, проявлять заботу о них, предотвращать риски, минимизировать ущерб от социальных действий и, таким образом, заботиться о социальном благополучии [8, с. 45].

Коллективная ответственность. С развитием технологий ИИ и их внедрением в государственное управление становится актуальным вопрос о коллективной ответственности государственных служащих за ошибки, совершенные этими системами. Поскольку ИИ все чаще используется в процессах принятия решений, необходимо пересмотреть традиционные понятия ответственности, рассмотреть, каким образом можно установить и реализовать коллективную ответственность говоря об ошибках, допускаемых ИИ.

Коллективная ответственность подразумевает, что группа людей, работающих совместно в рамках одной организации или проекта, несет ответственность за принятые решения и их последствия. Это особенно актуально в государственных учреждениях, где решения зачастую принимаются в команде и требуют согласования нескольких лиц. В таких случаях следует применять принцип коллективной ответственности, где группа государственных служащих, принявшая решение о внедрении ИИ, несет ответственность за его действия. Это важно в контексте государственных служб, где использование ИИ может затрагивать интересы самой широкой аудитории и иметь значительные последствия для общества.

Все принципиальные участники проекта, от аналитиков до администраторов, должны осознавать свою роль в обеспечении корректной работы системы.

Внедрение механизмов коллективной ответственности может привести к более тщательному контролю за работой ИИ. Члены всей команды в состоянии совместно отслеживать свои результаты, проводить системный мониторинг и высказывать законное мнение, что способствует устранению в целом допущенных ошибок.

Объяснение и понимание важности коллективной ответственности помогут сформировать культуру ответственности в государственных учреждениях, где сотрудники системы будут понимать, что ошибки системы — это результат совместной коллективной работы и, соответственно, осознание своей роли в минимизации ошибок и рисков. Поскольку ИИ интегрируется в различные аспекты государственного управления, важно понимать, что некоторые ошибки не всегда связаны с действиями одного служащего, что делает коллективную ответственность необходимой.

Для решения вопроса, связанного с коллективной ответственностью государственных служащих при использовании ИИ, необходимо разработать и принять соответствующие правовые и этические нормы, которые будут регулировать данные отношения, учитывая вклад каждого сотрудника в обеспечении корректной работы системы.

По аналогии с ч. 1 ст. 245 ТК РФ при совместном выполнении работниками отдельных видов работ, а в нашем случае использовании ИИ, когда невозможно разграничить ответственность каждого работника за причиненный ущерб, возможно применить коллективную ответственность для всех государственных служащих, принимавших участие в конкретной деятельности⁴.

Важно владеть технологиями управления коллективной ответственностью, уметь разрабатывать и внедрять корпоративные правила, способствовать созданию культуры ответственного поведения. Навык управления коллективной ответственностью служащих стал особенно актуальным с развитием удаленных форм работы, активно внедряемых в условиях пандемии, а при интенсивном внедрении ИИ, степень коллективной ответственности повышается.

Ответственность организаций. Некоторые эксперты считают, что именно государственные учреждения, а не отдельные сотрудники, должны отвечать за неправомерные действия, которые допустил ИИ. Существенной особенностью организационной ответственности является то, что к ней могут привлекаться только сотрудники конкретной организации, пользующиеся услугами ИИ.

Организационная ответственность подразумевает, что не только отдельные лица, но и полностью структура несет ответственность за действия, происходящие в ее рамках. Это особенно важно для государственных служащих, использующих ИИ, поскольку ошибки системы могут затрагивать интересы общества в целом.

Правовая природа организационной ответственности за ошибки ИИ еще также не достаточно проработана и во многом зависит от особенностей конкретной ситуации. Законы должны четко определять границы ответственности организаций и предусматривать механизмы ее реализации. Государственные учреждения обязаны быть готовы нести ответственность за последствия своих действий при использовании ИИ, включая компенсацию ущерба.

Подводя итог рассмотрения различных видов ответственности государственных служащих, использующих возможности ИИ, необходимо учитывать не только правовые вопросы, но и этические и социальные аспекты. Например, как гарантировать, что ИИ не создает дискриминационных ситуаций или не нарушает права человека? Государственные служащие должны быть внимательны к этим вопросам и осознавать свою ответственность за технологии, способные повлиять на общество.

Вопрос об ответственности государственных служащих за неправомерные действия, связанные с использованием ИИ, становится актуальным в условиях инновационного развития современных технологий. Необходимы четкие юридические и этические нормы, чтобы адекватно определить ответственность и предотвратить возможные негативные последствия. Выводы о допустимости наличия в законодательстве абстрактных норм должны быть неизбежно скорректированы. Поскольку нормы законодательства о злоупотреблении правом различны по характеру и значению, пределы детализации таких его норм определяются законодателем с учетом необходимости их эффективного применения к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций [9, с. 57]. Государственные служащие должны быть готовы не только к внедрению ИИ, но и осознавать свою ответственность за его использование, что будет способствовать увеличению доверия к новым технологиям и возвышению уважения общества к государственным институтам.

⁴ Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2021 г. № 197-ФЗ (ред. от 26 декабря 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Для достижения этой цели следует интегрировать принципы качества, постоянного обучения и мониторинга в процессе работы с ИИ. Это обеспечит более безопасное и эффективное использование современных технологий, способствуя их интеграции в государственные процессы.

Список источников

1. Кулагина А. С. Исследование внедрения искусственного интеллекта в процесс отбора сотрудников на госслужбу // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2023. № 18. С. 62–66.
2. Кайсарова В. П., Кайсаров А. А. Ценностно-ориентированный подход в государственном управлении как базис исследований искусственного интеллекта // Управление бизнесом в цифровой экономике: 7-я междунар. конф. СПб., 2024. С. 374–377.
3. Шваб К. Четвертая промышленная революция / пер. с англ. М.: Эксмо, 2018.
4. Измайлова М. А. Цифровая трансформация и социальная ответственность: прагматизм или поиск баланса // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2022. Т. 13. № 4. С. 575–591.
5. Левченко А. И. «Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда искусственным интеллектом» // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 2. С. 58–62.
6. Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации / под науч. ред. К. К. Гасанова, О. В. Зиборова; под общ. ред. Б. Н. Комахина, Е. Н. Хазова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2025.
7. Кешнер М. В. Совместная ответственность против индивидуальной ответственности: в поисках справедливости и многосторонности в вопросах реализации международной ответственности // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 10. С. 148–162.
8. Токарева С. Б. Коллективная и личная ответственность в обществе // Власть. 2012. № 3. С. 44–48.

Информация об авторе

Б. Н. Комахин — профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации.

Information about the author

B. N. Komakhin — Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 20.01.2025; одобрена после рецензирования 31.01.2025; принята к публикации 17.02.2025.

The article was submitted 20.01.2025; approved after reviewing 31.01.2025; accepted for publication 17.02.2025.

9. Ростовцева А. М. Правовая природа ответственности юридических лиц и их участников // Общество и право. 2014. № 4(50). С. 56–63.

References

1. Kulagina A. S. Research on the introduction of artificial intelligence in the selection process of employees for civil service // Education and science without borders: fundamental and applied research. 2023. No. 18. P. 62–66.
2. Kaisarova V. P., Kaisarov A. A. Value-based approach in public administration as a basis for artificial intelligence research // Business management in the digital economy: The seventh International Conference. St. Petersburg, 2024. P. 374–377.
3. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution / translated from English. M.: Eksmo, 2018.
4. Izmailova M. A. Digital transformation and social responsibility: pragmatism or the search for balance // MIR (Modernization. Innovation. Development). 2022. Vol. 13. No. 4. P. 575–591.
5. Levchenko A. I. «Civil liability for causing harm by artificial intelligence» // Ural Journal of Legal Research. 2022. No. 2. P. 58–62.
6. Public service in the internal affairs bodies of the Russian Federation // under the scientific editorship of K. K. Hasanov, O. V. Ziborov; under the general editorship of B. N. Komakhin, E. N. Khazov. 4th ed., revised and additional. M., 2025.
7. Keshner M. V. Joint responsibility versus individual responsibility: in search of justice and multilateralism in the implementation of international responsibility // Journal of Russian Law. 2023. Vol. 27. No. 10. P. 148–162.
8. Tokareva S. B. Collective and personal responsibility in society // Power. 2012. No. 3. P. 44–48.
9. Rostovtseva A. M. The legal nature of the liability of legal entities and their participants // Society and law. 2014. No. 4(50). P. 56–63.

Научная статья
УДК 343.01
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-81-90>
EDN: <https://elibrary.ru/rjmntw>
NIION: 2003-0059-1/25-228
MOSURED: 77/27-003-2025-01-427

Ответственность как правовая категория и ее влияние на развитие уголовного и уголовно-исполнительного права

Алексей Александрович Кузнецов

Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
Сочи, Россия, omsklaw07@mail.ru

Аннотация. Рассматривается категория «ответственность» как основополагающая не только в уголовном праве, но и в других отраслях права уголовного цикла — уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном праве. При этом, каждая отрасль права наделяет рассматриваемую категорию собственным содержанием. И, если сущность и содержание ответственности в уголовном и уголовно-процессуальном плане изучена достаточно, то устоявшееся понятия «уголовно-исполнительная ответственность» в настоящее время не существует. Исследуется правовая природа категории «ответственность» применительно ко всей сфере уголовно-правового регулирования, касающейся материального, процессуального и исполнительного права как в целом, так и по отдельности. Для достижения целей исследования применялись различные научные методы: общенаучные методы познания (системно-структурный, анализ, синтез, индукция, дедукция), наблюдение и анкетирование как эмпирические методы научного исследования, а также частнонаучные методы, такие как сравнительно-правовой, метод правового моделирования. Изучив правовую природу, сущность и содержание ответственности, автор приходит к выводу о идентичности содержания последней в уголовном и уголовно-исполнительном праве, что предопределяется целями и задачами данных отраслей права, а также единым основанием применения ответственности — установленным, доказанным и подтвержденным судом фактом совершенного преступления и признания лица в качестве виновного. По этим же причинам уголовно-процессуальную ответственность следует рассматривать автономно, поскольку она имеет собственные цели и основания применения.

Ключевые слова: уголовная ответственность, сущность уголовной ответственности, уголовно-процессуальная ответственность, уголовно-исполнительная ответственность

Для цитирования: Кузнецов А. А. Ответственность как правовая категория и ее влияние на развитие уголовного и уголовно-исполнительного права // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 81–90. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-81-90>. EDN: RJRNTW.

Original article

Responsibility as a legal category and its influence on the development of criminal and penal enforcement law

Alexey A. Kuznetsov

Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Sochi, Russia, omsklaw07@mail.ru

Abstract. The category of «responsibility» is considered as fundamental not only in criminal law, but also in other branches of the criminal law cycle — penal enforcement and criminal procedure law. At the same time, each branch of law gives the category in question its own content. And, if the essence and content of responsibility in criminal and criminal procedure terms has been studied sufficiently, then there is currently no well-established concept of «criminal executive responsibility». The legal nature of the category «responsibility» is investigated in relation to the entire sphere of criminal law regulation concerning substantive, procedural and enforcement law both as a whole and separately. To achieve the research objectives, various scientific methods were used: general scientific methods of cognition (system-structural, analysis, synthesis, induction, deduction), observation and questioning as empirical methods of scientific research, as well as private scientific methods such as comparative law, the method of legal modeling. Having studied the legal nature, essence and content of responsibility, the author comes to the conclusion that the content of the latter is identical in criminal and penal enforcement law, which is determined by the goals and objectives of these branches of law, as well as the single basis for the application of responsibility established, proven and confirmed by the court the fact of the crime committed and the recognition of the person as guilty. For the same reasons, criminal procedural liability should be considered independently, since it has its own goals and grounds for application.

Keywords: criminal responsibility, essence of criminal responsibility, criminal procedural responsibility, criminal-executive responsibility

For citation: Kuznetsov A. A. Responsibility as a legal category and its influence on the development of criminal and penal enforcement law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):81–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-81-90>. EDN: RJRNTW.

© Кузнецов А. А., 2025

Введение. Мироззренческий аспект ответственности крайне важен для общего представления о данной категории, особенно в части дальнейших перспектив ее развития в русле происходящего, а соответственно, и выбора конкретных средств ее претворения в жизнь. Между тем статус данной категории в рамках уголовно-правовых и уголовно-исполнительных отношений, наряду с механизмом ее реализации применительно к обеим правовым отраслям можно раскрыть лишь посредством юридического анализа, имеющего своим предметом всю совокупность элементов, необходимых для решения столь сложной задачи. При этом ответственность не существует сама по себе, а ее интегрированность во все сферы жизнедеятельности человека несомненна. Однако, наряду с признанием данного факта, ее дробление по отраслям права и почти святое притязание каждой из них на ту или иную часть исследуемой нами категории превращает ее в неоднородное явление, существенно его, таким образом, ослабляя.

К сожалению, это в равной степени касается всего уголовно-правового блока, в пределах которого в уголовном праве речь ведется об уголовной ответственности [1, с. 12–14; 2, с. 35; 3, с. 32; 4, с. 21], в уголовном процессе [5, с. 86; 6, с. 120–121; 7, с. 110–111], соответственно, об уголовно-процессуальной ответственности, а в уголовно-исполнительном рассуждений на эту тематику практически не существует [8, с. 136–137; 9, с. 5], как не существует на сегодня и такой категории, как уголовно-исполнительная ответственность¹. В итоге, несмотря на общие основания возникновения ответственности, а это ни что иное, как факт совершенного преступления, общие цели и задачи ее реализации, включающие недопущение новых фактов преступной деятельности, обеспечение безопасности общества, исправление лица, допустившего общественно опасное поведение, в каждой из отраслей права мы наблюдаем относительно самостоятельную направленность усилий по ее исследованию и попытки совершенствования. И если в уголовном праве эта проблематика действительно нашла свое достойное обоснование в ее доктрине, то остальные направления данного цикла либо используют накопленные наработки, либо вообще базируются на других видах юридической ответственности, не осуществляя при этом попыток генерации новых знаний внутри себя.

Материалы и методы. Настоящее исследование основано на работах ученых в областях уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнитель-

ного права, затрагивающих проблемы ответственности и принуждения, в том числе административной и дисциплинарной ответственности.

Для достижения целей исследования применялись различные научные методы: общенаучные методы познания (системно-структурный, анализ, синтез, индукция, дедукция), наблюдение и анкетирование как эмпирические методы научного исследования, а также частнонаучные методы, такие как сравнительно-правовой, метод правового моделирования.

Результаты. Говоря об уголовно-исполнительном праве, где дисциплинарная [10, с. 523] и административная [11, с. 115; 12, с. 15] ответственность, существуя в рамках уголовно-исполнительных отношений, якобы полностью (по крайней мере, такова догма) выполняет весь функционал, необходимый для данной правовой отрасли в части возложения на виновного² тягот и лишений. В то же время, ряд аспектов имеют сугубо уголовно-исполнительную специфику, которая не ложится в лоно административного права или дисциплинарной ответственности. Собственно, данный вывод следует уже из того, насколько специфичными являются общественные отношения, складывающиеся в уголовно-исполнительной сфере, основу которых составляет государственное принуждение, причем в его максимально репрессивном и, что важно, — фактическом проявлении по отношению к другим отраслям права. Более того, сам факт именно реализации тягот и лишений, регламентированных в материальной отрасли создает не формальную (указанную только в законе) а вполне реальную специфику, обусловленную не столько закрытостью учреждений, где происходит отбывание наказания, а сколько их иной и, как правило, совершенно самостоятельной правовой природой, не всегда имеющей отношение к административному или иному законодательству³. Именно данное обстоятельство сегодня не находит

¹ Абсолютно все рассуждения на эту тему в современной литературе сводятся к административной, уголовной или дисциплинарной ответственности, следующих за тем или иным нарушением, совершенным в результате отбывания ранее назначенного наказания.

² Хотя на самом деле нет даже ответа на вопрос, а является ли лицо виновным в случае нарушения им режима отбывания наказания (при отсутствии признаков общественно опасного поведения), так как виновным он является лишь применительно к совершенному им преступлению.

³ Впрочем, нельзя не признать, что уголовно-исполнительная сфера насыщена не только административно-правовыми и уголовно-правовыми отношениями, но и уголовно-процессуальными, трудовыми, медицинскими, семейными и прочими аспектами правового регулирования, так или иначе находящимися в прямой или косвенной зависимости от смежных правовых отраслей.

соответствующего научного обоснования, не говоря уже о решении данного вопроса непосредственно на практике. Соответственно, сам феномен применения к осужденным лицам мер воздействия, находящихся за пределами наказания (или иных мер уголовно-правового характера), но непосредственно с ним связанных, также как и связанных с совершенным ранее преступлением, остается вне рамок не просто обоснования, а пока что и понимания.

В этом плане потенциал уголовно-исполнительных правоотношений, с одной стороны, до сих пор остается максимально недооцененным в современной доктрине, а с другой, зачастую ему придается излишняя значимость лишь с позиции одного только статуса, опять же обусловленного закрытостью как самих общественных отношений, так и, соответственно, их регулированием. Е. Б. Кургузскина по этому поводу пишет буквально следующее: «Уголовные правоотношения исторически и фактически изначально явились источником уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных отношений. Выделившись из уголовных правовых отношений и находясь в тесной связи с уголовным правом, уголовно-исполнительные правоотношения обладают и собственным специфическим содержанием» [13, с. 100]. И далее: «...уголовно-исполнительные правоотношения, как и уголовно-исполнительное право, являются самостоятельными образованиями, хотя достаточно тесно связаны с уголовно-правовыми отношениями» [13, с. 100]. Е. Е. Новиков, в целом соглашаясь с Н. А. Стручковым относительно того, что общие правоотношения в рамках уголовно-исполнительного регулирования создают «Правовую основу для образования многочисленных и разнообразных конкретных исправительно-трудовых правоотношений», в тоже время отмечает, что крайне спорным представляется утверждение, что общие уголовно-исполнительные правоотношения представляют собой первый основной «слой» правоотношений [14, с. 217]. При этом автором отмечается, что специальные правовые связи возникают не над первым слоем, т. е. общими уголовно-исполнительными правоотношениями, а внутри них» [15, с. 61], т. е. непосредственно в период реализации уголовного наказания (ответственности), а, соответственно, и допущения осужденным отклоняющегося, но далеко не всегда общественно опасного поведения.

Признавая некую специфичность общественных отношений, возникающих в рамках всей уголовно-исполнительной системы (вне зависимости от вида на-

значенного судом наказания), неизбежным является и вывод о потребности в особом правовом регулировании столь специфичных общественных отношений. Казалось бы, одно следует из другого, тем более, что сложившаяся годами практика, в сочетании с доктриной, а также всей нормативной правовой базой, указывают, во-первых, на фактическое состояние дел в данной сфере, во-вторых, на жизнеспособность давно оформленного подхода и, в-третьих, на его высокий уровень статичности, не имеющий именно в данном виде принципиальных (содержательных) перспектив своего роста. В реальности последний тезис выступает в качестве основного, указывая на существующее глубокое разделение каждой из сфер правоотношений, в рамках уголовно-исполнительной сферы, функционируя внутри ее практически самостоятельно. Имеющееся при этом лишь некоторое преломление каждой из них с учетом обозначенной выше специфики, является не более чем корректировкой, встраиванием самостоятельных сфер правового регулирования в некую (далеко не всегда настолько серьезную) специфику определенной группы общественных отношений, требующей к ней особого отношения со стороны законодателя.

При этом каждая из отраслей правового регулирования остается абсолютно самостоятельной, в то время как уголовно-исполнительная отрасль по-прежнему представляет собой аппликацию, сложенную из отдельно взятых частей, продолжая заимствовать все недостающие нормы и даже институты из всего, что в него интегрировано за все время существования.

При этом именно ответственность выступала и продолжает выступать в качестве ключевой основы каждой из юридических отраслей. Будучи наделенной своей собственной сущностью, отражающей ту или иную совокупность общественных отношений, ответственность — это то, на чем всегда базируется отрасль, выступая в качестве ее фундаментального начала, трансформация которого даже в масштабах истории не столь велика, как может показаться изначально. Она как максимально стабильна (продолжая сохранять свою сущность), так и максимально изменчива под воздействием общих процессов, но при этом она всегда неизменно характеризует именно данную отрасль, четко позволяя разграничить с любыми другими сферами регулирования.

В уголовно-исполнительном праве, несмотря на безусловность данного тезиса, этого нет и не было никогда, что до сих пор исключает даже употребление выражения — уголовно-исполнительная ответствен-

ность. На сегодняшний день лишь сам закон (УИК РФ) оперирует такой категорией, как ответственность за то или иное нарушение в отбывании наказания. Например, ст. 46 УИК РФ «Ответственность за нарушение порядка и условий отбывания исправительных работ и за злостное уклонение от их отбывания», ст. 71 «Меры поощрения и взыскания, применяемые к осужденным к аресту» и т. д.; т. е. всегда говорится об иных видах ответственности за допущенные нарушения в ходе отбывания ранее назначенного наказания, которое само является частью ответственности уголовной, ее максимально карательной составляющей.

Речь, как правило, при этом идет все о той же уголовной ответственности, хотя ее основанием выступают нарушения, совершенные в период действия уголовно-исполнительных правоотношений. И даже такие статьи, как: ст. 116 УИК РФ «Злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания осужденным к лишению свободы» (и, следовательно, ответственность за данное деяние) или ст. 115 УИК РФ «Меры взыскания, применяемые к осужденным к лишению свободы», ни коим образом не снимают поставленного вопроса, а скорее, даже наоборот, лишь усугубляет саму проблему в силу дополнительной разнородности различных видов нарушений и ответственности за них в рамках одной и той же сферы правового регулирования [16, с. 10]. Из всего перечисленного следует, что ответственность сегодня в рамках уголовно-исполнительного законодательства в основном находится в пределах других сфер правового регулирования, соответственно не будучи способной отобразить сущность именно уголовно-исполнительных отношений [17, с. 22; 18, с. 103].

Между тем, как минимум странным является тот факт, что мы признаем наличие таких отношений (более того, указываем на их чрезвычайную специфичность) и при этом избегаем (или игнорируем) саму постановку вопроса относительно их ключевой категории — ответственности. Категорию, к которой сводится абсолютно все, от тягот и лишений виновного до соблюдения прав и свобод человека и гражданина, от степени исправления и перевоспитания преступника до состояния рецидивной преступности в общем и целом, от психологии отдельно взятого преступника до отношения общества к преступности в целом и к самой ответственности (вне зависимости от вида, но в особенности к каре, возмездию, самосуду, справедливости и т. д.), в частности.

В свою очередь, самостоятельность тягот и лишений, присущих уголовно-исполнительным право-

отношениям, в действительности имеет место быть, что, собственно, подтверждается и специалистами в данной сфере, указывающими и обосновывающими ее некую автономность. Данное утверждение неизбежно влечет за собой и вывод относительно важности второго — наличия уголовно-исполнительной ответственности, либо ее не просто интегрирования в ответственность уголовную, а априори оценки как единого целого, или рассмотрение в качестве единого механизма воздействия на лиц, признанных виновными в совершении преступлений.

По всей видимости, необходимо говорить об ответственности в целом, применительно к уголовно-правовому блоку. Речь при этом идет о той его части, которая выполняет охранительную функцию, необходимую для решения достижения всех целей, предусмотренных в ч. 2 ст. 43 УК РФ: восстановление социальной справедливости, предупреждение совершения новых преступлений и исправление лица, совершившего преступление (только вместе). И в данном случае можно рассуждать в широком и узком смыслах понимания именно такого видения категории — ответственности в сфере уголовно-правового регулирования.

В первом случае (в широком смысле) к уголовно-правовому и уголовно-исполнительному блоку также присоединяется блок уголовно-процессуальный [19, с. 75–80]. В рамках уголовно-процессуальных отношений наиболее ярко выражена реализация задачи, связанной с предупреждением совершения лицом (еще не признанным виновным) нового преступного деяния, в том числе и связанным с сокрытием следов ранее совершенного общественно опасного деяния. Однако здесь присутствует ряд моментов, которые указывают на все-таки искусственную расширительность представленного подхода. Несмотря на безусловную принадлежность уголовно-процессуальных правоотношений к уголовно-правовой сфере в целом, тем не менее, на данном этапе возможно, во-первых, решение лишь одной задачи — предупреждение совершения лицом нового преступления; во-вторых, данная задача на уровне уголовно-процессуальных отношений решается лишь частично, находясь в рамках частной превенции, и полностью исключая превенцию общую; в-третьих, реализация даже данной задачи в рамках уголовного процесса возможна в том числе заочно, в то время как и в уголовном и в уголовно-исполнительном праве подобного рода ответственности (заочной) не существует. Это всегда фактическое воздействие на человека, это фактические его тяготы и лишения, а не

виртуальные (заочные). И, в-четвертых, в уголовно-процессуальном законодательстве, какие бы меры не применялись, они всегда носят лишь вероятностный характер если мы говорим о статусе того, к кому они применяются. Лишь в судебной стадии, и то только в ее финальной части, а именно при вынесении обвинительного приговора, а также его вступлении в законную силу можно вести речь о признании лица виновным в совершении преступления, а соответственно, переходить к той части ответственности, которая из некоторой степени вероятности переходит в юридически установленную конкретность. При этом вести речь о восстановлении социальной справедливости применительно к уголовно-процессуальному направлению не приходится вовсе, что обусловлено, в том числе, и перечисленными выше причинами⁴. В рамках данной части правоотношения можно говорить лишь об обеспечении, но никак не о восстановлении справедливости, так как только наказание способно на такое [20, с. 55–57, 59], будь это возмездие, кара или что-либо другое. В тоже время, уголовно-процессуальная ответственность, по мнению специалистов в данной правовой отрасли, представляет собой ни что иное, как «...разновидность юридической ответственности, предусматриваемая нормами уголовно-процессуального права за противоправное поведение и, в частности, за невыполнение обязанностей в сфере уголовного судопроизводства» [21, с. 10]. Или: «обязанность субъекта уголовного процесса претерпеть предусмотренные уголовно-процессуальной нормой неблагоприятные последствия за допущенное правонарушение (например, в случае, когда лицо подвергается более строгой мере пресечения ввиду нарушения им подписки о невыезде)» [22, с. 116–117]. Отсюда, кстати, крайне спорными представляются и утверждения о том, что одной из черт, присущих данному виду «ответственности», является кара [23, с. 46–47], в то время как кара может быть лишь следствием наказания, т. е. итога всего процесса судопроизводства, а не его промежуточной и, тем более, обеспечительной части. «Уголовно-процессуальные отношения всегда являются лишь отношениями между определенными лицами и следственными, прокурорскими и судебными органами. Основное, ведущее в уголовно-правовых отношениях есть отношение между лицом, совершившим преступление, и государством» [24, с. 16].

В свою очередь, формирование представления об ответственности в узком смысле, то есть наполненное уголовно-правовым и уголовно-исполнительным содержанием, становится возможным тогда, когда

будет осознание единства того функционала, а следовательно, и тех задач, которые реализуемы в пределах обеих сфер правоотношений. И здесь ситуация выглядит несколько иным образом по сравнению с тем, когда данное содержание наполняется уголовно-процессуальными правоотношениями. Во-первых, и уголовное и уголовно-исполнительное право объединяет между собой задача предупреждения совершения новых преступлений. Что крайне важно, именно преступлений (когда данный факт уже установлен судом и не носит лишь вероятностного характера). При этом речь идет как о частной, так и об общей превенции, свойственных для обеих отраслей правового регулирования (охраны) общественных отношений. Более того, по сути, оба уровня превенции в принципе невозможны хотя бы без одной из сфер правоотношений. В этом плане их единство в данном вопросе косвенно подтверждает и правильность рассуждений относительно единого представления о категории — ответственность, являющейся итогом общественно опасного поведения как в уголовном, так и в уголовно-исполнительном праве.

Во-вторых, и что крайне важно, только в рамках уголовного и уголовно-исполнительного воздействия на конкретное лицо, уже признанное виновным, мы можем вести речь о достижении другой цели наказания — восстановлении социальной справедливости. Цели, которая не может быть присуща уголовно-процессуальным отношениям, но при этом способна объединять между собой правоотношения, сопутствующие им или следующие за ними [25, с. 238]. В этом плане даже утверждение о том, что уголовно-процессуальное право выступает в качестве одного из элементов уголовной политики в целом [26, с. 256–257], не до конца представляется верным. Во многом данный тезис обусловлен разностью тех задач, которые ставятся перед различными видами юридической ответственности, равно как и их единством применительно к уголовному и уголовно-исполнительному праву. Собственно, именно это и склоняет уголовно-процессуальные отношения в сторону принуждения

⁴ Весьма полезно в этой части обратиться к целям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, к которым согласно ст. 6 «Назначение уголовного судопроизводства» относятся: «защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений» и «защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод»; т. е. только то, что действительно реализуемо в рамках данного правоотношения. В свою очередь, и уголовное и уголовно-исполнительное право существенно отличаются именно от данной части общего направления противодействия преступности.

[27, с. 74; 28, с. 45] (т. е. максимально широкой категории), а не ответственности, каковой на данной стадии разбирательства, по всей видимости, по ряду, прежде всего объективных, причин быть еще не может. Соответственно, анализ категории «принуждение», позволил бы объединить три сферы уголовно-правового регулирования, которые бы при этом были способны представить единое правоотношение в рамках принудительного воздействия, основанием которого бы выступил факт совершенного преступления.

В противном случае, отдав предпочтение ответственности как системообразующей категории, «отсечение» уголовно-процессуальной отрасли представляется неизбежным, оставляя место лишь для того, что составляет ее сущность, а именно: тяготы и лишения, реализация которых становится возможной лишь после признания лица, совершившего преступление, виновным. При этом «зачет» нахождения в местах, необходимых для обеспечения правосудия, а также для исключения совершения виновным нового преступления, сложно назвать ответственностью, в силу сохраняющейся возможности вынесения оправдательного приговора и последующей реабилитации, прекращения или приостановления уголовного дела, прекращения уголовного преследования, освобождения от уголовной ответственности и т. д., когда тяготы и лишения не применяются к лицу даже формально. «Зачет» отбывания скорее есть проявление гуманизма и справедливости, чем того, что понимается под ответственностью, позволяя обеспечить права человека и исключив двойное воздействие на виновного. Отсюда уголовно-процессуальные отношения, даже признавая их роль в общем уголовно-политическом блоке, применительно к той его части, которая характеризует ответственность, не имеют своего содержания, не будучи способными решать задачи присущие таковой.

Надо сказать, что во многом данный тезис поддерживают и специалисты в области юриспруденции, хотя и с определенными условностями, которые касаются, в первую очередь, той научной специальности, которую представляет каждый из респондентов. В основном речь идет о принципиальном разделении на два блока, содержащих существенно отличающиеся позиции по исследуемому вопросу. Так, кандидаты и доктора юридических наук, защитившие свои диссертационные исследования по научной специальности 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (ныне: 5.1.4 Уголовно-правовые науки) в своем абсолютном большинст-

ве — 89,5 % сформулировали вывод, согласно которому меры пресечения, применяемые в рамках уголовно-процессуального законодательства, не содержат в себе признаков ответственности. Общее представление о данной категории респондентов к мерам подобного рода сводится к государственному принуждению, имеющему обеспечительный характер и необходимому для возложения на виновного в дальнейшем тягот и лишений, относящихся к ответственности⁵.

Крайне важной здесь видится позиция специалистов в области общей теории права (также кандидатов и докторов наук), которым был задан аналогичный вопрос относительно такой самостоятельной разновидности ответственности, как уголовно-процессуальная. Также большинство опрошенных (порядка 76 %) сошлись во мнении, согласно которому в любой процессуальной (процедурной) правовой отрасли самостоятельной ответственности быть не может. Что характерно, оставшиеся 24 % респондентов указали, что даже в случае признания ответственности как уголовно-процессуальной категории, ее различие с пониманием ответственности в уголовном праве и уголовно-исполнительном праве не вызывает сомнений. По мнению специалистов, это различие как раз и обусловлено ее сущностью (правовой природой происхождения), не позволяющей объединить три правовые отрасли между собой в исследуемой нами части⁶.

Такое восприятие становится возможным при соответствующем понимании сущности и содержания ответственности в уголовном праве и ответственности в целом как правовой категории. В этой связи интересной является точка зрения С. Е. Вицина, который отмечал, что уголовная ответственность — «...это возникшее на основании закона право управомоченных на то государственных органов от имени государства на принуждение в отношении лица,

⁵ Всего было проанкетировано 147 кандидатов и докторов юридических наук по научным специальностям: 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право и 12.00.09 — Уголовный процесс, в период с 2023 по 2025 гг. в городах: Санкт-Петербург, Москва, Омск, Иркутск, Сочи, Красноярск, Барнаул и Краснодар (в число респондентов также входили специалисты, защитившие диссертации по новой номенклатуре научных специальностей — 5.1.4 Уголовно-правовые науки, но с разделением на уголовное право и уголовный процесс).

⁶ Всего было проанкетировано 24 кандидата и доктора юридических наук по научной специальности 12.00.01 — Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (также сюда вошли ученые, защитившие свои работы по научной специальности: 5.1.1 Теория и история права), в период с 2023 по 2025 гг. в городах: Санкт-Петербурге, Москве, Краснодаре.

совершившего преступление, и соответствующая этому праву обязанность виновного в совершении преступления отвечать перед государством за совершенное преступление и нести по приговору суда уголовное наказание» [29, с. 88]. Вторил ему и А. И. Марцев, отмечающий императивный характер ответственности и наказания, наряду с прямой обязанностью виновного претерпевать все тяготы и лишения, ими установленные [1, с. 12–14]. Именно обязанность лица, была положена в основу сути уголовной ответственности и многими другими специалистами в уголовно-правовой сфере [30, с. 37; 31, с. 40; 32, с. 26–27], что в целом дает нам сегодня все аргументы в пользу того, что нарушение этой обязанности, куда, безусловно, входит и отказ от ее выполнения (возложенной по умолчанию), выступает в качестве достаточного основания для применения к виновному мер принуждения (статус этих мер и их объем зависит от позиции государства) [33, с. 136–137]. Важно при этом понимать, что все приведенные выше аргументы так или иначе опираются на установленный, доказанный и подтвержденный судом факт совершенного преступления и признанием лица в качестве виновного.

Отсюда и неизбежность вывода об объединяющем характере уголовно-правовых и уголовно-исполнительных правоотношений [24, с. 17], отсекающих все иное именно в силу необходимости установления факта преступного деяния и виновности в нем конкретного лица. Несмотря на существующую критику в современном обществе идей кары и возмездия, на самом деле государственное принуждение, хотя и продвинулось в данном вопросе в последние десятилетия, тем не менее, вовсе от них не отказалось, а в некотором смысле даже и наоборот⁷. И здесь ключевым уже становится вопрос относительно того, а что, собственно, вкладывает государство в содержание все той же кары с учетом новых условий ее реализации, при сохранении всех атрибутов того же принуждения. В свою очередь, это заставляет задуматься и над тем, насколько широко (или просто по-иному) мы начинаем понимать ответственность теперь уже именно в данных правовых отраслях и с учетом новой мировоззренческой позиции и реальности.

В настоящее время сущность ответственности если и не поменялась вовсе, то, по крайней мере, претерпевает глубокую трансформацию, обусловленную теми изменениями, которые происходят в современном обществе. И уголовные, как, впрочем, и уголовно-исполнительные правоотношения здесь во

многим зависимы именно от данной трансформации, так как только ответственность способна определить пределы любого воздействия (принуждения), соответственно корректируя и само содержание любой отрасли. Между тем, пределы эти не просто поменялись, они стали другими априори, что не позволяет вести речь и о прежних критериях оценки пределов уголовно-правового регулирования. Они точно также стали другими, далеко выходя за пределы привычных нам рамок и установок, формировавшихся столетиями. Отсюда, несмотря на базовый характер и сложность восприятия большинства работ, посвященных уголовной ответственности и ее содержанию, но датированных любым периодом прошлого столетия, являющегося в большей мере продолжением идей консервативного плана, наработка которых шла задолго до сегодняшнего дня, в настоящих условиях далеко не всегда могут быть приняты в качестве аксиомы. Их ценность безусловна, но и корректировка не менее глубока, что отчасти обусловлено технологическими императивами, меняющими реальность независимо от нашего мнения, отчасти теми возможностями, которые появились у государства для воздействия на преступников, а отчасти и в целом концептуальным состоянием перехода общества в иные условия его бытия.

Именно ответственность (в том числе, за счет деятельности по регулированию общественных отношений) олицетворяет всю глубину и сущность правовых процессов, являясь их апофеозом, выражающим то намерение, которое изначально закладывалось в правовые нормы. И сейчас нельзя не сказать о том, что это намерение трансформируется также, как и трансформируется все остальное, включая и ее глубину. Вполне естественно, что для уголовного и уголовно-исполнительного права, где содержание ответственности идентично, а разница кроется лишь в материальном характере одного и процессуально-исполнительном другого, любые изменения в обществе, не говоря уже об их тотальности, отображаются практически идентично. Более того, при отсутствии таковой, можно вести речь только о разбалансировке обеих отраслей, причиной которой будет являться ни что иное, как ответственность.

⁷ Опять же смотря, что понимать под карой. Если обратиться к тем возможностям, которые все более становятся доступными в связи новыми технологиями в части воздействия как на тело, так и на психику человека, то скорее можно вести речь о некой ее трансформации, а не о исчезновении как идеи.

Заключение. Влияние внешних процессов, с одной стороны, оказывает неизбежное и необратимое влияние на категорию ответственности, затрагивая ее самые глубинные и, казалось бы, неизблемые характеристики, а с другой, она сама при такой трансформации способна вносить не меньшие изменения в соответствующие сферы правового регулирования. Очевидно, что определяемые нами в качестве единой правовой отрасли уголовное и уголовно-исполнительное направления общественных отношений, строятся исключительно на базе ответственности. Речь идет о всех ее сторонах, от установления до контроля и последствий ее реализации после прекращения непосредственно тягот и лишений. В свою очередь, признание данного тезиса не оставляет каких-либо шансов любым иным нормам и предписаниям, которые так или иначе связаны с ее регламентацией в законе. По большому счету все они существуют только ради того, чтобы обеспечить справедливое, законное, гуманное и целесообразное применение ответственности, в любых ее проявлениях, обеспечив, с одной стороны, итоговый и желаемый результат, а с другой, не допуская нарушения прав и законных интересов лица, виновного в совершении преступления. Соответственно, предложенная современным обществом трансформация подхода к оценке человека уже сегодня привносит существенные коррективы в понимание ответственности и ее роли (включая возможности) в специальной превенции. Оценка человека, по большей части с антропологических позиций, наряду со стремлением государства достигнуть максимальных целей в вопросах частной превенции, вынуждают осуществлять поиск все новых средств, составляющих содержание ответственности. В свою очередь, ее развитие невольно влечет за собой трансформацию всей уголовно-правовой отрасли, безотносительно от общепринятого и весьма искусственного разделения на ее отдельные составляющие, с не всегда удачными попытками выделения самостоятельного предмета правового регулирования.

Охранительная, а не регулятивная сущность обеих отраслей, делает их максимально зависимыми от категории «ответственность», включающей в себя все средства принуждения, которые, имея различный правовой статус, тем не менее, наполнены именно тяготами и лишениями, характерными для репрессии.

Доминирование указанной функции является определяющим в решении рассматриваемого вопроса, а трансформация современных общественных отношений, о которых было сказано ранее,

наполняют развитие обеих правовых отраслей соответствующим инструментарием.

Список источников

1. Марцев А. И. Уголовная ответственность как средство предупреждения преступлений. Омск, 1980.
2. Мальцев В. В. Общественно опасное поведение в уголовном праве. М., 2014.
3. Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. М., 1965.
4. Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974.
5. Элькин П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976.
6. Кутуев Э. К. Тенденции развития уголовно-процессуальной ответственности // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4. С. 119–125.
7. Коврига З. Ф. О процессуальной ответственности как гарантии успешной реализации уголовной ответственности // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации. 1989. С. 104–112.
8. Липинский Д. А. Правовая природа юридической ответственности в уголовно-исполнительном праве // Прикладная юридическая психология. 2017. № 3. С. 133–137.
9. Епанешников В. С. Юридическая ответственность лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.
10. Давыдова И. А. Дисциплинарная ответственность осужденных: направления совершенствования российского уголовно-исполнительного законодательства на основе зарубежного опыта // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18. № 4. С. 523–529.
11. Гришин Д. А., Дугенец А. С. Особенности правоотношений административной ответственности, складывающихся в деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы // Правоприменение. 2020. № 4. С. 115–123.
12. Гришин Д. А. Отличительные особенности мер административного принуждения, применяемых в уголовно-исполнительной системе // Административное право и процесс. 2024. № 3. С. 12–16.
13. Кургузкина Е. Б. Уголовно-исполнительные правоотношения: понятие, классификация, субъекты // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 3. С. 99–103.
14. Советское исправительно-трудовое право. Общая часть / под ред. Н. А. Стручкова, И. В. Шмарова, А. И. Сперанского. М., 1977.

15. Новиков Е. Е. Виды, содержание и место уголовно-исполнительных правоотношений в системе механизма уголовно-исполнительного регулирования // Вестник Кузбасского института. 2017. № 3. С. 60–65.

16. Гордополов А. Н. Злостный нарушитель режима отбывания наказания в виде лишения свободы и его ответственность в уголовно-исполнительном законодательстве: дисс... канд. юрид. наук. М., 2022.

17. Русских В. В. Критерии разграничения видов юридической ответственности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 4. С. 17–23.

18. Новиков Е. Е. Уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные правоотношения, функционирующие на первоначальном этапе исполнения и отбывания уголовных наказаний // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2024. Т. 15. Вып. 1. С. 87–104.

19. Красильников С. В. Уголовно-процессуальная ответственность и ее реализация: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

20. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с франц. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М., 1999.

21. Корнуков В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978.

22. Мотовиловкер Я. О. Вопросы дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального права. Томск, 1966.

23. Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальная ответственность. Научное наследие З.Ф. Ковриги // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. С. 25–123.

24. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. I. Уголовный закон. М., 1970.

25. Николаев К. Д. Уголовно-правовые основы уголовно-процессуального принуждения: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2024. С. 237–239.

26. Шадрин В. С. Избранные произведения. Проблемы уголовного судопроизводства. СПб., 2018.

27. Николюк В. В. Институты принуждения в контексте формирования подотраслей уголовно-процессуального права: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2024. С. 68–75.

28. Вершинина С. В. О закономерностях функционирования уголовно-процессуального принуждения: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2024. С. 40–45.

29. Вицин С. Е. О понятии уголовной ответственности: сб. ст. адъюнктов и соискателей. М., 1968. С. 80–89.

30. Шнейдер М. А. Учебно-методическое письмо по советскому уголовному праву для студентов ВЮЗИ. М., 1950.

31. Пионтковский А. А. О понятии уголовной ответственности // Советское государство и право. 1967. № 12. С. 40–44.

32. Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968.

33. Пирожников А. Н. Иные меры уголовно-правового характера, связанные с ограничениями прав лиц, совершивших преступления против интересов Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2024.

References

1. Martsev A. I. Criminal responsibility as a means of crime prevention. Omsk, 1980.

2. Maltsev V. V. Socially dangerous behavior in criminal law. M., 2014.

3. Brynin Ya. M. Criminal responsibility and measures of social impact. M., 1965.

4. Karpushin M. P., Kurlyandsky V. I. Criminal responsibility and the corpus delicti. M., 1974.

5. Elkind P. S. Goals and Means of their Achievement in Soviet Criminal Procedural Law. L., 1976.

6. Kutuev E. K. Trends in the development of criminal procedural responsibility // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4. P. 119–125.

7. Kovriga Z. F. On procedural responsibility as a guarantee of successful implementation of criminal responsibility // Criminal responsibility: problems of content, establishment, implementation. 1989. P. 104–112.

8. Lipinsky D. A. The legal nature of legal responsibility in criminal-executive law // Applied Legal Psychology. 2017. No. 3. P. 133–137.

9. Epaneshnikov V. S. Legal responsibility of persons serving a sentence in the form of imprisonment: autoref. diss. ... doctor of legal sciences. M., 2000.

10. Davydova I. A. Disciplinary responsibility of convicts: directions of improvement of the Russian criminal-executive legislation on the basis of foreign experience // Criminal Executive Law. 2023. Т. 18. No. 4. P. 523–529.

11. Grishin D. A., Dugenets A. S. Features of legal relations of administrative responsibility, emerging in the activities of bodies and institutions of the penal enforcement system // Law enforcement. 2020. No. 4. P. 115–123.

12. Grishin D. A. Distinctive features of measures of administrative coercion applied in the criminal-exec-

utive system // *Administrative Law and Process*. 2024. No. 3. P. 12–16.

13. Kurguzkina E. B. Criminal-executive legal relations: concept, classification, subjects // *Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018. No. 3. P. 99–103.

14. Soviet correctional labor law. General part / ed. by N. A. Struchkov, I. V. Shmarov, A. I. Speransky. M., 1977.

15. Novikov E. E. Types, content and place of criminal-executive legal relations in the system of the mechanism of criminal-executive regulation // *Bulletin of the Kuzbass Institute*. 2017. No. 3. P. 60–65.

16. Gordopolov A. N. Malignant violator of the regime of serving a sentence in the form of deprivation of liberty and its responsibility in criminal-executive legislation: diss. ... candidate of legal sciences. M., 2022.

17. Russkikh V. V. Criteria for differentiating types of legal responsibility // *North Caucasian Legal Bulletin*. 2017. No. 4. P. 17–23.

18. Novikov E. E. Criminal-procedural and criminal-executive legal relations functioning at the initial stage of execution and serving of criminal sentences // *Bulletin of St. Petersburg University*. 2024. T. 15. Vol. 1. P. 87–104.

19. Krasilnikov S. V. Criminal procedural responsibility and its realization: diss. ... candidate of legal sciences. M., 2019.

20. Foucault M. To supervise and punish. The birth of the prison. / per. from French. V. Naumov; ed. by I. Borisova. M., 1999.

21. Kornukov V. M. Measures of procedural coercion in criminal proceedings. Saratov, 1978.

22. Motovilovker Y. O. Issues of further improvement of criminal procedural law. Tomsk, 1966.

23. Kovriga Z. F. Criminal Procedural Responsibility. Scientific heritage of Z.F. Kovriga // *Judicial power and criminal procedure*. 2016. No. 2. P. 25–123.

24. Course of Soviet criminal law. Part General. Vol. I. Criminal Law. M., 1970.

25. Nikolaev K. D. Criminal-legal bases of criminal-procedural coercion: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Omsk, 2024. P. 237–239.

26. Shadrin V. S. Selected works. Problems of criminal proceedings. St. Petersburg, 2018.

27. Nikolyyuk V. V. Institutes of coercion in the context of the formation of sub-branches of criminal-procedural law: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Omsk, 2024. P. 68–75.

28. Vershinina S. V. About regularities of functioning of criminal-procedural coercion: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Omsk, 2024. P. 40–45.

29. Vitsin S. E. On the concept of criminal responsibility: Collection of articles by adjuncts and applicants. M., 1968. P. 80–89.

30. Shneider M. A. Textbook-methodical letter on the Soviet criminal law for students of VYuZI. M., 1950.

31. Piontkovsky A. A. On the concept of criminal responsibility // *Soviet State and Law*. 1967. No. 12. P. 40–44.

32. Leikina N. S. The personality of the criminal and criminal responsibility. L., 1968.

33. Pirozhnikov A. N. Other measures of criminal-legal nature associated with restrictions on the rights of persons who have committed crimes against the interests of the Russian Federation: diss. ... candidate of legal sciences. SPb., 2024.

Информация об авторе

А. А. Кузнецов — доцент кафедры уголовного права и процесса Сочинского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Kuznetsov — Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.01.2025; одобрена после рецензирования 31.01.2025; принята к публикации 17.02.2025.

The article was submitted 20.01.2025; approved after reviewing 31.01.2025; accepted for publication 17.02.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-91-94>

EDN: <https://elibrary.ru/raujhl>

ИПОН: 2003-0059-1/25-229

MOSURED: 77/27-003-2025-01-428

Инструментальный подход в механизме административно-правового регулирования

Ангелина Юрьевна Мелехова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, mellekhova@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы фактического применения в теории административного права двух способов правового регулирования (разрешение, запрет) для выработки единых подходов в теории административно-правового регулирования и воплощения в правоприменительной деятельности. Отмечается возможность применения административно-договорных конструкций в качестве диспозитивных методов административно-правового регулирования по разрешительному типу правового регулирования.

Ключевые слова: дозволение, обязывание, запрещение, поощрение, правомочие, рекомендация, гарантирование, уполномочивание, ограничение, закрепление, подтверждение, регистрация, контроль, надзор, административно-правовой договор, органы внутренних дел

Для цитирования: Мелехова А. Ю. Инструментальный подход в механизме административно-правового регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 91–94. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-91-94>. EDN: RAUJHL.

Original article

Instrumental approach in the mechanism of administrative and legal regulation

Angelina Yu. Melekhova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, mellekhova@mail.ru

Abstract. The issues of the actual application of two methods of legal regulation (permission, prohibition) in the theory of administrative law are considered to develop unified approaches to the theory of administrative regulation and implementation in law enforcement practice. The possibility of using administrative contractual structures as dispositive methods of administrative and legal regulation according to the permissive type of legal regulation is noted.

Keywords: permission, obligation, prohibition, encouragement, authority, recommendation, guarantee, authorization, restriction, consolidation, confirmation, registration, control, supervision, administrative and legal contract, internal affairs bodies

For citation: Melekhova A. Yu. Instrumental approach in the mechanism of administrative and legal regulation. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025;(1):91–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-91-94>. EDN: RAUJHL.

Право призвано регулировать общественные отношения. Право является инструментом (средством) социального управления (инструментальный подход в юридической науке). Согласно данному подходу самостоятельным институтом выступает «механизм правового регулирования», образованный системой различных юридических средств, включая способы правового регулирования [1, с. 625].

Выделяют следующие способы правового регулирования: дозволение, обязывание, запрещение [2, с. 522]. В юридической литературе применяются и иные формулировки данных дефиниций: разреше-

ние (управомочивание), предписание (позитивное связывание, позитивное обязывание), запрет.

Проведенный анализ показал, что:

♦ дозволение (разрешение, управомочивание) — предоставление субъектам правоотношений действовать определенным образом в своих интересах (по типу «можно») характерно для диспозитивного (автономного) метода правового регулирования, который присущ отраслям частного права;

♦ обязывание (предписание, позитивное связывание, позитивное обязывание) — возложение на субъект правоотношений обязанности определен-

© Мелехова А. Ю., 2025

ного поведения, совершения определенных действия (по типу «надо») характерно для императивного (властного, авторитарного) метода правового регулирования (метода обязательных односторонних предписаний);

♦ запрещение (запрет) — обязывание (возложение обязанности) субъекта правоотношений воздерживаться от определенных действий (по типу «нельзя») характерно для императивного (властного, авторитарного) метода правового регулирования, который присущ отраслям публичного права.

При этом наблюдается тесная взаимосвязь между обязыванием и запрещением, так как обязанность совершить определенное действие (действия) приравнивается к запрету (запрещению) не совершать его. Иными словами, в итоге используются только диспозитивный и императивный методы правового регулирования по двум типам правового регулирования: общедозволительному («Дозволено только то, что прямо разрешено», «Дозволено все, кроме прямо запрещенного», «Разрешено все, что не запрещено») и разрешительному («Запрещено все, кроме прямо дозволенного», «Запрещено все, кроме прямо разрешенного», «Запрещено все, что не разрешено»).

Полагаем, что в целях упорядочивания общественных отношений фактически применяются только два способа правового регулирования — разрешение и запрет, и только два типа правового регулирования — разрешительный и запретительный, в рамках которых участник правоотношений может (обязан) совершать только те действия, которые прямо разрешены (дозволены) законом, и не совершать действий, которые запрещены.

Кроме того, детальное изучение понятий разрешение, управомочивание, предписание, позитивное связывание, позитивное обязывание, запрет, указывает на определенные отличия от понятий дозволение, обязывание, запрещение, что требует четкой унификации либо персонализации способов правового регулирования для выработки единых подходов теории правового регулирования и воплощения в дальнейшей правоприменительной практике.

Помимо рассмотренных способов правового регулирования, ряд авторов дополнительно выделяют:

♦ поощрение [3, с. 27] — выражается в награждении субъектов правоотношений за определенные заслуги в целях стимулирования социально полезного поведения, что характерно для поощритель-

ного метода правового регулирования; который присущ, например, трудовому праву, административному праву;

♦ рекомендация — выражается в предложении субъектам правоотношений избрать наиболее целесообразный (оптимальный) вариант поведения (совершения действия), что характерно для рекомендательного метода правового регулирования; который присущ, например, трудовому праву;

♦ правомочие — возможность субъекта правоотношений требовать определенного поведения от других лиц;

♦ уравнивание участников регулируемых правоотношений — не порождает конкретных правоотношений, не предполагает точно определенных (персонифицированных) прав и обязанностей конкретных участников правоотношений, имеет всеобщий универсальный характер, обращено ко всем субъектам, что характерно для метода конституционного регулирования, который присущ, например, конституционному праву;

♦ правовое гарантирование; уполномочивание; ограничение; закрепление; подтверждение; регистрация [4, с. 245]; контроль (надзор) [4, с. 250], что может повлечь изменение традиционных инструментальных и коммуникативных подходов в юридической науке путем дополнений новыми понятиями и категориями.

В рамках вышеизложенного, предлагаем рассмотреть возможность применения административно-договорных конструкций в качестве диспозитивных методов административно-правового регулирования по разрешительному типу правового регулирования. На сегодня вопросы применения административно-правового договора продолжают вызывать дискуссии ученых-правоведов, правоприменителей, скептиков. Вместе с тем, практика показывает, что административно-правовые договоры применимы к сферам общественных отношений: непосредственного взаимодействия публичной администрации с частными лицами; административно-организационного взаимодействия органов публичной власти; административно-публичного взаимодействия частных лиц. Данная структура говорит о соотношении вертикальных и горизонтальных правоотношений с одновременным присутствием в них власти-подчинения и юридического равноправия в качестве особенностей административно-договор-

ных конструкций в контексте административно-правовых форм и методов управленческой деятельности.

Применение рассматриваемых договоров позволяет реализовать административно-распорядительные функции (административные нормотворчество, правопредоставление, стимулирование); административно-организационные функции (регулирование учредительных, межведомственных, служебных правоотношений); административно-охранительные функции (в административно-деликтной сфере, в области административного надзора, в рамках публичного взаимодействия). Иными словами, подобные договоры осуществляют функции управления (организации, координации, распределения, правоохраны, оптимизации, стимулирования и др.) для удовлетворения публичных интересов и достижения определенного публичного результата).

Концепция (единый концептуальный подход) административно-правового договора, в первую очередь, должна конкретизировать особую нормативную базу (особый правовой режим) его применения, специальные полномочия субъектов (в том числе формы контроля за реализацией, возможность судебного и административного порядка разрешения споров, применения мер различных видов ответственности — административной, дисциплинарной, гражданско-правовой), пределы административно-договорного регулирования, процедуру мирового соглашения. Необходимо предусмотреть применение административно-договорных форм в управленческой деятельности и в субсидиарном порядке, т. е. в случае отсутствия соответствующего нормативного регулирования.

Учредительные договоры, договоры о делегировании полномочий, договоры о разграничении предметов ведения и полномочий, функционально-управленческие соглашения, соглашения на осуществление общественных работ, межведомственные соглашения, контракты о прохождении службы, договоры, обеспечивающие государственные нужды (государственные контракты), договоры о развитии застроенной территории, концессионные соглашения являются самыми распространенными видами административно-правовых договоров. Появляются и новые виды, например договор между надзорным органом и поднадзорным, договоры в сфере обеспечения социальной жизни, образовательного права, публичного общения и взаимодействия.

Так, время диктует активное использование административно-договорных форм в рамках образовательных правоотношений, в основе которых лежит возможность участия обучающихся в формировании содержания своего профессионального образования (индивидуальной образовательной траектории).

Ряд аспектов рассматриваемой темы доказывается потребностями правоприменительной практики в участии граждан в охране общественного порядка. При этом делается вывод о недопустимости отсутствия у граждан, участвующих в охране общественного порядка, полномочий по применению мер государственного принуждения.

Особое место занимают контракты о прохождении службы в вооруженных силах, внутренних войсках, таможенной службе, органах внутренних дел и т. д., где определенный круг запретов, ограничений и обязанностей строго обязательны для исполнения.

Полагаем, что Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации; органы местного самоуправления могут выступать в договоре в качестве административных органов, а сам договор в «широком смысле» называться публичным договором.

На сегодня однозначно, что административно-правовой договор как правовая категория имеет особое функциональное содержание и направленность, предоставляет возможность адаптировать законные формы к индивидуально-конкретным административным правоотношениям. Участие в административно-договорном процессе повышает деловую активность его субъектов. При этом договор в административном праве пока приходится рассматривать в качестве нового правового явления, требующего более детального исследования.

Участие органов внутренних дел в административно-договорных правоотношениях расширяет рамки административного усмотрения соответствующих руководителей; предоставляет существенные положительные возможности получения определенных преимуществ правоохранительному органу, вытекающих из использования финансовых, организационно-управленческих, инновационно-технологических и интеллектуальных возможностей контрагента с точки зрения их соответствия публичным интересам. Пробелы в правовом регулировании вопро-

сов участия органов внутренних дел в административно-договорных правоотношениях, а также отсутствие единой практики применения относятся к факторам, снижающим эффективность их использования.

К наиболее распространенным административно-договорным правоотношениям, образующимся в деятельности органов внутренних дел, относят: государственно-служебные правоотношения, возникающие между гражданином и соответствующим руководителем органа внутренних дел; административно-договорные правоотношения; международные административно-договорные правоотношения; координационные административно-договорные правоотношения, административно-договорные правоотношения в сфере науки и образования; компетенционные административно-договорные отношения. Вместе с тем, необходимо признать, что практика уже опережает теорию в данном вопросе и органы внутренних дел, заключая в пределах компетенции соответствующие соглашения, становятся участниками рассматриваемых правоотношений, сталкиваясь при этом с определенными трудностями.

В настоящий момент актуальной является проблема административно-договорного регулирования деятельности полиции при реализации полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях. Практика заключения соглашений между МВД России и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации по передаче

части полномочий в административно-деликтной сфере свидетельствует о наличии проблем как организационного, так и правового характера, что снижает эффективность правоохранительной деятельности по обеспечению правопорядка.

На основании изложенного, не претендуя на полноту и бесспорность суждений, предлагаем данную тему к дальнейшей научной дискуссии.

Список источников

1. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 1997.
2. Теория государства и права: учебник. 2-е изд. / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М. : Юристъ, 2006.
3. Российское административное право: учебник / под ред. В. М. Манохина, Ю. С. Адушкина. Саратов, 2003.
4. Административное право России. Общая часть: учебник / под ред. С. А. Старостина. М., 2010.

References

1. Theory of State and law: course of lectures / edited by N. I. Matuzov, A. V. Malko, M., 1997.
2. Theory of the state and law: textbook. 2nd ed. / edited by N. I. Matuzov, A. V. Malko, M. : Jurist, 2006.
3. Russian administrative Law: textbook / edited by V. M. Manokhin, Yu. S. Adushkin. Saratov, 2003.
4. Administrative law of Russia. General part: textbook / edited by S. A. Starostin. M., 2010.

Информация об авторе

А. Ю. Мелехова — заместитель начальника управления учебно-методической работы, начальник методического отдела Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. Yu. Melekhova — Deputy Head of the Department of Educational and Methodological Work, Head of the Methodological Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 20.01.2025; одобрена после рецензирования 31.01.2025; принята к публикации 17.02.2025.

The article was submitted 20.01.2025; approved after reviewing 31.01.2025; accepted for publication 17.02.2025.

Научная статья
УДК 34
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-95-99>
EDN: <https://elibrary.ru/qatxpi>

НИОН: 2003-0059-1/25-230
MOSURED: 77/27-003-2025-01-429

Развитие российского процессуального права в IX — первой четверти XVIII вв.: историко-правовой аспект

Наталья Владимировна Михайлова

Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, net-46@mail.ru

Аннотация. Рассматривается формирование и развитие российского процессуального права в IX — первой четверти XVIII вв. Прослеживается становление принципов и норм процессуального права, начиная с Древнерусского государства и заканчивая формированием абсолютной монархии в России. Первоначально процессуальные нормы были расположены в разнообразных источниках. В XV–XVI вв. процессуальные положения закрепляются в актах общегосударственного характера, в первую очередь, в Судебниках, а также в дополнительных нормативных актах. В период формирования абсолютной монархии принимаются целевые процессуальные акты. На протяжении рассматриваемого периода изменялась форма организации процессуального механизма: состязательный процесс остался, но доминирующей формой становится процесс розыскной (инквизиционный).

Keywords: суд, судья, судебный процесс, процессуальные нормы, состязательный процесс, розыскной процесс, истец, ответчик

Для цитирования: Михайлова Н. В. Развитие российского процессуального права в IX — первой четверти XVIII вв.: историко-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 95–99. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-95-99>. EDN: QATXPI.

Original article

The development of Russian procedural law in the IX — first quarter of the XVIII century: historical and legal aspect

Natalia V. Mikhailova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, net-46@mail.ru

Abstract. The formation and development of Russian procedural law in the IX — the first quarter of the XVIII century is considered. The formation of the principles and norms of procedural law is traced, starting with the Ancient Russian state and ending with the formation of an absolute monarchy in Russia. Initially, the procedural rules were located in a variety of sources. In the XV–XVI centuries, procedural provisions were fixed in acts of a national nature, primarily in Judicial records, as well as in additional normative acts. During the period of the formation of the absolute monarchy, targeted procedural acts are adopted. During the period under review, the form of the organization of the procedural mechanism changed: the adversarial process remained, but the investigative (inquisitorial) process became the dominant form.

Keywords: court, judge, trial, procedural rules, disputed trial, investigative proceedings, plaintiff, defendant

For citation: Mikhailova N. V. The development of Russian procedural law in the IX — first quarter of the XVIII century: historical and legal aspect. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):95–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-95-99>. EDN: QATXPI.

Процесс становления демократического государства во многом зависит от степени эффективности правоохранительной деятельности, и, в частности, от состояния и способов осуществления правосудия. Основой правовой и судебной реформы в современной России являлись европейские стандарты, однако не стоит забывать о том, что непродуманное копирование зарубежного правотворческого опыта без учета объективных и субъективных факторов может привести к появлению чуждых нашему менталитету и общественным отношениям норм и институтов. В этих

условиях особенно важными становятся изыскания в области истории российского процессуального права, поскольку процессуальные нормы играют немаловажную роль в обеспечении эффективного правового регулирования, несут основную нагрузку нормативного способа упрочения законности, обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан. Исторический опыт позволяет увидеть как позитивные, так и негативные моменты формирования и развития российской правовой системы в целом, а также отдельных ее элементов. Обращение к истории россий-

© Михайлова Н. В., 2025

ского процесса будет способствовать объективной оценке реального состояния механизма правового регулирования, так как процессуальное право, опосредуя взаимодействие государства и личности, является важным элементом в процедуре согласования частного и публичного интереса.

Зарождение процессуальных норм, появление их специфических особенностей следует отнести еще к периоду Киевской Руси. Первые процессуальные нормы были закреплены в Уставе князя Владимира Святославовича «О десятинах, судах и людях церковных», который датировался началом XI в. [15, с. 139–140]. В Русской Правде, в основе которой лежали обычаи и судебная практика, отсутствовало четкое формальное деление на уголовный и гражданский процесс, что отвечало существовавшим в обществе потребностям в реализации функции судопроизводства. Как указывает В. В. Момотов, «цель права — в поддержании социального равновесия, поэтому судебный процесс на начальном этапе своего формирования воспринимался как примирительная процедура, связанная главным образом с реституцией, т. е. восстановлением нарушенного права» [6]. Стороны в процессе назывались истцами и были процессуально равны. Состязательность судебного процесса, по словам Е. В. Васьковского, заключалась в том, что «все предоставляется самостоятельности тяжущихся, при пассивном положении суда. Подготовка фактического материала производится сторонами, а суд дает ему оценку, принимая во внимание только то, что доставлено сторонами, и в таком виде, как доставлено» [1].

В целом ряде статей Русской Правды (ст. 34–39, 66, 70, 74, 85–87, 96–97, 107, 109) ярко выражены основные черты судебного права, характер и процесс той эпохи. Особый интерес представляют ст. 34–39, регулирующие отношения сторон до суда, т. е. «заклич», «свод» и «гонение следа». Статьи о «своде» отражают важнейшую черту состязательного процесса: двигателем процесса была заинтересованная сторона. Официальные власти оказывали лишь содействие истцу при производстве им следствия («свода»). Остальные статьи закрепляли специфику отдельных исков, виды судебных доказательств и закрепляли размер вознаграждения княжеских чиновников за осуществление ими судебных функций.

Роль государства в судебном процессе еще не была решающей: «на первых этапах своего становления, в пору незрелости, государственная власть еще не могла претендовать на активную роль в судебном процессе, и в это время функции социального конт-

роля были сосредоточены в руках общины, которая и была первым арбитром при проведении непосредственно судебных разбирательств» [5, с. 291–300].

Дальнейшее развитие процессуальных норм связано с развитием права на Северо-Западе Руси. По Псковской и Новгородской судным грамотам процесс носил состязательный характер, судебные власти начинают занимать более активную позицию, особенно в доказывании, предписывая в исключительных случаях сторонам тот вид доказательств, которые они должны представить.

Создание единого централизованного государства повлекло за собой необходимость унификации правовых норм, и в первую очередь, в области суда и судопроизводства. Общерусский Судебник Ивана III 1497 г. представлял собой результат кодификации накопленного к концу XV в. нормативного материала, и в основу той части Судебника, которая была посвящена вопросам судостройства и судопроизводства, легло предыдущее процессуальное законодательство, в первую очередь «Указ наместником о суде городским», а также «Указ о езде» и «Указ о недельщиках». Данные нормативные акты регулировали привлечение к участию в суде представителей местного населения, размеры судебных пошлин, установление твердых сроков при рассмотрении дел, а также конкретизировали обязанности судебных приставов. Изменился порядок судопроизводства, усложнились и подверглись регламентации все его формы, все дела были сосредоточены в органах государственного суда.

Одно из основных отличий Судебника 1497 г. от Русской Правды состоит в появлении следственной, или инквизиционной формы процесса, но при этом состязательная форма была сохранена. В случае рассмотрения дела в рамках состязательного процесса оно начиналось с подачи жалобы (челобитной) истцом. Жалоба истца подлежала рассмотрению дьяком, который либо ее принимал, либо отказывал, что ставилось в зависимость от стоимости иска. Так, недельщики могли быть предоставлены стороне только в том случае, если сумма иска превышала стоимость «езда», т. е. издержек, которые потребуются для оплаты его услуг. В ходе процесса приставы могли получить от суда приставную грамоту («память») на основании которой происходил вызов ответчика в суд. В грамоте был указан ответчик, место его жительства, предмет иска. Ответчик, ознакомившись с приставной грамотой, должен был дать недельщику поручную запись, что он явится на суд в срок. Поручите-

лями, как правило, выступали родственники, реже соседи. В случае неявки ответчика в суд, поручители уплачивали сумму иска, пошлины и пеню государству. Ответчик, не сумевший предоставить поручителей, мог подлежать аресту до суда. Неявка ответчика в суд приравнивалась к признанию вины. В таком случае истец получал на восьмой день после назначенного срока «безсудную» грамоту. Неявка истца на суд вела к прекращению дела. Судебником был введен срок исковой давности: три года для частных исков и шесть лет для исков для великокняжеских земель. На любой стадии процесса суд мог быть закончен мировым соглашением. Подробную регламентацию получает в Судебнике институт судебного представительства. Усложняется система судебных доказательств, хотя их значимость и определение доказательственной силы еще не получили четкой регламентации.

«Розыск» применялся при расследовании особо опасных преступлений для государства, таких как государственная измена, разбой, убийство, т. е. по так называемым «лихим делам». Привлечение лица к ответственности осуществлялось от имени государства с помощью «застывших грамот» или «записи», т. е. привода приставом. Возможность отдачи на поруки ограничивалась и обычно заменялась предварительным арестом. Дело, возбужденное по заявлению потерпевшего, не могло закончиться примирением сторон без согласия государственных органов. Исчезают такие виды доказательств, как «поле», присяга или крестоцелование. Судоговорение заменяется допросом обвиняемого судьей: «на розыске сам суд изыскивал доказательства, допрашивал обвиняемого, пытал, устраивал очную ставку» [15, с. 183]. В розыском процессе использовалась особая процедура «обликования», которая порождала «ведомо лихого человека». «Царицей доказательств» становится собственное признание обвиняемого, полученное под пыткой. Процесс пытки не был урегулирован в Судебнике, однако недельщикам было предписано пытать татя «безхитростно», т. е. объективно. Приговор по делам, расследуемым розыском, приводился в исполнение государством.

В промежутке между Судебником 1497 г. и Царским судебником 1550 г. были изданы нормативные акты, закрепляющие уголовно-процессуальные нормы: Судный список 1498–1505 гг., указ от 28 февраля 1549 г. об ограничении суда наместников в отношении боярских детей, которых они могли судить «окромя душегубства и разбоя», а также губные грамоты, которые с 1539 г. почти ежегодно издавались

по всей территории России, устанавливая обязанность выборных лиц бороться с татьбой и разбоями путем розыска, суда и казни «лихих людей».

Судопроизводство по Судебнику 1550 г. не претерпело существенных изменений по сравнению с Судебником 1497 г. К наиболее важным новеллам можно отнести следующие положения. Во-первых, формализацию пределов публичности суда. Судебной процесс в Русском государстве всегда носил ярко выраженный публичный характер, но именно в Судебнике 1550 г. соучастие должностных лиц и представителей общества в судебных действиях получает формальное закрепление и регламентацию. Во-вторых, в центральные суды были добавлены представители из лиц высших сословных категорий и служилой бюрократии. В-третьих, на судей была возложена ответственность за нарушение процесса правосудия. Если в Судебнике 1497 г. судьям запрещалось брать взятки, дружить или мстить судом, но при этом отсутствовали санкции за указанные деяния, то Судебник 1550 г. исправил этот недостаток. Основным видом доказательства, которое предreshало исход дела, становилось собственное признание обвиняемого [6].

После издания Судебника 1550 г. в стране происходит всплеск преступности, заставивший правительство издать серию актов, касающихся осуществления судопроизводства по разбойным и татебным делам: Приговор о разбойных делах от 18 января 1555 г., Указ о татебных делах от 26 октября 1555 г., Приговор о губных делах от 22 августа 1556 г. [3, с. 39–42, 33–37]. Все эти акты вошли в Уставную книгу Разбойного приказа за 1555–1556 гг.

Приговор о разбойных делах предписывает губным властям отдавать предпочтение инквизиционному процессу (розыску) с его главными компонентами: повальным обыском и пыткой, но, поскольку ощутимых результатов от применения норм Приговора не последовало, то правительство Ивана IV было вынуждено издать серию нормативных актов для борьбы с разбоями и грабежами. Указ о татебных делах возлагает обязанность по сыску преступников, расследованию их деятельности и вынесению приговора на губные власти. Приговор о губных делах обязывал местные власти при проведении расследования пытать подозреваемых лиц, проводить обыски с расширением круга подозреваемых и ни в коем случае не заменять их «полем», «присягой», «крестным целованием». Среди доказательств предпочтение отдавалось свидетельским показаниям, добытым на «обысках» и письменным документам.

Судебник Федора Иоанновича 1589 г., как и предыдущие, упоминает два вида процесса: «суд» и «розыск». По Сводному судебнику (1606–1610 гг.) названы оба вида процесса: суд и розыск, но розыск более регламентирован.

Венцом нормативной деятельности XVII в. является Соборное уложение 1649 г. [7]. Данный акт, развивая положения процессуального права, предусмотренные правовыми источниками предшествующего периода, дополнил их отдельными новеллами, позволившими устранить ряд существенных пробелов правового регулирования процессуальных отношений. Предполагалось, что теперь все население Московского государства будет получать «ровную» государственную защиту и всем будет обеспечен непредвзятый и скорый суд. Эти два принципа легли в основу судопроизводства по Соборному уложению. Само судопроизводство могло осуществляться в форме суда и розыска.

В условиях становления абсолютной монархии суд становится основным орудием в руках государства для пресечения любых попыток неповиновения монаршей воле. Главной целью наказания становится общее предупреждение — «чтоб другим не повадно было так воровать». Реализация этих задач была возложена на процессуальное право. По мнению К. Д. Кавелина, указ «Об отмене в судебных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску» 1697 г. и именной указ «О форме суда» 1723 г. определили направление развития российского процессуального права: «их применение в судебной практике произвели переворот в гражданском судопроизводстве и лежат в основе действующих законов; все прочие законы, относящиеся к судопроизводству, служат пояснением, или дополнением этих двух указов» [4, стб. 401].

В силу этого обвинительный, состязательный процесс как не отвечающий соответствующим потребностям носителей государственной власти подлежал отмене, что получило свое выражение в указах от 21 февраля 1697 г. и 16 марта 1697 г. Указ от 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судебных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лже-свидетелей и о пошлинных деньгах» установил: «...вместо судов и очных ставок по челобитью всяких чинов людей в обидах и в разореньях чинить розыск...» [8]. Дела разрешались на основании формальных доказательств, сила которых определялась в самом законе. Признание своей вины считалось со-

вершенным доказательством и одновременно решающим, для его получения активно применялись пытки. Нормативный акт подобной направленности будет издан в марте 1697 г. «О допросе ответчиков по подписным челобитным, о прикладывании руки к допросам истцу и ответчику и о взыскании с обвиненных проестей и волокит» [9].

Принципы инквизиционного процесса нашли свое подтверждение в «Кратком изображении процессов и судебных тяжб» 1715 г. [10]. Первая стадия процесса начиналась с объявления о начале процесса и заканчивалась получением показаний ответчика. Вторая стадия являлась центральной и состояла в самом судебном разбирательстве, до вынесения судебного приговора. Третья стадия — вынесение приговора и до его исполнения. В «Кратком изображении» были зафиксированы четыре вида доказательств: собственное признание, письменные доказательства, свидетельские показания и присяга. Первоначально «Краткое изображение» должно было действовать в военных судах, только этим можно объяснить, тот факт, что в 1723 г. Петр I принимает попытку вернуться к состязательному процессу и издает указ от 5 ноября 1723 г. «О форме суда», который провозглашал суд (состязательный процесс) единственной формой процесса [11]. На основе этого указа должно было происходить рассмотрение гражданский и уголовных дел в обыкновенных судах: «и не надлежит различать (как прежде бывало) один суд, другой розыск, но токмо один суд». Однако в 1724 г. было принято решение, что по гражданским делам будет действовать «суд», а по уголовным («доносительным и фискальным») «розыск». Но законодатель и практика склонялись все же к инквизиционному процессу, что и было подтверждено указом сената от 3 мая 1725 г. «О пояснении 5 пункта указа 1723 5 ноября о форме суда» [12].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить следующие моменты. Отсутствие деления процесса на гражданский и уголовный в древнерусском праве объясняется тем, что целью судопроизводства являлось разрешение социального конфликта и восстановление нарушенного права лица, независимо от характера этого нарушения. В период объединения русского государства общая тенденция в развитии процессуального права состояла в постепенном увеличении удельного веса розыска в ущерб состязательному суду, т. е. замена состязательного принципа следственным, инквизиционным. Для рассмотрения наиболее опасных, с точки зрения власти, преступ-

ных деяний стало предусматриваться специальное розыскное производство. Изменилась основная цель судопроизводства — приоритет отдавался защите от преступных посягательств государственной власти и самодержавного строя. В XVII–XVIII вв. доминирующей формой процесса становится розыск, характеризующийся наличием стадии предварительного расследования, проводимого судьей, который руководствовался системой формальных доказательств.

Библиографический список

1. Васильковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М., 1917.
2. Воронов А. Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М., 2009.
3. Законодательные акты русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: комментарии / под ред. Н. Е. Носова, В. М. Панеяха. Ленинград : Наука : Ленингр. отд-ние, 1987.
4. Кавелин К. Д. Собрание сочинений. Т. IV. СПб., 1900.
5. Майборода В. Гражданский процесс в древнерусском государстве // Право и жизнь. Независимый правовой журнал. 2006. № 101.
6. Момотов В. В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. М., 2003.
7. Полное Собрание Законов Российской империи. Собр. 1. Т. I. № 1.
8. Полное Собрание Законов Российской империи. Собр. 1. Т. III. № 1572.
9. Полное Собрание Законов Российской империи. Собр. 1. Т. III. № 1576.
10. Полное Собрание Законов Российской империи. Собр. 1. Т. V. № 3006.
11. Полное Собрание Законов Российской империи. Собр. 1. Т. VII. № 4344.
12. Полное Собрание Законов Российской империи. Собр. I. Т. VII. № 4713.
13. Полное Собрание Законов Российской империи. Собр. 1. Т. XVII. № 12424.

Информация об авторе

Н. В. Михайлова — профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ.

Information about the author

N. V. Mikhailova — Professor of the department of history of state and law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 08.07.2024; одобрена после рецензирования 04.09.2024; принята к публикации 01.11.2024.
The article was submitted 08.07.2024; approved after reviewing 04.09.2024; accepted for publication 01.11.2024.

14. Полное Собрание Законов Российской империи. Собр. 1. Т. XVII. № 12463.

15. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под ред. О. И. Чистякова. Т. 1. М. : Юридическая литература, 1984.

Bibliographic list

1. Vaskovsky E. V. Civil procedure textbook. M., 1917.
2. Voronov A. F. Principles of civil procedure: past, present, future. M. : Gorodets, 2009.
3. Legislative acts of the Russian state of the second half of the XVI-first half of the XVII century: Comments / Edited by N. E. Nosov, V. M. Paneyakh. Leningrad : Nauka : Leningr. publishing House, 1987.
4. Kavelin K. D. Collected works. Vol. IV. St. Petersburg, 1900.
5. Mayboroda V. Civil procedure in the ancient Russian state // Law and life. Independent Legal Journal. 2006. No. 101.
6. Momotov V. V. Formation of Russian medieval law in the IX–XIV centuries. M., 2003.
7. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Col. 1. Vol. I. No. 1.
8. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Col. 1. Vol. III. No. 1572.
9. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Col. 1. Vol. III. No. 1576.
10. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Col. 1. Vol. V. No. 3006.
11. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Col. 1. Vol. VII. No. 4344.
12. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Col. I. T. VII. No. 4713.
13. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Col. 1. Vol. XVII. No. 12424.
14. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Col. 1. Vol. XVII. No. 12463.
15. Russian legislation of the X–XX centuries. In 9 vol. / Edited by O. I. Chistyakova. Vol. 1. M. : Legal Literature, 1984.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-100-104>

EDN: <https://elibrary.ru/yyfkgc>

ИПОН: 2003-0059-1/25-231

MOSURED: 77/27-003-2025-01-430

Руководствуясь законом и совестью: муки выбора правоприменителя

Оксана Валерьевна Мичурина

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, okmich@inbox.ru

Аннотация. На сегодняшний день к числу наиболее сложных можно отнести проблемы категориально-понятийного аппарата уголовного судопроизводства, особенно, если речь идет об оперировании терминами, которые вряд ли можно назвать правовыми. Одним из таких терминов является совесть, которым законодатель, наряду с законом, предлагает руководствоваться при оценке доказательств по внутреннему убеждению. Понятны ли правоприменителю данные критерии его внутреннего убеждения? Нужно ли ему делать выбор между законом и совестью? Насколько уместна совесть при оценке доказательств по уголовному делу? Автор статьи пытается найти ответы на эти и другие сопредельные вопросы, опираясь на научные труды ученых в сфере уголовно-процессуального права и практику правоприменения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, оценка доказательств, процессуальные действия, процессуальные решения, законность, внутреннее убеждение, закон, совесть, правосознание

Для цитирования: Мичурина О. В. Руководствуясь законом и совестью: муки выбора правоприменителя // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 100–104. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-100-104>. EDN: YYFKGC.

Original article

Guided by the law and conscience: the agony of choosing of law enforcement officer

Oksana V. Michurina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, okmich@inbox.ru

Abstract. Today, the most difficult problems include the problems of the categorical-conceptual apparatus of criminal proceedings, especially when it comes to operating with terms that can hardly be called legal. One of these is conscience, which the legislator, along with the law, suggests being guided by when assessing evidence based on inner conviction. Are these criteria of his inner conviction clear to the law enforcement officer? Does he need to make a choice between the law and conscience? To what extent is conscience appropriate when assessing evidence in a criminal case? The author of the article tries to find answers to these and other questions, relying on the scientific works of scientists in the field of criminal procedural law and the practice of law enforcement.

Keywords: criminal proceedings, assessment of evidence, procedural actions, procedural decisions, legality, inner conviction, law, conscience, legal consciousness

For citation: Michurina O. V. Guided by the law and conscience: the agony of choosing of law enforcement officer. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):100–104. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-100-104>. EDN: YYFKGC.

Написание данной статьи автора натолкнули частые обсуждения на занятиях с магистрантами заочной формы обучения противоречивости критериев внутреннего убеждения при оценке доказательств в уголовном судопроизводстве. Действующие сотрудники органов внутренних дел, будучи правоприменителями, с трудом понимают как одновременно совместить общеобязательные требования закона и чувства своей собственной совести, что вызвало закономерный научный интерес к исследованию обозначенной проблематики.

Итак, в регламентации принципа свободы оценки доказательств ч. 1 ст. 17 УПК РФ упоминает два критерия внутреннего убеждения судьи, присяжных заседателей, прокурора, следователя и дознавателя — закон и совесть. Вряд ли можно назвать взаимосвязанными данные понятия. Одно из них (закон) — сугубо правовое, другое (совесть) — морально-этическое, духовно-нравственное, но явно, что неправовое. И несмотря на то, что нормы права исторически возникли из норм морали, в современной доктрине они не всегда близки друг другу.

© Мичурина О. В., 2025

Любое процессуальное решение считается законным, если при его принятии должностное лицо руководствовалось законом. Но будет ли оно считаться незаконным, если должностное лицо при его принятии не руководствовалось совестью? И какова ничтожность законного, но бессовестного процессуального решения? Думается, что при ответах на эти вопросы совесть значительно проигрывает закону.

Не совсем понятна также причина, почему законодатель связывает совесть с внутренним убеждением только судьи, присяжных заседателей, прокурора, следователя и дознавателя. Получается, что остальные участники уголовного судопроизводства, которые являются сторонами и принимают участие в доказывании по уголовному делу, в том числе в оценке доказательств, совестью не руководствуются. В первую очередь речь идет о таких должностных лицах уголовного судопроизводства, как руководитель следственного органа, начальник органа дознания и начальник подразделения дознания. Осуществляя процессуальный контроль за деятельностью следователя либо дознавателя они оценивают собранные доказательства и осуществляют это тоже исходя из своего внутреннего убеждения. Мы солидарны в этом вопросе с исследователями, которые ставят под сомнение закрытый список субъектов оценки доказательств по внутреннему убеждению [1, с. 8]. Продолжая данную мысль, отметим, что защитник, подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, другие участники уголовного судопроизводства, а также иные лица, права и законные интересы которых затронуты в ходе досудебного или судебного производства, заявляя ходатайства о признании доказательств недопустимыми, принося жалобы на незаконное процессуальное действие или процессуальное решение, предварительно тоже осуществляют определенную мыслительную деятельность, т. е. оценивают совокупность доказательств, которые легли в их основу. Должны ли они при этом руководствоваться законом и совестью, трудно однозначно ответить.

В отличие от уголовного судопроизводства, при оценке доказательств в иных других судопроизводствах (гражданском, арбитражном, административном) нет обязанности руководствоваться не только совестью, но и законом. К примеру, в силу ч. 1 ст. 67 ГПК РФ «суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном ис-

следовании имеющихся в деле доказательств», а согласно ч. 1 ст. 71 АПК РФ «арбитражный суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств». То же самое говорится и в ст. 26.11 КоАП РФ: «судья, члены коллегиального органа, должностное лицо, осуществляющие производство по делу об административном правонарушении, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела в их совокупности».

Стоит напомнить, что оценка доказательств — неотъемлемая составляющая процесса доказывания, итоговая его часть, без которой не обходится принятие ни одного решения по уголовному делу. Таким образом, оценка является еще и этапом вынесения процессуального решения. Она бывает промежуточной, когда оценивается отдельно взятое доказательство и окончательной, когда оценке подвергается вся совокупность доказательств. В последнем случае главная проблема оценки заключается в неизбежности возникающих противоречий между доказательствами. При свободной оценке противоречия снимает внутреннее убеждение лица, ведущего производство по уголовному делу. Правда, не всегда к нему есть доверие. Обусловлено это совершенно очевидным фактом, что, с одной стороны, внутреннее убеждение, основываясь на всестороннем исследовании доказательств, стремится быть объективным, с другой стороны, оно остается субъективным, так как напрямую связано с сознанием человека, его воззрением, жизненным опытом, эмоциями и прочими личностными обстоятельствами.

Через оценку доказательств по внутреннему убеждению должностное лицо, осуществляющее уголовное судопроизводство, осознает содержание своего знания как истинное и принимает на его основе соответствующее властное решение. При этом через такое же внутреннее убеждение любой другой участник уголовного судопроизводства или иное лицо также оценивает доказательства.

Интерес вызывает позиция Е. С. Адаменко, что внутреннее убеждение, являющееся одним из системообразующих компонентов либерально-правовой концепции уголовного судопроизводства, и ставшее одновременно одним из столпов современной док-

трины отечественного уголовного судопроизводства, открывает простор для воплощения различного рода отрицательных стимулов, в том числе эгоизма и цинизма [2, с. 22, 45, 203–204, 291–306, 395–396].

Скорее всего, на пренебрежение к интересам других, а также нормам нравственности в большей степени влияет совесть, которая, понимается всеми по-разному. Именно она и делает внутреннее убеждение субъективным. Совесть с законом прямо противоположны по своей смысловой нагрузке. Совесть является тем чувством, которое основано на системе личных моральных ценностей конкретного человека, а закон никак не зависит от чьих-либо чувств, он представляет собой систему общеобязательных норм и правил поведения.

Насколько понятны правоприменителю закон и совесть в качестве критериев его внутреннего убеждения? Думается, что закон как критерий абсолютно понятен. Справедлив ли закон, выгоден ли он, правоприменитель это в расчет не берет, так как руководствуется правилом: «Закон суров, но это Закон (*Dura Lex, sed Lex*)». Перед ним стоит основная задача — уважение закона и строгое следование ему. При этом законодатель ставит правоприменителя перед достаточно сложным выбором — отдать предпочтение закону или совести либо же попытаться совместить несовместимое в своем внутреннем убеждении.

По УПК РСФСР 1960 г. суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, оценивали доказательства по внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием (ст. 71). В Российской Федерации правосознание перестало быть социалистическим и вплоть до принятия УПК РФ критериями внутреннего убеждения оставались закон и правосознание, которое затем сменила совесть.

Нам представляется, что совесть совсем не лучше правосознания. Бесспорно, что правосознание тоже субъективно в силу того, что представляет собой субъективное восприятие правовых явлений, особое отношение к праву, основанное на знаниях о нем. Можно говорить о профессиональном правосознании как одной из форм группового правосознания, формирующегося в конкретной профессиональной правоприменительной деятельности, и играющего роль регулятора поведения правоприменителя в рас-

сматриваемом нами аспекте профессионального правосознания в уголовном судопроизводстве. Для формирования такого правосознания как элемента правовой культуры, решающим является не только юридическое образование, но и профессиональная юридическая деятельность. Правовая культура юристов отличается от правовой культуры всех остальных именно своим содержанием; для нее характерны более полные правовые знания и умения применить их на практике. Для того, чтобы судить о правовой культуре правоприменителя, необходимо учитывать уровень его образования, юридический опыт и квалификацию [3, с. 15]. И если правовая культура и правосознание, а точнее профессиональное правосознание, согласуются с законом, расширяя правовую базу восприятия правоприменителем обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу и сообразных в рамках его производства доказательств, то совесть с ним совсем не увязывается.

Вряд ли можно дать в законе хоть какое-то правовое оформление совести. Совесть невозможно ничем измерить, ее нельзя приобрести с процессуальным статусом, невозможно получить знания, умения и навыки человека с совестью. Либо совесть есть, либо ее нет. И речь тут идет не о какой-то специальной совести правоприменителя, а о простой человеческой совести. Не бывает совести профессиональной, не формируется она особым образом у правоприменителя за счет новых знаний и приобретаемого практического опыта, как это происходит с правосознанием. Если оценивать совесть должностного лица, осуществляющего уголовное судопроизводство, то с позиции В. М. Корнукова, такая оценка применима лишь в отношении выполняемых обязанностей и соблюдения прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. Таким образом, совесть не может являться инструментом уголовно-процессуальной деятельности или механизмом оценки его результатов. Для этого уместнее всегда было, есть и будет правосознание, которое при отсутствии упоминания в УПК РФ, все равно остается рабочим инструментом правоприменителя [4, с. 216]. Что же касается совести, то при всей своей значимости для человеческих качеств, она явно не справляется с ролью критерия внутреннего убеждения при оценке доказательств в уголовном судопроизводстве.

Уважая научные убеждения А. В. Победкина, что уголовно-процессуальный закон и уголовно-процес-

суальная деятельность должны быть совестливыми, поскольку соблюдение закона и совестливое поведение разделить невозможно [5, с. 9, 10], нельзя не учитывать также и того, что закон и совесть не всегда находятся в гармонии и в отсутствии между ними противоречий. Процессуальное решение с точки зрения внутреннего убеждения может быть принято без учета совести, но при этом оно будет полностью соответствовать закону. Таких случаев в правоприменении великое множество. Совершенно справедливо А. В. Побединым также отмечено, что руководствоваться совестью, значит принимать решения при оценке доказательств, за которые не будет стыдно и не нужно оправдываться перед самим собой, а бессовестным людям не место в числе должностных лиц уголовного судопроизводства [6, с. 51]. Все абсолютно верно, только зачем это закреплять в уголовно-процессуальном законе?

Булат Окуджава написал прекрасные строки, что «совесть, благородство и достоинство — вот оно, святое наше воинство». Добавим еще добро, милосердие, прощение и другие духовно-нравственные категории, перечень которых долго можно продолжать. Однако то, что уместно выглядит в поэзии, не всегда настолько же уместно в законе, особенно, когда невозможно дать этому хоть какое-то внятное нормативное оформление. И почему именно совестью надо руководствоваться при оценке доказательств, а не добром и достоинством? Отчего не установить правоприменителю, что при осуществлении допроса ему надо помнить о благородстве, а при избрании меры пресечения учитывать милосердие?

Согласимся с замечанием С. Б. Россинского, что УПК РФ это не «памятка» для безграмотного правоприменителя, поэтому стремление «узаконить» широкий круг правил поведения ведет лишь к гиперформализации уголовно-процессуального права [7, с. 42]. Продолжая его мысль, отметим, что совесть, как и все другие духовно-нравственные качества, уже априори должна присутствовать у каждого человека, тем более у наделенного государственно-властными полномочиями. При этом правоприменитель как должностное лицо уголовного судопроизводства действует от имени Российской Федерации, а не от своего личного имени и, тем более, своей личной совести. Его предназначение в большей степени связано со строгим следованием закону, а не с угрызениями совести.

Таким образом, вряд ли правильно упоминать в УПК РФ о совести. Закон и совесть понятия совершенно неравнозначные; более того, они могут даже друг с другом конкурировать, если руководствоваться совестью вопреки закону или наоборот. Не отвергая существование совести у правоприменителя именно как у человека, считаем, что руководствоваться он должен исключительно законом и нести ответственность за свои действия и решения только по закону. Незаконное, но совестливое процессуальное решение имеет большие негативные правовые последствия, чем бессовестное, но законное. Да и сложно в правовом аспекте определить, соответствует оно совести или нет, так как это скорее субъективное восприятие отдельного человека. Поэтому в уголовном судопроизводстве оценка доказательств по внутреннему убеждению должна осуществляться только на основании закона. Разумно было бы вернуть обратно и правосознание. Рассуждения же про совесть в уголовном судопроизводстве весьма абстрактны, ее необходимо оставить вне правовой сферы, у каждого человека она своя, а у некоторых ее в принципе может вообще не быть.

Список источников

1. Степаков Д. А. Начальник органа дознания как субъект оценки доказательств // Российский следователь. 2024. № 2. С. 7–10.
2. Адаменко А. Е. Уголовно-процессуальная деятельность: системообразующие основания и компоненты: дисс. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2018.
3. Иванников И. А. Концепция правовой культуры // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 3(222). С. 12–16.
4. Корнуков В. М. Правосознание и совесть как взаимосвязанные и конкурирующие категории теории и практики российского уголовного судопроизводства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4. С. 213–217.
5. Победин А. В. Совесть в уголовно-процессуальной форме // Юрист-Правовед. 2016. № 4(77). С. 5–11.
6. Победин А. В. Как одухотворить Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации? // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 49–54.
7. Россинский С. Б. УПК Российской Федерации: воплощение «высокого» предназначения уго-

ловно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 42–47.

References

1. Stepakov D. A. Head of the inquiry body as a subject of evidence assessment // Russian investigator. 2024. No. 2. P. 7–10.

2. Adamenko A. E. Criminal procedural activity: system-forming grounds and components: diss. ... doctor of legal sciences. N. Novgorod, 2018.

3. Ivannikov I. A. Concept of legal culture // Bulletin of higher educational institutions. Jurisprudence. 2008. No. 3(222). P. 12–16.

4. Kornukov V. M. Legal consciousness and conscience as related and rival classes of theory and practice of Russian criminal proceedings // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2013. No. 4. P. 213–217.

5. Pobedkin A. V. Conscience in the criminal procedure form // Jurist-Pravoved. 2016. No. 4(77). P. 5–11.

6. Pobedkin A. V. How to spiritualize the Criminal Procedure Code of the Russian Federation? // Bulletin of Economic Security. 2016. No. 5. P. 49–54.

7. Rossinsky S. B. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: the embodiment of the «high» purpose of the criminal procedure form or a «memo» for illiterate law enforcement officers? // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2021. No. 6. P. 42–47.

Информация об авторе

О. В. Мичурина — профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

O. V. Michurina — Professor of the Department of Criminal Procedure at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 15.01.2025; одобрена после рецензирования 31.01.2025; принята к публикации 17.02.2025.

The article was submitted 15.01.2025; approved after reviewing 31.01.2025; accepted for publication 17.02.2025.

 <p>Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя</p> <hr/> <p>Уголовный процесс</p> <p>Проблемы теории и практики</p> <p>Учебник</p>	<p>УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ</p> <p>Учебник. 799 с.</p> <p>Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник» Гриф НИИ образования и науки Под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой</p> <p>Учебник соответствует ФГОС высшего образования, определяющим уровень подготовки кадров высшей квалификации по программам подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктуре (направление подготовки 40.07.01 «Юриспруденция»), а также в аспирантуре (направление подготовки 40.06.01 «Юриспруденция»).</p> <p>Рассматриваются актуальные теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы уголовного судопроизводства. Содержатся правовые основы, отражающие изменения законодательства на момент издания настоящего учебника, обзор теоретических основ, включая основные, наиболее значимые точки зрения, выработанные в науке, проблемные вопросы для научной дискуссии и дальнейших научных исследований.</p> <p>Для адъюнктов (аспирантов) и преподавателей образовательных организаций высшего образования, научных работников.</p>
--	---

Научная статья
УДК 34.03
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-105-111>
EDN: <https://elibrary.ru/zmtfwe>

ИПОН: 2003-0059-1/25-232
MOSURED: 77/27-003-2025-01-431

Уважение как принцип и ценностный приоритет коммуникации в праве

Евгений Александрович Нестеров¹, Артем Григорьевич Репьев²

^{1,2} Российский университет транспорта, Москва, Россия

¹ info@ui-miit.ru

² repev-artem@yandex.ru

Аннотация. Исследуются отдельные закономерности состояния коммуникации в праве. На основе эмпирических данных и решений судебных органов выдвигается и аргументируется гипотеза о кризисных тенденциях правового общения и необходимости упрочения не только формально-юридических, но и нравственно-этических оснований. Предлагается рассмотрение категории уважения в качестве принципа и ценностного приоритета коммуникации в праве. Формулируются критерии почтительного отношения участников правовой коммуникации друг к другу, включающие в себя: соблюдение формально-юридического равноправия сторон, гарантирование личной свободы и неприкосновенности, а также обеспечение добросовестности.

Ключевые слова: правовая коммуникация, уважение, приоритет, принцип, равноправие, свобода, неприкосновенность, добросовестность

Для цитирования: Нестеров Е. А., Репьев А. Г. Уважение как принцип и ценностный приоритет коммуникации в праве // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 105–111. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-105-111>. EDN: ZMTFWE.

Original article

Respect as a principle and value priority of communication in law

Evgeny A. Nesterov¹, Artyom G. Repyev²

^{1,2} Russian University of Transport, Moscow, Russia

¹ info@ui-miit.ru

² repev-artem@yandex.ru

Abstract. Separate patterns of the state of communication in law are investigated. Based on empirical data and judicial decisions, a hypothesis is put forward and argued about crisis trends in legal communication and the need to strengthen not only formal legal grounds, but also moral and ethical ones. It is proposed to consider the category of respect as a principle and value priority of communication in law. The criteria of respectful attitude of participants in legal communication to each other are formulated, including observance of formal and legal equality of the parties, guaranteeing personal freedom and inviolability, as well as ensuring good faith.

Keywords: legal communication, respect, priority, principle, equality, freedom, inviolability, integrity

For citation: Nesterov E. A., Repyev A. G. Respect as a principle and value priority of communication in law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):105–111. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-105-111>. EDN: ZMTFWE.

Введение. Правовая коммуникация (синонимичным этому словосочетанию будем считать коммуникацию в праве, несмотря на имеющиеся в науке мнения об их различии), — феномен, нельзя сказать, чтобы совсем неустоявшийся, но вряд ли его можно охарактеризовать и традиционным, классическим для теории права, отраслевых юридических наук. На это есть, как минимум, две причины: общеязыковая и формально-юридическая.

К первой отнесем тот факт, что с точки зрения русского языка «коммуникация» — термин привнесенный (его мы не обнаруживаем, например, в словарях В. И. Даля), буквально означающий сообщение, связь одного с другим (от лат. *communicatio*) [1, с. 445]. Для

наших соотечественников более привычными лексическими оборотами являются «водные коммуникации», «подземные коммуникации», «транспортные коммуникации», чем коммуникации правовые.

Формально-юридическим аргументом, не позволяющим на сегодняшний день концепции правовой коммуникации приобрести статус устоявшейся теории, найти отражение в академических учебниках о закономерностях права и государства, является наличие фундаментальной категории правового отношения. Именно она, и по справедливости скажем весьма оправданно, содержательно отражает то, что сегодня принято отдельными авторами считать правовой коммуникацией, т. е. связь участников общественных

© Нестеров Е. А., Репьев А. Г., 2025

отношений, регулируемых правом, в том числе обеспечиваемую посредством передачи соответствующей правовой информации.

Между тем, за последние годы наблюдается устойчивая тенденция возрастания научного интереса к коммуникативной проблематике. В частности, только за десять с небольшим лет защищены кандидатские диссертации о правовой коммуникации как общетеоретическом феномене [2], коммуникативной роли права [3], реализации им коммуникативной функции [4], включении коммуникации в конструкцию правового статуса субъекта [5] и т. д. Кроме того, В. Ю. Панченко на уровне монографического исследования аргументирована доктринальная концепция правового взаимодействия как разновидности коммуникации вообще [6]. Следует, как думается, отметить особое значение в популяризации коммуникативного подхода к праву научных трудов представителей Санкт-Петербургской школы права, в особенности А. В. Полякова и И. Л. Честнова [7; 8]. Первому фактически принадлежит идея необходимости актуализации или даже пересмотра классических подходов к пониманию права и обоснованию появления такой неоклассической концепции, как коммуникативная теория права [9; 10; 11].

Подобное внимание к правовой коммуникации не оставило в стороне многих ученых, выступивших на страницах печати с собственным пониманием данного феномена: в ракурсе поддержки необходимости его позиционирования как самостоятельной категории, отличной от правового отношения (в том числе, ввиду функциональной составляющей, ценностной и пр.) [12], так и занявших критическую позицию [13].

Не будем излишне ортодоксальными и, с осторожностью, признаем, что, возможно, юридическая конструкция правового отношения действительно всецело не охватывает те явления, которые характерны для современного общения всех участников правового взаимодействия. Не всегда можно объять классической конструкцией правоотношения и особенности нормативного закрепления и передачи правовой информации, что в наше стремительное время приобретает особое значение. Только за последние годы способы фиксации и отражения сведений, впоследствии образующих, изменяющих и прекращающих правовые отношения значительно трансформировались. Речь идет о появлении цифровых символов (кодов), новых невербальных средств и каналов передачи правовой информации (вплоть до позиционирования внешнего облика человека как средства коммуникации, например, в

ходе оплаты услуг при использовании биометрических данных) и многом другом. На общесоциальном срезе невербальные средства общения, к примеру, среди молодого поколения, стали превалировать над классическими, а именно словесными.

В этой связи, соглашаясь с общей постановкой вопроса о стремлении к углублению знаний о коммуникации в праве, хотелось бы привлечь внимание научной и профессиональной общественности к проблеме ее принципов, ценностных морально-этических, нравственных ориентиров и приоритетов. Ранее мы обращали внимание юридической общественности к проблеме доверия как основания эффективной правовой коммуникации, построенной на культуре отношений [14], а сегодня, убеждены, необходимо вести речь об уважении как фундаментальной ценностной основе коммуникации в целом, и правовой — в частности.

Уважение в праве: диалектика категории. Обозначенная постановка вопроса обусловлена не только привычным для многих ученых-юристов человекоцентристским подходом к пониманию государственно-правовых явлений, в основе которого заложена идея превалирования личности над всем остальным. Важным аргументом явилось и позиционирование деятельности органов публичной власти в духе не только признания человека высшей ценностью (что более тридцати лет конституировано в тексте основного закона), но и реального обращения внимания на важность гуманистического подхода к выстраиванию правовой политики. Речь идет и о новом витке понимания значения фундаментальных прав человека (в условиях продолжающегося в нашей стране экономического кризиса, усложненного последствиями пандемии и пр.), и о формируемом общественном мировоззрении, направленном не только на закрепление идеологического нейтралитета, но и «цементирование» национальной духовной идентичности. Именно в таком ракурсе идея уважения становится не только основополагающим принципом, но и ценностным приоритетом правоотношений и правовой коммуникации [15]. Коротко, но обо всем сказанном по порядку.

Уважение в праве — категория фундаментальная. Сам представленный термин настолько многогранен, что может рассматриваться и в проекции к общеправовым и отраслевым принципам (к примеру, уважение чести и достоинства личности в рамках уголовного судебного разбирательства [16, ст. 9]), и процессу построения правового государства и гражданского общества (через призму уважения как фундаменталь-

ной политической идеи [17]), и реализации юридической ответственности (как условие ее восприятия в качестве справедливой, гуманной, целесообразной [18]), и многому другому. Несмотря на такую палитру содержательных вариаций, заявлять сегодня о формировании полноценной доктринальной концепции уважения было бы, по меньшей мере, преждевременно. Подтверждением сказанному является не только полисемия доктринальных взглядов на сущность уважения в праве, но и отсутствие унифицированной правовой позиции субъектов официальной интерпретации и правоприменения.

С опорой на лингвистический анализ и справочную литературу можно предположить, что уважение представляет собой *требование максимально почтительного отношения к личности, в котором признается и обеспечивается его честь и достоинство* [19, с. 78]. Сказанное позволяет выдвинуть следующий тезис: уважение, в проекции к правовой коммуникации, выступает не только принципом ее построения, фундаментальным требованием, без которого данный процесс будет невозможно себе представить, но и ценностным, нравственно-этическим приоритетом. В этом проявляется дуализм данной категории и подчеркивается необходимость конвенционального дискурса, взаимного, консенсуального почтительного отношения к ценностям общества, самому себе и окружающим, наконец, к интересам государства.

Условия правовой коммуникации, основанной на уважении. Принимая во внимание яркую оценочную характеристику уважения через конструкцию «почтительное отношение», попробуем, насколько это возможно в рамках научной публикации, предложить отдельные подходы ее конкретизации. Для этого обозначим критерии (условия), которым должно отвечать взаимодействие субъектов правового общения, при соблюдении которых можно вести речь о почтительном отношении и, соответственно, взаимном уважении.

Генеральным условием позиционирования правовой коммуникации, основанной на уважении, является *признание и гарантирование формально-юридического равноправия сторон*. Речь, безусловно, не идет о равенстве фактическом, о примитивной «уравниловке». Здесь следует видеть отличия равенства в социальном смысле и равенство возможностей как формально-юридический базис отношений. Равенство в социальном смысле претит идее правового государства, не укладывается в классическое понимание правоотношений. Это объясняется наличием теории пра-

вовых статусов субъектов, которые, как известно, предполагают выделение среди них специальных и индивидуальных. В основу этой концепции заложен принцип правовой дифференциации, объясняющей наличие у каждого индивида присущих только ему личных и профессиональных качеств, знаний, умений и опыта. Отдельно взятый человек, имеющий талант и выдающиеся способности в какой-либо сфере, не может уравниваться в возможностях с иными людьми (не обладающими его качествами), и, соответственно, нельзя вести речь о равном социальном статусе. Это противоречит естественным законам мироздания.

Однако для правовой коммуникации безусловным базовым принципом будет являться признание формально-юридического равноправия сторон общения. Это неперемное условие диалога, конвенциональности взаимодействия. «Юридический разговор» должен быть на равных, что означает внимание к интересам всех участников правоотношений, готовность идти на компромисс, предполагает реализацию взаимных уступок и пр.

Здесь уместно провести аналогию с педагогическим приемом, когда взрослый человек, для того чтобы обеспечить откровенный диалог с юным собеседником, расположить его к доверию, присаживается на колени. За счет нивелирования ростовых отличий — сокращает психологический разрыв, добивается прямой, открытой беседы. Примеры политического дистанцирования в правоотношениях за счет демонстрации своего привилегированного статуса, попытка так называемого «разговора свысока» отдельных государств и их политических лидеров в рамках международного сообщества, — уже неоднократно показали свою дисфункциональность. Президент Российской Федерации В. В. Путин много раз подчеркивал важность выстраивания политического диалога на условиях равноправия, что обеспечит «уважение интересов друг друга» [20].

Следующим условием «почтительного отношения» участников коммуникативного дискурса и, как следствие, его выстраивания на основе уважения, является *гарантирование личной свободы и неприкосновенности*. Мы убеждены, что невозможно обеспечить эффективную передачу и получение достоверной правовой информации, ее использование, если участники будут ограничены в возможности открыто продемонстрировать свою волю и, как следствие, не будут обладать гарантиями от неправомерного принуждения. Свобода мнения и убеждений, их гарантии в виде

личной неприкосновенности — есть императив правового общения и взаимодействия. В условиях современной реальности, глубокого проникновения цифровизации в общественные отношения понимание свободы правовой коммуникации, личной неприкосновенности также трансформируются. Речь, например, может идти о появлении таких их объектов, как внешний облик человека.

Уважение, гарантирующее в рамках правовой коммуникации личную свободу и неприкосновенность — важнейший правовой принцип и ключевая ценностная составляющая, в особенности, со стороны органов публичной власти, субъектов, осуществляющих профессиональную деятельность. Не случайно, требование уважения к личности имплементировано в различные международные кодексы, затрагивающие вопросы правового общения и отражающие коллаборацию правовых, политических и этических компонентов построения коммуникации [21; 22].

Важно, кроме того, обеспечить верную, адекватную интерпретацию личной свободы и неприкосновенности в проекции к уважению, а не искаженную. К примеру, один из нормативных правовых актов советского государства содержал такое положение: «Ни в одной стране в мире женщина, как мать и гражданка, на которой лежит большая и ответственная обязанность рождения и воспитания граждан, не пользуется таким уважением и защитой закона, как в СССР» [23]. Принимая во внимание наличие юридического запрета на осуществление аборта, в данной норме просматривается определенное внутренне противоречие — с одной стороны, гарантируется уважение со стороны закона, с другой, — женщина не обладает реальным правом личной неприкосновенности и свободы выбора, не имеет фактической возможности распоряжаться собой. Принимая во внимание все более «громкие» призывы представителей публичной власти о введении в России так называемого налога на бездетность [29], хотелось бы сориентировать всех участников правовой коммуникации на взаимное уважение. Мы, безусловно, поддерживаем меры государства по упрочению демографической составляющей, направленные, например, на противодействие «идеологии бездетности» [24]. Однако и вводить фискальные обременения для тех, кто возможно по медицинским показателям, религиозным убеждениям (как например, соблюдение обета безбрачия (целибата)), или иным уважительным причинам не может либо не хочет иметь детей, видится чрезмерным. Данная область от-

ношений требует максимально вдумчивой, осторожной юридизации, тем более, обязывающими методами и средствами. Подобные инициативы могут не только подрывать фундаментальные начала личной свободы и неприкосновенности, но и носить дискриминационный характер по различным основаниям (религиозным, мировоззренческим и пр.).

Наконец третьим, также неизменным условием правовой коммуникации, основанной на уважении, является такой ценностный компонент, как *добросовестность участников*. Названный императив выступает нравственно-этической составляющей, и компилирует в себе внутренние ценностные ориентиры — честность побуждений, разумность и определенность в своих намерениях, порядочность действий и пр. Честность как личное качество человека выступает своеобразным аутентичным восприятием своего действия (бездействия) с позиции их оценки контрагентом на предмет искренности мотивов, истинности побуждений и т. д. Разумным поведением участников правовой коммуникации можно считать такое поведение, которое укладывается в логику происходящих событий, не противоречит естественному ходу событий [25]. Важным моментом добросовестности выступает прямая корреляция правовых обещаний и законных ожиданий.

Такая цепочка рассуждений приводит к мысли, что добросовестность в проекции к правовой коммуникации будет предполагать внешнюю и внутреннюю оценку. Без верности данного обещания, честного следования клятве, выполнения взятых на себя обязательств нельзя считать правовое общение основанным на почтительном отношении. Это лишит коммуникацию доверительного компонента [26].

К сожалению, человеческому общению исторически свойственны такие формы отклонения от постулатов честности, как: обман, злоупотребление доверием, к которым добавились современные. К примеру, обход закона [27; 28]. Одной из иллюстраций такого феномена являются различные недобросовестные схемы реализации недвижимости через ипотечное кредитование (оформление сделки через «ипотечных доноров», использование так называемого кэшбека в качестве полагающейся по условиям ряда договоров покупателю реальной денежной суммы и пр.). Недобросовестные банки нередко направляют выданные по ипотеке средства не сразу на эскроу-счет, а изначально на аккредитив (помимо того, что данные средства не подпадают, в таком случае, под систему страхования,

они еще и некоторое время могут использоваться финансовой организацией) [30]. Государство, как ключевой регулятор общественных отношений, полагаем, должно принимать меры стимулирования добросовестности участников правовой коммуникации, и не обязательно материального характера.

Результаты. Дедуцируем сказанное выше.

Уважение представляет собой ключевой нравственно-этический и формально-юридический регулятор, ценностное основание построения правовой коммуникации. Участникам правового общения необходимо соизмерять с принципом уважения не только изначальную идею, цели и задачи взаимодействия, но и учитывать необходимость почтительного отношения друг к другу в рамках социально-активного правового поведения. Пренебрежение уважением подрывает другие основания правовой коммуникации, в частности, доверие, что приводит к трудноразрешимым социальным последствиям экономического и иного характера.

Ключевыми требованиями к построению коммуникации на основе уважения, выступают: признание и гарантирование формально-юридического равноправия сторон; обеспечение личной свободы и неприкосновенности, а также добросовестность участников. В этом проявляется дуализм уважения, как симбиоза формально-юридического критерия и нравственно-этического требования.

В условиях современного кризиса социального общения, подорванных ценностных оснований человеческой коммуникации, ранее базировавшихся на идеологических чувствах товарищества, сочувствия, взаимовыручки, а сегодня характеризующегося внутренней социопатичностью и ярким проявлением эгоцентризма, — необходим прорыв в области преодоления нравственного нейтралитета и безразличия. Основой для этого, скрепой, соединяющей в себе формально-юридические, моральные, ценностные критерии, является универсальная категория уважения.

Список источников

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.
2. Романова Е. А. Правовая коммуникация: общетеоретический аспект: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.
3. Попов В. И. Коммуникативно-обеспечительная роль права в отношениях государства и гражданского общества: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2022.

4. Потемкина О. С. Коммуникативная функция права (общетеоретическое исследование): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023.
5. Парфенов А. А. Правовая коммуникативная компетенция как содержание правосубъектности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2020.
6. Панченко В. Ю. Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации: теоретико-правовое исследование: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2016.
7. Антонов М. В., Поляков А. В., Честнов И. Л. Коммуникативный подход и российская теория права // Правоведение. 2013. № 6(311). С. 78–95.
8. Честнов И. Л. Практическое измерение коммуникативной теории права // Правоведение. 2015. № 4. С. 50–58.
9. Поляков А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 2. С. 26–43.
10. Поляков А. В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права. 2009. № 1-2008. С. 9–42.
11. Поляков А. В. Коммуникативная теория права — актуальное направление юридической науки // Петербургский юрист. 2015. № 1. С. 20–29.
12. Денисенко В. В. Коммуникативная функция права // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 3(89). С. 231–238.
13. Белоусов А. Б. Управление коммуникацией. Критические замечания к теории коммуникации // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2003. № 4. С. 292–314.
14. Репьев А. Г. Доверие как основа культуры правовой коммуникации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 2. С. 15–25.
15. Репьев А. Г., Хрони Н. Н. Приоритет в содержании правоотношений. М. : Юрлитинформ, 2024.
16. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 23 ноября 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921; 2024. № 48. Ст. 7213.
17. Тонков Е. Е. Уважение к закону как политическая религия // Конституционализм: симбиоз науки и практики: мат. междунар. круглого стола / отв. ред. М. В. Мархгейм. Белгород, 2017. С. 6–11.
18. Репьева А. М. Уважение прав человека как принцип уголовно-исполнительной отрасли права //

Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 6(101). С. 182–186.

19. Репьев А. Г., Репьева А. М. Нравственно-правовые категории «уважение» и «достоинство» с позиции ценностного подхода (на примере уголовно-исполнительного права) // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3 (23). С. 77–81.

20. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 29 февраля 2024 г. // Российская газета. 2024. 1 марта.

21. Всемирный антидопинговый кодекс (вместе с «Определениями...») (с изм. и доп., вступившими в силу 1 января 2021 г.) // URL: <http://www.rusada.ru/>

22. Международный кодекс рекламной практики (принят на 47-ой сессии Исполнительного совета Международной торговой палаты) (с изм. и доп. от 2 декабря 1986 г.) // Закон. 1996. № 12. С. 54–57.

23. Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27 июня 1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // Собрание законов СССР. 1936. № 34. Ст. 309.

24. Федеральный закон от 23 ноября 2024 г. № 401-ФЗ «О внесении изменений в статью 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 48. Ст. 7208.

25. Абдуллина Л. Р. Разумность и определенность в праве: вопросы взаимосвязи и соотношения // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2024. № 2(60). С. 5–9.

26. Костюнина О. В. Свобода как кредит доверия в экспериментальных правоотношениях // Философия права. 2024. № 3(110). С. 30–38.

27. Баранов В. М., Репьев А. Г. Общеправовой феномен «обход закона»: понятие и соотношение со смежными явлениями // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 5. С. 39–46.

28. Игнатъева А. В. Понятие и признаки обхода закона // Вестник Воронежского института МВД России. 2024. № 1. С. 290–295.

29. В Госдуме предложили ввести налог на бездетность // <https://www.rbc.ru/life/news/656d9af19a7947fd5ddf5ec9>

30. Какие схемы ипотеки будут запрещены стандартом ЦБ // Российская газета. 2024. 27 сент.

References

1. The Great explanatory dictionary of the Russian language / comp. S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, 2000.

2. Romanova E. A. Legal communication: general theoretical aspect: abstract diss. ... candidate of legal sciences. Saratov, 2011.

3. Popov V. I. The communicative and security role of law in relations between the state and civil society: abstract. diss. ... candidate of legal sciences. M., 2022.

4. Potemkina O. S. The communicative function of law (general theoretical research): abstract. diss. ... candidate of legal sciences. Saratov, 2023.

5. Parfenov A. A. Legal communicative competence as the content of legal personality: abstract. diss. ... candidate of legal sciences. Kaliningrad, 2020.

6. Panchenko V. Yu. Legal interaction as a type of social communication: theoretical and legal research: abstract. diss. ... doctor of legal sciences. M., 2016.

7. Antonov M. V., Polyakov A. V., Chestnov I. L. The communicative approach and the Russian theory of law // Law studies. 2013. No. 6(311). P. 78–95.

8. Chestnov I. L. Practical dimension of the communicative theory of law // Law studies. 2015. No. 4. P. 50–58.

9. Polyakov A. V. Postclassical jurisprudence and the idea of communication // Izvestia of Higher educational institutions. Law studies. 2006. No. 2. P. 26–43.

10. Polyakov A. V. Farewell to the classics, or how the communicative theory of law is possible // The Russian Yearbook of the Theory of Law. 2009. No. 1–2008. P. 9–42.

11. Polyakov A. V. Communicative theory of law — an actual direction of legal science // St. Petersburg Lawyer. 2015. No. 1. P. 20–29.

12. Denisenko V. V. The communicative function of law // Academic Law Journal. 2022. Vol. 23. No. 3(89). P. 231–238.

13. Belousov A. B. Communication management. Critical remarks on the theory of communication // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2003. No. 4. P. 292–314.

14. Repyev A. G. Trust as the basis of the culture of legal communication // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2022. No. 2. P. 15–25.

15. Repyev A. G., Khroni N. N. Priority in the content of legal relations. M. : Yurlitinform, 2024.

16. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18 December 2001, No. 174-FZ (ed. dated November 23, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I). Art. 4921; 2024. No. 48. Art. 7213.

17. Tonkov E. E. Respect for the law as a political religion // Constitutionalism: symbiosis of science and practice: materials of the International Round table / ed. M. V. Markheim. Belgorod, 2017. P. 6–11.

18. Repyeva A. M. Respect for human rights as a principle of the penal enforcement branch of law // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2014. No. 6(101). P. 182–186.

19. Repyev A.G., Repyeva A.M. Moral and legal categories «respect» and «dignity» from the standpoint of a value approach (on the example of penal enforcement law) // Altai Legal Bulletin. 2018. No. 3(23). P. 77–81.

20. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation dated 29 February 2024 // Rossiyskaya Gazeta. 2024. March 1.

21. The World Anti-Doping Code (together with the «Definitions ...») (as amended and supplemented, effective January 1, 2021) // URL: <http://www.rusada.ru/>

22. The International Code of Advertising Practice (adopted at the 47th session of the Executive Board of the International Chamber of Commerce) (with amendments and additions. dated December 2, 1986) // Law. 1996. No. 12. P. 54–57.

23. Resolution of the CEC of the USSR No. 65, SNK of the USSR No. 1134 of 27 June 1936 «On the prohibition of abortion, increasing material assistance to women

in labour, establishing state assistance to multifamily, expanding the network of maternity homes, nurseries and kindergartens, strengthening criminal punishment for non-payment of alimony and some changes in the legislation on divorce» // Collection of Laws of the USSR. 1936. No. 34. Art. 309.

24. Federal Law of 23 November 2024, No. 401-FZ «On Amending Article 6.21 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 48. Art. 7208.

25. Abdullina L. R. Reasonableness and certainty in law: issues of interrelation and correlation // Proceedings of the Orenburg Institute (branch) Moscow State Law Academy. 2024. No. 2(60). P. 5–9.

26. Kostyunina O. V. Freedom as a credit of trust in experimental legal relations // Philosophy of Law. 2024. No. 3(110). P. 30–38.

27. Baranov V. M., Repyev A. G. The general legal phenomenon of «circumvention of the law»: the concept and correlation with related phenomena // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2023. No. 5. P. 39–46.

28. Ignatieva A. V. The concept and signs of circumvention of the law: theory and // Bulletin of the Voronezh Institute of MIA of Russia. 2024. No. 1. P. 290–295.

29. The State Duma proposed to introduce a tax on childlessness // <https://www.rbc.ru/life/news/656d9af19a7947fd5ddf5ec9>

30. Which mortgage schemes will be prohibited by the Central Bank standard // Rossiyskaya Gazeta. 2024. September 27.

Информация об авторах

Е. А. Нестеров — директор Юридического института Российского университета транспорта, кандидат юридических наук;

А. Г. Репьев — профессор кафедры теории права, гражданского права и гражданского процесса Юридического института Российского университета транспорта, доктор юридических наук, доцент.

Information about the authors

E. A. Nesterov — Director of the Law Institute of the Russian University of Transport, Candidate of Legal Sciences;

A. G. Repyev — Professor of the Department of Theory of Law, Civil Law and Civil Procedure of the Law Institute of the Russian University of Transport, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.12.2024; одобрена после рецензирования 25.01.2025; принята к публикации 12.02.2025. The article was submitted 23.12.2024; approved after reviewing 25.01.2025; accepted for publication 12.02.2025.

Научная статья
УДК 343.102
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-112-117>
EDN: <https://elibrary.ru/zngaa>
НИОН: 2003-0059-1/25-233
MOSURED: 77/27-003-2025-01-432

Предельные сроки производства предварительного следствия: не пора ли их закрепить в УПК РФ?

Ибиамин Нуруевич Нуриев

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова, Хабаровск, Россия,
amin-nuriev@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются процессуальные сроки, предоставляемые уголовно-процессуальным законом органам следствия для расследования уголовных дел. На основе анализа судебных актов Российской Федерации и мнений ученых-процессуалистов аргументируется необходимость закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве предельных сроков для производства предварительного следствия как оптимального правового инструмента, предполагающего завершение уголовного преследования в разумный срок.

Ключевые слова: разумный срок досудебного производства, органы следствия, сроки предварительного следствия, уголовное преследование, расследование уголовного дела

Для цитирования: Нуриев И. Н. Предельные сроки производства предварительного следствия: не пора ли их закрепить в УПК РФ? // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 112–117. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-112-117>. EDN: ZZNGAA.

Original article

Time limits for preliminary investigation: isn't it time to fix them in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation?

Ibiamin N. Nuriev

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia named after I.F. Shilov,
Khabarovsk, Russia, amin-nuriev@mail.ru

Abstract. The procedural time limits provided by the criminal procedure law to investigative bodies for investigating criminal cases are being considered. Based on the analysis of judicial acts of the Russian Federation and the opinions of procedural scientists, it is argued that there is a need to establish deadlines in criminal procedure legislation for conducting a preliminary investigation as the optimal legal instrument for completing criminal prosecution within a reasonable time.

Keywords: reasonable period of pre-trial proceedings, investigating authorities, terms of preliminary investigation, criminal prosecution, criminal investigation

For citation: Nuriev I. N. Time limits for preliminary investigation: isn't it time to fix them in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation? Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):112–117. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-112-117>. EDN: ZZNGAA.

Рассматривая вопросы совершенствования института процессуальных сроков, предоставляемых в целях расследования уголовного дела нельзя обойти стороной важный аспект, заключающийся в необходимости закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве строгих временных рамок для производства уголовного преследования следственными органами, так как в действующих правовых реалиях данные сроки ничем не ограничиваются.

Как справедливо отмечает А. А. Кулакова, с введением в отечественный уголовный процесс нормативного требования, подразумевающего осуществле-

ние уголовного досудебного производства в разумный срок (ст. 6.1 УПК РФ), к сожалению, законодатель так и не смог предусмотреть в специальных нормах закона определенные временные ориентиры для органов предварительного следствия, в течении которых расследование уголовного дела подлежит завершению [1, с. 24].

Так, исходя из нормативной регламентации, закрепленной в ч. 4 и 5 ст. 162 УПК РФ, расследование уголовного дела, осуществляемое должностными лицами органов следствия, может быть продлено до 3-х месяцев, а в случаях его особой сложности — до 12 ме-

© Нуриев И. Н., 2025

сяцев. Последующее продление сроков расследования уголовного дела допускается уголовно-процессуальным законом лишь в исключительных случаях.

Из приведенных норм закона следует, что при продлении срока предварительного расследования, проводимого следователями, изменяется лишь уровень руководителя следственного органа, которым принимается данное процессуальное решение. Вследствие этого, можно с уверенностью утверждать, что продление предварительного следствия может происходить на протяжении нескольких лет, вплоть до истечения сроков давности привлечения лица к ответственности за совершенное преступление.

Именно поэтому не согласимся с мнением К. В. Волынец, полагающей, что законодатель предусматривает для органов следствия максимальные сроки, в течение которых должен быть завершен весь процесс расследования уголовного дела [2, с. 182]. Как раз наоборот, данные сроки в УПК РФ строго не регламентированы.

Исключением является лишь производство предварительного расследования представителями подразделений дознания, которые правомочны расследовать уголовные дела в срок не более шести месяцев (ч. 4 ст. 223 УПК РФ), а при необходимости исполнения запроса о правовой помощи на протяжении 12 месяцев (ч. 5 ст. 223 УПК РФ). В случае невозможности завершения дознания в установленный законом срок, дальнейшее расследование уголовного дела производится органами следствия на основании решения, вынесенного прокурором (п. 11 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Также следует указать, что в некоторых случаях даже истечение сроков давности уголовного преследования не является серьезным обстоятельством, препятствующим последующему расследованию уголовного дела. К примеру, когда подозреваемый (обвиняемый) возражает против прекращения уголовного преследования по данному основанию, так как такое завершение расследования лишает его права на последующую реабилитацию и фактически признает его виновным в совершенном преступлении [3, с. 66]. В таком случае предварительное следствие будет продолжаться еще как минимум два месяца, а максимум 12 месяцев, в зависимости от тяжести расследуемого преступления (ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ).

Указанные правила исчисления сроков расследования были установлены в уголовно-процессуальном законе после прецедентного решения Конституцион-

ного Суда РФ по жалобе гражданина В. А. Рудникова [4]. Если по уголовному делу до истечения рассматриваемых сроков не будет принято итогового решения на стадии досудебного разбирательства или оно не будет направлено в суд, то органы предварительного расследования должны его незамедлительно прекратить в связи с непричастностью преследуемого лица к совершенному преступлению.

Приведенные положения УПК РФ демонстрируют, что законодателем регламентирован лишь максимальный срок предварительного следствия после истечения сроков давности уголовного преследования, а вот до их истечения предельный срок расследования уголовного дела органами следствия, законом, фактически не устанавливается.

Из сказанного следует, что заинтересованные участники досудебного разбирательства в лице подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего вынуждены на протяжении длительного периода времени находиться в неопределенном состоянии, заключающемся в чрезмерно затянутом уголовном преследовании. Хотя, как мы полагаем, и неоднократно указывали в ходе проведенных исследований, принцип разумного срока подразумевает, что уголовное судопроизводство, включая и предварительное расследование, должно быть завершено как можно быстрее и в конкретный срок [5, с. 24].

Подчеркнем, что данная правовая неопределенность, заключающаяся в невозможности законодательного установления максимального срока проведения предварительного расследования органами следствия, создает почву для обращения участников уголовного судопроизводства с жалобами в различные судебные органы, включая Конституционный Суд РФ.

Так, к примеру, гражданин В. В. Багатурия обращаясь в данный судебный орган, указал, что в его отношении расследование уголовного дела по одному эпизоду мошенничества продолжалось на протяжении 31 месяца, т. е. более двух лет [6]. Граждане Н. Г. Забелин и В. Ф. Крюков, обвиняемые в совершении одного преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УПК РФ, обратились в Конституционный Суд РФ, когда срок следствия составлял 33 месяца [7].

Основная претензия преследуемых лиц заключалась в том, что ст. 162 УПК РФ не регламентирует строгие пресекательные сроки, в течение которых органы предварительного следствия обязаны завершить расследование уголовного дела, что, в свою

очередь, способствует их произвольному и бесконтрольному продлению и прямым образом свидетельствует о несоответствии данной нормы Основному закону страны.

В последующем на это обстоятельство указывалось неоднократно участниками уголовного процесса в своих жалобах, принесенных в высший судебный орган конституционного контроля в РФ, который, рассматривая их, так и не попытался урегулировать данный правовой недочет, отмечая при этом, что внесение изменений в УПК РФ не входит в компетенцию Конституционного Суда РФ, а является прерогативой законодательного органа [8].

Ученые-процессуалисты, подчеркивая пробельность нормативной регламентации ст. 162 УПК РФ, предоставляющей право следователям на неограниченное продление сроков предварительного следствия, предлагают различные варианты для приведения указанной нормы закона в порядок.

Так, Л. А. Курочкина, после внесенных в 2007 г. поправок в ст. 162 УПК РФ, определивших новые правила продления уголовных дел, расследуемых органами следствия, обратила внимание на необходимость закрепления в уголовно-процессуальном законе предельных сроков предварительного следствия, руководствуясь тяжестью совершенного деяния. Автор подчеркивала, что для тяжких и особо тяжких преступлений максимальный срок предварительного следствия должен быть предусмотрен больше чем для преступлений, относящихся к нижестоящим категориям [9, с. 105].

Схожей позиции придерживаются О. В. Логунов и Э. К. Кутуев, указывающие, что при разработке предельных сроков предварительного следствия законодателю следует, в первую очередь, учитывать тяжесть совершенного преступления [10, с. 172].

В. В. Трухачев, исследуя данную проблему, считает, что, в отличие от судебного разбирательства, где выносятся итоговое решение по уголовному делу, стадия предварительного расследования представляет собой предварительный характер и это не дает никаких оснований для ее бесконтрольного производства. Как справедливо полагает ученый, указанная стадия должна быть ограничена строгими временными рамками [11]. С чем мы, безусловно, солидарны.

Соглашаясь с изложенной позицией ученых-процессуалистов стоит указать еще один факт, подтверждающий тезис о необходимости законодательного

закрепления предельных сроков производства предварительного расследования.

Так, правовая регламентация, содержащаяся в ч. 6 и ч. 6.1 ст. 162 УПК РФ, позволяет руководителю следственного органа дополнительно устанавливать срок следствия на один месяц в обход общих правил продления данных сроков. Такая возможность предусмотрена, например, когда уголовное дело возвращено прокурором для производства дополнительного следствия или требуется его возобновление в связи с отменой решения о приостановлении или прекращении уголовного дела.

Как справедливо отмечают некоторые правозащитники, количественных ограничений подобного рода решений во время расследования уголовного дела законом не установлено. Как итог, такое искусственное продление сроков предварительного следствия приводит к длительному досудебному разбирательству, которое может происходить на протяжении нескольких лет, так как предельных сроков осуществления данной процедуры уголовно-процессуальный закон не содержит [12, с. 57]. Несомненно, что законодателю пора привести в порядок данный правовой недочет путем внесения необходимых поправок в соответствующие нормы УПК РФ.

По нашему мнению, если органы следствия будут ограничены предельными сроками для организации предварительного расследования, очевидно, что при таких обстоятельствах они будут заинтересованы завершить досудебное разбирательство в кратчайшие сроки и в таком случае волокита, допускаемая следователями по расследуемым уголовным делам, будет сведена к минимуму.

В дополнение к сделанному выводу необходимо указать, что уголовно-процессуальный закон содержит в себе нормы права, предоставляющие правоприменителю достаточный механизм, направленный на расследование сложных или объемных уголовных дел. В этих целях руководителем следственного органа может быть принято решение о проведении предварительного расследования несколькими следователями (ч. 1 и 2 ст. 163 УПК РФ). Расследование уголовного дела может происходить по месту большинства участников уголовного процесса (ч. 4 ст. 152 УПК РФ). Следственные действия могут быть произведены по поручению следователя практически в любом месте и даже в дистанционном режиме (ст. 189.1 УПК РФ). Исходя из этого, право-

применительно необходимо грамотно использовать весь ресурс, предоставленный УПК РФ, а не искать оправдания для бесконтрольного продления сроков предварительного расследования.

Кроме этого, учитывая тот факт, что законодатель в ч. 7 ст. 3 Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ [13] и в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11 [14] определяет разумным 4-летний срок уголовного преследования для всего уголовного судопроизводства, на наш взгляд, для досудебного разбирательства данный срок должен быть установлен значительно меньше.

Именно поэтому считаем, что сроки расследования уголовного дела в форме предварительного следствия должны быть законодательно ограничены и дифференцированы в зависимости от тяжести совершенного преступления, а именно 12 месяцев по преступлениям небольшой и средней тяжести и 24 месяца по преступлениям тяжкой и особо тяжкой категории. Если в указанный срок материалы уголовного дела не предъявлены для ознакомления обвиняемому или его защитнику, по уголовному делу не принято итогового решения на стадии предварительного расследования, или оно не будет направлено в суд, то уголовное преследование должно быть прекращено в связи с непричастностью лица к совершенному преступлению, т. е. по реабилитирующему основанию.

Стоит отметить, что предлагаемые предельные сроки производства предварительного расследования фактически коррелируют с самой строгой мерой пресечения — заключением под стражу, исходя из чего, это может служить серьезным препятствием для завершения расследования уголовного дела в предложенные сроки.

Так, к примеру, срок избрания указанной меры пресечения в отношении преследуемого лица может достигать по особо тяжким преступлениям 18 месяцев (ч. 3 ст. 109 УПК РФ). Несмотря на этот факт, законом предусмотрен особый случай его продления, а именно, когда сторона защиты не успевают ознакомиться с материалами уголовного дела, предоставленного следователем за 30 суток до истечения предельного срока содержания под стражей (ч. 9 ст. 109 УПК РФ).

Следуя правилам, установленным в п. 1 ч. 8 ст. 109 УПК РФ, срок заключения под стражу может быть продлен каждый раз, но не более чем на три ме-

сяца. Фактически данный срок может быть пролонгирован неограниченное количество раз, до момента завершения стороной защиты процедуры ознакомления с материалами уголовного дела, на что обращал внимание Конституционный Суд Российской Федерации [15]. Исходя из сказанного, в практической деятельности срок заключения под стражу может достигать и свыше 24 месяцев во время производства предварительного расследования.

Учитывая изложенное, предложенные изменения могут стать серьезной причиной для побуждения у стороны защиты умысла для дальнейшего затягивания процедуры ознакомления с материалами уголовного дела, в целях дотянуть до предельного срока предварительного следствия, так как это может привести к последующему прекращению уголовного дела по благоприятному для преследуемого лица основанию.

Вследствие этого, для исключения подобной или схожей ситуации, при завершении расследования уголовного дела в практической деятельности правоохранительных органов указанное правило исчисления сроков предварительного следствия не должно распространяться на случаи, когда обвиняемый и его защитник приступили к ознакомлению с материалами уголовного дела до истечения предельного срока предварительного расследования.

В связи с этим ст. 162 УПК РФ необходимо дополнить ч. 5.1 следующего содержания: *«Предварительное следствие по преступлениям небольшой и средней тяжести не может превышать 12 месяцев, а по преступлениям тяжкой и особо тяжкой категории 24 месяцев. Если до истечения указанных сроков обвиняемому или его защитнику не предъявлены материалы уголовного дела для ознакомления, уголовное дело не передано в суд, или не прекращено по иному основанию в порядке, установленном настоящим Кодексом, уголовное преследование подлежит прекращению по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 27 настоящего Кодекса».*

Кроме этого, в ведомственных нормативно-правовых актах, регламентирующих деятельность следственных органов, следует закрепить строгие указания на необходимость заблаговременного предъявления материалов уголовного дела заинтересованным участникам уголовного процесса; т. е. следователи должны рассчитывать временной запас, требуемый для выполнения указанной процедуры, в целях соблюдения предельного срока предварительного следствия.

Резюмируя все вышесказанное, следует отметить, что закрепление предельных сроков предварительного следствия в УПК РФ является вынужденной мерой, направленной на стимулирование должностных лиц органов следствия на скорейшее расследование уголовного дела, а лица, вовлеченные в уголовное досудебное производство, будут наделены серьезной правовой гарантией, обеспечивающей завершение уголовного преследования в строго регламентированные уголовно-процессуальным законом сроки.

Список источников

1. Кулакова А. А. Оптимальность сроков досудебного производства как гарантия их разумности // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 23–27.
2. Вольнец К. В. Некоторые проблемы в правовом регулировании принципа «Разумный срок уголовного судопроизводства» // Вестник Удмуртского университета. Серия экономика и право. 2013. № 1. С. 181–187.
3. Бахта А. С., Нуриев И. Н. Расследование уголовного дела при истечении сроков давности уголовного преследования // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 2. С. 60–67.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2022 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Рудникова» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Нуриев И. Н. Уголовно-процессуальные условия и средства осуществления досудебного производства в разумный срок: дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022.
6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2010 г. № 1211-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Багатурии Вадима Вячеславовича на нарушение его конституционных прав статьями 6.1, 37, 123, 124 и 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Конституционного Суда РФ от 22 марта 2011 г. № 392-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Забелина Николая Григорьевича и Крюкова Виктора Федоровича на нарушение их конституционных прав частью пятой статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2023 г. № 972-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Цегельник Светланы Владимировны на нарушение ее конституционных прав частями пятой и седьмой статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Курочкина Л. А. Новая редакция УПК РФ о сроках предварительного следствия и содержания обвиняемых под стражей // Уголовное право. 2008. № 2. С. 104–107.
10. Логунов О. В., Кутуев Э. К. Искусственное соблюдение сроков в ходе предварительного следствия: понятия, и способы его пресечения // Вестник Экономической безопасности. 2022. № 6. С. 167–174.
11. Трухачев В. В. Предельные сроки предварительного следствия и судебного разбирательства уголовных дел // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 1. С. 445–453.
12. Рассолов И. Ю. Два приема искусственного продления сроков следствия: есть ли злоупотребление // Уголовный процесс. 2023. № 9. С. 56–59.
13. Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // СПС «КонсультантПлюс».
15. Определение Конституционного Суда РФ от 24 июня 2021 г. № 1339-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сумбаева Ярослава Владимировича на нарушение его конституционных прав частями седьмой и восьмой статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Kulakova A. A. Optimality of the terms of pre-trial proceedings as a guarantee of their reasonableness // Bul-

letin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4. P. 23–27.

2. Volynets K. V. Some problems in the legal regulation of the principle of «Reasonable time of criminal proceedings» // Bulletin of Udmurt University. Series economics and law. 2013. No. 1. P. 181–187.

3. Bakhta A. S., Nuriev I. N. Investigation of a criminal case when the statute of limitations for criminal prosecution expires // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2. P. 60–67.

4. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 18, 2022 No. 33-P «In the case of checking the constitutionality of part two of article 27 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and paragraph «с» of part one of article 78 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V. A. Rudnikov» // LRS «ConsultantPlus».

5. Nuriev I. N. Criminal procedural conditions and means of pre-trial proceedings within a reasonable time: diss. ... candidate of legal sciences. Omsk, 2022.

6. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of September 23, 2010 No. 1211-O-O «On refusal to accept for consideration the complaints of a citizen of Bagaturia Vadim Vyacheslavovich about violation of his constitutional rights by Articles 6.1, 37, 123, 124 and 162 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

7. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 22, 2011 No. 392-O-O «On refusal to accept for consideration the complaint of citizens Zabelin Nikolai Grigorievich and Kryukov Viktor Fedorovich about violation of their constitutional rights by part five of article 162 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

8. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 25, 2023 No. 972-O «On re-

fusal to accept for consideration the complaint of citizen Tsegelnik Svetlana Vladimirovna about violation of her constitutional rights by parts five and seven of Article 162 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

9. Kurochkina L. A. New edition of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on the timing of the preliminary investigation and the detention of the accused // Criminal Law. 2008. No. 2. P. 104–107.

10. Logunov O. V., Kutuev E. K Artificial compliance with the deadlines during the preliminary investigation: concepts and methods of its suppression // Bulletin of Economic Security. 2022. No. 6. P. 167–174.

11. Trukhachev V. V. Deadlines for preliminary investigation and trial of criminal cases // Bulletin of Voronezh State University. Series: Right. 2012. No. 1. P. 445–453.

12. Rassolov I. Yu. Two methods of artificial extension of the investigation: is there any abuse // Criminal process. 2023. No. 9. P. 56–59.

13. Federal Law No. 68-FZ of April 30, 2010 «On Compensation for Violation of the Right to Legal Proceedings within a Reasonable Time or the Right to Execute a Judicial Act within a Reasonable Time» // LRS «ConsultantPlus».

14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 29, 2016 No. 11 «On some issues arising in the consideration of cases of awarding compensation for violation of the right to legal proceedings within a reasonable time or the right to execute a judicial act within a reasonable time» // LRS «ConsultantPlus».

15. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 24, 2021 No. 1339-O «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Sumbaev Yaroslav Vladimirovich about violation of his constitutional rights by parts seven and eight of Article 109 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

И. Н. Нуриев — доцент кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шиловой, кандидат юридических наук.

Information about the author

I. N. Nuriev — Associate professor of the Department of criminal proceedings of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia named after I.F. Shilov, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 01.10.2024; одобрена после рецензирования 18.12.2024; принята к публикации 25.01.2025.

The article was submitted 01.10.2024; approved after reviewing 18.12.2024; accepted for publication 25.01.2025.

Научная статья
УДК 343.34
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-118-123>
EDN: <https://elibrary.ru/guhozy>

ИПОН: 2003-0059-1/25-234
MOSURED: 77/27-003-2025-01-433

К вопросу о совершенствовании уголовного законодательства об ответственности за присвоение или растрату

Роман Борисович Осокин¹, Вадим Сергеевич Ковригин²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, Москва, Россия

¹ osokinr@mail.ru

² kvs.ru@bk.ru

Аннотация. Обосновываются предложения по совершенствованию уголовного законодательства об ответственности за присвоение или растрату. Преступление, предусмотренное ст. 160 УК РФ, является самостоятельной формой хищения и характеризуется некоторыми особенностями его квалификации по объективным и субъективным признакам состава данного преступления. Проблема установления определенных правомочий виновного лица в отношении чужого имущества обуславливает в теории и практике дискуссии, связанные с правильным определением субъекта указанного преступления, наличием у субъекта тех или иных полномочий в отношении вверенного имущества. Кроме того, есть много иных спорных вопросов, требующих дальнейшего изучения и обсуждения. Выводы заключаются в разработке предложений по совершенствованию уголовного законодательства об ответственности за присвоение или растрату. Полученные результаты исследования расширяют и углубляют научные знания об установлении уголовной ответственности за присвоение или растрату, актуализируют проблемы применения соответствующей уголовно-правовой нормы и содержат пути их решения. Научные результаты могут служить источниками для дальнейшего исследования проблем, связанных с уголовной ответственностью за присвоение или растрату.

Ключевые слова: хищение, присвоение, растрата, уголовная ответственность, совершенствование, уголовное законодательство, квалификация, вверенное имущество

Для цитирования: Осокин Р. Б., Ковригин В. С. К вопросу о совершенствовании уголовного законодательства об ответственности за присвоение или растрату // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 118–123. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-118-123>. EDN: GUHOZY.

Original article

On the issue of improving criminal legislation on liability for embezzlement or embezzlement

Roman B. Osokin¹, Vadim S. Kovrigin²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow, Russia

¹ osokinr@mail.ru

² kvs.ru@bk.ru

Abstract. Proposals to improve the criminal legislation on liability for embezzlement or embezzlement are substantiated. The crime provided by article 160 of the Criminal Code of the RF is an independent form of embezzlement and is characterized by some peculiarities of its qualification by objective and subjective features of this crime. The problem of establishing certain powers of the guilty person in relation to another person's property causes in theory and practice discussions related to the correct definition of the subject of this crime, the presence of certain powers of the subject in relation to entrusted property. In addition, there are many other controversial issues that require further study and discussion. The conclusions consist in the development of proposals to improve the criminal legislation on responsibility for embezzlement or embezzlement. The obtained results of the study expand and deepen scientific knowledge about the establishment of criminal liability for embezzlement or embezzlement, actualize the problems of application of the relevant criminal-legal norm and contain ways to solve them. Scientific results can serve as sources for further research of problems related to criminal liability for misappropriation or embezzlement.

Keywords: embezzlement, embezzlement, criminal liability, improvement, criminal legislation, qualification, trusteeship of property

For citation: Osokin R. B., Kovrigin V. S. On the issue of improving criminal legislation on liability for embezzlement or embezzlement. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):118–123. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-118-123>. EDN: GUHOZY.

Преступления против собственности занимают особое место в структуре преступности, поскольку преобладающее число преступлений, совершаемых на территории Российской Федерации, составляют имущественные преступления. Преступления против собственности относятся к числу наиболее распространенных преступлений и причиняют значительный материальный ущерб собственнику или иному

© Осокин Р. Б., Ковригин В. С., 2025

законному владельцу. Поэтому уголовно-правовая охрана собственности имеет первостепенное значение не только в теории, но и на практике.

К числу преступлений против собственности отечественный законодатель относит присвоение или растрату. Анализ статистических данных Главного информационно-аналитического центра МВД России (ГИАЦ МВД России) за последние пять лет свидетельствует о том, что количество зарегистрированных преступлений по ст. 160 УК РФ (присвоение или растрата) является невысоким и имеет тенденцию к снижению, а именно: 2019 г. — 15 324, 2020 г. — 13 958, 2021 г. — 12 699, 2022 г. — 11 974, 2023 г. — 10 342. При этом, отмечается снижение количества уголовных дел, приостановленных по ч. 1 ст. 208 УПК РФ: в 2019 г. приостановлено 1854 уголовных дела, 2020 г. — 1871, 2021 г. — 1314, 2022 г. — 1064, 2023 г. — 858 (на основании формы государственного статистического наблюдения «Единый отчет о преступности» (Форма 1-Г) за 2019–2023 гг. // по данным ГИАЦ МВД России). В большей части такая тенденция свидетельствует о том, что на фоне общего снижения числа зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 160 УК РФ, наблюдается снижение числа приостановленных уголовных дел.

Важно обратить внимание, что анализ данных статистической отчетности свидетельствуют о том, что уголовно наказуемые деяния в виде присвоения или растраты, хоть и не занимают лидирующих позиций по распространенности среди преступлений против собственности, но все же не могут оставаться не учтенными. Сравнительно небольшая доля указанной формы хищения связана с некоторыми особенностями квалификации данного вида преступления, к которым необходимо отнести: особенности предмета преступления, а также определение признака вверенности чужого имущества виновному лицу. Установление указанных особенностей вызывают определенные трудности в правоприменительной деятельности, что, в первую очередь, связано с несовершенством действующего уголовного законодательства.

Вопросам совершенствования законодательства об ответственности за присвоение или растрату в научной литературе уделено достаточное внимание [7; 11; 14]. Аккумулируя авторитетные научные точки зрения различных авторов, предложения по совершенствованию уголовно-правовой нормы об ответственности за присвоение или растрату необходимо рассмотреть в следующих аспектах.

Во-первых, необходимость закрепления в уголовном законодательстве дефиниций «присвоение» или «растрата»; во-вторых, необходимость дифференциации уголовной ответственности за присвоение или растрату в зависимости от размера материального ущерба, причиненного собственнику или иному владельцу этого имущества; в-третьих, необходимость отражения в уголовном законе квалифицирующего признака — «тяжкие последствия», причиняемые в результате совершения присвоения или растраты; в-четвертых, необходимость установления малозначительности деяния при квалификации присвоения или растраты.

В научном сообществе отсутствует единство мнений относительно вопросов, связанных с необходимостью легального закрепления в уголовном законе понятий «присвоение» или «растрата». Краеугольным камнем в научных воззрениях является тезис о природе присвоения или растраты с необходимостью отнесения этих преступлений к формам хищения [3, с. 92] либо отсутствия таковой [4, с. 3].

Анализ уголовно-правовой докторины на этот счет позволил сформировать следующие варианты разрешения данной проблематики:

- 1) признание присвоения или растраты в качестве формы хищения;
- 2) отказ в признании присвоения или растраты как формы хищения, поскольку объективная сторона данного преступления имеет принципиально иную природу, никак не связанную с общим понятием хищения. Следовательно, правильнее говорить не о формах хищения, а о способах распоряжения похищенным имуществом.

По мнению А. А. Бакрадзе, критикуется позиция О. В. Белокурова в части отсутствия признака изъятия чужого имущества в содержании объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, как необходимого признака общего родового понятия хищения. В связи с этим отсутствие данного признака не должно оказать влияние на отнесение рассматриваемого преступления к формам хищения. В свою очередь А. А. Бакрадзе предлагает закрепить законодательное определение присвоения или растраты непосредственно в диспозиции ч. 1 ст. 160 УК РФ, а именно: «Присвоение или растрата, т. е. совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное обращение чужого имущества, вверенного виновному, в свою пользу или пользу других лиц, причинившее прямой ущерб собственнику или иному владельцу, если виновный еще не произвел отчужде-

ние данного имущества (присвоение) либо произвел его отчуждение (растрата)» [2, с. 130–131].

Как верно отмечено А. В. Архиповым, законодательное определение хищения следует сформулировать с помощью одного термина, из содержательной части которого исключить указание на объективную сторону хищения в виде действий виновного, связанных с его незаконным обогащением. Следовательно, хищение следует обозначать как исключение предмета хищения из имущественной массы потерпевшего [1, с. 269–270]. Следующей позицией его критики является сам термин «обращение», который порождает неопределенность в правовом поле. С одной стороны, его наличие предполагает возможность наступления последствий в виде материального ущерба, а с другой, — в виде незаконного обогащения, что является неприемлемым для любой из форм хищения. Следовательно, при совершении присвоения или растраты отодвигается сам момент их окончания на стадию, следующую за причинением ущерба — получения виновным возможности беспрепятственно пользоваться и распоряжаться похищенным имуществом.

С предложенной позицией автора, на наш взгляд, следует согласиться, поскольку аргументация его доводов представляется весьма убедительной. В связи с возникшими разногласиями среди ученых по указанному предмету обсуждения следует продолжить дальнейшее научное исследование, на основании которого прийти к выводу о наличии или отсутствии необходимости закрепления на уровне уголовного закона легальных понятий «присвоение» и «растрата». При наличии положительного ответа неизбежно возникнет вопрос о том, насколько обоснованной будет являться позиция по отнесению преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, к самостоятельной форме хищения или иному самостоятельному преступлению, не имеющему признаки хищения.

По нашему мнению, присвоение или растрата фактически является одним преступлением, состоящим из двух взаимосвязанных противоправных деяний, совершаемых с корыстной целью. Соответственно, рассматриваемое преступление выступает в качестве самостоятельной формы хищения со своими специфическими особенностями, не присущими иным видам преступлений против собственности.

Определенные сложности в практической деятельности вызывают вопросы правильного определения признака «вверенности» чужого имущества, выступающего предметом присвоения или растраты. Рядом специалистов [9; 13, с. 204–205] высказы-

ваются точки зрения, что не может рассматриваться в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, такое имущество, которое было предоставлено виновному с целью его временного пользования, осмотра, примерки или перемещения, поскольку фактически и юридически такое имущество остается у законного владельца.

По нашему мнению, следует согласиться с вышеуказанной позицией, поскольку из сущности термина «вверенности» вытекает, что имущество передано виновному без соответствующих полномочий по его распоряжению, хотя и на законных основаниях. В настоящее время выработана практика, что в этом случае действия виновного необходимо квалифицировать как кражу (ст. 158 УК РФ), при наличии обязательного признака объективной стороны состава преступления — корыстной цели. Однако встречаются случаи в судебной практике, когда действия по временному хранению вверенного имущества без корыстной цели используются как выстроенная позиция стороны защиты с целью избежать уголовной ответственности (*приговор Калининского районного суда г. Челябинска от 29 марта 2021 г. по делу № 1-375/2021, приговор Николаевского районного суда Волгоградской области от 3 ноября 2016 г. по делу № 1-90/2016*).

Кроме того, в правоприменительной деятельности специальное поручение, выступающее в качестве одного из признаков определения вверенности имущества, не является распространенным. Содержание специального поручения в законодательстве прямо не определено. Представляются обоснованными судебные решения и мнения специалистов в области уголовного права [8, с. 57] о том, что правовая природа специального поручения может возникать только в силу гражданско-правовых или трудовых договоров между потерпевшим и виновным. Иные отношения не должны учитываться и рассматриваться в качестве специального поручения.

Так, согласно приговору Останкинского районного суда г. Москвы от 14 июня 2019 г. по смыслу закона специальное поручение заключается в осуществлении определенных полномочий по распоряжению, управлению, хранению и пр., вытекающих на основании гражданско-правовых договоров подряда, аренды, комиссии, проката и других видов договоров (*приговор Останкинского районного суда г. Москвы от 14 июня 2019 г. по делу № 1-243/2019*).

Кроме того, довольно актуальной проблематикой является вопрос о необходимости дифференци-

ции уголовной ответственности за присвоение или растрату в зависимости от размера материального ущерба, причиненного собственнику или иному владельцу. Рядом ученых предлагается законодательная дифференциация в зависимости от размера причиненного имущественного ущерба [6, с. 208; 10, с. 113]:

1) значительный ущерб, сумма которого не может быть менее 5 тыс. руб., при обязательном учете материального положения потерпевшего (по аналогии с примечанием ст. 158 УК РФ);

2) крупный ущерб — сумма, превышающая 250 тыс. руб. В этой части выдвигаются предложения об изменении законодательной формулировки «крупный размер» в действующей редакции ч. 3 ст. 160 УК РФ на квалифицирующий признак «крупный ущерб». Предложение обусловлено необходимостью унификации законодательной техники с уже доктринально устоявшимся обязательным признаком хищения, выраженного именно в причинении имущественного ущерба, а не связанного с размером похищенного имущества.

Подобная позиция выработана судебной практикой, в решениях которой указывается на причиненный материальный ущерб, в частности, «в результате преступления причинен имущественный ущерб в размере 350 тыс. руб.» (*приговор Октябрьского районного суда г. Архангельска от 2 октября 2020 г. по делу № 1-172/2020*), «своими действиями причинила материальный ущерб на общую сумму 788 тыс. руб.» (*приговор Томпонского районного суда Республики Саха (Якутия) от 30 декабря 2021 г. по делу № 1-VY-41/2021*).

Особо крупный ущерб — сумма, превышающая один миллион рублей. Указанный особо квалифицирующий признак предлагается внести в ч. 4 ст. 160 УК РФ. Как показывает анализ судебной практики, ущерб от совершения указанных преступлений достигает десятков миллионов рублей. В частности, «ущерб составляет 72 млн руб.» (*апелляционное постановление Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 25 сентября 2020 г. по делу № 22К-797/2020*), «ущерб, причинный ООО «Регион» в сумме 34 млн руб., является особо крупным» (*приговор Бийского городского суда Алтайского края от 21 марта 2022 г. по делу № 1-12/2022*).

Следующий аспект совершенствования законодательства связан с необходимостью отражения в уголовном законе признака — наступление тяжких последствий в результате совершения присвоения или растраты. Внесение предложений о включении в уго-

ловное законодательство указанного признака обусловлено тем обстоятельством, что зачастую в качестве особых последствий при присвоении или растрате нередко выступают остановка технологических процессов на предприятии, банкротство, невыплата заработной платы в установленный срок, забастовки, объявление голодовки и прочее. Таким образом, под термином «тяжкие последствия» следует понимать вышеуказанные последствия и иные обстоятельства, находящиеся в причинной связи с совершением присвоения или растраты. Указанный особо квалифицирующий признак предлагается внести в ч. 4 ст. 160 УК РФ.

Рассмотренные предложения находятся в непосредственной корреляции с судебной практикой. Так, в настоящее время органами предварительного следствия и судом по совокупности преступлений квалифицируются действия, связанные с присвоением или растратой и невыплатой заработной платы (ч. 2 ст. 145.1, ч. 4 ст. 160 УК РФ) (*приговор Пушкинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 6 июля 2020 г. по делу № 1-4/2020*), «повлекшие причинение Банку ущерба в особо крупном размере и его неспособность удовлетворить требования кредиторов в полном объеме» (*приговор Тверского районного суда г. Москвы от 5 марта 2019 г. по делу № 01-0003/2019*).

Кроме того, следует рассмотреть вопрос, связанный с отсутствием единообразной практики установления малозначительности деяния при квалификации присвоения или растраты. О. В. Никоноровой проведен подробный анализ свыше 60 судебных решений, в результате чего она пришла к выводу, что совершение указанной формы хищения, при наличии квалифицирующих признаков, не является препятствием для признания деяния малозначительным [12, с. 226]. В качестве основного аргумента судами признается отсутствие причиненного материального ущерба на момент рассмотрения уголовного дела, при этом имущественный ущерб по уголовным делам достигал свыше 100 тыс. руб.

Вместе с тем, в отдельных судебных решениях указана прямо противоположная точка зрения, в частности, «уголовный закон предусматривает повышенные меры уголовной ответственности за совершение преступлений при квалифицирующих обстоятельствах, поэтому хищение чужого имущества путем присвоения и растраты, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, независимо от величины похищенного имущества, является преступлением, поскольку в данном случае критерии разграничения преступления и правонарушения вы-

ражаются не в стоимости похищенного, а в способе изъятия имущества и субъекте» (*апелляционное определение Новгородского областного суда от 15 февраля 2017 г. по делу № 22-203/2017, апелляционное определение Орловского областного суда от 15 марта 2017 г. по делу № 22-336/2017*). Выработанная в данном векторе судебная практика, на наш взгляд, является наиболее приемлемой в современных реалиях, поскольку в полной мере отвечает принципам законности, справедливости и неотвратимости наказания.

В научных кругах также высказывается точка зрения о необходимости дифференцировать ответственность за присвоение и растрату в разных частях ст. 160 УК РФ. Так, по мнению О. В. Белокурова, с точки зрения законодательной техники и правоприменительной практики, расположение присвоения и растраты в одной диспозиции в качестве альтернативных составов с одной санкцией нивелирует их самостоятельность, не проводя каких-либо различий между указанными формами хищений. В связи с этим автор предлагает ответственность за присвоение закрепить в диспозиции ч. 1 ст. 160 УК РФ, а за растрату — в диспозиции ч. 2 ст. 160 УК РФ с чуть более строгой санкцией, следовательно, возникла бы острая необходимость у практических работников ограничивать присвоение от растраты [5].

С указанной позицией О. В. Белокурова, на наш взгляд, следует согласиться, с некоторыми уточнениями. Мысль автора является обоснованной в части выделения присвоения и растраты в нескольких частях ст. 160 УК РФ. Однако, не совсем обоснованно утверждение о том, почему в ч. 1 необходимо указать присвоение, а в ч. 2 указанной статьи растрату с более строгим размером санкции. В этой части необходимо дальнейшее научное исследование, поскольку в настоящее время отсутствуют достоверные данные о том, что растрата является наиболее общественно опасным, распространенным и типичным деянием по сравнению с присвоением, и наоборот, соответственно.

Таким образом, проанализировав трудности применения уголовно-паровой нормы, устанавливающей ответственность за присвоение или растрату, нами сформулированы выводы и предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

Во-первых, несмотря на то, что в научных кругах высказываются разные точки зрения, на наш взгляд, присвоение или растрата выступают в качестве самостоятельной формы хищения, которая обладает своими специфическими особенностями, не присущими иным видам преступлений против собственности.

Во-вторых, стоит признать, что действующая редакция ст. 160 УК РФ является несовершенной, предлагаемые авторские позиции по изменению данной уголовно-правовой нормы могут быть взяты за основу только при наличии дополнительного, более углубленного исследования при изучении вопросов совершенствования уголовного законодательства об ответственности за присвоение или растрату, поскольку имеются правовые пробелы, требующие научного обоснования.

Список источников

1. Архипов А. В. Законодательство об уголовной ответственности за хищения в России: проблемы правоприменения и концептуальные основы реформирования. М. : Юрлитинформ, 2022.
2. Бакрадзе А. А. Присвоение и растрата — преступления, подрывающие оказанное доверие. М., 2007.
3. Бакрадзе А. А. Присвоение и растрата как формы хищения в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
4. Белокуров О. В. Присвоение или растрата — не форма хищения // Следователь. 2002. № 11. С. 2–4.
5. Белокуров О. В. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российский судья. 2008. № 11. С. 18–22.
6. Бобылева И. О. Совершенствование законодательной конструкции ст. 160 УК РФ // NovaInfo.Ru. 2017. Т. 2. № 67. С. 207–211.
7. Верина Г. В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: дисс. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003.
8. Ермакова О. В. Присвоение или растрата: вопросы квалификации и проблемы толкования // Актуальные проблемы современности. 2017. № 4(18). С. 56–60.
9. Килепо С. М. Проблема вверенного имущества в уголовном праве // Молодой ученый. 2018. № 38(224). С. 121–123.
10. Лопатина С. А. Проблемы дифференциации ответственности за присвоение и растрату // Молодой ученый. 2020. № 41(331). С. 112–115.
11. Мирончик А. С. Преступные уничтожение или повреждение чужого имущества: обоснованность криминализации, оптимизация законодательного описания, квалификация: дисс. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2009.

12. Никонорова Ю. В. Присвоение и растрата как малозначительное деяние: аналитический обзор судебной практики // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 1. С. 224–228.

13. Парамонов К. С. Спорные вопросы квалификации присвоения и растраты // Академическая публицистика. 2022. № 1-2. С. 202–207.

14. Юдина У. С. Дифференциация уголовной ответственности за уничтожение или повреждение чужого имущества: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2022.

References

1. Arkhipov A. V. Legislation on criminal liability for embezzlement in Russia: problems of law enforcement and conceptual foundations of reform. M. : Yurlitinform, 2022.

2. Bakradze A. A. Embezzlement and embezzlement — crimes that undermine trust. M., 2007.

3. Bakradze A. A. Embezzlement and embezzlement as forms of embezzlement in the criminal law of Russia: diss. ... candidate of legal sciences. M., 2004.

4. Belokurov O. V. Appropriation or embezzlement is not a form of theft // Investigator. 2002. No. 11. P. 2–4.

5. Belokurov O. V. Commentary on the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 27, 2007 No. 51 «On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement» // Russian Judge. 2008. No. 11. P. 18–22.

6. Bobyleva I. O. Improvement of the legislative structure of Article 160 of the Criminal Code of the Russian Federation // NovaInfo.Ru. 2017. Vol. 2. No. 67. P. 207–211.

7. Verina G. V. Differentiation of criminal liability for crimes against property: problems of theory and practice: diss. ... doctor of legal sciences. Saratov, 2003.

8. Ermakova O. V. Appropriation or embezzlement: qualification issues and problems of interpretation // Current problems of our time. 2017. № 4(18). P. 56–60.

9. Kilepo S. M. Problem of entrusted property in criminal law // Young scientist. 2018. № 38(224). P. 121–123.

10. Lopatina S. A. Problems of differentiation of responsibility for appropriation and embezzlement // Young Scientist. 2020. № 41(331). P. 112–115.

11. Mironchik A. S. Criminal destruction or damage to other people's property: the validity of criminalization, optimization of legislative description, qualification: diss. ... candidate of legal sciences. Krasnoyarsk, 2009.

12. Nikonorova Yu. V. Embezzlement and embezzlement as a minor act: an analytical review of judicial practice // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1. P. 224–228.

13. Paramonov K. S. Controversial issues of qualification of appropriation and embezzlement // Academic journalism. 2022. No. 1–2. P. 202–207.

14. Yudina U. S. Differentiation of criminal liability for the destruction or damage of other people's property: diss. ... candidate of legal sciences. M., 2022.

Информация об авторах

Р. Б. Осокин — профессор кафедры уголовного права, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор кафедры «Безопасность в цифровом мире» Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана, доктор юридических наук, профессор;

В. С. Ковригин — старший преподаватель-методист факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

R. B. Osokin — Professor of the Department of Criminal Law, Head of the Faculty of Training Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Professor of the Department of «Security in the Digital World» of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Doctor of Legal Sciences, Professor;

V. S. Kovrigin — Senior Lecturer-Methodologist of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.08.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 13.12.2024. The article was submitted 27.08.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-124-128>

EDN: <https://elibrary.ru/hjghhq>

НИОН: 2003-0059-1/25-235

MOSURED: 77/27-003-2025-01-434

Основные направления совершенствования законодательства в сфере оказания туристских услуг

Галина Алексеевна Прокопович^{1,2}

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, galina-prokopovich@yandex.ru

² Московский психолого-социальный университет, Москва, Россия

Аннотация. Исследуются проблемы оказания туристских услуг, вставшие на пути интенсивного развития отрасли гостеприимства. Защита прав туристов входит в спектр приоритетных для государства задач и совершенствование законодательной базы будет способствовать созданию условий для формирования и продвижения качественного и конкурентоспособного туристского продукта на внутреннем и международном туристских рынках, усилению социальной роли туризма и обеспечению доступности туристских услуг, отдыха и оздоровления для граждан Российской Федерации. Важнейшие пути совершенствования индустрии гостеприимства рассматриваются с точки зрения введения инноваций, вносятся предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: индустрии гостеприимства, туризм, туристский бизнес, туроператор

Для цитирования: Прокопович Г. А. Основные направления совершенствования законодательства в сфере оказания туристских услуг // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 124–128. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-124-128>. EDN: HJGHHQ.

Original article

Main directions of improvement of legislation in the sphere of tourism services provision

Galina A. Prokopovich^{1,2}

¹ Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia, galina-prokopovich@yandex.ru

² Moscow Psychological and Social University, Moscow, Russia

Abstract. The problems of tourist services provision that stand in the way of intensive development of the hospitality industry are studied. Protection of tourists' rights is included in the range of priority tasks for the state and improvement of the legislative framework will contribute to the creation of conditions for the formation and promotion of quality and competitive tourist products in domestic and international tourism markets, strengthening the social role of tourism and ensuring the availability of tourist services, recreation and health improvement for citizens of the Russian Federation. The most important ways to improve the hospitality industry are considered from the point of view of introducing innovations, and proposals are made to improve the current legislation.

Keywords: hospitality industry, tourism, tourism business, tour operator

For citation: Prokopovich G. A. Main directions of improvement of legislation in the sphere of tourism services provision. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):124–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-124-128>. EDN: HJGHHQ.

В последние годы индустрия туризма придерживается политики интенсивного развития. Это связано, в том числе, и с тем, что правительство стало проявлять больший интерес к этой сфере услуг. Ярким примером такого внимания является разработка Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 г., которая направлена на комплекс-

ное развитие внутреннего и въездного туризма в РФ за счет создания условий для формирования и продвижения качественного и конкурентоспособного туристского продукта на внутреннем и международном туристских рынках, усиление социальной роли туризма и обеспечение доступности туристских услуг, отдыха и оздоровления для граждан РФ [5].

© Прокопович Г. А., 2025

Право на туризм гарантируется Конституцией Российской Федерации. Так, в ст. 27 предусмотрено право на свободное передвижение для каждого гражданина, а в ст. 37 — право каждого на отдых. При этом защита и покровительство граждан осуществляются и за пределами Российской Федерации, что в реалиях современной жизни достаточно актуально [6].

Защита прав туристов входит в спектр приоритетных для государства задач. Однако, решение данной задачи осуществить в полной мере пока невозможно, что подтверждает правоприменительная практика последних лет, а также события на туристическом рынке [1]. Нарушения прав туристов стали нормой работы многочисленных на сегодняшний день туристических компаний. Ежегодно тысячи российских граждан подают на них в суд, требуя справедливости и компенсации как материального, так и морального вреда. Таким образом, можно сделать вывод о том, что на данный момент законодательство по защите прав потребителей в сфере туристских услуг не полностью способно предоставить потребителю — туристу работающую систему способов защиты его прав [2].

Как верно отмечает Л. И. Саченок: «Россия располагает огромным потенциалом для развития внутреннего и въездного туризма. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2025 г. ставит максимальное воплощение данных видов туристской деятельности приоритетной задачей. Развитие туризма является также стимулом для таких отраслей экономики, как торговля, строительство, сельское хозяйство, коммунальное хозяйство, транспорт, связь. Туризм, как таковой, содействует укреплению физического и духовного здоровья граждан, обогащению знаний об окружающем мире, помогает понять и принять чужую культуру, традиции, обычаи» [4].

Если рассматривать туризм в таком ракурсе, то туристский бизнес необходимо планировать, применяя правила устойчивого развития и опыт мирового туризма, использовать долгосрочное инвестирование и способствовать положительной атмосфере в этой сфере деятельности, разрабатывать новые тенденции развития, обучать высококвалифицированных специалистов в необходимом количестве и рекламировать отечественный туристский продукт внутри и за пределами Российской Федерации.

Важнейшие пути совершенствования индустрии гостеприимства необходимо рассматривать с точки зрения введения инноваций:

- ◆ формирования новых продуктов, создания новых предприятий, которые уникальны по эстетике и архитектуре;
- ◆ оформления и предложения новых дополнительных услуг;
- ◆ внедрения сетевых гостиниц;
- ◆ применения информационных технологий;
- ◆ предоставления квалифицированных специалистов.

Главные направления развития нормативно-правового регулирования в туристской сфере допускают разработку правовых актов, которые касаются всех секторов совершенствования туристской индустрии. Сюда входят вопросы развития федерального и регионального законодательства, стимулирование инвестиционной деятельности, рост качества туристских услуг и государственной поддержки внутреннего туризма. Огромную значимость для становления и развития туристской деятельности приобрели международные акты и соглашения между правительствами разных стран. Всеобщая декларация прав человека, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., объявила право каждого гражданина на отдых и свободное время [7]. Манильская декларация 1980 г. установила права на отдых, свободу путешествий и туризм важнейшим элементом развития гармоничной человеческой личности [8]. Гаагская декларация 1989 г. декларировала десять основных принципов туристской деятельности [9]. Да, Россия вынуждена была выйти из многих международных соглашений, но Президент РФ В. В. Путин в ходе заседания президентского Совета по правам человека об этой ситуации сказал следующее: «Как вы знаете, Россия вышла из состава ряда международных правозащитных организаций, однако это не означает, что мы отказываемся от принципов, заложенных в декларации. Напротив, готовы сотрудничать со всеми заинтересованными странами и партнерами, находить решения для формирования эффективной, справедливой, равной для всех системы прав человека» [10].

В настоящее время в качестве приоритетных задач политики отечественного государства в туристской сфере можно с уверенностью назвать совершенствование законодательной базы, отвечающей нормам, признанным мировым сообществом, а также современным условиям. Несовершенство правовой базы в сфере туризма показало потребность в

принятии новых законодательных актов в этой области.

Определим общие направления совершенствования действующего российского законодательства в сфере туризма:

1) в первую очередь, нуждаются в преодолении причины, которые препятствуют развитию туристической отрасли в России и тормозят ее развитие [3];

2) кроме того, имеется необходимость в пересмотре действующей в настоящее время законодательной базы, которая регулирует сферу туризма. Наиболее эффективной в данном случае является, по нашему мнению, разработка проекта нормативных правовых актов нового поколения, главенствующим из которых будет являться новый Федеральный закон «О туризме»;

3) одним из направлений совершенствования можно отметить оказание всесторонней поддержки въездному туризму. Более того, представляется необходимым введение производного от указанного механизма — механизма туристской ренты;

4) к числу нововведений можно отнести создание академического подразделения, в полномочия которого будут входить обязанности по занятию наукой о туризме;

5) также представляется необходимым ввести стандарт доступности потребительского комплекса «спорт – отдых – туризм» и в целом способствовать развитию данного комплекса.

Стоит особо отметить, что сфера туризма в настоящее время регулируется нормами Федерального закона от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [11], который нуждается в реформировании.

Представляется, что для того, чтобы вносить какие-либо изменения в законодательство, регулирующее сферу туризма, законодателю следует обязательно согласовывать все планируемые изменения с рядом органов и организаций, которые относятся к смежным с туризмом отраслям, например: с органами государственного управления, с представителями страхования, с представителями органов культуры и науки, представителями сферы безопасности.

Кроме того, изменения туристской деятельности должны быть обязательно согласованы с деятельностью различных религиозных конфессий, а также со многими региональными и локальными нормативно-правовыми актами. Помимо этого, законода-

тель обязан объединять усилия различных государственных органов не только исполнительной, но и законодательной власти, в том числе необходимо согласованное действие Академии наук в сфере развития научно-популярного туризма.

Представляется, что принятие нового законодательства в сфере туризма будет способствовать достижению многих целей экономического и социального характера. По этой причине новый пакет законодательных актов, по нашему мнению, должен предусматривать, что туристская сфера будет развиваться в двух направлениях (каждое из которых является важным): как бизнес-сфера или предпринимательская сфера — первое направление и как сфера культурной и социальной жизни граждан — второе направление.

Представляется целесообразным внесение следующих основных изменений, с целью сделать правовое регулирование сферы туризма наиболее эффективным:

♦ во-первых, особое внимание в новом законе «О туризме» необходимо уделять вопросу разграничения ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение взятых на себя обязательств перед туристом со стороны турагента или туроператора;

♦ во-вторых, нуждается в строгом юридическом оформлении правовое положение туристических агентств. Некоторыми авторами высказывается мнение, что наиболее целесообразным является возвращение лицензирования их деятельности. Автор настоящего исследования поддерживает данную позицию. Представляется наиболее эффективным введение отдельного реестра турагентств — Единый федеральный реестр туристических агентств, что будет влиять на облегчение работы туроператоров при создании ими своих агентских сетей. Что касается туристов, то введение подобного реестра будет положительным и для них, поскольку в их распоряжении будет действенный и эффективный инструмент, позволяющий каждому желающему лицу получить сведения о надежности и финансовой состоятельности того или иного турагента. Представляется логичным указывать также в таких реестрах и реальные отзывы, касающиеся работы того или иного туристического оператора или качества обслуживания;

♦ в-третьих, по нашему мнению, следует закрепить на законодательном уровне отношения, которые возникают между туроператором и турагентом.

В настоящее время актуальной проблемой остаются проблемы защищенности туристов. Финансовые гарантии для турагентов не позволяют решить эту проблему в полной мере. Представляется, что введение банковских гарантий, наоборот, будет способствовать тому, что средние и малые предприятия, оказывающие туристские услуги, будут признаны несостоятельными, однако на безопасность и защищенность туристов это не повлияет.

По этой причине представляется необходимым в положениях нового закона «О туризме» наиболее полным образом конкретизировать полномочия турагентов и туроператоров, в частности, их конкретные права, обязанности и уровень ответственности перед туристами и другими заказчиками. Помимо четкого закрепления круга полномочий, необходимым является и определение конкретного вида договора, который между собой заключают туроператор и турагент;

♦ в-четвертых, действующий в настоящее время Закон № 132-ФЗ можно дополнить новой статьей, которая будет закреплять конкретный перечень или список документов, которые турист должен получить от турагента при заключении соответствующего договора. Данная мера также будет способствовать в определенной мере безопасности туристов;

♦ в-пятых, кроме указанных изменений представляется разумным урегулировать на законодательном уровне новые формы обслуживания туристов. Для этого следует обновить ряд положений Правил и ГОСТов, регулирующих анализируемую сферу, а также внести ряд изменений в действующее отраслевое законодательство;

♦ в-шестых, поскольку сфера туризма в настоящее время активно развивается в глобальной сети Интернет посредством продажи туристских путевок через интернет-сайты и социальные сети, представляется необходимым урегулировать вопрос, связанный с электронными деньгами и электронно-цифровой подписью, позволяющий обезопасить покупки в интернет-пространстве, поскольку именно в этих сферах, как показывает практика, имеются некоторые правовые проблемы. В том случае, если на законодательном уровне, посредством принятия новых положений закона или использования эффективных банковских инструментов, удастся добиться безопасности проведения финансовых электронных платежей, то туристы, являющиеся заказчиками конкрет-

ных услуг, будут осуществлять гораздо больше покупок в сети Интернет, не боясь расплачиваться картами. Помимо этого, исчезнет правовая неопределенность этого вопроса, поскольку человек будет понимать, какой статьей и каким законодательным актом регулируется эта сфера и иметь конкретный алгоритм действий в том случае, если его права будут нарушены.

Итак, мы предложили конкретные изменения действующего в настоящее время законодательства в сфере туризма. Представляется, что подобные направления совершенствования позволят вывести сферу правового регулирования туризма на принципиально новый уровень, туристы окажутся под надежной правовой охраной и защитой, а все основные виды туризма будут активно развиваться на территории российского государства.

В заключение отметим, что автору этой статьи и большинству наших граждан не безразлична сфера туризма и все мы сталкивались с проблемами данной индустрии в той или иной мере. Да, она будет еще долго совершенствоваться, поскольку надо реконструировать старые объекты, строить перспективные новые, подготавливать новые кадры и пр. Подвижки уже есть, в том числе и в законодательстве.

Список источников

1. Прокопович Г. А. Правонарушения в частном праве: субъект и субъективная сторона // Гражданское право. 2007. № 2. С. 2–5.
2. Прокопович Г. А. Дискреционное правоприменение (теоретический аспект) // Российский судья. 2016. № 2. С. 7–11.
3. Прокопович Г. А., Артемьев А. Б. Коррупция и меры ее ограничения: теоретико-правовое исследование. М., 2017.
4. Саченок Л. И. Проблемные аспекты правового регулирования туристической деятельности: направления их решения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. № 4. С. 438.
5. Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р (ред. от 7 февраля 2022 г.) «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 39. Ст. 5460.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм.,

одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // URL: <http://pravo.gov.ru>

7. «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1998. 10 дек.

8. Манильская декларация 1980 г. (принята Всемирной конференцией по туризму, проходившей в Маниле (Филиппины) с 27 сентября по 10 октября 1980 г. // URL: <https://intacadem.ru/mezhdunarodnye-dokumenty/maniljskaya-deklaratsiya-po-mirovomu-turizmu-manila-10-oktyabrya-1980-g.html>

9. Гаагская декларация межпарламентской конференции по туризму 1989 г. (вместе с «Конкретными выводами и рекомендациями») (Принята в г. Гааге 10 апреля 1989 г. – 14 апреля 1989 г.) // Информационный бюллетень. Межпарламентская ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2000. № 25. С. 213–239.

10. Путин заявил, что РФ не отказывается от принципов Всеобщей декларации прав человека // URL: <https://www.interfax.ru/russia/934624>

11. Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ (ред. от 22 июня 2024 г.) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. 2024. 25 июня.

References

1. Prokopovich G. A. Offenses in private law: the subject and the subjective side // Civil law. 2007. No. 2. P. 2–5.
2. Prokopovich G. A. Discretionary law enforcement (theoretical aspect) // Russian judge. 2016. No. 2. P. 7–11.
3. Prokopovich G. A., Artemyev A. B. Corruption and measures to limit it: theoretical and legal research. M., 2017.
4. Sachenok L. I. Problematic aspects of legal regulation of tourism activities: directions for their solution //

Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2020. No. 4. P. 438.

5. Decree of the Government of the Russian Federation dated September 20, 2019 No. 2129-r (as amended on February 7, 2022) «On approval of the Strategy for the Development of Tourism in the Russian Federation for the period up to 2035» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 39. Art. 5460.

6. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020) // URL: <http://pravo.gov.ru>

7. The Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948) // Rossiyskaya Gazeta. 1998. 10 Dec.

8. Manila Declaration of 1980 (adopted by the World Tourism Conference, held in Manila (Philippines) from September 27 to October 10, 1980 // URL: <https://intacadem.ru/mezhdunarodnye-dokumenty/maniljskaya-deklaratsiya-po-mirovomu-turizmu-manila-10-oktyabrya-1980-g.html>

9. The Hague Declaration of the Interparliamentary Conference on Tourism of 1989 (together with «Specific conclusions and recommendations») (Adopted in The Hague on April 10, 1989 – April 14, 1989) // Information Bulletin. The Interparliamentary Assembly of the Member States of the Commonwealth of Independent States. 2000. No. 25. P. 213–239.

10. Putin said that the Russian Federation does not abandon the principles of the Universal Declaration of Human Rights // URL: <https://www.interfax.ru/russia/934624>

11. Federal Law No. 132-FZ of November 24, 1996 (as amended on June 22, 2024) «On the Basics of Tourism Activities in the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2024. June 25.

Информация об авторе

Г. А. Прокопович — профессор кафедры теории и истории государства и права имени Г.В. Мальцева Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Московского психолого-социального университета, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

G. A. Prokopovich — Professor of the Department of Theory and History of State and Law named after G.V. Maltsev of the Institute of Law and National Security of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Moscow Psychological and Social University, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.10.2024; одобрена после рецензирования 16.12.2024; принята к публикации 25.01.2025. The article was submitted 17.10.2024; approved after reviewing 16.12.2024; accepted for publication 25.01.2025.

Научная статья

УДК 34.3

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-129-133>

EDN: <https://elibrary.ru/gnmjcx>

ИПОН: 2003-0059-1/25-236

MOSURED: 77/27-003-2025-01-435

Алгоритм действий следователя на стадии возбуждения уголовного дела при расследовании вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет

Сергей Владимирович Расторопов¹, Марина Владимировна Соколова²

¹ Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия, rastoropov_sv@mail.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, arev_8989@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы, возникающие в деятельности следователя на стадии возбуждения уголовного дела при расследовании вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, которые требуют комплексного подхода, включающего не только правовые меры, но и профилактическую работу с семьей и обществом. Особое внимание уделяется установлению факта использования информационно-телекоммуникационной сети для осуществления преступной деятельности, включающей анализ переписки, аккаунтов в социальных сетях и других интернет-ресурсов, где могла происходить коммуникация с несовершеннолетним. Рассматривается использование специальных методов расследования, связанных с защитой прав несовершеннолетнего и минимизацией возможного вреда для него, так как важное значение при расследовании указанной категории преступлений имеет возраст и психоэмоциональное состояние несовершеннолетнего, а также воздействие, оказанное на него сторонними лицами.

Ключевые слова: несовершеннолетний, вовлечение в совершение преступления, следователь, расследование, информационно-телекоммуникационная сеть Интернет.

Для цитирования: Расторопов С. В., Соколова М. В. Алгоритм действий следователя на стадии возбуждения уголовного дела при расследовании вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 129–133. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-129-133>. EDN: GNMJCX.

Original article

The algorithm of actions of the investigator at the stage of initiation of criminal proceedings in the investigation of the involvement of a minor in the commission of a crime using the information and telecommunication network Internet

Sergey V. Rastoropov¹, Marina V. Sokolova²

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, rastoropov_sv@mail.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, arev_8989@mail.ru

Abstract. The problems are considered that arise in the activities of an investigator at the stage of initiating a criminal case when investigating the involvement of a minor in criminal activities using the Internet information and telecommunications network, which require an integrated approach that includes not only legal measures, but also preventive work with family and society. Special attention is paid to establishing the fact of using the information and telecommunications network to carry out criminal activities, including the analysis of correspondence, accounts on social networks and other Internet resources where communication with a minor could take place. The use of special investigative methods related to the protection of the rights of a minor and minimizing possible harm to him is being considered, since the age and psycho-emotional state of the minor, as well as the impact exerted on him by third parties, are important in the investigation of this category of crimes.

Keywords: minor, involvement in the commission of a crime, investigator, investigation, information and telecommunication network Internet

For citation: Rastoropov S. V., Sokolova M. V. The algorithm of actions of the investigator at the stage of initiation of criminal proceedings in the investigation of the involvement of a minor in the commission of a crime using the information and telecommunication network Internet. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):129–133. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-129-133>. EDN: GNMJCX.

© Расторопов С. В., Соколова М. В., 2025

В условиях современного общества увеличение использования информационно-телекоммуникационных сетей, в частности Интернета, способствует совершению разнообразных преступлений. Одной из тревожных тенденций является вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность через онлайн-пространство.

На этапе расследования данного преступления необходимо обратить внимание на несколько ключевых аспектов. Во-первых, следует установить каналы коммуникации между преступниками и жертвами, анализируя переписки, социальные сети и специализированные платформы. Во-вторых, важно оценить мотивацию несовершеннолетнего, его психологическое состояние и влияние окружения [2, с. 106]. Так, на фоне роста цифровизации возникает необходимость в активном пресечении попыток манипуляций со стороны взрослых, стремящихся использовать уязвимость детей [9, с. 268].

Кроме того, необходима всесторонняя работа с родителями и образовательными учреждениями для повышения осведомленности о потенциальных угрозах. Важно также взаимодействие с правоохранительными органами и управлением по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий для оперативного реагирования на подобные случаи [3].

Так, в современной практике борьбы с преступностью большое внимание уделяется вопросам вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность через Интернет. На официальном сайте Министерства внутренних дел России имеются материалы, которые раскрывают обеспечение безопасности ребенка при использовании Интернета и социальных сетей, а также методические рекомендации по реализации мер, направленных на обеспечение безопасности детей в сети Интернет [3]. Несмотря на массовую распространенность всех необходимых материалов, для того, чтобы обезопасить родителей и их детей от вовлечения последних в преступную деятельность, волнующей проблемой современного общества остается латентность преступлений, совершаемых несовершеннолетними при содействии взрослых. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2023 г. по ст. 150, 151 УК РФ осуждено 355 человек, а в 2022 г. — 390 человек, в 2021 г. — 444 человека, что примерно на 8–12 % меньше, чем в 2023 г. [4]. Следует отметить, что ука-

занная статистика свидетельствует о том, что показатели по вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений с каждым годом улучшаются, но не стоит забывать, что на это влияет анонимность сети, которая создает благоприятные условия для преступной деятельности. Эти преступления часто остаются незафиксированными, что затрудняет оценку масштабов проблемы и разработку эффективных мер для ее решения.

Возбуждение уголовного дела по таким фактам представляет собой важный шаг в защиту интересов несовершеннолетних. Основанием для возбуждения уголовного дела могут служить сообщения о подозрительных контактах, выявленных специализированными службами, а также обращения родителей и педагогов. Грамотная работа следственных органов подразумевает тщательный анализ собранных доказательств, включая электронные переписки и технические данные.

Так, по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную деятельность заявления чаще всего подаются родителями несовершеннолетнего, которые своевременно смогли выявить факт склонения его к преступлению. С заявителя в обязательном порядке берется объяснение, в ходе которого указываются полные анкетные данные заявителя, обстоятельства известные заявителю о случившемся, где обязательно должно быть отражено, в какой момент и почему заявитель решил, что совершается преступление.

Родители могут узнать о том, что их ребенка склоняют к совершению преступления по резко изменившемуся поведению ребенка, его замкнутости, наличию новых более старших друзей из маргинальных слоев общества. Но наиболее типичной является ситуация, когда родители тайно просматривают социальные сети ребенка через мобильный телефон или компьютер [6, с. 15–16]. Как раз-таки из переписки родители и могут понять, что их ребенка склоняют к совершению преступления. В данной ситуации следует сразу оговориться, что родителям зачастую свойственен чрезмерный ничем не оправданный контроль за своими детьми, и как следствие преувеличение событий. Так, в переписке может быть обнаружено, что несовершеннолетнему предлагали его друзья сверстники совместное распитие спиртных напитков или употребление наркотических веществ. С точки зрения родителя, данный факт, несомненно, будет иметь большое значение, но, с юри-

дической точки зрения, состава преступления он в себе не содержит. Поэтому объяснений одних родителей в материале проверки недостаточно, в этой связи правоохранительным органам необходимо предпринять попытку по изъятию и осмотру сотового телефона, где имеется переписка. Предприимчивые родители могут скопировать переписку своего ребенка через скриншоты, в таком случае необходимо изъять данные скриншоты и распечатать на материальных носителях.

Также следует отметить, что несовершеннолетние, активно ведущие виртуальную жизнь в социальных сетях, выкладывают, много значимой для себя информации на свои страницы в соцсети. Например, в таких социальных сетях как ВКонтакте или Инстаграм (запрещенной на территории РФ), можно на странице пользователя просмотреть, на какие сообщества или паблики подписан несовершеннолетний, какие лица находятся у него преимущественно «в друзьях» или «подписчиках», выкладывал ли несовершеннолетний в последнее время посты, несущие в себя ярко агрессивный окрас (нацистской тематике, воровского или экстремистского характера). Разумеется, всю эту информацию возможно получить только при условии, что аккаунт несовершеннолетнего будет открыт и у всех желающих будет к нему доступ, что бывает не всегда. Так, большинство приверженцев Колумбайн-сообществ перед совершением преступления активно выкладывают посты в социальные сети с анархистскими лозунгами, в которых практически прямо указывают на то, что собираются совершить массовые убийства.

Далее объяснение необходимо получить от самого несовершеннолетнего. Здесь возникает ряд процессуальных трудностей, ввиду неурегулированности статуса несовершеннолетнего до возбуждения уголовного дела, в частности не ясно необходимо ли привлекать при получении объяснения законного представителя и педагога или психолога. Согласно ст. 426 УПК РФ участие законного представителя несовершеннолетнего предусматривается только уже при возбужденном уголовном деле и на основании постановления следователя. При этом, по мнению ряда авторов (В. В. Артемова, Н. В. Уханова, Е. И. Третьякова), сотрудник органа дознания обязан обеспечить участие данных лиц и при получении объяснения, за исключением случаев, нетерпящих отлагательств [8, с. 115; 1, с. 24].

После получения объяснения у несовершеннолетнего необходимо изучить аккаунт лица, которое якобы склоняло несовершеннолетнего к преступлению, понять зарегистрирована ли страница на реального человека или это аккаунт фейковый¹. Сделать это можно по первичному визуальному осмотру аккаунта. Например, на фейковых страницах пользователи не используют личные фотографии, фейковые страницы создаются не на длительное время, поэтому большинство постов, имеющих на странице, выложены в недавний промежуток времени. Фейковые страницы как раз и используют злоумышленники, чтобы склонить подростков к преступной деятельности. Если есть основания, что аккаунт принадлежит реальному физическому лицу, то необходимо предпринять попытки по поиску и установлению данного лица, а также получению объяснения у него. В ходе проверки может сложиться ситуация, что в действительности склонения к преступлению не было, а вся беседа происходила в шуточной форме. Это вполне вероятно в сегодняшних реалиях, особенно если вопрос касается тематики употребления наркотиков, которое в последнее время все больше стало объектом для насмешек со стороны граждан.

Таким образом, при установлении факта склонения к преступлению, выявившегося в ходе заявления о преступлении, необходимо установить, что момент склонения был реален для несовершеннолетнего, что он действительно воспринимал его как способ побудить его к преступлению.

Далее рассмотрим ситуацию, когда информация о склонении несовершеннолетнего к преступлению стала известна уже в рамках возбужденного уголовного дела. Данная ситуация является наиболее типичной для рассматриваемой категории преступлений [10, с. 56–57].

При расследовании любого из преступлений, где в качестве подозреваемого или обвиняемого фигурирует несовершеннолетний в возрасте от 14 до 18 лет, должностное лицо правоохранительного органа должно отрабатывать версию, что причиной преступного поведения несовершеннолетнего являлось поведение взрослого. При расследовании преступле-

¹ Фейк (англ. fake — подделка) — что-либо ложное, недостоверное, сфальсифицированное, выдаваемое за действительное, реальное, достоверное с целью ввести в заблуждение.

ний, связанных с незаконным оборотом наркотиков, где в качестве закладчиков использовались несовершеннолетние, установить факт того, что подросток склонял к преступлению именно взрослый, зачастую не представляется возможным, ввиду анонимности организаторов наркоторговли. Следственная же практика идет по пути того, что еще на стадии рассмотрения сообщения о преступлении, неизвестный следствию преступник признается совершеннолетним, пока не будет доказано обратное.

В результате изучения приговоров судов по ст. 150 УК РФ не было установлено ни одного случая, при котором вовлеченный несовершеннолетний не совершил бы того преступления, в совершение которого он вовлекался [5]. С учетом этого, типичными являются следственные ситуации, когда вовлеченный несовершеннолетний совершил преступление:

- 1) самостоятельно;
- 2) совместно с другими несовершеннолетними;
- 3) совместно с взрослым вовлекателем [7, с. 72].

При рассмотрении типичных следственных ситуаций применительно к вовлечению несовершеннолетнего посредством сети Интернет мы выделили следующие ситуации, характерные первоначальному этапу расследования:

◆ несовершеннолетний вовлечен в деятельность преступной группировки, коммуникация в которой поддерживается через общую беседу в социальной сети или мессенджере;

◆ несовершеннолетний подписан на запрещенные сообщества или паблики, открыто пропагандирующие преступный образ жизни;

◆ несовершеннолетний имеет непосредственный контакт с одним лицом, склоняющим его к совершению определенного преступления;

◆ несовершеннолетний администрирует ресурс, пропагандирующий преступный образ жизни.

Таким образом, на стадии возбуждения уголовного дела рассматриваемой категории преступлений, следователю необходимо не только установить факт состава преступления, но и попытаться собрать первичную информацию по уголовному делу. Вовлечение несовершеннолетнего в преступление посредством сети Интернет всегда оставляет следы в информационном пространстве, при этом получить доступ к данной информации зачастую не представляется возможным в связи с тем, что сегодня очень развита политика «анонимного» Интернета.

Список источников

1. Артемова В. В., Уханова Н. В. К вопросу об обязательности присутствия законного представителя при получении объяснения несовершеннолетнего в ходе проверки сообщения о преступлении // Российский следователь. 2021. № 2. С. 24–28.

2. Иванов Д. А., Потапов В. Д., Иванова О. М. Криминологические аспекты вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 106–111.

3. URL: <https://мвд.рф/>

4. URL: <http://www.cdep.ru/>

5. URL: <http://sudact.ru/>

6. Сокол Ю. В. Организационно-тактические особенности расследования вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012.

7. Сокол Е. В., Сокол Ю. В. Особенности расследования вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий: монограф. М.: Юрлитинформ, 2013.

8. Третьякова Е. И. Особенности возбуждения уголовного дела по преступлениям, совершенным несовершеннолетними // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2017. № 3-2. С. 114–121.

9. Третьякова Е. И., Усенко О. В. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: проблемы расследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 2(109). С. 265–275.

10. Фагманова Э. В., Козлова К. М. Криминологическая характеристика вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления: сб. докл. междунар. науч.-практ. конф. / под ред. И. А. Макаренко. 2017. С. 56–60.

References

1. Artemova V. V., Ukhanova N. V. On the issue of the mandatory presence of a legal representative when receiving an explanation from a minor during the verification of a crime report // A Russian investigator. 2021. No. 2. P. 24–28.

2. Ivanov D. A., Potapov V. D., Ivanova O. M. Criminological aspects of involving a minor in committing a crime // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023 No. 3. P. 106–111.

3. URL: <https://мвд.пф/>

4. URL: <http://www.cdep.ru/>

5. URL: <https://sudact.ru/>

6. Sokol Yu.V. Organizational and tactical features of the investigation of the involvement of a minor in the commission of antisocial actions: abstract diss. ... candidate of legal sciences. Krasnodar, 2012.

7. Sokol E. V., Sokol Yu. V. Features of the investigation of the involvement of a minor in the commission of antisocial acts: monograph. M. : Yurlitinform, 2013.

8. Tretyakova E. I. Features of the initiation of a criminal case for crimes committed by minors // Izves-

tia TulSU. Economic and legal sciences. 2017. No. 3–2. P. 114–121.

9. Tretyakova E. I., Usenko O. V. Involvement of a minor in the commission of a crime: problems of investigation // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (109). P. 265–275.

10. Fagmanova E. V., Kozlova K. M. Criminalistic characteristics of the involvement of minors in the commission of a crime: Collection of reports of the international scientific and practical conference / edited by I. A. Makarenko. 2017. P. 56–60.

Информация об авторах

С. В. Расторопов — руководитель департамента уголовного права, процесса и криминалистики Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, доктор юридических наук, профессор;

М. В. Соколова — доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

S. V. Rastoropov — Head of the Department of Criminal Law, Procedure and Forensics of the National Research University Higher School of Economics, Doctor of Legal Sciences, Professor;

M. V. Sokolova — Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.12.2024; одобрена после рецензирования 14.01.2025; принята к публикации 31.01.2025. The article was submitted 09.12.2024; approved after reviewing 14.01.2025; accepted for publication 31.01.2025.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ

Учеб. пособие
Гриф УМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Козьминых С. И.

Учебное пособие предназначено для изучения методики и технологии организации защиты информации в органах внутренних дел, а также способов ее совершенствования в целях формирования у обучаемых практических навыков работы по организационному обеспечению защиты информации. Рассматриваются концептуальные положения организационного обеспечения информационной безопасности ОВД. Анализируются источники и каналы утечки информации, составляющей государственную тайну. Особое внимание уделено обеспечению комплексной безопасности объектов информатизации органов внутренних дел.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки (специальности) 10.05.05 «Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере».

С.И. Козьминых

ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ

Научная статья

УДК 342.72/.73

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-134-138>

EDN: <https://elibrary.ru/fejyab>

ИПОН: 2003-0059-1/25-237

MOSURED: 77/27-003-2025-01-436

Право частной собственности в контексте развития общества: конституционно-правовой анализ

Марат Вильданович Саудаханов

Российский технологический университет — МИРЭА, Москва, Россия, viento_del_norte@bk.ru

Аннотация. Затронута проблематика конституционного закрепления права частной собственности в качестве одного из естественных прав индивида. Исследуется право собственности человека сквозь призму его правового положения как субъекта правоотношений, обладающего широкой автономией воли. Акцентируется внимание на той социальной значимости, которой обладает стабильность экономических правоотношений, проистекающих из упорядоченности вещных прав и гарантированности государством прав собственников. Автор подчеркивает важную роль свободного рынка и экономического роста для обеспечения благополучия граждан. В исследовании отражается позиция автора в отношении социальной функции собственности и пределов субъективных прав собственника.

Ключевые слова: Конституция, социальная функция собственности, пределы субъективных прав, юридические обязанности, частная собственность, вещные права

Для цитирования: Саудаханов М. В. Право частной собственности в контексте развития общества: конституционно-правовой анализ // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 134–138. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-134-138>. EDN: FEJYAB.

Original article

The right of private property in the context of the development of society: constitutional-legal analysis

Marat V. Saudakhanov

Russian Technological University — MIREA, Moscow, Russia, viento_del_norte@bk.ru

Abstract. The author touches upon the problem of the constitutional consolidation of the right of private property as one of the natural rights of the individual. The article examines the right of ownership of a person through the prism of his legal status as a subject of legal relations with broad autonomy of will. Attention is focused on the social importance of the stability of economic legal relations, resulting from the regularity of property rights and the guarantee by the state of the rights of owners. The author emphasizes the important role of the free market and economic growth to ensure the well-being of citizens. The study reflects the author's position regarding the social function of property and the limits of the subjective rights of the owner.

Keywords: Constitution, social function of property, limits of subjective rights, legal obligations, private property, property rights

For citation: Saudakhanov M. V. The right of private property in the context of the development of society: constitutional-legal analysis. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):134–138. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-134-138>. EDN: FEJYAB.

Актуальность настоящей статьи заключается в том, что капиталистический ренессанс в России, предполагающий свободную реализацию права частной собственности, инициирован относительно недавно и составляет чуть более 30 лет. Подобное в рамках тысячелетней истории российской государственности является лишь малой толикой тех событий, которые пережила наша страна и ее правопорядок. Законом РСФСР от 24 декабря 1990 г. № 443-1 «О собственности в РСФСР» [8] нормативно был реанимирован институт частной собственности, посте-

пенно получивший четкие правовые очертания в рамках конституционно-правового и отраслевого регулирования, а также выработанной практики правоприменения. При этом отечественная юридическая доктрина не осталась в стороне от указанных процессов, ознаменовавших возвращение России к юридическим истокам и свободным рыночным отношениям [7, с. 393–396].

Начиная анализ заявленной проблематики, следует акцентировать внимание на ключевом для экономики вещном праве — праве собственности на

© Саудаханов М. В., 2025

землю. Так, право собственности на землю и свободное распоряжение указанным имуществом закрепляется в Конституции Российской Федерации (ст. 36). Здесь, на наш взгляд, важно то, что указанное субъективное право обусловлено не только его естественностью, но и теми условиями и порядком, который, согласно ч. 3 ст. 36 Конституции, определяется на основании федерального закона. Иными словами, государство гарантирует право частной собственности на землю, владение, пользование и распоряжение которой обозначено нормативными пределами, не ставящими под сомнение неотъемлемость вещных прав как таковых. Кроме того, с точки зрения отечественного конституционно-правового регулирования, государство выступает собственником природных ресурсов, которые разграничены на федеральную и региональную собственность. Последняя обозначает в качестве собственников различные субъекты Российской Федерации, реализуя конституционный принцип федерализма. Тем не менее, в практической плоскости подобная градация вызывает ряд проблем в контексте соотношения федеральной и региональной нормативной базы, а также разграничения земельной собственности, равно как и эффективность управления государственной собственностью в регионах. Здесь также важно и то, что разграничение собственности на землю, согласно ч. 2 ст. 9 Конституции, отсылает к многообразию форм собственности, в том числе имуществу органов местного самоуправления. Последние, как властно-регулятивные субъекты, не являясь государственными органами, выступают в то же время в качестве институтов публичной власти, разрешая насущные проблемы населения, непосредственно контактируя с гражданами и видя их проблемы во всей глубине. Таким образом, в динамике права собственности на землю можно проследить генезис развития права собственности в целом.

История развития государственности и прежде всего западноевропейских стран за последнее столетие демонстрирует то, что разрешение различных проблем, идущих рука об руку с эволюцией общества, основанного на частной собственности, настоятельно требует поиска баланса между субъективным правом и юридическими обязанностями собственника. В рамках настоящей статьи также важно подчеркнуть, что правовая доктрина Западной Европы в целом стоит на позициях естественно-правовых взглядов и предполагает в праве частной собствен-

ности неограниченность правомочий субъекта. И действительно, западный либерализм крайне комплементарен к индивидуализму, который является предтечей осмысления права собственности как юридически абсолютного права.

В свою очередь, затрагивая проблематику ограничения права собственности, следует отметить, что Конституция РФ прямо не содержит положений о социальной функции собственности. Тем не менее, постановление Конституционного Суда РФ, оказав влияние на нормативную базу государства, нуллифицировали указанный пробел в законодательстве. Так, по мнению Н. С. Бондаря, «за годы своей деятельности Конституционный Суд РФ вынес более трети постановлений экономической направленности. Им рассмотрены дела об отношениях собственности, приватизации, банкротства, налогового, таможенного, валютного регулирования и пр.» [1, с. 115]. В сущности, отечественное конституционно-правовое регулирование посредством деятельности органа конституционного контроля определило пределы субъективных прав собственников, канализировав их экономическую свободу в русло достижения общего блага.

Если обратиться к гражданскому праву, то нормативно, согласно ч. 1 ст. 209 Гражданского кодекса Российской Федерации, собственник вправе владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом. Тем не менее, положения гражданского законодательства определяют пределы правомочий собственника, так как он не вправе использовать свое имущество в нарушение правовых предписаний, а также злоупотреблять своим субъективным правом. Иными словами, на отраслевом нормативном уровне право собственности также не является абсолютным и, следовательно, неотъемлемым.

На первый взгляд, подобный нормативный алгоритм обладает амбивалентными характеристиками и входит в противоречие с либеральными экономическими принципами. Однако, именно ограниченность права собственности, его обусловленность социальной функцией обеспечивает стабильность экономических отношений и, что крайне важно, юридическую неприкосновенность права частной собственности, которая тесно связана с государственными гарантиями указанного права и юридическими обязанностями обладателей вещных прав.

Безусловно, подобное не совпадает с западной доктриной понимания частной собственности как

правовой категории и социально-экономического феномена. Так, по мнению Ф. А. фон Хайека, именно неограниченность права частной собственности, ее беспредельность — это гарантия индивида от произвола публичной власти и базис его свободы [6, с. 53–54]. Тем не менее, исходя из юридического смысла субъективного права, можно утверждать, что никаких абсолютных прав у субъекта правоотношений не может быть по определению, так как выступая частью социума его правовой статус ограничен интересами общества. Здесь важно подчеркнуть, что речь не идет о доминировании коллективных интересов над частным, так как в демократическом государстве подобное недопустимо. Напротив, через ограничение права собственности достигается паритет, баланс интересов личности, общества и государства, поскольку нуллификация абсолютности прав собственности касается всех обладателей вещных прав, в том числе и публичных институтов. Именно из указанных ограничений проистекает возможность беспрепятственной реализации субъективного права, которое идет рука об руку с юридическими обязанностями. Другими словами, всякое субъективное право имеет свои пределы, которые, являясь сегментом правового статуса участника правоотношений, отсылают к правовым обременениям [5, с. 83–84].

Собственность, как правовое и социально-экономическое явление, стабилизирует общественные отношения, создает предпосылки к благосостоянию индивида и его независимости от третьих лиц и публичной власти. Именно на этой основе выстраивается структура гражданского общества, без которого немыслима демократия как таковая. Так, по мнению К. И. Скловского, собственность выступает воплощением индивида в вещи, его личностным продолжением в ней [4, с. 129]. Однако, с правовой точки зрения, абсолютизация права собственности представляет собой идеологический рудимент эпохи Великой французской революции конца XVIII столетия.

В современный период можно утверждать, что концепция абсолютного права собственности не оправдала себя ни с правовых, ни с экономических позиций. При этом с появлением социальной государственности, как идеи и цели государственного строительства, социальная функция собственности становится не исключением, а правилом конституционно-правового регулирования демократических государств. Здесь следует сказать, что в имплицитном

формате на ограниченность права собственности указывает принцип публичности вещного права, который был известен еще правопорядку Древнего Рима [3, с. 246]. Кроме того, тенденции развития частной собственности в направлении реализации социальной функции собственности проявляют себя даже в странах «западных демократий», которым так свойственен индивидуализм и свободный от ограничений рынок. Вместе с тем, право частной собственности ограничивает не только социальная функция, но и широкий спектр экологических, экономических, медицинских, культурных и иных целей, которые стоят перед обществом и государством.

В анализе указанной проблематики с концептуальных позиций, на наш взгляд, крайне важна теория социальной роли собственности, которая была сформулирована в трудах Л. Дюги, который видел в реализации правомочий собственников социальную миссию [2, с. 22]. В практике конституционно-правового регулирования указанная концепция впервые получила свое отражение в Конституции Германского Рейха 1919 г. (известной также как Веймарская Конституция), в которой законодатель поставил в один ряд право собственности и обязанность служения общему благу (ст. 153) [9].

Вместе с тем, фиксируя право собственности, отечественный Основной Закон прямо не закрепляет неизбежные обременения указанного права, что видится нам в качестве существенного пробела. Напротив, современные конституции зарубежных государств нередко прямо нормируют ограниченность права собственности. В частности, Основной Закон Германии 1949 г. (ч. 2 ст. 14) [10] зеркально отражает ст. 153 Веймарской Конституции, закрепляя ограничения права собственности в русле обязанностей и служения общему благу. Схожие тенденции имеют место и в действующих конституциях Японии, Италии и других демократических государств.

Российская Федерация — это государство социальное, что и закреплено в ч. 1 ст. 7 отечественного Основного Закона. Следовательно, российский правопорядок должен отказаться от абсолютизации прав собственника, в полной мере признав значение коллективного интереса в экономических связях страны. Вместе с тем, ограничения прав собственника должны быть расположены в русле законности и соответствовать нормам права как в их статике, так и динамике, т. е. материально и процессуально.

Подобное необходимо не только в связи с тем, что, во-первых, нельзя исключать возможность возрождения социалистического подхода к праву собственности. Во-вторых, уважение права собственности — это стержень любого демократического правового порядка.

В заключение необходимо отметить, что государство гарантирует право частной собственности на имущество, владение, пользование и распоряжение которым обозначено нормативными пределами, не ставящими под сомнение неотъемлемость вещных прав как таковых. При этом история развития государственности и, прежде всего, западноевропейских стран за последнее столетие демонстрирует то, что разрешение различных проблем, идущих рука об руку с эволюцией общества, основанного на частной собственности, настоятельно требует поиска баланса между субъективным правом и юридическими обязанностями собственника.

Отечественное конституционно-правовое регулирование посредством деятельности органа конституционного контроля определило пределы субъективных прав собственников, направив их экономическую свободу в русло достижения общего блага. В свою очередь, крайне важно то, что на отраслевом нормативном уровне право собственности также не является абсолютным.

Ограниченность права собственности, его обусловленность социальной функцией, обеспечивает стабильность экономических отношений и юридическую неприкосновенность права частной собственности, которая тесно связана с государственными гарантиями указанного права, а также юридическими обязанностями обладателей вещных прав.

По своей юридической природе никаких абсолютных прав у субъекта правоотношений не может быть по определению, так как, выступая частью социума, его правовой статус ограничен интересами общества. Более того, через ограничение права собственности достигается паритет, баланс интересов личности, общества и государства, поскольку нуллификация абсолютности прав собственности касается всех обладателей вещных прав, в том числе и публичных институтов.

Всякое субъективное право имеет свои пределы, которые, являясь сегментом правового статуса участника правоотношений, отсылают к правовым изменениям. При этом, с правовой точки зрения,

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ

2-е изд., перераб. и доп. Учебник

Гриф НИИ образования и науки

Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»

Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований

Под ред. Г. А. Гаджиева, Б. С. Эбзеева; под общ. ред.

П. А. Кучеренко, Н. М. Чепурновой, Л. Т. Чихладзе

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ

УЧЕБНИК
Второе издание

Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а также изменений, внесенных в законодательство Российской Федерации в связи с конституционной реформой.

Дан комплексный анализ основных конституционно-правовых институтов, раскрыта их правовая природа. Рассматриваются наиболее актуальные современные теоретические разработки конституционно-правовой науки и правоприменительной практики.

Исследованы новые для конституционных норм понятия, проанализировано изменение правового статуса органов публичной власти.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

абсолютизация права собственности представляет собой идеологический рудимент, а концепция абсолютного права собственности не оправдала себя ни с правовых, ни с экономических позиций.

Список источников

1. Бондарь Н. С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М.: Норма, 2021.
2. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М. : Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1908.
3. Регельсбергер Ф. Общее учение о праве / под ред. Ю. С. Гамбаров; пер.: И. А. Базанов. М. : Т-во И. Д. Сытина, 1897.
4. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве: учеб.-практ. пособие. М. : Дело, 1999.
5. Тикк О. К. О понятии «Ограничение гражданских прав» // Труды Института государства и права РАН. 2011. № 2. С. 75–89.
6. Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / пер. с англ. М. : Новости, 1992.
7. Эбзеев Б. С. Конституционное право России: учебник. М. : Проспект, 2019.
8. Закон РСФСР от 24 декабря 1990 г. № 443-1 «О собственности в РСФСР» // URL: <https://normativ.kontur.ru/>
9. Конституция Германской империи (Веймарская) 11 августа 1919 г. // URL: <https://pnu.edu.ru/ru/>
10. Основной Закон Федеративной Республики Германия 23 мая 1949 года // URL: https://pnu.edu.ru/ru/faculties_old/

References

1. Bondar N. S. Economic constitutionalism of Russia: essays on theory and practice. M. : Norm, 2021.
2. Dugi L. Constitutional law. The general theory of the state. M. : Printing house of the I. D. Sytin Partnership, 1908.
3. Regelsberger F. The general doctrine of law / ed. Y. S. Gamarov; trans.: I. A. Bazanov. M. : I. D. Sytina, 1897.
4. Sklovsky K. I. Property in civil law. Educational and practical manual. M. : Delo, 1999.
5. Tikk O. K. On the concept of «Restriction of civil rights» // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2011. No. 2. P. 75–89.
6. Hayek F. A. Pernicious arrogance. Mistakes of socialism / transl. from English. M. : Novosti, 1992.
7. Ebzееv B. S. Constitutional law of Russia: textbook. M. : Prospect, 2019.
8. Law of the RSFSR of 24 December 1990 No. 443-1 «On Property in the RSFSR» // URL: <https://normativ.kontur.ru/>
9. The Constitution of the German Empire (Weimar) 11 August 1919 // URL: <https://pnu.edu.ru/ru/>
10. Basic Law of the Federal Republic of Germany 23 May 1949 // URL: https://pnu.edu.ru/ru/faculties_old/

Информация об авторе

М. В. Саудаханов — доцент кафедры государственного и административного права Российского технологического университета — МИРЭА, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

M. V. Saudakhanov — Associate Professor of the Department of State and Administrative Law of the Russian Technological University — MIREA, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 09.12.2024; одобрена после рецензирования 14.01.2025; принята к публикации 31.01.2025.

The article was submitted 09.12.2024; approved after reviewing 14.01.2025; accepted for publication 31.01.2025.

Научная статья
УДК 347.78.01
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-139-142>
EDN: <https://elibrary.ru/fnikvk>
НИОН: 2003-0059-1/25-238
MOSURED: 77/27-003-2025-01-437

Правовые проблемы оценки форс-мажора в условиях внешнеэкономических ограничений

Светлана Александровна Устимова¹, Екатерина Николаевна Рассказова²

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, 7791sveta@mail.ru

² Российский государственный социальный университет, Москва, Россия, stepanovakatya@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена относительная определенность и прогнозируемость совокупности политических, геополитических и экономических аспектов оценки санкционной динамики и ситуации, которая упрощает решение правовых проблем, трудностей в судебной практике при оценке доводов сторон (ответчика) о невозможности исполнения обязательств ввиду внезапно введенных санкций. В большей степени эти доводы отражают стремление минимизировать свой риск, уйти от ответственности за исполнение обязательств, ссылаясь на действия внешних причин.

За последнее десятилетие антироссийские санкции стали главным инструментом внешней политики коллективного Запада, их введение известно, ожидаемо и прогнозируемо. Для минимизации негативного влияния реализуется политика импортозамещения. В текущих условиях сторона, берущая на себя обязательство, в состоянии и обязана предвидеть любые санкционные риски, а соответственно не может ссылаться на них как на обстоятельство непреодолимой силы, что не отрицает возможность наступления таких обстоятельств, если они не связаны с санкциями.

Ключевые слова: обстоятельства непреодолимой силы, форс-мажор, санкции, экономика России, исполнения обязательства

Для цитирования: Устимова С. А., Рассказова Е. Н. Правовые проблемы оценки форс-мажора в условиях внешнеэкономических ограничений // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 139–142. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-139-142>. EDN: FNIKVK.

Original article

Legal problems of force majeure assessment under conditions of foreign economic restrictions

Svetlana A. Ustimova¹, Ekaterina N. Rasskazova²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, 7791sveta@mail.ru

² Russian State Social University, Moscow, Russia, stepanovakatya@yandex.ru

Abstract. The relative certainty and predictability of the totality of political, geopolitical and economic aspects of the assessment of the sanctions dynamics and situation, which simplifies the solution of legal problems, difficulties in judicial practice in assessing the arguments of the parties (defendant) about the impossibility of fulfillment of obligations due to the suddenly imposed sanctions. To a greater extent, these arguments reflect the desire to minimize their risk, to avoid responsibility for the performance of obligations, referring to the actions of external causes.

Over the past decade, anti-Russian sanctions have become the main instrument of foreign policy of the collective West, their introduction is known, expected and predictable. To minimize the negative impact, the policy of import substitution is being implemented. Under current conditions, the party assuming the obligation is able and obliged to foresee any sanctions risks, and accordingly cannot refer to them as a force majeure circumstance, which does not deny the possibility of such circumstances occurring if they are not related to sanctions.

Keywords: force majeure, sanctions, Russian economy, fulfillment of obligations

For citation: Ustimova S. A., Rasskazova E. N. Legal problems of force majeure assessment under conditions of foreign economic restrictions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):139–142. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-139-142>. EDN: FNIKVK.

К началу 2020-х гг. в российском гражданском международным правилам освобождения сторон праве относительно устоялось понятие и трактовка сделок от ответственности при неожиданном и непредсказуемом наступлении обстоятельств «непреодолимой силы (форс-мажора)». В основном оно соответствовало действующим обстоятельствам непреодолимой силы (форс-мажора). В основном оно соответствовало действующим правилам освобождения сторон от ответственности при неожиданном и непредсказуемом наступлении обстоятельств «непреодолимой силы».

© Устимова С. А., Рассказова Е. Н., 2025

В частности, в соответствии с порядком УНИДРУА, обосновывая освобождение себя от ответственности, сторона доказывает наличие (наступление) непреодолимого (неконтролируемого стороной) препятствия, которое она не могла прогнозировать, предвидеть или заранее принять меры к недопущению. Таким образом, при заключении договора сторона действовала добросовестно и от исполнения не уклонялась [1].

Отечественный законодатель принял во внимание Конвенцию ООН о договорах международной купли-продажи товаров от 11 апреля 1980 г. с аналогичными положениями. Здесь сторона также не могла отвечать за неисполнение или просрочку обязательств аргументированной ссылкой на обстоятельства, возникшие вследствие непреодолимой, не контролируемой стороной силы. В Конвенции также есть указание на то, что такое препятствие сторона не была способна разумно прогнозировать и, соответственно, предусмотреть в договоре [2].

В российском гражданском законодательстве последствия воздействия «непреодолимой силы» содержатся в п. 3 ст. 401 ГК РФ, где, так же, как и в международных документах, закреплена обязанность предпринимателя, не исполнившего или просрочившего обязательство, доказать объективную невозможность надлежащего исполнения со ссылкой на неожиданное и не прогнозируемое воздействие непреодолимой силы.

Неизбежно возникает вопрос о содержании упоминаемых понятий: «непреодолимая сила» и «форс-мажор», которые остаются предметом дискуссии. Ее усиление относится к 2014–2015 гг. в связи с санкциями, а резкая активизация — к весне 2022 г. в связи с эскалацией санкций. В основном в научной юридической литературе обсуждается правомерность отнесения определенного явления (чаще всего — санкций) к числу обстоятельств непреодолимой силы [3; 4].

Летом 2018 г., в условиях «умеренных» санкций, Верховный суд РФ в определении от 20 августа 2018 г. № 307-ЭС18-11373 отнес санкции, повлиявшие на выполнение обязательств, к непреодолимым обстоятельствам. Впоследствии позиции судов стали меняться в сторону отказа от такого признания, что имело следствием, в том числе и активизацию обсуждения проблемы в научной литературе. Это также связано и с тем, что с момента введения, а особенно — усиления санкций в 2022–2023 гг., форс-мажор стал «удобным» и «оправдывающим» основанием неисполне-

ния обязательств для не вполне добросовестных или некомпетентных участников рынка.

А. С. Остащенко обосновано указывает на то, что прежде «непреодолимая сила» рассматривалась как «событие», тогда как сейчас — это, прежде всего, «обстоятельство» [5], как указано п. 3 ст. 401 ГК РФ. Это дает возможность считать непреодолимой силой и юридические факты. Сегодня в центре внимания и обсуждения — санкции и военные действия, как ранее была пандемия. В ГК РФ нет закрытого списка фактов — оснований освобождения стороны от ответственности. Так, СВО, как отмечает Е. В. Шестакова, «не всегда может рассматриваться как форс-мажор» [6].

В 2022–2024 гг., споря в судах, стороны нередко апеллировали к санкциям, как причине неисполнения или просрочки обязательств, что в основном, не находит понимания, так как суды чаще всего не признают санкции как обстоятельства непреодолимой силы. Такая позиция формально не противоречит п. 3 ст. 401 ГК РФ, где, как уже отмечено выше, чрезвычайные и непредотвратимые обстоятельства, которые затянули или сделали невозможным исполнение договора, не обозначены.

Форс-мажор в ГК РФ раскрывается от обратного; указано то, что не входит в данное понятие: необязательность (несостоятельность) контрагентов должника, отсутствие у должника ресурсов.

Отмечая неопределенность закона, российские предприниматели обратились к п. 1.3 Положения о порядке свидетельствования ТПП России. Здесь форс-мажором признаются санкции, прекращение торговых операций с отдельными государствами и компаниями.

С весны 2022 г. от российских предпринимателей в ТПП пошел поток заявок на заключения об обстоятельствах непреодолимой силы, что вынудило Палату, приостановив их рассмотрение, предложить предпринимателям ориентироваться на действующее законодательство или получить отказ в свидетельствовании этих обстоятельств форс-мажорными со ссылкой на ст. 401 ГК РФ [7].

Принимая во внимание масштаб санкций (по данным МИД РФ в 2014–2024 гг. их введено более 21 тыс. [8]), длительность применения и отраслевую диверсификацию, судебная практика, вероятно, обосновано исходит из того, они стали общеизвестным фактом, не требующим доказывания. Таким образом, санкции, на первый взгляд, должны признаваться форс-мажором, сторона лишь должна дока-

зять связь с исполнением обязательства. В этом ключе вынесен ряд судебных решений. Это, например, постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 29 марта 2023 г. № 09АП-6095/23 или Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 апреля 2023 г. № 13АП-42773/22 и др.

В тоже время, рост ссылок на санкции как на форс-мажор стал угрожать стабильности гражданского оборота. С 2023 г. в судебной практике отмечается смена вектора оценок, вследствие которой санкции не всегда признаются форс-мажором. Суды обосновано ссылаются на отсутствие неожиданности, чрезвычайности наступившего обстоятельства. Очевидно, что в условиях текущей геополитической ситуации, когда санкции применительно к России стали основным инструментом внешней политики, их введение в новых секторах или к новым субъектам сложно считать неожиданным. Кроме того, политика импортозамещения ориентирована на взаимодействие с надежными контрагентами, не попадающими под санкции. Таким образом, заключая договор, стороны могут и обязаны предвидеть любые санкционные риски.

Сходная позиция, хотя и не основанная на современной практике, была выражена ранее, в постановлении Пленума Верховного суда России от 24 марта 2016 г. «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

В связи с отказом от признания чрезвычайности санкций суды все более отказывают и в признании их форс-мажором. При этом следует отметить, что в политической и экономическом смысле санкции остаются чрезвычайной мерой, нетипичной для международных отношений и делового оборота, противоречащей целям ВТО и процессу глобализации. В то же время, эта чрезвычайность не означает неожиданность для стороны, скорее наоборот, участник договора, информированный о политической и экономической ситуации, обязан знать и оценивать риски.

Так, в споре, рассмотренном Третьим арбитражным апелляционным судом не были установлены признаки форс-мажора. В данном случае 12 января 2022 г. покупатель (истец) заключил с поставщиком (ответчик) договор поставки товара итальянского производства, который в связи с новым санкциями был просрочен.

Суд не принял доводы ответчика о форс-мажоре, так как санкции ЕС вводились с 2014 г., соответ-

ственно, поставщик на момент подписания договора знал о существующих санкциях и понимал риск новых. Кроме того, суд указал, что внешнеполитическая ситуация не является правовым основанием прекращения обязательств. Аналогичные решения принимались и в 2023 г. [9; 10]. Аргументы судов были везде схожи: длительность действия санкций (с 2014 г.) делает их общеизвестным обстоятельством экономической жизни. Кроме того, все договоры с 2014 г. так или иначе, но заключаются с учетом ситуации, развитие которой прогнозируемо, а значит, не является чрезвычайным развитием событий. Предприниматель вправе рисковать, но он также и несет ответственность за свои риски.

Таким образом, на фоне относительной определенности политических, геополитических и экономических аспектов оценки текущего, связанного с СВО и санкциями, форс-мажора, остаются правовые проблемы, возникающие в основном в судебной практике, из стремления предпринимателей минимизировать свой риск, «переложив» его на возможность неисполнения обязательств в силу действия внешних причин.

Авторы исходят из того, что, в условиях десяти лет эскалации геополитической ситуации, антироссийские санкции стали главным инструментом внешней политики коллективного Запада. Таким образом, их введение ожидаемо и прогнозируемо. Государство ориентирует экономику и предпринимателей на импортозамещение, которое основано на минимизации рисков. В связи с этим беря обязательство, сторона в состоянии и обязана предвидеть любые санкционные риски и, соответственно, не может ссылаться на них как на обстоятельство непреодолимой силы. В то же время, это ни в коей мере не нивелирует иные действительно чрезвычайные и непредсказуемые обстоятельства, такие, например, как пандемия, стихийные бедствия.

Список источников

1. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА). Документ разработан Международным институтом унификации частного права (УНИДРУА) в 1994 г. (п. 7.1.7) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901784163>
2. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11 апреля 1980 г.) // Вестник ВАС РФ. 1994. № 1. Ст. 101.

3. Лапаева О. Форс-мажор в теории и на практике // ЭЖ-Юрист. 2007. № 9.

4. Дихтяр А. И., Лавриненко М. В. Форс-мажор как основание освобождения от гражданско-правовой ответственности // Вестник. 2021. № 1-4. С. 71–73.

5. Осташенко А. С. Обстоятельства непреодолимой силы // Вестник науки и образования. 2018. № 8. С. 60–63.

6. Шестакова Е. В. Договорные обязательства и их исполнение в условиях форс-мажора // Бюджетный учет. 2022. № 11(215). С. 56–61.

7. Письмо Торгово-промышленной палаты РФ от 22 марта 2022 г. № ПР/0181 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Лавров подсчитал число введенных против России санкций // URL: <https://lenta.ru/news/2024/09/25/lavrov-podschital-chislo-vvedennyh-protiv-rossii-sanktsiy/>?ysclid=m2a43wlkmi196791282

9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27 ноября 2023 г. по делу № А40-287321/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 11 мая 2023 г. по делу № А33-34139/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Principles of International Commercial Contracts (UNIDROIT Principles). The document was developed by the International Institute for the Unification of Pri-

vate Law (UNIDROIT) in 1994 (clause 7.1.7) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901784163>

2. United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (Vienna, 11 April 1980) // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 1994. No. 1. Art. 101.

3. Lapaeva O. Force majeure in theory and in practice // EZH-Yurist. 2007. No. 9.

4. Dikhtyar A. I., Lavrinenko M. V. Force majeure as a basis for exemption from civil liability // Herald. 2021. No. 1-4. P. 71–73.

5. Ostashenko A. S. Circumstances of force majeure // Bulletin of Science and Education. 2018. No. 8. P. 60–63.

6. Shestakova E. V. Contractual obligations and their fulfillment in conditions of force majeure // Budget accounting. 2022. No. 11(215). P. 56–61.

7. Letter of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation dated March 22, 2022 No. PR/0181 // LRS «ConsultantPlus».

8. Lavrov counted the number of sanctions imposed against Russia // URL: <https://lenta.ru/news/2024/09/25/lavrov-podschital-chislo-vvedennyh-protiv-rossii-sanktsiy/>?ysclid=m2a43wlkmi196791282

9. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow district from 27 November 2023 on the case No. A40-287321/2022 // LRS «ConsultantPlus».

10. Resolution of the Third Arbitration Appeal Court from 11 May 2023 on the case No. A33-34139/2022 // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторах

С. А. Устимова — доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Е. Н. Рассказова — доцент кафедры общей юриспруденции Российского государственного социального университета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

S. A. Ustimova — Associate Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. N. Rasskazova — Associate Professor of the Department of General Jurisprudence of the Russian State Social University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.10.2024; одобрена после рецензирования 17.12.2024; принята к публикации 25.01.2025. The article was submitted 22.10.2024; approved after reviewing 17.12.2024; accepted for publication 25.01.2025.

Научная статья
УДК 34
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-143-146>
EDN: <https://elibrary.ru/ezrbbf>

НИОН: 2003-0059-1/25-239
MOSURED: 77/27-003-2025-01-438

Организационно-правовая природа и стратегическая трансформация административно-юрисдикционной деятельности подразделений по вопросам миграции МВД России

Сергей Олегович Харламов¹, Сергей Леонидович Нечай²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, hardd66@mail.ru

² Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, Брянск, Россия, s.l.nechay@gmail.com

Аннотация. Рассматривается ряд аспектов реализации государственной миграционной политики России. Дается характеристика федеральных органов исполнительной власти в сфере миграции. Анализируется трансформация административно-юрисдикционной деятельности подразделений по вопросам миграции МВД России. Показаны ближайшие перспективы наделения их новыми функциями и полномочиями. Обосновываются предложения по дальнейшему совершенствованию структуры федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации в сфере миграции.

Ключевые слова: миграция, ГУВМ МВД России, миграционные процессы, административно-юрисдикционная деятельность подразделений по вопросам миграции, федеральные органы исполнительной власти, государственная миграционная политика

Для цитирования: Харламов С. О., Нечай С. Л. Организационно-правовая природа и стратегическая трансформация административно-юрисдикционной деятельности подразделений по вопросам миграции МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 143–146. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-143-146>. EDN: EZRBBF.

Original article

Organizational and legal nature and strategic transformation of the administrative and jurisdictional activities of the divisions on migration issues of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Sergey O. Kharlamov¹, Sergey L. Nechay²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, hardd66@mail.ru

² Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Bryansk, Russia, s.l.nechay@gmail.com

Abstract. A number of aspects of the implementation of the state migration policy of Russia are considered. It characterises federal executive bodies in the sphere of migration. It analyses the transformation of administrative and jurisdictional activities of migration departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The nearest prospects of giving them new functions and powers are shown. Proposals for further improvement of the structure of federal executive authorities of the Russian Federation in the field of migration are substantiated.

Keywords: migration, Main Directorate for Migration of the Ministry of Internal Affairs of Russia, migration processes, administrative and jurisdictional activities on migration issues, federal executive authorities, state migration policy

For citation: Kharlamov S. O., Nechay S. L. Organizational and legal nature and strategic transformation of the administrative and jurisdictional activities of the divisions on migration issues of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):143–146. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-143-146>. EDN: EZRBBF.

Одним из знаковых событий современной миграционной политики России стало упразднение в 2016 г. Федеральной миграционной службы России и передача ее основных функций и компетенций МВД России [1].

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 156 сформировалось Главное управление по вопросам миграции,

на региональном уровне — управления по вопросам миграции МВД республик, краев, областей и других субъектов Российской Федерации, на территориальном уровне — отделы по вопросам миграции территориальных органов городского и районного звена.

Данные мероприятия потребовали в кратчайшие сроки сформировать соответствующие подразделения, укомплектовать их компетентными сотрудни-

© Харламов С. О., Нечай С. Л., 2025

ками, федеральными государственными гражданскими служащими, работниками. Многим из вновь принятых на службу сотрудников пришлось проходить первоначальную профессиональную подготовку, повышение квалификации и только после соответствующих административных процедур приступить к исполнению служебных обязанностей. К этому времени в Российской Федерации уже было принято множество нормативных правовых актов, которые по сфере регулирования можно обозначить как миграционное законодательство.

Дальнейшим этапом трансформации явилось утверждение новой Концепции государственной миграционной политики РФ на период с 2019–2025 гг. [2].

Данный стратегический доктринальный документ определил новые подходы к правовому регулированию миграционных правоотношений и выстраивание организационных моделей взаимодействия всех органов публичной власти. Бесспорно, что предыдущие периоды формирования государственной миграционной политики имели свои особенности совершенствования инструментов правового регулирования миграционных отношений, введение новых мер юридической ответственности за нарушение норм миграционного законодательства, средств и методов противодействия незаконной миграции и других сфер миграции населения. Во многих аспектах обозначена преемственность и взаимосвязь с предыдущим курсом.

Подразделениями по вопросам миграции территориальных органов МВД России ежегодно предоставляется свыше 60 млн государственных услуг гражданам: по регистрационному учету граждан России только в 2023 г. предоставлено 17,4 млн госуслуг, в рамках миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства — 26,5 млн, выдано свыше 9 млн документов, удостоверяющих личность граждан РФ на ее территории. Кроме того, указанные подразделения осуществляют реализацию других важнейших функций в миграционной сфере, таких как производство по делам о гражданстве РФ и осуществление иммиграционного контроля.

На территорию Российского государства только в 2023 г. въехало более 12 млн иностранных граждан. Основной миграционный поток (77,7 %) приходится на граждан государств – участников СНГ. Около 60 % прибывших в Российскую Федерацию за 2023 г., составляют граждане Узбекистана (27,4 %), Таджикистана (18,1 %) и Казахстана (13,5 %). В основной

массе приезжают в Российскую Федерацию для осуществления трудовой деятельности (34,9 %). Целью въезда, как частного визита, обозначило 34,5 %, въезжающих, а для обучения — 3,8 %.

Указанные выше статистические данные лишены раз доказывают, что подразделения по вопросам миграции территориальных органов МВД России предоставляют большое количество государственных услуг (всего их 17), реализуют две функции, исполняют иные служебные обязанности.

В истории формирования миграционной системы России много раз происходила трансформация в виде наделения, а, зачастую, упразднения различных органов государственной власти, реализующих свои полномочия в сфере миграции. Так, 14 июня 1992 г. была создана ФМС России — Федеральная миграционная служба как федеральный орган исполнительной власти, реализующий государственную политику в сфере миграции [3]. В конце 1999 г. она преобразована в Министерство по делам Федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации. Но уже 2001 г. данное ведомство также было ликвидировано с передачей функций МВД России. В 2004 г. паспортно-визовая служба МВД России преобразована в Федеральную миграционную службу в составе Министерства.

С 2012 г. по 2016 г. ФМС России являлась самостоятельным федеральным органом исполнительной власти с подчинением непосредственно Правительству Российской Федерации.

Анализируя исторически известные организационно-правовые модели регулирования миграционной политики, стоит отметить, что они в тот или иной период решали проблемы в сфере миграции на определенном этапе развития нашего государства.

В настоящее время процесс генезиса административно-юрисдикционной деятельности подразделений по вопросам миграции МВД России продолжается. Так, в целях улучшения ситуации в сфере иммиграционного контроля разработан проект федерального закона, направленный на упразднение функции федерального государственного контроля в сфере миграции и обеспечение контроля в данной сфере в рамках правоохранительной деятельности, а также предусматривающий полномочия полиции по осуществлению так называемого «миграционного розыска» с использованием в этих целях возможностей современных информационных технологий.

Одновременно с этим, МВД России совместно с Администрацией Президента РФ осуществляется подготовка изменений в законодательство, направленных, в том числе, на введение специального правоохранительного режима контролируемого пребывания и наделение сотрудников полиции полномочиями по самостоятельному вынесению административного наказания в виде выдворения за пределы РФ.

В настоящее время можно определить перечень высших федеральных органов государственной власти, в чью компетенцию входит исполнение полномочий в сфере миграции, в том числе, осуществление регулирования миграционных потоков в публично-правовой сфере:

ФСБ России — осуществляет государственное управление в области обеспечения безопасности Российской Федерации, защиты и охраны Государственной границы нашего государства.

Пограничная служба ФСБ России (ПУ ФСБ) — непосредственно реализуют иммиграционное законодательство на Государственной границе России.

МИД России — осуществляет функции по предоставлению государственных услуг в сфере миграции, по оформлению и выдаче заграничных паспортов гражданам Российской Федерации и др.

ФНС России — взаимодействует с ГУВМ МВД Российской Федерации, предоставляя информацию о начисленных суммах на доходы физических лиц в отношении иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность.

ГУВМ МВД России — основные функции включают: производство по делам о гражданстве Российской Федерации, осуществление миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, осуществление федерального государственного контроля в сфере миграции и др.

В основные задачи ГУВМ МВД России входят: организация и координация деятельности территориальных органов МВД России, обеспечение совершенствования нормативно-правового регулирования в сфере миграции, организация и участие в формировании основных направлений государственной политики в сфере миграции.

Таким образом, в настоящее время многоаспектность современной миграционной политики передача функций по ее формированию и реализации в компетенцию одного органа публичной власти не предоставляется возможной.

В марте 2024 г. в соответствии с Конституцией РФ прошли очередные выборы Президента РФ [4]. Конституционные механизмы формирования высших органов государственной власти предусматривают ряд процедур, среди которых утверждение предложенной вновь избранным Президентом РФ кандидатуры Председателя Правительства РФ. Последний представляет на утверждение Президента РФ структуру федеральных органов исполнительной власти, которая определяет органы, руководство деятельностью которых осуществляет Президент РФ и органы, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство РФ.

В целом, структура федеральных органов исполнительной власти не подверглась значительным изменениям [5]. Однако, актуальность вопроса совершенствования данной структуры, связанной с определением полномочий федеральных органов исполнительной власти, ведающих вопросами миграции, по-прежнему сохраняется.

Наш взгляд, следует учитывать многоплановость решения МВД и непосредственно ГУВМ.

Считаем обоснованным, что вопросы регулирования миграционных процессов, в частности, предоставление госуслуг, осуществление контроля и надзора в сфере миграции, нормативно-правовое сопровождение должны оставаться в системе правоохранительных органов, в частности, МВД России.

Одновременно, функции в сфере миграции необходимо разграничить путем определения нескольких главных направлений развития миграционных процессов:

- ♦ противодействие незаконной миграции в свете новых вызовов и угроз национальной безопасности нашего государства;
- ♦ сфера производства по делам о гражданстве России;
- ♦ предоставление государственных услуг в сфере миграции.

В этой в связи, в целях дальнейшего совершенствования механизма реализации государственной миграционной политики, предлагаем создать два новых федеральных органа исполнительной власти, находящихся в ведении МВД России:

- ♦ Федеральное агентство по предоставлению государственных услуг в сфере миграции и реализации вопросов гражданства Российской Федерации;
- ♦ Федеральную службу иммиграционного контроля МВД России, которая будет заниматься вопро-

сами контрольно-надзорных мероприятий в сфере миграции.

Создание данных ведомств позволит сконцентрировать усилия на ключевых направлениях государственной миграционной политики Российской Федерации, будет способствовать более эффективной ее реализации. Статус отдельных ведомств предоставит возможность их более узкой специализации и, соответственно, концентрации на определенном направлении деятельности, с учетом возложенных функций и задач, а также углубленного изучения проблемных вопросов и оперативного их решения. Кроме того, подведомственность России позволит сохранить преемственность в реализации государственной миграционной политики Российской Федерации, а также обеспечит эффективное руководство и контроль за деятельностью новых федеральных органов исполнительной власти в сфере миграции.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в сфере миграции» // СПС Гарант.
2. Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // СПС Гарант.
3. Указ Президента РФ от 14 июня 1992 г. № 626 «О Федеральной миграционной службе России» // СПС Гарант.
4. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // URL: <http://www.pravo.gov.ru>
5. Указ Президента РФ от 11 мая 2024 г. № 326 (ред. от 17 июня 2024 г.) «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // СПС Гарант.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of April 5, 2016 № 156 «On improvement of state management in the sphere of control over the turnover of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors in the sphere of migration» // LRS Garant.
2. Presidential Decree of October 31, 2018, No. 622 «On the Concept of State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025» // LRS Garant.
3. Presidential Decree of June 14, 1992, No. 626 «On the Federal Migration Service of Russia» // LRS Garant.
4. Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on December 12, 1993, as amended and approved in a nationwide vote on July 1, 2020 // URL: <http://www.pravo.gov.ru>
5. Presidential Decree of May 11, 2024 № 326 (ed. June 17, 2024) «On the structure of federal executive authorities» // LRS Garant.

Информация об авторах

С. О. Харламов — начальник кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

С. Л. Нечай — профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Брянского филиала Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат исторических наук.

Information about the authors

S. O. Kharlamov — Head of the Department of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

S. L. Nechay — Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, Candidate of Historical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.01.2025; одобрена после рецензирования 30.01.2025; принята к публикации 17.02.2025.

The article was submitted 16.01.2025; approved after reviewing 30.01.2025; accepted for publication 17.02.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-147-150>

EDN: <https://elibrary.ru/eovxje>

НИОН: 2003-0059-1/25-240

MOSURED: 77/27-003-2025-01-439

Систематизация научных знаний теории судебной экспертизы и ее структурных элементов на современном этапе

Ольга Александровна Харламова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, olga15.77@mail.ru

Аннотация. Рассматривается теория судебной экспертизы, которая начинала свое формирование в системе знаний криминалистики. Однако, в отличие от криминалистики, разработка теоретических основ теории судебной экспертизы проходила долгое время в прениях ученых и практиков. Сформировавшиеся знания имеют различное толкование, что не позволяет судебной экспертизе как науке совершенствоваться. Структура теории судебной экспертизы не исключение, ее системность также имеет различие по своему содержанию. В этой связи проведен анализ литературных источников и предложена авторская точка зрения по решению данного вопроса. Четко выстроенная структура позволит систематизировать знания об экспертных учениях, теориях и частных экспертных учениях и в дальнейшем использовать их как в теоретическом, так и практическом аспектах.

Ключевые слова: теория судебной экспертизы, систематизация знаний, структура, экспертные учения, экспертные теории, частные экспертные учения, структурные элементы

Для цитирования: Харламова О. А. Систематизация научных знаний теории судебной экспертизы и ее структурных элементов на современном этапе // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 147–150. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-147-150>. EDN: EOVXJE.

Original article

Systematization of scientific knowledge of the theory of forensic examination and its structural elements at the present stage

Olga A. Kharlamova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, olga15.77@mail.ru

Abstract. The theory of forensic examination, which began its formation in the system of knowledge of criminalistics, is considered. However, unlike criminalistics, the development of theoretical foundations of the theory of forensic examination took place for a long time in the debate of scientists and practitioners. The formed knowledge has different interpretations, which does not allow forensic science as a science to improve. The structure of the theory of forensic examination is not an exception, its systematic nature also has a difference in its content. In this regard, the analysis of literary sources was carried out and the author's point of view on the solution of this issue is proposed. Clearly built structure will allow to systematize knowledge about expert doctrines, theories and private expert doctrines and further use them both in theoretical and practical aspects.

Keywords: theory of forensic examination, systematization of knowledge, structure, expert teachings, expert theories, private expert teachings, structural elements

For citation: Kharlamova O. A. Systematization of scientific knowledge of the theory of forensic examination and its structural elements at the present stage. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):147–150. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-147-150>. EDN: EOVXJE.

Постановка проблемы. Теория судебной экспертизы, как и любая наука, имеет свою историю создания. Формирование ее начиналось в системе знаний науки криминалистики. Многие ученые считали криминалистику синтетической наукой, что позволило им преобразовать часть ее теоретических знаний в знания теории судебной экспертизы.

Однако, в отличие от криминалистики, разработка теоретических основ теории судебной экспертизы проходила долгое время в прениях ученых и практиков. В этой связи ее структура, сформировавшаяся на сегодняшний день, также не имеет четко выстроенной системности. Среди ученых существовали и существует различные точки зрения по ее со-

© Харламова О. А., 2024

держанию и наполнению, что не давало и не дает возможности теории судебной экспертизы совершенствоваться в соответствии с требованиями современности.

Одним из первых в своих работах заговорил о выделении «Теории криминалистической экспертизы» из криминалистики А. Р. Шляхов. Он утверждал, что создание такой отдельной науки с ее теоретической базой позволит ей развиваться [1]. В последствии его поддержали многие ученые. Однако процесс формирования научных знаний затягивался. Только в 80–90-х гг. XX в. Ю. Г. Корухов разработал концептуальные основы теории судебной экспертизы, состоящие из пяти разделов, в том числе «Частные теории судебной экспертизы» [2, с. 7–10]. В тоже время, другими учеными была предложена несколько иная структура теории судебной экспертизы, которая состояла из шести разделов. В последствии становлением базы теории судебной экспертизы занимались многие ученые, но прийти к единой точке зрения по поводу структуры указанной теории они так и не смогли.

Анализ последних исследований и публикаций.

В последние годы изучением вопросов совершенствования структуры теории судебной экспертизы занимались многие ученые, среди которых Т. В. Аверьянова, Н. П. Майлис, Е. Р. Россинская, О. Г. Дьяконова, С. Ф. Бычкова и др.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. На современном этапе проблема систематизации теоретических знаний общей теории судебной экспертизы так и не решена. Во многих научных исследованиях структура и ее содержание представлены по-разному. В одном случае — это пять разделов, в другом — десять и более. Одновременно с этим название и содержание данных разделов может значительно отличаться.

Например, Т. В. Аверьянова в своих трудах формирует структуру из двенадцати разделов, в то время как С. Ф. Бычкова выделяет всего четыре раздела в указанной структуре [3, с. 43; 4, с. 37]. Несогласованность присутствует и при формулировании понятийного аппарата указанных разделов.

Формулирование целей статьи. Основной целью является систематизация знаний о структуре общей теории судебной экспертизы, а также решение проблем по формированию и формулированию структурных элементов для упорядочения и совершенствования теоретических знаний.

Изложение основного материала. Теория судебной экспертизы имеет сложную и многоуровневую систему, состоящую из экспертных теорий, экспертных учений, а также частных экспертных теорий и учений. Каждый из указанных элементов образует комплекс теоретических и методических знаний. Однако, данные знания не всегда имеют четко сформулированную структуру и понятийного аппарата.

Изучение литературных источников показало, что экспертное учение имеет отличные друг от друга понятия. В одном случае оно представлено как вид деятельности, в другом — как алгоритм знаний, а также как комплекс научных и теоретических аспектов. Мы полагаем, что учение имеет многогранное понятийное содержание, состоящее из практической и научной составляющих. В рамках данной статьи мы не ставили целью сформулировать понятие учения, только рассмотреть его как составную часть структуры.

В то же время, экспертная теория также не имеет однозначно-сформулированного понятия и выстроенной структурной составляющей. Она представлена как экспертная теория и как частная экспертная теория, при этом содержательная часть указанных понятий порой имеет как идентичное значение, так и отличное друг от друга. На современном этапе многими учеными и практиками ведется разработка частных экспертных учений по различным экспертным направлениям.

Детальный анализ исследуемых системных элементов показал, что в них не представлены предмет, объект, задачи и другие составляющие, необходимые для их реализации в экспертной практике. Данный факт не позволяет совершенствовать судебно-экспертную деятельность, реализовать теоретические и методические составляющие разработанных теорий и учений, внедрять новые методики и проводить исследование новых объектов.

В этой связи мы предлагаем разделить каждый элемент структуры, в том числе и частное экспертное учение, на три части: понятийную, классификационную и операционную.

Каждая из частей, как по отдельности, так и в комплексе, будут способствовать более основательному изложению материалов структурных элементов.

Первая, понятийная часть должна содержать основные понятия, закономерности, принципы, обоснование его разработки и связь с другими элементами структуры.

В классификационной части будут представлены различные основания для классификаций и сами классификации с пояснением их содержательной части.

Основной частью любого учения, теории или частного учения должна быть операционная часть, которая по своему содержанию представляет практическую составляющую и возможность реализации данного элемента в экспертной практике. Здесь должны быть прописаны алгоритм эксперта по применению рассматриваемого частного экспертного учения, методики, используемые в ходе его реализации, а также методы, необходимые при ее использовании. В завершение данной части обязательно должна быть указана практическая значимость и результаты его апробации.

Только после логического построения каждого структурного элемента по указанной выше схеме, возможно выстроить логическую цепочку структуры теории судебной экспертизы.

Как было отмечено ранее, многие ученые работали в данном направлении и в рамках своих исследований представляли такую структуру. Однако единообразия как не было, так и нет. В одних источниках структура представлена только теориями и учениями, в других — отсутствует такой элемент, как учения, практически нигде не представлены частные учения. В некоторых источниках частные теории не входят в общую структуру теории судебной экспертизы, а представляют собой элемент общей теории.

С нашей точки зрения, структура общей теории судебной экспертизы должна быть представлена следующим образом: первый элемент — это экспертные учения, за ним следуют экспертные теории, после — частные экспертные учения и за ними частные экспертные теории. Обоснуем свою точку зрения.

Экспертные учения имеют наиболее широкое понятие и по своему содержанию могут способствовать развитию и разработке более узких направлений судебной экспертизы. Например, учение о предмете и задачах судебной экспертизы будет способствовать совершенствованию таких экспертных теорий, как теория экспертной идентификации или теория экспертной диагностики. Теоретические и методические положения указанного учения содержат сведения о предмете судебной экспертизы, дают его понятие и позволяют сформулировать виды объектов, в том числе и новые, появившиеся в связи с внедрением в

экспертную деятельность цифровых технологий, раскрывают основание и классификацию экспертных задач, позволяют применить его знания при изучении теорий таких задач. В свою очередь, теория экспертной идентификации, имея более узкое научное знание, базируется на указанных выше теоретических положениях учения, по своему содержанию детализирует имеющуюся информацию и в рамках каждой части, раскрывает сущность экспертной идентификации с учетом понятия и видов объектов судебной экспертизы. Таким же образом теория экспертной диагностики берет за основу знания указанного учения.

В дальнейшем положения перечисленных учений и теорий способствуют реализации частного экспертного учения о микрообъектах. Здесь хотелось бы обратить внимание на тот факт, что автор-разработчик представил его как учение о микрообъектах, в более широком понимании, чем мы его представляем. При этом он указывает, что данное учение возможно представить как частную криминалистическую теорию [5, с. 81–84]. С нашей точки зрения, налицо смешение понятий. Мы полагаем, что учение о микрообъектах должно иметь частный характер, так как по своим сущности и содержанию охватывает только определенную область экспертных знаний и не может быть включено в раздел учений. Микрообъекты представляют собой определенный вид объектов судебной экспертизы, имеют свои особенности, методическая составляющая исследования данных объектов базируется на положениях учения об объектах, теории идентификации, теории диагностики и других и не может стоять во главе данных элементов.

Как было отмечено нами ранее, завершающим элементом структуры являются частные экспертные теории. С ними также не все однозначно. Авторы, осуществляющие разработку таких теорий, в своих научных исследованиях представляют их и как частные теории и как теории, а иногда и как учение. Данное обстоятельство не позволяет применять положения таких разработок на должном уровне как в теоретическом, так и в практическом смысле. Например, частная теория судебно-экспертного прогнозирования, по мнению авторов, имеет частный характер. При этом хотелось бы отметить, что такая теория ранее была разработана и входила в перечень теорий. По своему содержанию указанная тео-

рия имеет общий характер и не должна содержать указания на ее частность. Прогнозирование в судебно-экспертной деятельности играет немаловажную роль для реализации знаний, например, частного экспертного учения о микрообъектах.

Ранее, при разработке системы криминалистических учений и теорий, Р. С. Белкин обозначил ее закрытый характер, т. е. автор считал, что созданная система должна быть разработана основательно один раз и в дальнейшем учеными и практиками лишь дополняться, в связи с появлением новых технологий и совершенствованием теоретических знаний [6, с. 10]. Данная позиция имеет право на существование, однако судебная экспертиза, имея синтетический характер, на современном этапе должна иметь четко выстроенную структуру. Представленная нами логически выстроенная система учений, теорий, частных учений и теорий позволит усовершенствовать имеющиеся знания и систематизировать их.

Список источников

1. Шляхов А. Р. Предмет, метод и система советской науки криминалистической экспертизы // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Алма-Ата, 1959.
2. Корухов Ю. Г. Формирование общей теории судебной экспертизы // Материал для Ученого совета ВНИИСЭ. М., 1989.
3. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: Курс общей теории. М. : Норма, 2006.
4. Бычкова С. Ф. Становление и тенденции развития науки о судебной экспертизе. Алма-Ата, 1994.
5. Кочубей А. В. Основания возможности выделения учения о микрообъектах в частную криминалистическую теорию. Волгоград, 2018.
6. Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2. М., 1997.

References

1. Shlyakhov A. R. Subject, method and system of Soviet science of forensic examination // Questions of forensic science and forensic examination, Alma-Ata, 1959.
2. Korukhov Yu. G. Formation of the general theory of forensic examination // Material for the Academic Council of VNIISE. M., 1989.
3. Averyanova T. V. Forensic examination: General theory course. M. : Norma, 2006.
4. Bychkova S. F. Formation and development trends of the science of forensic examination. Alma-Ata, 1994.
5. Kochubey A. V. Grounds for the possibility of isolating the doctrine of microobjects into a private forensic theory. Volgograd, 2018.
6. Belkin R. S. Course of criminology. In 3 vol. Vol. 2. M., 1997.

Информация об авторе

О. А. Харламова — начальник кафедры оружейведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

O. A. Kharlamova — Head of the Department of Weapons Science and Trasology Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.11.2024; одобрена после рецензирования 17.12.2024; принята к публикации 14.01.2025.

The article was submitted 01.11.2024; approved after reviewing 17.12.2024; accepted for publication 14.01.2025.

Научная статья
УДК 34.343
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-151-155>
EDN: <https://elibrary.ru/evielk>
ИИОН: 2003-0059-1/25-241
MOSURED: 77/27-003-2025-01-440

Использование тактических приемов при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств

Любовь Евгеньевна Чистова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, tchistova-lubov@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается одна из криминалистических категорий — тактический прием. Анализируются точки зрения различных авторов по поводу его понятия и использования. Приводится собственное определение тактического приема; изложен авторский взгляд на порядок его применения в процессе расследования уголовных дел.

Ключевые слова: тактический прием, психологический контакт, расследование преступлений, незаконный оборот наркотических средств

Для цитирования: Чистова Л. Е. Использование тактических приемов при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 151–155. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-151-155>. EDN: EVIELK.

Original article

Use of tactical techniques in the investigation of offences related to illicit trafficking in narcotic drugs

Lyubov E. Chistova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, tchistova-lubov@yandex.ru

Abstract. One of the criminalistic categories is considered — a tactical device. The points of view of various authors on its concept and use are analyzed. The author provides his own definition of a tactical device; the author's view on the procedure for its application in the process of investigating criminal cases is outlined.

Keywords: tactical technique, psychological contact, investigation of crimes, illegal trafficking of narcotic drugs

For citation: Chistova L. E. Use of tactical techniques in the investigation of offences related to illicit trafficking in narcotic drugs. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):151–155. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-151-155>. EDN: EVIELK.

Тактический прием как криминалистическая категория, не нашел единообразного понимания среди криминалистов.

В связи с этим, мнения ученых разделяются в зависимости от того, что они считают сущностью психологического контакта.

1. Процесс равенства и взаимопонимания его участников [6, с. 69].

2. Следователь не равен в этом процессе с допрашиваемым [8, с. 243].

3. Тактический прием [1, с. 26–27].

4. Тактическая комбинация [7, с. 187].

5. Цель допроса [5, с. 114].

6. Основа применения тактических приемов воздействия [4].

Уважая мнения названных ученых, мы все же считаем, что определять психологический контакт через названные понятия, не совсем правильно.

Прежде всего, взаимопонимания между следователем и лицами, не желающими с ним сотрудничать при их допросе и создающими конфликтную ситуацию путем отказа от дачи показаний или дачи ложных показаний, не может быть в силу того, что у них разные цели и задачи. Подозреваемый или обвиняемый может давать правдивые показания, особенно по делам рассматриваемой категории только потому, что следователь или дознаватель, используя свое мастерство как профессионала, побуждает под влиянием доказательств так называемого недобросовестного допрашиваемого давать правдивые по-

© Чистова Л. Е., 2025

казания. Допрашиваемый может давать признательные показания, но только в том случае, если следователь действует профессионально, тактически грамотно предъявляет доказательства, правильно использует другие приемы, побуждающие давать правдивые показания. Но, опять-таки, такие показания допрашиваемый дает не потому, что сочувствует следователю, что тот не может расследовать преступление в более короткие сроки и выявить его соучастников, а, прежде всего, чтобы облегчить свою участь, в том числе и ради того, чтобы ему назначили меньшую меру наказания в случае сотрудничества со следствием.

Как нам представляется, признавать психологический контакт тактическим приемом или тактической комбинацией не совсем правильно.

Используя ту или иную линию поведения, или действуя определенным способом, исходя из каждой конкретной ситуации, следователь создает почву для благоприятной обстановки, в которой и возможно было бы наладить контакт с допрашиваемым. Таким образом, тактический прием и тактическая комбинация являются способом налаживания психологического контакта.

Что же касается цели допроса, то ею является получение полных, развернутых и правдивых показаний, касающихся расследуемого преступления и конкретных обстоятельств, определенных в его предмете. По нашему мнению, наиболее удачным следует признать понятие психологического контакта как базовой основы для его применения. По делам рассматриваемой категории данный вопрос приобретает особую актуальность. Как показывает практика, допрос членов организованных преступных формирований, особенно первоначальный, всегда происходит в конфликтной ситуации: допрашиваемый либо не дает никаких показаний, либо дает показания ложные. Поскольку, незаконные действия с наркотическими средствами преступниками тщательно маскируются, оперативной информации о составе преступного формирования, его руководителе, канале поступления этих средств и иных обстоятельствах преступной деятельности на первоначальном этапе расследования бывает недостаточно. Поэтому получить такую информацию можно только от одного из задержанных членов этого формирования.

Но, чтобы допрашиваемый принял для себя решение о сотрудничестве со следствием, самому сле-

дователю необходимо приложить усилия, прежде всего, путем проявления к нему интереса как к личности. Такое отношение к допрашиваемому может вызвать обратную положительную реакцию и побудить к общению.

Как показывает практика, на изменение конфликтной ситуации в бесконфликтную по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, влияют следующие моменты:

- ◆ разъяснение особенностей досудебного соглашения о сотрудничестве и применения мер государственной защиты в отношении него и его близких;
- ◆ психическое состояние допрашиваемого;
- ◆ личностные его особенности;
- ◆ интерес к семейному положению допрашиваемого;
- ◆ его прошлому;
- ◆ сочувствие к допрашиваемому.

Действительно, подозреваемому или обвиняемому необходимо убедиться в том, что его следователь понимает, готов принимать необходимые меры по защите его самого и его близких. Понимает он и то, что давать правдивые показания ему выгодно, так как это может иметь существенное значение при вынесении в отношении него приговора суда.

Таким образом, установление психологического контакта следует считать важным условием для дачи объективных, полных и достоверных сведений допрашиваемым лицом. Но при этом положение допрашиваемого и следователя не должно быть равным. Как совершенно верно по этому поводу заметил Н. Н. Порубов, «нельзя ради ложного понимания контакта опускаться до уровня обвиняемого, упрощать язык, манерно заигрывать с допрашиваемым. ... Следователь должен быть для допрашиваемого представителем власти не только в силу правового положения, но и оправдать это морально и интеллектуально» [6, с. 74].

Рассматривая данную проблему, нельзя обойти вниманием мнение, существующее среди криминалистов относительно возможности предвидения конфликтной ситуации при допросе по так называемой предконфликтной ситуации.

Например, Л. В. Бертовский считает, что предконфликтную ситуацию следует понимать как «такое совмещение обстоятельств интересов следователя (как представителя государства), расследующего преступление, и допрашиваемого лица, которое объ-

ективно создает почву для реального противоборства между указанными субъектами» [2, с. 70].

Конечно, при расследовании уголовных дел, особенно связанных с незаконным оборотом наркотических средств, интересы следователя и других участников уголовного судопроизводства, особенно подозреваемого или обвиняемого, не совпадают, особенно в самом начале расследования. Но этот конфликт может быть выражен в разной степени. И очень важной задачей на этом этапе такой конфликт предусмотреть. Если следователю по каким-то обстоятельствам будет понятно, что взаимодействия при производстве следственного действия не будет, именно в этот период — предконфликтный — необходимо принять все возможные допустимые меры по сглаживанию сложившейся ситуации с последующим переводом ее в бесконфликтную.

Как усматривается из опроса следователей и дознавателей, они в 89 % случаях определяли возможную конфликтную ситуацию до начала допроса по следующим признакам:

- ◆ сдержанность в ответах на вопросы следователя или дознавателя;
- ◆ подавленное состояние;
- ◆ проявление страха;
- ◆ грубость с их стороны.

Исходя из этих ситуаций, следователь или дознаватель избирает конкретные тактические приемы, способные перевести данную ситуацию в разряд бесконфликтных.

Получение правдивой информации о незаконном обороте наркотических средств от подозреваемых также имеет свои проблемы, поскольку если подозреваемый является членом преступного формирования, в процесс расследования, как мы уже отмечали, тут же включается защитник, представляющий интересы этого формирования. Следует заметить, что зачастую такие защитники в своей деятельности используют средства и способы, противоречащие уголовно-процессуальному законодательству.

Тем не менее, поскольку показания подозреваемого в незаконном обороте наркотических средств являются важным доказательством по делу, постольку именно от него возможно получить информацию о преступной деятельности того или иного формирования и о лицах, входящих в него; следует принимать все меры к тому, чтобы наладить с ним психологический контакт и получить признательные показания.

Конечно, налаживание психологического контакта в присутствии адвоката, тем более не совсем добросовестного, представляет свои трудности, но не является невозможным.

На дачу правдивых показаний задержанного по подозрению в совершении незаконных действий с наркотическими средствами, лица влияет его свидание с защитником еще до допроса. Данный факт исключает фактор внезапности. Он утрачивается. Кроме того, защитник может знакомиться с протоколом задержания, где указана его причина. Получив, таким образом, пусть совсем незначительные сведения о происшедшем, защитник подсказывает своему подзащитному как себя вести при допросе.

Но, недобросовестный защитник, вступая в уголовное судопроизводство по конкретному факту, не может знать, какими доказательствами виновности его подзащитного располагает следователь, поэтому, как правило, первоначальные показания приходят в противоречие с последующими показаниями. Поэтому, следователю или дознавателю, как нам представляется, необходимо подробно их записывать, с тем чтобы потом использовать один из приемов логического воздействия — анализ его показаний.

Однако, начиная с самого первого допроса подозреваемого, следователь или дознаватель должен стремиться к установлению с ним психологического контакта.

Мы согласны с Н. И. Порубовым и А. Н. Порубовым в том, что «Допрашивать без подготовки, без наличия хотя бы минимума доказательств, избличающих подозреваемого, надеясь на то, что он сам расскажет о своей преступной деятельности, — значит сознательно допускать провал допроса» [6, с. 173]. Тем более в присутствии адвоката, который по линии поведения следователя или дознавателя сможет сразу определить, имеются ли в распоряжении следствия доказательства виновности его подзащитного. Но использовать в процессе допроса доказательства, как нам представляется, следует только те, которые непосредственно избличают самого подозреваемого, не называя его соучастников. Связано это с тем, что защитник, узнав какие показания дают другие члены преступного формирования, сможет передать информацию руководителям преступного формирования, а они, используя свои средства и методы, смогут воздействовать на этих соучастников в нужном им направлении. Особенно

это касается сведений о телефонных переговорах, полученных в результате оперативных мероприятий, используемых для изобличения подозреваемого в незаконном обороте наркотиков. Подозреваемый сможет сообщить защитнику сведения о его абоненте или абонентах, с кем он разговаривал, а тот, в свою очередь, передать эти сведения руководителям преступного формирования, которые остались на свободе. В результате этого известный правоохранительным органам соучастник может скрыться в неизвестном направлении или в отношении него членами преступного формирования могут быть приняты другие меры безопасности с тем, чтобы его не смогли задержать.

Впрочем, расшифровывая запись переговоров задержанного лица с соучастниками, сотрудники правоохранительных органов могут столкнуться с еще некоторыми проблемами. Во-первых, все члены преступных формирований в разговорах или иных способах общения между собой, не называют друг друга по имени. Эту проблему сотрудники оперативных подразделений смогут решить, так как в некоторых подразделениях ведется учет преступников, в том числе, занимающихся незаконным оборотом наркотических средств, по их кличкам, паролям, кодовым или жаргонным словам, используемым преступниками. Поэтому действительных абонентов, связывающихся между собой посредством той или иной связи, все же установить возможно. Однако в последнее время преступники в телефонных разговорах между собой маскируют свою незаконную деятельность по незаконному обороту наркотических средств под компьютерные игры [3, с. 59]. Поэтому, чтобы понимать о чем идет речь в этих разговорах, следователь или дознаватель не только должен знать сленг, которым пользуются наркопреступники, но и разбираться как в сущности компьютерных игр, порядке прохождения уровней в той или иной игре, роли тех или иных персонажей так и переносе их значения на незаконную деятельность в рассматриваемой нами сфере. Иначе изобличить допрашиваемых в совершении преступлений, связанных с рассматриваемыми средствами, не удастся. Защитник и его подзащитный могут выдать переговоры между соучастниками за безобидную беседу, касающуюся либо их интересов в той или иной сфере, либо обсуждение по прохождению того или иного уровня в конкретной игре, либо разбор какого-либо фильма и т. д.

Мы склонны к тому, что изучая личность подозреваемого, необходимо получать относительно него информацию не только процессуального характера, свидетельствующую о его причастности к незаконным действиям в рассматриваемой сфере, но и личную также, поскольку именно она может быть положена в основу налаживания психологического контакта с допрашиваемым. Такое наше мнение основано на том, что какие бы советы не давал защитник этому подозреваемому по даче показаний, они неизбежно будут приходиться в противоречие с предыдущими. Особенно, если следователь или дознаватель будет использовать такой тактический прием, как «косвенный допрос». Поскольку защитник не сможет предугадать, что конкретно будет интересоваться следователя, подозреваемому самому придется выдумывать ответы и каждый раз на тот же самый вопрос, но в другой редакции, он будет отвечать по-разному, поскольку прежний импровизированный ответ запомнить невозможно. Поэтому нестыковки своих показаний для него будут очевидны. А если еще при допросе следователь, даже в присутствии защитника, используя свое мастерство как профессионала, будет проявлять к нему интерес, возбуждать в нем потребность к общению, подозреваемый может пойти на контакт, если ему еще и разъяснить, что его сотрудничество со следствием судом может быть принято за смягчающее обстоятельство, то мера наказания будет меньше. В том же случае, когда он и дальше будет отдавать предпочтение советам защитника, не признавать свою вину в содеянном и не раскаиваться, то, соответственно, мера наказания будет строже.

Действительно, как показывает практика, в таких случаях виновные лица заключали соглашение о сотрудничестве со следствием.

Таким образом, грамотное использование тактических приемов при производстве следственных действий и, в частности, допроса, делает возможным установление всех обстоятельств по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, что способствует их эффективному расследованию.

Список источников

1. Баев О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика: науч.-практ. пособие. М. : Экзамен. 2003.

2. Бертовский Л. В. Конфликтные ситуации при допросе: содержание и программы по их разрешению // Допрос: процессуальные и криминалистические проблемы (памяти профессора Н. И. Порубова: 55-е криминалистические чтения 20 ноября 2014 г.). Ч. 1. М. : Академия управления МВД РФ, 2014.

3. Битюцкий Е. В. Проблемы расследования преступлений, связанных со сбытом наркотиков, совершенных бесконтактным способом: мат. всерос. науч.-практ. конф. «Совершенствование правовой базы реализации Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года: уголовный, уголовно-процессуальный и административный аспекты». Ч. 2. Екатеринбург, 2015.

4. Игнатенко Е. А. Психологический контакт как основа применения приемов воздействия на допрашиваемого подозреваемого (обвиняемого) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6(20). Ч. 2. С. 94–96.

5. Малютин М. П. Тактические приемы, их допустимость и использования для достижения тактических целей допроса: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001.

6. Порубов Н. И., Порубов А. Н. Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты. М. : Юрлитинформ, 2013.

7. Шамсутдинов М. М. Производство предварительного следствия следственной группой (процессуальные, управленческие и тактико-психологические аспекты): дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005.

8. Яблоков Н. П. Криминалистика: учебник. М., 2006.

References

1. Baev O. Ya. Tactics of criminal prosecution and professional defence against it. Investigative tactics: scientific and practical manual. M. : Examen, 2003.

2. Bertovsky L. V. Conflict situations in interrogation: content and programmes for their resolution // Interrogation: procedural and criminalistic problems (in memory of Professor N. I. Porubov: 55th criminalistic readings 20 November 2014). P. 1. M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2014.

3. Bityutsky E. V. Problems of investigation of offences related to the sale of drugs committed by contactless method: Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference «Improving the legal framework for the implementation of the Strategy of the state anti-drug policy of the Russian Federation until 2020: criminal, criminal procedural and administrative aspects». P. 2. Ekaterinburg, 2015.

4. Ignatenko E. A. Psychological contact as a basis for the application of techniques of influence on the interrogated suspect (accused) // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice. 2012. No. 6(20). P. 2. P. 94–96.

5. Malyutin M. P. Tactical techniques, their admissibility and use to achieve tactical goals of interrogation: diss. ... candidate of legal sciences. Krasnodar, 2001.

6. Porubov N. I., Porubov A. N. Interrogation: procedural and criminalistic aspects. M. : Yurlitinform, 2013.

7. Shamsutdinov M. M. Production of preliminary investigation by an investigative group (procedural, managerial and tactical-psychological aspects): diss. ... candidate of legal sciences. Kazan, 2005.

8. Yablokov N. P. Criminalistics: Textbook. M., 2006.

Информация об авторе

Л. Е. Чистова — доцент кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

L. E. Chistova — Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024; одобрена после рецензирования 25.12.2024; принята к публикации 26.01.2025.

The article was submitted 15.11.2024; approved after reviewing 25.12.2024; accepted for publication 26.01.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-156-160>

EDN: <https://elibrary.ru/dfjvo>

ИПОН: 2003-0059-1/25-242

MOSURED: 77/27-003-2025-01-441

Правовые средства удовлетворения законных интересов: понятие и соотношение

Денис Васильевич Шаров

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, sharovden@gmail.com

Аннотация. Рассматривается вопрос правового обеспечения законных интересов. Определяются конкретные правовые средства удовлетворения законных интересов, представляющие собой нормы объективного права непосредственно, субъективные права и юридические обязанности частных лиц, а также полномочия должностных лиц и государственных органов. Анализируется их соотношение друг с другом.

Ключевые слова: законный интерес, правовые средства удовлетворения законных интересов, нормы объективного права, субъективные права и юридические обязанности, полномочия должностных лиц и государственных органов

Для цитирования: Шаров Д. В. Правовые средства удовлетворения законных интересов: понятие и соотношение // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 156–160. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-156-160>. EDN: DFFJVO.

Original article

Legal means of satisfying legitimate interests: the concept and correlation

Denis V. Sharov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, sharovden@gmail.com

Abstract. The question of legal provision of legitimate interests is considered. Specific legal means of satisfaction of legitimate interests are defined, representing, norms of objective law directly, subjective rights and legal obligations of private persons, as well as the powers of officials and state bodies. Their correlation with each other is analysed.

Keywords: legitimate interest, legal means of satisfying legitimate interests, norms of objective law, subjective rights and legal obligations, powers of officials and state bodies

For citation: Sharov D. V. Legal means of satisfying legitimate interests: the concept and correlation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):156–160. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-156-160>. EDN: DFFJVO.

Вопрос взаимосвязи интереса и права длительное время являлся предметом исследования в теории права и отраслевых науках.

Не будет преувеличением сказать, что в настоящее время наибольшее признание ученых получила позиция, согласно которой наиболее адекватным соотношением интереса и права является их соотношение как цели и средства¹.

Интерес, средством удовлетворения которого является право, представляет собой законный интерес.

«Понятие законного интереса является приемлемым ... в той степени, в какой он совпадает со смыслом термина «юридически институционализированный интерес», справедливо отмечает Г. В. Мальцев [6, с. 368].

Таким образом, под законным интересом мы понимаем объективный интерес, так или иначе регламентированный нормами права.

Но если целью права является удовлетворение законных интересов, то следует определиться, какими именно правовыми средствами происходит регламентирование, обеспечение и защита законных интересов.

Иными словами, какие именно правовые явления относятся собственно к праву как средству удовлетворения законных интересов?

¹ Такое понимание взаимосвязи интереса и права можно встретить в работах Ю. С. Гамбарова, Г. Ф. Шершеневича, С. Н. Братуся, В. П. Грибанова, Д. М. Чечота, С. Н. Сабиткенова, Н. И. Матузова, С. С. Алексеева, А. В. Малько, Н. А. Шайкенова, С. В. Михайлова, В. В. Субочева и др.

© Шаров Д. В., 2025

Под собственно правом как средством удовлетворения законных интересов, вслед за Л. С. Явичем, мы будем понимать объективное право, а также возникшие на его основе субъективные права и корреспондирующие им юридические обязанности [12, с. 86].

Все остальные правовые реалии, такие как правоотношения, правосознание, правовая культура и др. представляют собой лишь те или иные проявления собственно права и сами по себе средством удовлетворения законных интересов не являются.

«Право как норма, закон, государственное установление и право как возможность или управомоченность субъектов действовать известным образом в рамках этих установлений — вот суть разграничения права на объективное и субъективное» [7, с. 15–16].

Норма права объективна и представляет собой общее, обезличенное, отвлеченное правило, которое никому не принадлежит и не может принадлежать. В свою очередь, субъективное право не только указывает на принадлежность права субъекту, но и отражает тот факт, что юридическое или физическое лицо может распоряжаться этим правом по своему усмотрению. Оно может «совершать или не совершать дозволенные действия, совершать их в полном объеме или же частично, в порядке, наиболее удобном для удовлетворения своего интереса и т. д.» [1, с. 138].

Иными словами, объективное право — это право, не только не принадлежащее субъекту, но и не зависящее от него, в то время как субъективное право — это право и принадлежащее субъекту, и зависящее от него.

С одной стороны, объективное право первично по отношению к праву субъективному. «У лица могут быть лишь такие субъективные права, — обоснованно полагает О. С. Иоффе, — которые вытекают из норм объективного права. Следовательно, самое существование того или иного субъективного права зависит от характера и содержания права объективного» [4, с. 71]. Действительно, только закрепление конкретного права субъекта в общих юридических нормах означает появление у него данного субъективного права. Без объективного права нет и не может быть никаких субъективных прав.

С другой стороны, «возникая на основе действующей нормы объективного права, субъективное право становится совершенно самостоятельным явлением, качественно отличным от объективного права» [9, с. 6]. Более того, по мнению Л. С. Явича,

правовое регулирование вообще невозможно вне воплощения общих юридических норм в субъективные права (юридические обязанности): «Верным является не только то, что субъективное право, мера (масштаб) поведения конкретного участника общественных отношений получают определенность и оформляются полностью как юридическое право только благодаря фиксации в нормах права (общих масштабах), но и то, что эти правовые нормы могут осуществлять специфически юридическое регулирование, только воплощаясь в субъективных правах (юридических обязанностях)» [12, с. 81]. Данная мысль еще раз подчеркивает значимость субъективных прав в правовом регулировании общественных отношений, а, следовательно, и в удовлетворении законных интересов.

Все вышеизложенное относится, прежде всего, к частноправовой сфере. В области публичного права дело обстоит несколько иначе.

Помимо собственно объективного права, а также возникших на его основе субъективных прав и корреспондирующих им юридических обязанностей частных лиц, область публичного права и, в частности, уголовное судопроизводство, не может обойтись без закрепленного объективным правом полномочий должностных лиц и государственных органов, которые также направлены на удовлетворение соответствующих законных интересов. При этом полномочия данных лиц и органов по своей правовой природе существенно отличаются от субъективных прав, которыми обладают юридические и физические лица.

Если частные лица действуют исключительно от своего имени, реализуя в своих собственных интересах субъективные права и неся юридические обязанности, то должностные лица и государственные органы обязаны действовать исходя из государственных интересов на основании должностных полномочий, что «исключает даже гипотетическую возможность применения к ним частноправовой логики и полностью подчиняет их деятельность публично-правовым началам» [5, с. 288].

Возможность свободно распоряжаться принадлежащими им правами — это прерогатива исключительно физических и юридических частных лиц. Мы полностью поддерживаем позицию Л. В. Головки, считающего, что у должностных лиц и государственных органов в уголовном процессе нет и не может

быть никаких «субъективных прав», которыми они могли бы «свободно распоряжаться». Вместо этого они всегда действуют на основании строго установленных в законе полномочий, ни о каком «свободном распоряжении» которыми речи идти не может в принципе [5, с. 293].

Таким образом, представляется, что все многообразие правового обеспечения законных интересов как в частноправовой, так и в публично-правовой сферах, в конечном счете, можно свести к трем основным способам, а именно удовлетворению законных интересов:

- 1) непосредственно нормами объективного права;
- 2) посредством субъективных прав и юридических обязанностей частных лиц, возникших на основе норм объективного права;
- 3) посредством полномочий должностных лиц и государственных органов, возникших на основе норм объективного права.

Возможность регулирования законных интересов непосредственно нормами объективного права отмечается многими учеными [2, с. 377; 6, с. 364; 8, с. 501; 9, с. 42–43; 10, с. 523].

Мы полностью согласны с данной позицией. На наш взгляд, сама возможность удовлетворения законных интересов непосредственно нормами объективного права никаких сомнений не вызывает и вызывать не может, поскольку появление любой, подчеркиваем, любой нормы объективного права в конечном итоге связано с обеспечением того или иного законного интереса.

Учитывая изложенное, можно утверждать, что в подавляющем большинстве случаев удовлетворение законных интересов происходит именно нормами объективного права непосредственно. Иными словами, регламентирование законных интересов непосредственно нормами объективного права является наиболее типичным способом их правового обеспечения.

Вместе с тем, довольно значимая часть правового регулирования предполагает ситуацию, когда удовлетворение законных интересов, наряду с нормами объективного права, дополнительно осуществляется посредством субъективных прав и корреспондирующих им юридических обязанностей частных лиц или полномочий должностных лиц и государственных органов.

При этом удовлетворение законных интересов физических и юридических частных лиц посред-

ством субъективных прав и корреспондирующих им юридических обязанностей является наиболее естественным путем их правового обеспечения. То же самое можно сказать про удовлетворение законных интересов государства путем реализации полномочий должностных лиц и государственных органов, характерных для публично-правовой сферы регулирования.

Иными словами, обеспечение законных интересов происходит как непосредственно нормами объективного права, так и опосредованно, через субъективные права и юридические обязанности или соответствующие полномочия. Причем и субъективные права частных лиц с корреспондирующими им юридическими обязанностями, и полномочия должностных лиц и государственных органов всегда возникают на основе норм объективного права и в этом смысле являются производными от них. Действительно, только закрепление прав субъекта или полномочий должностного лица в общих юридических нормах означает появление у них соответствующих прав и полномочий.

По общему правилу субъективные права и корреспондирующие им юридические обязанности, прежде всего, направлены на удовлетворение законных интересов частных лиц, в то время как полномочия должностных лиц и государственных органов преимущественно связаны с обеспечением законных интересов государства.

Но это только общее, очень обобщенное приближение.

Поскольку субъективные права и юридические обязанности направленные на удовлетворение законных интересов граждан и организаций, постольку и сами эти законные интересы не могут не отвечать интересам самого государства, в противном случае образующие их нормы объективного права никогда бы не были приняты.

Поэтому в целом прав В. П. Грибанов, в свое время утверждавший, что «...юридическую охрану получает не всякий интерес, а лишь такой индивидуальный интерес, который совпадает с интересами социалистического государства и общества или, по крайней мере, не противоречит им» [3, с. 55].

Это справедливо даже в тех случаях, когда рассматриваемые законные интересы частных лиц, а также обеспечивающие их субъективные права и юридические обязанности, казалось бы, вступают в

противоречие с интересами самого государства в лице представляющих его должностных лиц государственных органов.

Множество примеров подобного рода можно привести из уголовного процесса. Наиболее наглядные из них связаны с обеспечением законных интересов стороны защиты. Достаточно посмотреть на систему принципов уголовного судопроизводства, а также на разветвленную систему прав участников со стороны защиты, чтобы понять, что перед нами положения, не упрощающие, а усложняющие производство по уголовному делу для государственных органов.

Так, например, в соответствии со ст. 51 Конституции Российской Федерации, широко применяемой в уголовном процессе, обвиняемый вправе отказаться от дачи показаний без объяснения каких-либо причин. Со своей стороны, следователь, как бы ни хотелось ему допросить последнего об обстоятельствах дела, обязан соблюсти данное право обвиняемого и отказаться от его допроса, продолжив изболечение виновного с помощью иных процессуальных средств.

Закрепленные в уголовном судопроизводстве многочисленные права стороны защиты делают процесс доказывания вины более трудоемким, а само расследование преступлений и разрешение уголовных дел во всех смыслах более затратным. Тем не менее, государство осознанно идет на такой шаг, и по собственной воле устанавливает подобные правовые нормы, с очевидностью влекущие его самоограничение.

Отсюда следует, что и регламентирование законных интересов стороны защиты с помощью норм объективного права, и их дополнительное обеспечение посредством субъективных прав, которым корреспондируют соответствующие полномочия, — обязанности должностных лиц и государственных органов, не могут не отвечать интересам самого государства. Они им и отвечают, просто государство, таким образом, путем собственного самоограничения, стремится к более справедливому уголовному судопроизводству.

Это хорошо понимали советские исследователи интересов. Так, А. И. Экимов утверждал, что «государственный интерес лежит в основе возникновения всякого субъективного права, определяет само его существование», вследствие чего, конкретное субъек-

тивное право появляется у лица лишь тогда, когда в этом прямо или косвенно заинтересовано государство [11, с. 78, 79]. Еще более определенно высказался Г. В. Мальцев: «В конечном счете, любая норма права устанавливается в публичном интересе; все частное получает признание, поддержку и защиту законодательства, если оно соответствует или, во всяком случае, не противоречит общественному, т. е. публичному интересу» [6, с. 357].

Действительно, именно государство и только оно посредством норм объективного права предоставляет частным лицам субъективные права и корреспондирующие им юридические обязанности для защиты их собственных законных интересов. Более того, именно государство и только оно посредством норм объективного права вообще наделяет объективные интересы частных лиц статусом законных и, как следствие, в принципе обеспечивает им правовую защиту.

Таким образом, какого-либо противопоставления между законными интересами частных лиц, которые с помощью норм объективного права дополнительно обеспечены субъективными правами и юридическими обязанностями, и интересами государства не может быть по определению.

При этом удовлетворение законных интересов государства посредством полномочий должностных лиц и государственных органов в ряде случаев отвечают законным интересам частных лиц.

Так, реализация следователем полномочия по возбуждению уголовного дела вполне соответствует законному интересу лица, потерпевшего от преступления, а осуществление им же полномочия по прекращению уголовного дела по реабилитирующему основанию, например, за отсутствием в деянии состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) — законному интересу лица, привлекаемого к уголовной ответственности, и др.

Получается, что посредством полномочий должностных лиц и государственных органов удовлетворяются не только законные интересы государства, но и законные интересы частных лиц.

При этом сами должностные лица и государственные органы всегда действуют исходя из законных интересов государства, просто иногда данные интересы совпадают с законными интересами тех или иных частных лиц.

И, наоборот, вполне допустимы ситуации, когда частные лица, обеспечивая свои собственные закон-

ные интересы посредством принадлежащих им субъективных прав, косвенно удовлетворяют законные интересы государства.

Например, реализуя свое субъективное право на дачу показаний (п. 2 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), потерпевший, тем самым, удовлетворяет не только свой законный интерес, но и законный интерес государства в целом, направленный на назначение виновному справедливого наказания.

Все переплетено друг с другом и взаимозависимо.

Таким образом, представляется, что все многообразие правового обеспечения законных интересов как в частноправовой, так и в публично-правовой сферах, во-первых, состоит из норм объективного права непосредственно, субъективных прав и корреспондирующих им юридических обязанностей частных лиц, а также полномочий должностных лиц и государственных органов, и во-вторых, в конечном итоге определяется государством.

Список источников

1. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.
2. Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права. Т. 1. Часть общая. СПб., 1911.
3. Грибанов В. П. Интерес в гражданском праве // Советское государство и право. 1967. № 1.
4. Иоффе О. С. Советское гражданское право: курс лекций. Л., 1958.
5. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Голловко. 3-е изд., испр. и доп. М., 2021.
6. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2011.
7. Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия: Теоретические вопросы субъективного права. Саратов, 1972.
8. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. 2-е изд., пересмотр. и доп. Часть общая. Т. 1. СПб., 1902.
9. Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. Л., 1968.
10. Шершеневич Г. Ф. Избранное. В 6 т. Т. 4. М., 2016.
11. Экимов А. И. Интересы и право в социалистическом обществе. Л., 1984.
12. Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976.

References

1. Alekseev S. S. The mechanism of legal regulation in the socialist state. M., 1966.
2. Gambarov Y. S. Course of civil law. Vol. 1. Part general. St. Petersburg, 1911.
3. Gribanov V. P. Interest in civil law // Soviet state and law. 1967. No.1.
4. Ioffe O. S. Soviet civil law: course of lectures. L., 1958.
5. Course of criminal procedure / Edited by L. V. Golovko. 3rd ed., ispr. and add. M., 2021.
6. Maltsev G. V. Social foundations of law. M., 2011.
7. Matuzov N. I. Personality. Rights. Democracy: Theoretical issues of subjective law. Saratov, 1972.
8. Tagantsev N.S. Russian criminal law: Lectures. 2nd ed., revision and supplement. The general part. Vol. 1. St. Petersburg, 1902.
9. Chechot D. M. Subjective law and forms of its protection. L., 1968.
10. Shershenovich G. F. Selected works. In 6 vol. Vol. 4. M., 2016.
11. Ekimov A. I. Interests and law in a socialist society. L., 1984.
12. Yavich L.S. General theory of law. L., 1976.

Информация об авторе

Д. В. Шаров — доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

D. V. Sharov — Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.09.2024; одобрена после рецензирования 01.11.2024; принята к публикации 26.12.2024.

The article was submitted 13.09.2024; approved after reviewing 01.11.2024; accepted for publication 26.12.2024.

Научная статья
УДК 342.6
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-161-165>
EDN: <https://elibrary.ru/cwfjxw>

НИОН: 2003-0059-1/25-243
MOSURED: 77/27-003-2025-01-442

К вопросу о наделении войск национальной гвардии Российской Федерации статусом федерального органа исполнительной власти — Федеральной службы

Виктор Михайлович Шеншин

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России,
Санкт-Петербург, Россия, vitya-shen@mail.ru

Аннотация. Приводятся аргументы в пользу наделения войск национальной гвардии статусом федерального органа исполнительной власти — Федеральной службы. Отмечается, что войска национальной гвардии как государственная военная организация в соответствии с законодательством наделены широким спектром полномочий, позволяющих вести речь о качественно новом уровне развития войск.

Ключевые слова: федеральный орган исполнительной власти, федеральная служба, войска национальной гвардии, стратегия национальной безопасности, государственный орган, механизм государства

Для цитирования: Шеншин В. М. К вопросу о наделении войск национальной гвардии Российской Федерации статусом федерального органа исполнительной власти — Федеральной службы // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 161–165. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-161-165>. EDN: CWFJXW.

Original article

On the issue of granting the troops of the National Guard of the Russian Federation the status of a federal executive authority — the Federal Service

Viktor M. Shenshin

St. Petersburg University of the State Fire Fighting Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
Saint Petersburg, Russia, vitya-shen@mail.ru

Abstract. Arguments in favor of giving the National Guard troops the status of a federal executive body — the Federal Service — are presented. It is noted that the National Guard troops, as a state military organization, are endowed under the law with a wide range of powers that make it possible to talk about a qualitatively new level of troop development.

Keywords: federal executive authority, federal service, national Guard troops, national security strategy, government agency, mechanism of the state

For citation: Shenshin V. M. On the issue of granting the troops of the National Guard of the Russian Federation the status of a federal executive authority — the Federal Service. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):161–165 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-161-165>. EDN: CWFJXW.

Актуальность исследования определяется противоречиями, возникающими в процессе определения статуса войск национальной гвардии Российской Федерации как федерального органа исполнительной власти. С одной стороны, законодательная база предоставляет этим войскам широкий круг полномочий, включая контроль, надзор, обеспечение безопасности и участие в борьбе с терроризмом, что соответствует функционалу федеральной службы. С другой стороны, их организационная структура и текущее правовое положение ограничивают возможность официального признания войск национальной гвардии полноценным федеральным органом исполнительной власти. Это противоречие свидетель-

ствует о необходимости уточнения нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность войск, и позволяет поставить под сомнение эффективность их текущей правовой модели.

Научная проблема исследования заключается в отсутствии единого подхода к разграничению полномочий и функций войск национальной гвардии, что создает правовую неопределенность в их статусе. Современные научные исследования недостаточно глубоко раскрывают вопросы интеграции военной и правоохранительной составляющих в структуре государственной исполнительной власти. При этом войска национальной гвардии занимают уникальное положение, совмещая функции военной

© Шеншин В. М., 2025

организации и исполнительного органа, что требует детального анализа их роли в обеспечении национальной безопасности.

Существующая степень научной разработанности темы характеризуется рядом исследований, сосредоточенных на функционале войск национальной гвардии и их правовом регулировании. Так, А. В. Кудашкин в своих трудах подробно рассматривает вопросы военной организации государства, выделяя критерии отнесения тех или иных структур к военной организации, что косвенно затрагивает тему национальной гвардии. Е. Ю. Жога и О. Ю. Тхаровская анализируют роль федеральных органов в борьбе с терроризмом, отмечая необходимость межведомственного взаимодействия, в котором войска национальной гвардии играют важную роль. Однако ни одно из исследований не ставит во главу угла обоснование необходимости наделения войск статусом федеральной службы, что подтверждает недостаточную проработанность данной проблемы в научной литературе.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью устранения правовых противоречий и создания более эффективной модели функционирования войск национальной гвардии Российской Федерации в качестве федерального органа исполнительной власти. Анализ существующих взглядов и обоснование целесообразности предлагаемых изменений представляют собой важный вклад в развитие правовой науки и практики государственного управления.

В Федеральном законе «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» указано, что войска национальной гвардии являются государственной военной организацией.

Органы государственной власти встроены в формулу механизма государства, осуществляющего публичную власть. Деятельность таких органов направлена на выполнение поставленных перед государством целей и задач. Органы государственной власти и их должностные лица выступают от имени государства и выражают его волю.

Современный комплекс нормативных правовых актов лишь в двух актах упоминает о государственной военной организации — Федеральном законе «Об обороне», в котором в ст. 10 Вооруженные силы Российской Федерации поименованы в качестве государственной военной организации, а также в Федеральном законе «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» в преамбуле которого про-

декларировано, что войска национальной гвардии являются государственной военной организацией.

Актуальность настоящего исследования состоит в предпринятой автором попытке обоснования необходимости наделения войск национальной гвардии статусом Федеральной службы.

Во-первых, обратимся к Указу Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314, содержащем интересующие нас разъяснения относительно федеральной службы. Так, исследуемый акт предусматривает выполнение федеральной службой функции по контролю и надзору в установленной сфере деятельности. Вместе с тем, Федеральный закон № 226-ФЗ в качестве одной из задач войск национальной гвардии называет федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия и в области частной охранной и частной детективной деятельности, а также за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, за деятельностью подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны. Это, скажем так, первый аргумент, обосновывающий нашу точку зрения.

Во-вторых, Указом № 314 для федеральной службы предписано осуществление специальных функций в области обороны, государственной безопасности, защиты и охраны государственной границы Российской Федерации, борьбы с преступностью, общественной безопасности. Опять же не перечисляя задачи войск, мы снова видим, что войска напрямую реализуют указанные специальные функции.

Многие нормативные правовые акты, регулирующие вопросы обеспечения безопасности Российского государства, содержат ссылку на выполнение задач теми или иными государственными органами, не раскрывая последние. Между тем, из них вытекает, что содержащиеся в них задачи предписано реализовывать, в том числе, и войскам национальной гвардии.

В-третьих, как известно, основным субъектом противодействия терроризму определена ФСБ России. Это координирующий и организующий орган межведомственного взаимодействия. Деятельность иных субъектов ограничена лишь участием [1]. При этом в словаре русского языка С. И. Ожегова определено, что участие — это деятельность по совместному выполнению чего-нибудь, сотрудничество в чем-нибудь [3].

Положением о Росгвардии в качестве основной задачи определена организация участия войск национальной гвардии в борьбе с терроризмом и экстремизмом, обеспечение правового режима контртеррористической операции. Войска национальной гвардии осуществляют общее руководство деятельностью других государственных органов в данном направлении [4].

В-четвертых, из Положения о Росгвардии вытекает, что указанный властный орган возглавляет директор Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации — главнокомандующий войсками национальной гвардии Российской Федерации. Росгвардия — это федеральный орган исполнительной власти и его возглавляет директор, назначаемый на должность Президентом РФ после проведения консультаций с Советом Федерации. Но в должности руководителя исследуемой нами Федеральной службы заложена формула, когда одно лицо возглавляет как государственный орган, так и государственную военную организацию. Все это подчеркивает особый характер деятельности войск национальной гвардии, когда одно лицо одновременно руководит федеральным органом исполнительной власти и возглавляет военную организацию.

Тем самым подчеркивается особый подход к назначению директора Росгвардии, одновременно являющегося главнокомандующим войсками национальной гвардии. Все заместители директора поименованы, в том числе, заместителями главнокомандующего войсками национальной гвардии Российской Федерации. Отметим, что директор Росгвардии, является участником, к примеру, Совета Безопасности Российской Федерации.

Акцентируем внимание также и на том, что Указом Президента РФ от 5 октября 2023 г. № 743 образована межведомственная комиссия Совета Безопасности РФ по противодействию современным угрозам биологической безопасности, одновременно упразднена комиссия Совбеза по вопросам создания национальной системы защиты от новых инфекций. Ее функции переданы вновь созданной структуре.

В рамках настоящего исследования нас интересует перечень должностных лиц, входящих в состав Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по противодействию современным угрозам биологической безопасности по должностям. Наряду со значительным перечнем вы-

сокопоставленных руководителей в Межведомственную комиссию вошел, в том числе, директор Росгвардии. И таких примеров, достаточно.

В-пятых, деятельность по обеспечению безопасности включает в себя, в том числе, координацию деятельности федеральных органов государственной власти в области обеспечения безопасности (подп. 8 ст. 3 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»).

Учитывая, что государственная политика в области обеспечения безопасности является частью внутренней политики Российской Федерации, она представляет собой совокупность скоординированных и объединенных единым замыслом различных мер, реализуемых федеральными органами государственной власти на основе Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, иных концептуальных и доктринальных документов, разрабатываемых Советом Безопасности и утверждаемых Президентом Российской Федерации. Координируют деятельность по обеспечению безопасности в пределах своей компетенции федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления. И уж если органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления названы в качестве органов, обеспечивающих безопасность, то войска национальной гвардии тем более относится к федеральным органам государственной власти. Тем самым, можно смело утверждать, что войска «выросли» до уровня федерального органа исполнительной власти.

В-шестых, подп. 4 п. 5 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации предусматривает, что обеспечение национальной безопасности реализуется органами публичной власти.

Таким образом, войска национальной гвардии, если смотреть сквозь призму ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ, являются органом публичной власти, что вытекает из их предназначения и характера выполняемых задач, а также из того, что, в соответствии с указанной нормой, под единой системой публичной власти понимаются федеральные органы государственной власти, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции Российской Федерации и в соответ-

ствии с законодательством, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Как мы уже говорили, войска национальной гвардии осуществляют несколько основных функций — правоохранительную, военную и контрольную (надзорную). Вооруженные Силы Российской Федерации выполняют только военную (оборонительную) функцию.

В ст. 1 Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» читаем — войска национальной гвардии являются **государственной военной организацией** (выд. авт.), предназначенной для обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина.

В узком смысле военная организация — это обособленное подразделение военной государственной структуры. При исследовании Положения о Росгвардии мы не нашли довода, подтверждающего, что данный федеральный орган исполнительной власти является военной государственной структурой.

Если посмотреть на широкий смысл трактовки государственной военной организации, то это не что иное, как государственная структура или совокупность нескольких структур, функции которых связаны с защитой государства военными средствами. Поэтому в рамках рассматриваемого контекста войска национальной гвардии занимают промежуточное место между федеральным органом исполнительной власти и государственным органом.

А. В. Кудашкин, исследуя Военную доктрину Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 21 апреля 2000 г. № 706 сделал вывод о том, что ядром военной организации государства являются Вооруженные силы, другие войска, воинские формирования и органы, предназначенные для выполнения задач военной безопасности военными методами, а также органы военного управления. В военную организацию государства также входит часть промышленного и научного комплексов страны, предназначенная для обеспечения задач военной безопасности. Далее исследователь пишет: «Только совокупное наличие двух признаков — решение задач военной безопасности и их решение военными методами является критерием отнесения тех или иных организаций и органов к военной организации государства» [2, с. 295–337].

Отсюда мы можем проследить ту роль, которую войска национальной гвардии выполняют в системе органов, обеспечивающих военную безопасность, являющуюся одним из видов национальной безопасности. В некоторых случаях уместно вести речь и употреблять дефиницию вместо военной безопасности государственная безопасность. Этот вывод вытекает из задач войск национальной гвардии, которые сопряжены с оказанием содействия пограничным органам ФСБ России в охране государственной границы Российской Федерации, а также с участием в борьбе с терроризмом за пределами территории нашей страны.

Следовательно, войска национальной гвардии предназначены для решения задач военной безопасности военными методами. Такие критерии, которым удовлетворяют войска, служат основанием того, что они являются государственной военной организацией.

Одна из особенностей функционирования войск национальной гвардии состоит в том, что они комплектуются федеральными государственными гражданскими служащими.

На основании проведенного исследования обоснована необходимость наделения войск национальной гвардии Российской Федерации статусом федерального органа исполнительной власти в форме федеральной службы. Представленные аргументы демонстрируют, что войска национальной гвардии занимают уникальное положение в системе государственной власти, совмещая функции военной организации и правоохранительного органа. Данное положение обусловлено как их нормативно-правовым статусом, так и спектром задач, включающих обеспечение государственной и общественной безопасности, борьбу с терроризмом и экстремизмом, а также контроль и надзор в стратегически значимых сферах.

Исследование выявило, что современная правовая база лишь частично отражает специфику деятельности войск национальной гвардии. Ученые, такие как А. В. Кудашкин и М. В. Конохов, в своих трудах подчеркивают важность определения статуса организаций, выполняющих задачи военной и национальной безопасности, однако их подходы зачастую ограничиваются рассмотрением военной доктрины в широком контексте. Суждения Е. Ю. Жоги и О. Ю. Тхаровской акцентируют внимание на роли государственных органов в борьбе с терроризмом,

что также имеет непосредственное отношение к деятельности войск национальной гвардии. Эти научные позиции в совокупности подтверждают существование комплексной проблемы правового регулирования статуса и функций войск.

Анализ действующих нормативных актов и научных источников позволил выявить несколько ключевых противоречий. Во-первых, текущий статус войск национальной гвардии как государственной военной организации недостаточно полно отражает их реальную роль в системе обеспечения национальной безопасности. Во-вторых, несмотря на их значительный вклад в реализацию задач федерального уровня, правовой статус войск остается промежуточным между федеральным органом исполнительной власти и военной структурой. В-третьих, существующая модель координации войск национальной гвардии с другими органами государственной власти требует уточнения, чтобы минимизировать дублирование функций и повысить эффективность межведомственного взаимодействия.

Таким образом, мы приходим к выводу, что наделение войск национальной гвардии статусом федеральной службы является обоснованной и необходимой мерой. Подобный шаг позволит не только устранить существующие правовые пробелы, но и укрепить государственную систему обеспечения безопасности, повысив ее гибкость и адаптивность к современным вызовам. Итоги исследования формируют теоретическую и практическую основу для дальнейших научных изысканий и правовых реформ в данной области.

Список источников

1. Жога Е. Ю., Васенин А. Ю., Тхаровская О. Ю. О правовом регулировании деятельности ФСБ Рос-

сии по борьбе с терроризмом // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 10. С. 151–154.

2. Конохов М. В., Кудашкин А. В. Глава 4. Военная организация государства — субъект военного права // Военное право: моногр. В 3 т. / под общ. ред. А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина. Т. 1. М. : Центр правовых коммуникаций, 2021.

3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 22-е изд. М. : Рус. яз., 1990.

4. Указ Президента РФ от 29 июля 2017 г. № 345 «О совершенствовании системы управления Объединенной группировкой войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>

References

1. Zhoga E. Yu., Vasenin A. Yu., Tharovskaya O. Yu. On the legal regulation of the activities of the FSB of Russia in combating terrorism // Humanities, socio-economic and social sciences. 2019. No. 10. P. 151–154.

2. Konokhov M. V., Kudashkin A. V. Chapter 4. The military organization of the state — subjects of military law // Military law: monograph. In 3 vol. / Under the general editorship of A. N. Savenkov, A. V. Kudashkin. Vol. 1. M. : Center for Legal Communications, 2021.

3. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language. 22nd ed. M. : Russian language, 1990.

4. Decree of the President of the Russian Federation of July 29, 2017, No. 345 «On Improving the Management System of the Joint Grouping of Troops (Forces) for Counter-Terrorist Operations in the North Caucasus Region of the Russian Federation» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Информация об авторе

В. М. Шеншин — доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. M. Shenshin — Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg University of the State Fire Fighting Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.01.2025; одобрена после рецензирования 31.01.2025; принята к публикации 17.02.2025.
The article was submitted 17.01.2025; approved after reviewing 31.01.2025; accepted for publication 17.02.2025.

Научная статья

УДК 33.332

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-166-178>

EDN: <https://elibrary.ru/ckdtaf>

НИОН: 2003-0059-1/25-244

MOSURED: 77/27-003-2025-01-443

Развитие энергетики как фактора обеспечения экономической безопасности регионов

Татьяна Николаевна Агапова¹, Андрей Владимирович Минаков²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ tnagapova@gmail.com

² minakov-info@yandex.ru

Аннотация. Доступ к надежным и доступным источникам энергии способствует развитию промышленности, сельского хозяйства и других секторов экономики, повышает инвестиционную привлекательность региона. Органы власти занимают ключевую позицию в укреплении устойчивости энергетической инфраструктуры. Они определяют стратегические направления развития энергетического сектора, оказывают финансовую поддержку, разрабатывают нормативные акты, способствующие оперативному и эффективному восстановлению в условиях кризисных ситуаций, а также содействуют долгосрочному развитию отрасли. Современная энергетическая система России сталкивается с необходимостью расширения, в инновационном обновлении своих производственных мощностей, а также в активизации развития возобновляемых источников энергии. Это особенно актуально для обеспечения доступности и надежности энергоснабжения в удаленных и труднодоступных регионах. Дополнительные препятствия развитию энергетики создают введенные санкционные меры. В этой связи политика импортозамещения должна способствовать формированию новых высокотехнологичных производств, которые смогут удовлетворить потребности данной отрасли в инновациях.

Ключевые слова: энергетика, энергетическая отрасль, региональная энергетика, экономическая безопасность, энергетическая безопасность, энергетические ресурсы, генерация энергии, потребление энергии, экономика энергетики

Для цитирования: Агапова Т. Н., Минаков А. В. Развитие энергетики как фактора обеспечения экономической безопасности регионов // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 166–178. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-166-178>. EDN: CKDTAF.

Original article

Development of energy as a factor in ensuring the economic security of regions

Tatyana N. Agapova¹, Andrey V. Minakov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ tnagapova@gmail.com

² minakov-info@yandex.ru

Abstract. Access to reliable and affordable energy sources contributes to the development of industry, agriculture and other sectors of the economy, increases the investment attractiveness of the region. Government bodies occupy a key position in strengthening the sustainability of the energy infrastructure. They determine strategic directions for the development of the energy sector, provide financial support, develop regulations that facilitate prompt and effective recovery in crisis situations, and promote the long-term development of the industry. The modern energy system of Russia is faced with the need to expand, in innovative renewal of its production capacities, as well as intensify the development of renewable energy sources. This is especially important for ensuring the availability and reliability of energy supply in remote and hard-to-reach regions. Additional obstacles to the development of energy are created by the introduced sanctions. In this regard, the import substitution policy should contribute to the formation of new high-tech industries that can meet the needs of this industry for innovation.

Keywords: energy, energy industry, regional energy, economic security, energy security, energy resources, energy generation, energy consumption, energy economics

For citation: Agapova T. N., Minakov A. V. Development of energy as a factor in ensuring the economic security of regions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):166–178. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-166-178>. EDN: CKDTAF.

Введение. Энергетический сектор представляет собой ключевую область для функционирования любого государства. Все сферы, такие как транспорт, промышленность, здравоохранение, строительство, аграрный сектор, связь, розничная торговля и технологии искусственного интеллекта, зависят от ста-

© Агапова Т. Н., Минаков А. В., 2025

бильных и доступных источников энергии. Энергия также необходима для обогрева и освещения жилых помещений, а также для работы бытовых приборов и приготовления пищи. Уровень развития энергетической инфраструктуры напрямую влияет на темпы экономического роста региона, возможности для функционирования высокотехнологичных производств и качество жизни населения.

Главной задачей эволюции современной энергетики является обеспечение ее устойчивости. Устойчивость энергетической системы определяется рядом факторов, включая наличие доступных ископаемых ресурсов, развитие возобновляемых источников энергии, а также уровень социально-политической стабильности. Важно отметить, что как внутренние, так и международные конфликты могут серьезно повлиять на поставки энергии и разрушить существующие источники, что подчеркивает необходимость комплексного подхода к управлению энергетическими ресурсами. Неполадки в системе энергоснабжения могут спровоцировать увеличение цен на энергетические ресурсы, что негативно сказывается на населении с низкими доходами и малом бизнесе. Недостаток стабильных источников энергии создает угрозы для национальной безопасности, а также для здоровья, стабильности жизнедеятельности и производственной активности.

В России энергетический сектор находится в стадии трансформации и претерпевает значительные структурные изменения, направленные на достижение всеобщего доступа к экономически выгодным, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех слоев населения и предприятий.

Россия располагает значительными запасами энергетических ресурсов и высокими возможностями для использования возобновляемых источников энергии. Тем не менее, традиционные энергетические ресурсы в стране зачастую не способны обеспечить широкодоступное и экономически выгодное снабжение электроэнергией по ряду объективных и субъективных причин. Энергетический сектор России нуждается в глубокой модернизации, поскольку наблюдается значительный износ основных средств как в области генерации, так и в инфраструктуре электросетей. Существует необходимость в создании новых энергетических объектов. В контексте импортозамещения наблюдается дефицит по некоторым направлениям, таким как производство коммутационного

оборудования, автоматизированных систем управления технологическими процессами и т. д. В условиях санкционного давления ключевую роль в развитии отрасли играет поддержка со стороны государства.

Цель исследования — анализ развития энергетики как фактора обеспечения экономической безопасности одного из российских регионов — Забайкальского края.

Обзор литературы. К основным элементам экономической безопасности следует отнести энергетическую, продовольственную, финансовую, научно-техническую, военно-экономическую сферы, а также безопасность предпринимательской деятельности и управление государственным имуществом. Необходимо подчеркнуть, что все указанные элементы экономической безопасности находятся в тесной взаимосвязи, и угроза в одной из этих областей может оказать влияние на другие.

М. С. Курушкин подчеркивает, что энергетические ресурсы на протяжении всей истории человечества неизменно занимали центральное место в обеспечении безопасности и развитии государств. Экономическая устойчивость во многом определяется доступом к надежным источникам энергии, необходимым для функционирования промышленного сектора, транспортной системы и бизнеса [11].

Энергия представляет собой способность выполнять работу и может проявляться в различных формах, включая потенциальную, кинетическую, тепловую, электрическую, химическую и ядерную. Энергию можно получить из ископаемого топлива, например, нефти и природный газ, а также из возобновляемых источников, таких как солнечная, ветровая энергия и др.

По мнению А. П. Рябчика и А. В. Шарковой, современный мир находится на распутье: с одной стороны, изменения климата требуют от государственных институтов решительных и масштабных мер по переходу на экологически безопасные виды энергетики, с другой стороны, существует необходимость в стабильном и доступном снабжении электроэнергией для экономики [13]. На данный момент возобновляемые источники энергии не способны обеспечить необходимую устойчивость в производстве и в ближайшие годы ископаемые источники топлива по-прежнему будут доминировать в глобальном энергобалансе.

Л. В. Баранова определяет энергетическую безопасность как комплекс мероприятий, направленных на защиту экономических субъектов от негативных

воздействий, связанных с нарушением поставок энергоресурсов, необходимых для жизнедеятельности потребителей в нужных объемах и в соответствии с требованиями по качеству для обеспечения устойчивого экономического роста [4]. Н. С. Катрук и его коллеги подчеркивают, что энергетическая безопасность подразумевает постоянное наличие доступных источников энергии по разумным ценам [8]. Наибольшему риску в контексте энергетической безопасности подвержены отдаленные и малонаселенные регионы.

Основополагающие правовые нормы, определяющие формирование государственной политики в области энергетической стабильности, закреплены в Конституции РФ; в частности, в ст. 9 сказано, что все природные ресурсы должны находиться под защитой и использоваться РФ как основа для жизнедеятельности населения [1]. Ключевыми документами, способствующими обеспечению энергетической безопасности России, выступают Доктрина энергетической безопасности, содержащая систему управления рисками в данной сфере [2], и Энергетическая стратегия развития до 2035 г., где детализированы подходы к развитию энергетического сектора, включая аспекты пространственного и регионального развития [3]. Обеспечение безопасности энергетического комплекса страны также осуществляется через развитие критически важных технологий для импортозамещения в этой области.

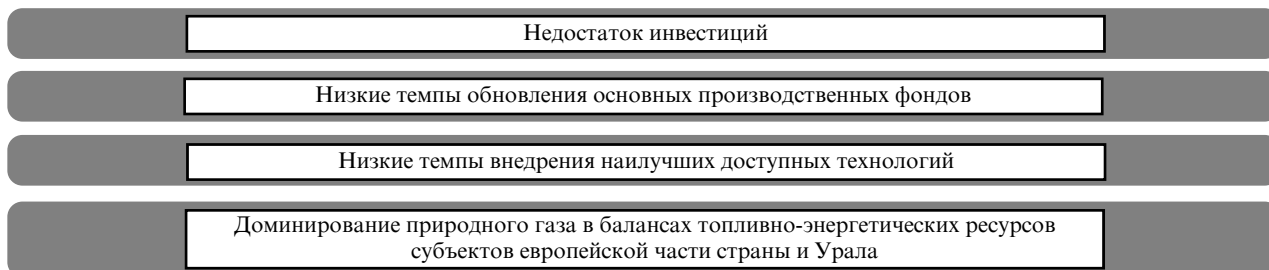
Меры, направленные на обеспечение устойчивости энергетической системы, охватывают несколько ключевых аспектов. Прежде всего, важным является достижение достаточности ресурсов, что включает в себя создание стратегических резервов, а также диверсификацию источников энергии и маршрутов их доставки. Кроме того, экономическая доступность играет важную роль, что предполагает развитие конкурентоспособного внутреннего рынка и гибкую систему ценообразования. Важным аспектом также является соблюдение экологических и технологических стан-

дартов, что подразумевает переход к устойчивым и экологически чистым видам энергии, внедрение технологий, способствующих экономии ресурсов и энергии, а также модернизацию существующего оборудования и инфраструктуры. Наконец, необходимо обратить внимание на правовую регламентацию данного процесса, что включает в себя совершенствование законодательства, укрепление мер по защите критически важной инфраструктуры и регулирование взаимодействия между государственными органами, коммерческими структурами и потребителями.

По мнению М. В. Куклиной и ее соавторов, активизация применения местных топливно-энергетических ресурсов приобретает все большую значимость как ключевого элемента устойчивого развития российских регионов, особенно в восточной части страны, где транспортная удаленность территорий делает обеспечение их энергоресурсами наиболее сложным и дорогостоящим процессом [9].

Рациональное использование локальных энергетических ресурсов представляет собой важный аспект, способствующий эффективному переходу от более дорогих и ограниченных источников энергии к более доступным альтернативам. Необходимо расширять сферу применения и усиливать использование нетрадиционных возобновляемых источников энергии, таких как солнечная, ветровая, биомасса, ресурсы малых рек и геотермальная энергия. Важным направлением является извлечение энергии из вторичных ресурсов, включая остаточное тепло и отходы, образующиеся в процессе лесного и сельскохозяйственного производства, а также в животноводстве. Кроме того, следует активно задействовать промышленные отходы горючих материалов, такие как отходы углеобогащения и лесопиления. Эффективное управление этими ресурсами также включает в себя меры по экономии тепловой и электрической энергии.

С. Сендеров и В. Рабчук выделяют следующие проблемы энергетической отрасли России:

Рис. 1. Проблемы энергетической отрасли России
Источник: составлено на основе [14].

Энергетические компании нацелены на строительство современных энергетических объектов и подключение к электросетям всех нуждающихся, они также стремятся обновить устаревшее оборудование, так как уровень износа энергооборудования очень высок, например, в Забайкальском крае он достигает 80 %. Однако нехватка финансовых средств препятствует реализации этих намерений, кроме того, в отрасли наблюдается дефицит квалифицированного персонала и автотранспортных средств [7].

Таким образом, энергетическая безопасность представляет собой постоянную доступность энергетических ресурсов. На уровне региона она имеет критическое значение для обеспечения стабильной работы основных секторов экономики. Эффективное использование местных энергетических ресурсов становится важной задачей, что подразумевает максимально полное и рациональное освоение доступных на определенной территории энергоресурсов, а также экономию традиционных источников энергии и расширение применения нетрадиционных источников.

Материалы и методы. Проведем анализ современного состояния структуры производства электроэнергии в мире и рассмотрим, как частный случай, региональную динамику развития энергетики в Забайкальском крае. Регион входит в юго-восточную часть Объединенной энергетической системы Сибири, является частью Единой энергетической системы России. Структура установленной мощности в 2023 г.: тепловые электростанции (94,2 %) и возобновляемые источники энергии (солнечные электростанции — 5,8 %). В структуре потребления в 2023 г. преобладают транспорт — 29,3 % и промышленность — 28,0 %. Крупнейшие потребители: ОАО «РЖД», ПАО «Приаргунское производственное горнохимическое объединение», ООО «ГРК «Быстринское», ООО «Байкалруд» и АО «НовоШирокинский руд-

ник» [12]. В работе были использованы следующие методы: формально-логический, индукции и дедукции при детализации структуры, синтез, анализ, сравнение, динамический анализ, метод графической интерпретации статистической информации. Информационной основой, применяемой при анализе развития энергетики в мире и в регионах, является анализ статистических показателей. Федеральная служба государственной статистики занимается сбором и публикацией в открытых источниках статистических данных о развитии отрасли энергетики. Нами выбраны следующие показатели, характеризующие состояние отрасли в Забайкальском крае: установленная электрическая мощность электростанций, объемы производства, передачи и распределения электроэнергии, электровооруженность труда работников предприятий, обеспечивающих электрической и тепловой энергией, просроченная дебиторская задолженность организаций, обеспечивающих электрической и тепловой энергией, потери в электросетях общего пользования и др. При этом для расчета показателей исследовались имеющиеся в свободном доступе данные за 2021–2023 гг.

Результаты исследований. Частный анализ региональной энергетической составляющей экономической безопасности предлагаем начать с общего ознакомления с группировкой по мировому производству электроэнергии по существующим на сегодня видам (табл. 1). Эта многомерная группировка включает два пересекающихся признака (двумерная структура с пересекающимися признаками), т. е. имеет два входа; это позволяет оценить структуру производства электроэнергии в нескольких разрезах.

Если принять производство электроэнергии в мире за целое, а количество произведенной электроэнергии в различных регионах теми или иными видами электростанций — за части, то удельные веса

Таблица 1

Производство электроэнергии в мире

Регионы	Произведено электроэнергии в год, млрд кВт/час				
	Всего	В том числе			
		ТЭС	ГЭС	АЭС	ГеоТЭС
Европа	4200	2508	697	991	4
США	3070	2183	249	617	21
Россия	940	667	161	112	-
Прочие страны	3790	2322	1089	356	23
Весь мир	12 000	7680	2196	2076	48

Таблица 2

Структура производства электроэнергии в мире, % к итогу

Регионы	ТЭС	ГЭС	АЭС	ГеоТЭС	Всего
Европа	20,9	5,8		0,0	35,0
США	18,2	2,1	8,3	0,2	25,6
Россия	5,6	1,3	5,1	-	7,8
Прочие страны	19,3	9,1	0,9 3,0	0,2	31,6
Всего	64,0	18,3	17,3	0,4	100,0

отдельных подгрупп произведенной электроэнергии, можно получить систему относительных величин структуры. Они будут показывать выделенную структуру по регионам мира и видам электростанций (табл. 2).

Таким образом, удельный вес произведенной электроэнергии мира, выработанной ТЭС России составляет 5,6 %, а ГЭС — 1,3 %. В общей структуре США соответственно производится ТЭС — 18,2 %, а ГЭС — 2,1 % всей электроэнергии мира.

Далее, более подробный анализ структуры изучаемой совокупности, т. е. выявление ее структуры по

каждому из двух группировочных признаков предлагаем осуществлять следующим образом.

Для этого необходимо каждую часть целого, выделенную по одному из анализируемых признаков (определенные регионы мира или определенные виды производителей электроэнергии), принять за целое и вычислить структуру по подгруппам в этой группе, т. е. структуру произведенной электроэнергии данного региона мира по видам электростанций или структуру произведенной электроэнергии различными электростанциями по регионам мира (табл. 3, 4).

Таблица 3

Региональная структура производства электроэнергии

Регионы	Количество произведенной электроэнергии, % к итогу по видам электростанций				
	ТЭС	ГЭС	АЭС	ГеоТЭС	Всего
Европа	32,7	31,7	47,7	8,3	35,0
США	28,4	11,4	29,7	43,8	25,6
Россия	8,7	7,3	5,4	-	7,8
Прочие регионы	30,2	49,6	17,2	47,9	31,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 4

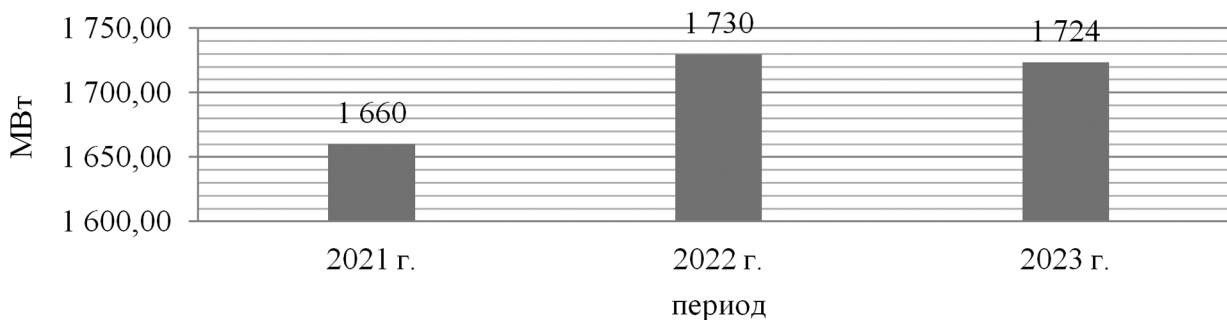
Типовая структура производства электроэнергии

Регионы	Количество произведенной электроэнергии, % к итогу по видам электростанций				
	ТЭС	ГЭС	АЭС	ГеоТЭС	Всего
Европа	59,7	16,6	23,6	0,1	100,0
США	71,1	8,1	20,1	0,7	100,0
Россия	71,0	17,1	11,9	-	100,0
Прочие регионы	61,3	28,7	9,4	0,6	100,0
Всего	64,0	18,3	17,3	0,4	100,0

По информации табл. 3 оценивается доля регионов в общем производстве электроэнергии и по типам электростанций. Так, например, в Европе (без России) сосредоточена почти половина атомных электростанций, что объясняется бедностью Европы другими источниками электроэнергии при очень значительной потребности в ней из-за высокой плотности населения и индустриального потенциала.

Кроме того, разработка и внедрение комплексов электростанций нетрадиционной электроэнергии (солнечно-тепловой — ГеоТЭС) сосредоточена только в США и «прочих» регионах.

По данным табл. 4 анализируется типовая структура электростанций в каждом регионе и в мире в целом, где резко преобладают тепловые электростанции.

Рис. 2. Динамика установленной электрической мощности электростанций в Забайкальском крае, МВт
Источник: составлено на основе [6].

Однако, следует помнить, что в перспективе уже через 30–50 лет потенциал тепловых электростанций будет сходиться на нет, а через 100 лет ТЭС полностью прекратят существование, и в мире останется только два источника — гидро- и атомные станции; т. е. структура по видам электростанций должна меняться в сторону увеличения их удельного веса. В Европе и США удельный вес ГЭС ниже, чем в России за счет более высокой доли АЭС, а в «прочих» регионах — за счет повышенной доли ГЭС. Геотермальные электростанции не играют нигде существенной роли в производстве электроэнергии.

Удельные веса в табл. 2 являются произведениями удельных весов в соответствующих клетках табл. 3 на итоговые доли по соответствующей графе табл. 4 и деленными на 100. Так, например, удельный вес производства электроэнергии на АЭС в США во всем производстве электроэнергии в мире (5,14 %) есть произведение удельного веса США во всем мировом производстве электроэнергии на АЭС (29,7 %) на удельный вес производства электроэнергии по АЭС во всем ее производстве в мире (17,3) и деленная на 100 ($29,7 * 17,3/100 = 5,14$).

Или произведение соответствующей клетки табл. 4 на итоги соответствующей строки в табл. 3 равно также удельному весу производства электроэнергии на АЭС в США во всем мировом производ-

стве электроэнергии ($20,1 * 25,6/100 = 5,14$).

Если обозначить доли региона в мировом производстве электроэнергии — $d_{p/o}$; доли типов электростанций в мировом производстве — $d_{pt/o}$; доли региона в производстве электроэнергии данным типом электростанций — $d_{pt/r}$; доли типа электростанций в производстве электроэнергии в данном регионе — $d_{tr/p}$; доли производства электроэнергии данным типом электростанций в данном регионе в общем мировом производстве электроэнергии — $d_{pt/o}$, то имеем соотношения:

$$d_{pt/o} = d_{pt/r} * d_{r/o} \quad (1)$$

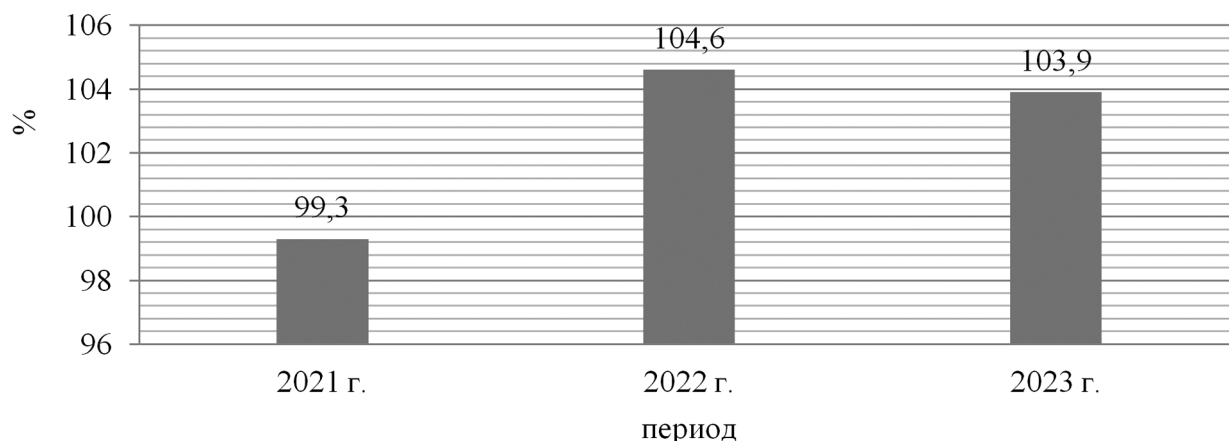
$$d_{tr/o} = d_{tr/p} * d_{p/o} \quad (2)$$

Таким образом, каждый из указанных аспектов изучения структуры мирового производства электроэнергии имеет самостоятельное значение. Различные аспекты структурного анализа дополняют друг друга, позволяя провести глубокое и разностороннее исследование структуры изучаемого явления.

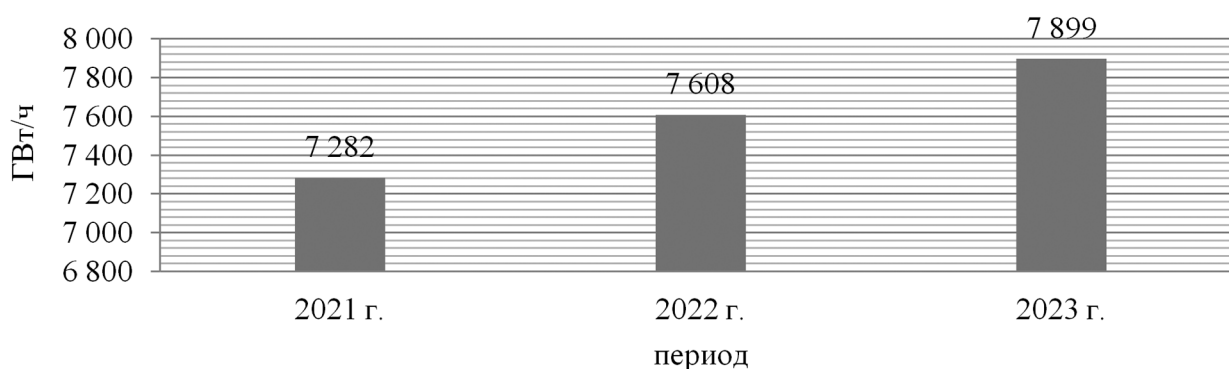
Перейдем к региональному элементу анализа энергетической отрасли и проанализируем развитие энергетики в Забайкальском крае. За 2021–2023 гг. выросла установленная электрическая мощность электростанций в регионе на 4 % и составила в 2023 г. 1724 МВт. Изменение мощности энергосистемы связано с ростом потребления в транспортном секторе (рис. 2).

Рис. 3. Индекс производства в сфере обеспечения электрической и тепловой энергией в Забайкальском крае, %
Источник: составлено на основе [6].

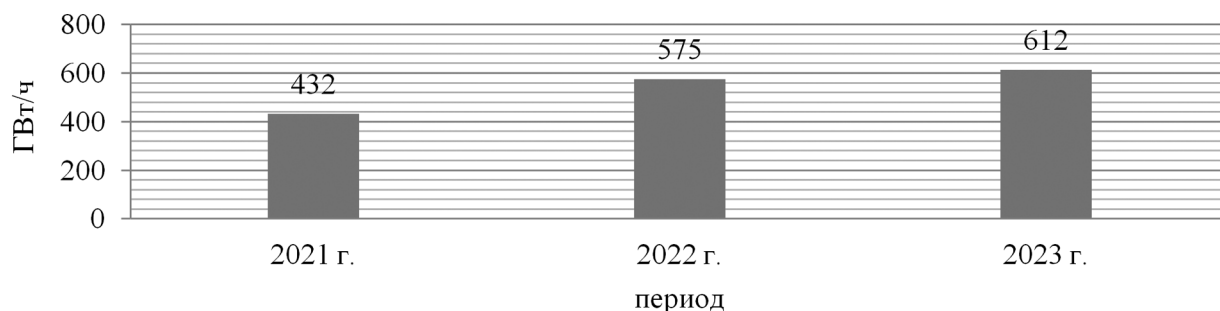
Рис. 4. Темп роста производства, передачи и распределения электроэнергии в Забайкальском крае, %
Источник: составлено на основе [6].

Рис. 5. Динамика производства электроэнергии в Забайкальском крае, ГВт/ч
Источник: составлено на основе [6].

Ежегодно в регионе устойчиво растет индекс производства в сфере обеспечения электрической и тепловой энергией и в 2023 г. он составлял 104,9 % (рис. 3).

В 2022–2023 гг. росли объемы производства, передачи и распределения электроэнергии в регионе. Наиболее высокий темп роста показателя был в 2022 г. (рис. 4).

Рис. 6. Динамика отпущенной электроэнергии за пределы Забайкальского края, ГВт/ч
Источник: составлено на основе [6].

Рис. 7. Динамика полученной электроэнергии из-за пределов региона в Забайкальском крае, ГВт/ч
Источник: составлено на основе [6].

Рис. 8. Динамика потребления электроэнергии в Забайкальском крае, ГВт/ч
Источник: составлено на основе [6].

Объем производства электроэнергии в Забайкальском крае за два года вырос на 8 % и составил в 2023 г. 7899 ГВт/ч (рис. 5).

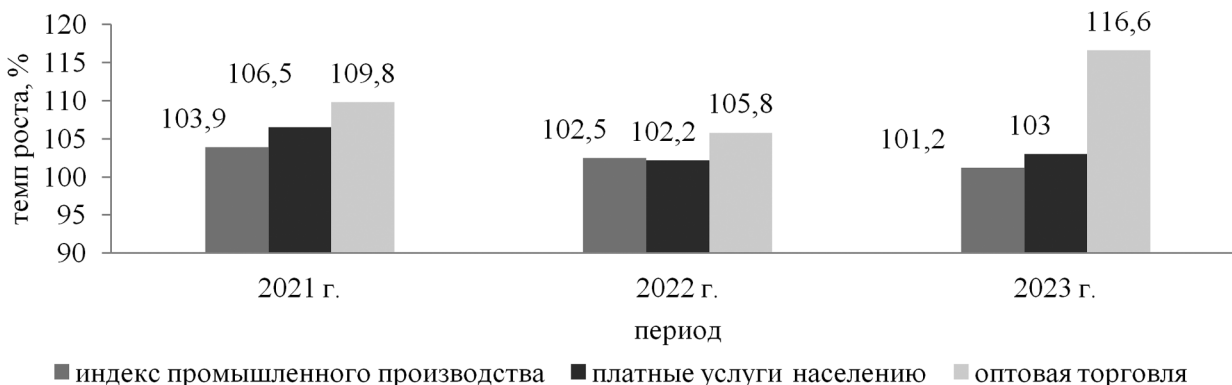
Ежегодно росли объемы отпущенной электроэнергии за пределы региона и составили в 2023 г. 612 ГВт/ч (рис. 6).

Намного выше объемов отпущенной электроэнергии за пределы региона были объемы полученной электроэнергии из других субъектов, причем показатели в 2022–2023 гг. значительно выросли относительно 2021 г. (рис. 7).

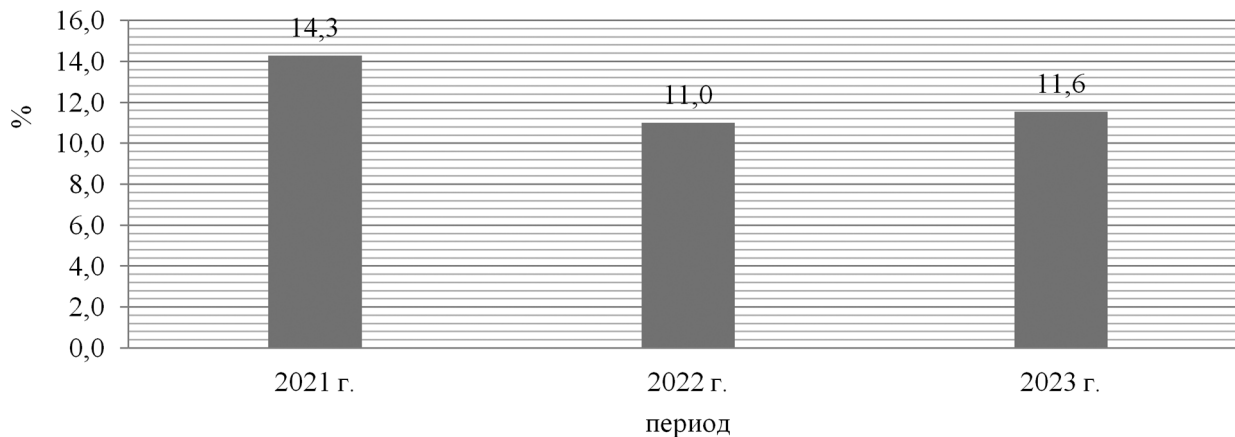
Объемы потребления электроэнергии в Забайкальском крае за 2021–2023 гг. выросли на 7 % и достигли в 2023 г. 8832 ГВт/ч (рис. 8).

Положительная динамика потребления энергии связана с развитием за последние годы промышленности, торговли, ростом объемов платных услуг населению (рис. 9).

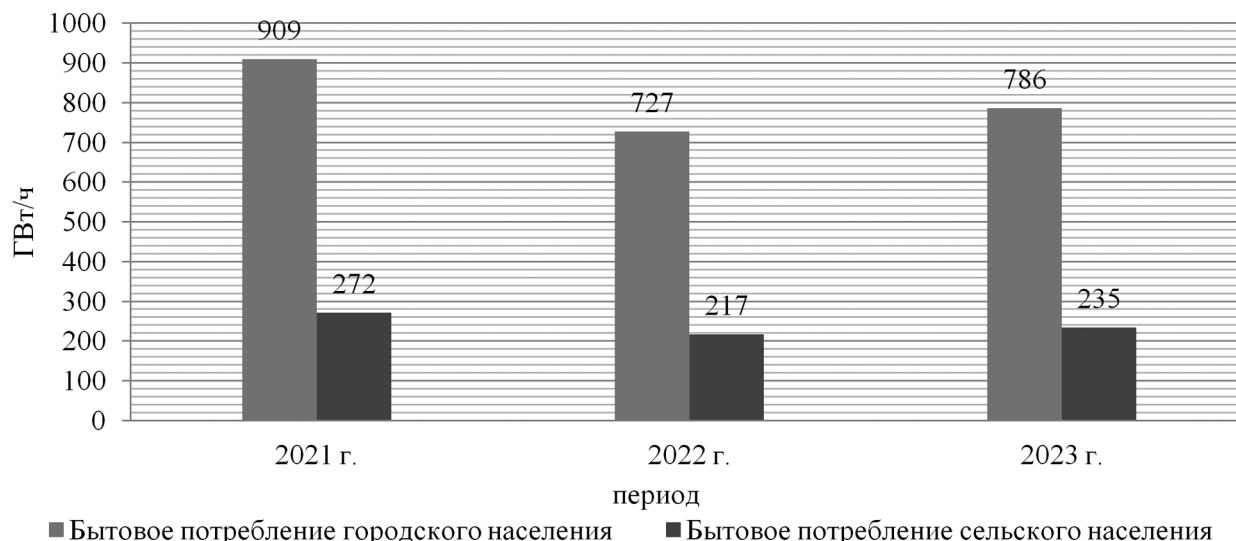
Фактором роста потребления электроэнергии стала также переориентация экономики на рынки Юго-Восточной Азии и увеличение железнодорожных грузоперевозок в восточном направлении.

Рис. 9. Динамика показателей развития экономики в Забайкальском крае, %
Источник: составлено на основе [5].

Рис. 10. Доля потребления населением электроэнергии в Забайкальском крае, %
Источник: составлено на основе [6].

Рис. 11. Динамика потребления населением электроэнергии в Забайкальском крае, ГВт/ч

Источник: составлено на основе [16].

Доля потребления населением электроэнергии в Забайкальском крае снизилась с 14,3 % в 2021 г. до 11,6 % в 2023 г. (рис. 10).

За анализируемый период времени снизилось потребление населением электроэнергии как в городе, так и на селе (рис. 11).

Крупнейшими потребителями электроэнергии в Забайкальском крае среди предприятий являются компании, занимающиеся добычей полезных ископаемых и железнодорожные компании.

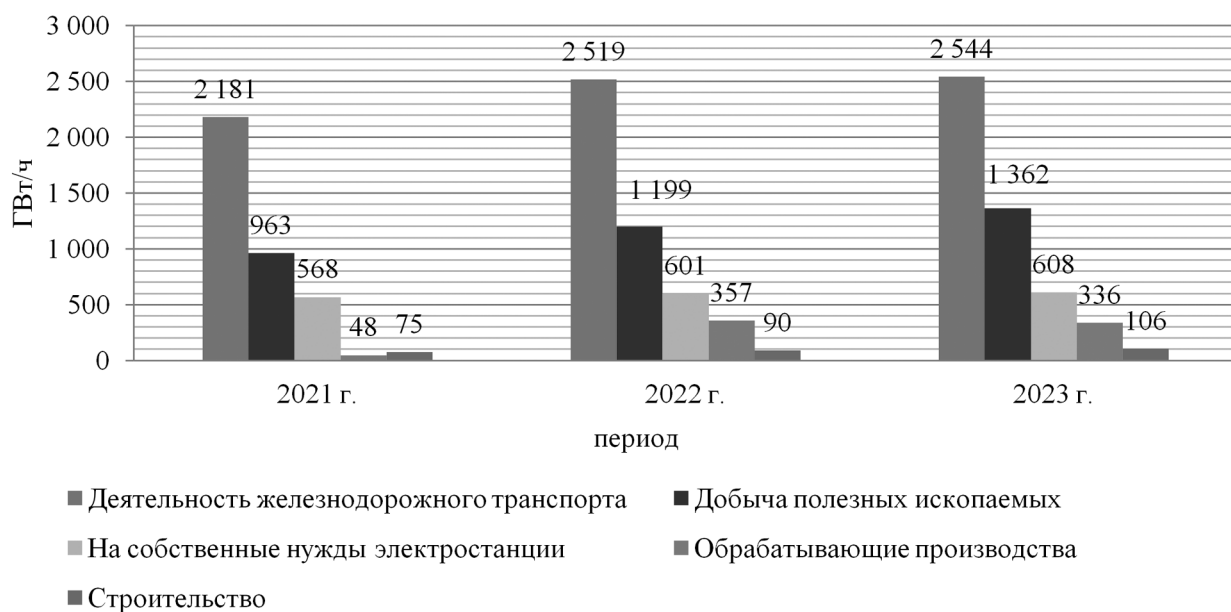
За последние два года выросло потребление электроэнергии предприятиями в Забайкальском крае как в целом, так и по основным отраслям региональной экономики (рис. 12).

Технологический расход электроэнергии на передачу по электросетям в Забайкальском крае вырос за два года на 7 % (рис. 13, 14).

Электровооруженность труда работников предприятий, обеспечивающих электрической и тепловой энергией в 2022–2023 гг., отставала от среднероссийских показателей и снизилась относительно 2021 г. (рис. 15).

Ежегодно росла просроченная дебиторская задолженность организаций, обеспечивающих электрической и тепловой энергией в Забайкальском крае (рис. 16).

Потери в электросетях общего пользования в Забайкальском крае за 2021–2023 гг. выросли на 7 %,

Рис. 12. Динамика потребления электроэнергии предприятиями в Забайкальском крае, ГВт/ч

Источник: составлено на основе [6].

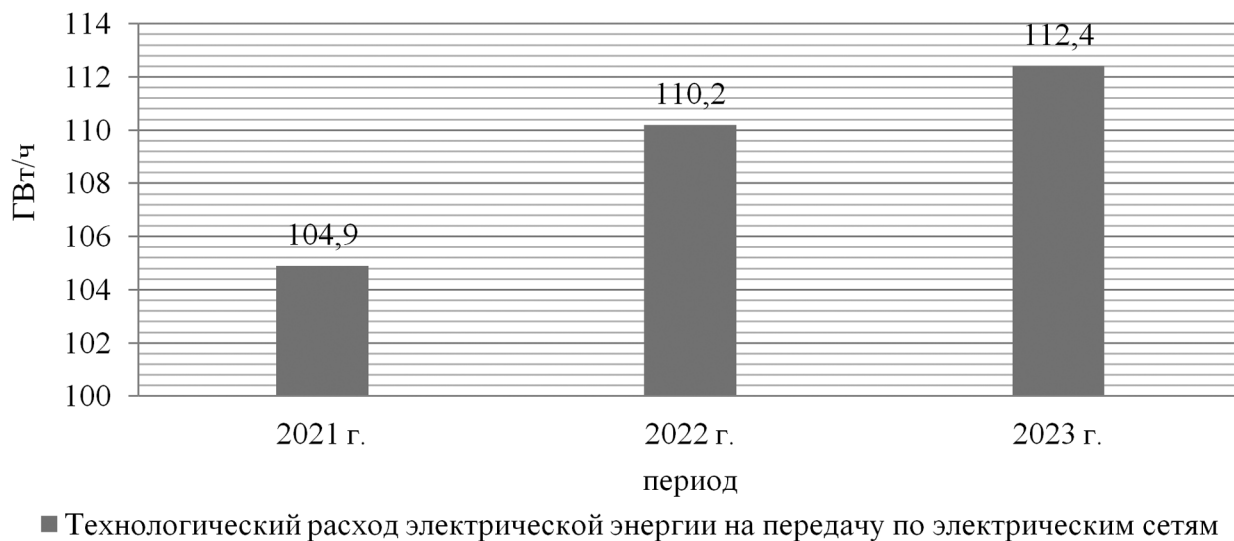

Рис. 13. Динамика технологического расхода электроэнергии на передачу по электросетям в Забайкальском крае, ГВт/ч
Источник: составлено на основе [6].

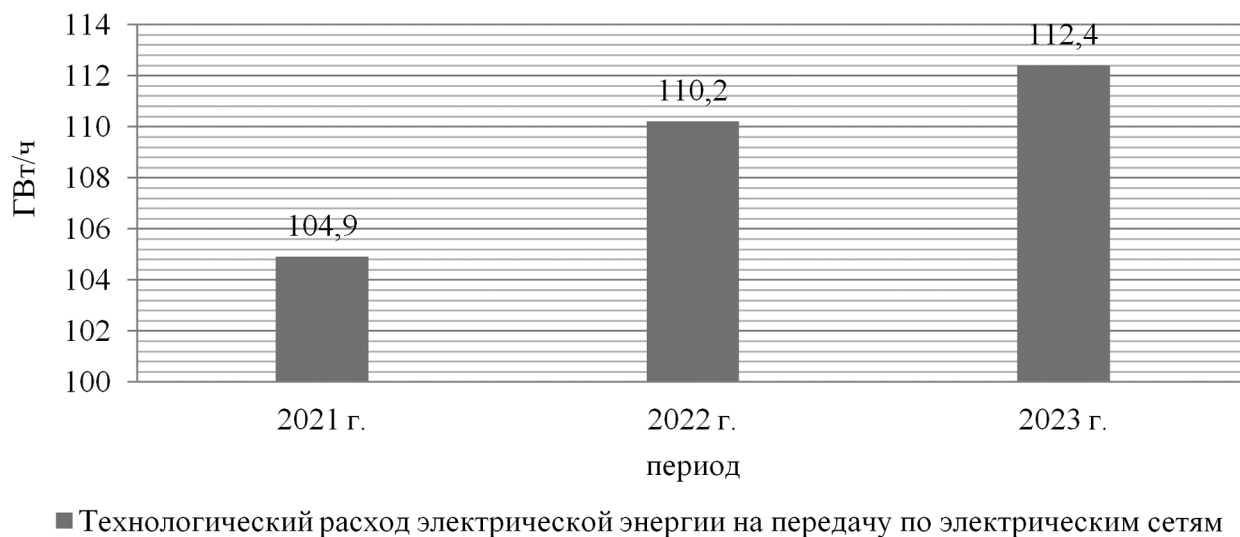

Рис. 14. Динамика технологического расхода электроэнергии на передачу по электросетям в Забайкальском крае, ГВт/ч
Источник: составлено на основе [6].

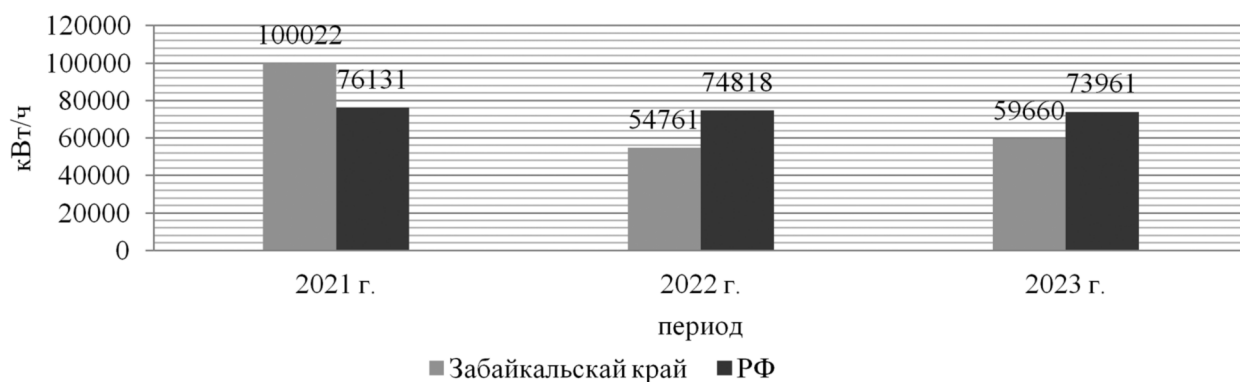

Рис. 15. Динамика электровооруженности труда работников предприятий, обеспечивающих электрической и тепловой энергией, кВт/ч
Источник: составлено на основе [16].

Рис. 16. Динамика просроченной дебиторской задолженности организаций, обеспечивающих электрической и тепловой энергией в Забайкальском крае, млн руб.

Источник: составлено на основе [6].

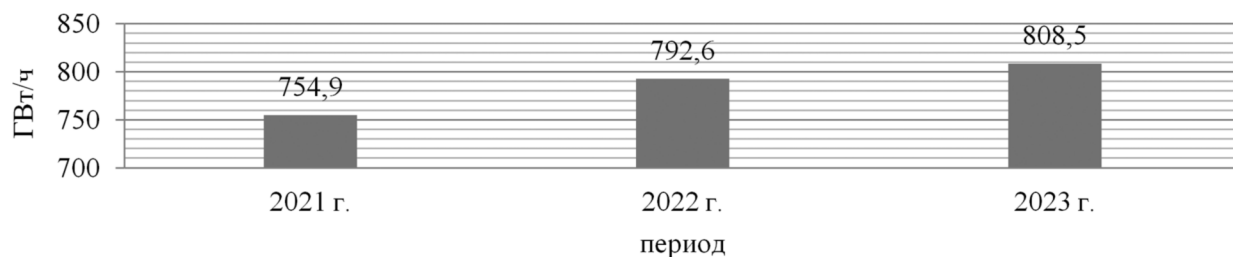
что говорит о необходимости обновления энергетической инфраструктуры (рис. 17).

Доля потерь электроэнергии к общему объему отпущенной электроэнергии в Забайкальском крае превышала среднероссийский уровень (рис. 18), как наглядно видно, она составляет 9,8 % по сравнению со среднероссийской 8,9 %. При этом, среднероссийская доля потерь несколько сокращается с 9,2 до 8,9 %, а в исследуемом регионе она, к сожалению, практически не изменяется, т. е. следует понимать, что никакие меры по сокращению объемов упущенных выгод в регионе не применяются.

Обсуждение. Проведенный анализ развития энергетики в Забайкальском крае позволяет сделать ряд выводов. Из основных положительных тенденций можно выделить рост за 2021–2023 гг. установленной электрической мощности электростанций региона, производства и потребления электроэнергии пред-

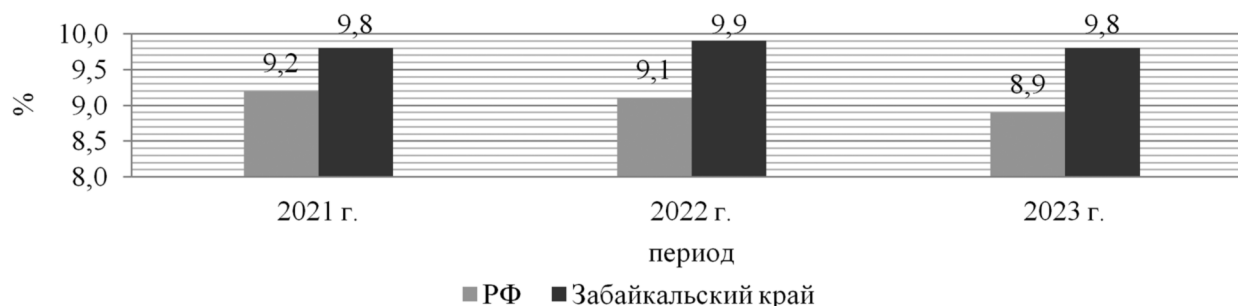
приятиями. Из негативных тенденций следует отметить снижение электровооруженности труда работников предприятий, обеспечивающих электрической и тепловой энергией, рост у них просроченной дебиторской задолженности, рост потерь в электросетях общего пользования и доли потерь электроэнергии к общему объему отпущенной электроэнергии в Забайкальском крае.

Для стабильного развития экономики в регионе необходимо повышать надежность энергетического сектора. Существует множество точек зрения на развитие энергетики. Е. М. Стариков подчеркивает важность формирования инфраструктуры для технологических стартапов для стимулирования инновационных процессов в области энергетики [15]. В свою очередь, А. П. Рябчик и А. В. Шаркова акцентируют внимание на необходимости внедрения малых энергетических установок, особенно гибридного типа, ко-

Рис. 17. Динамика потерь в электросетях общего пользования в Забайкальском крае, ГВт/ч

Источник: составлено на основе [6].

Рис. 18. Изменение доли потерь электроэнергии к общему объему отпущенной электроэнергии в Забайкальском крае, %

Источник: составлено на основе [6].

торые представляют собой сегмент электроэнергетической отрасли, включающий независимые генерационные системы и комплексы, работающие как на традиционных источниках топлива, так и на возобновляемых ресурсах [13]. З. Х. Курбанова указывает на значимость как прямой, так и косвенной государственной поддержки для продвижения альтернативных источников энергии, таких как солнечная и ветровая энергия [10]. По мнению автора, с учетом выявленных в регионе проблем и его потребностей в электрической энергии в долгосрочной перспективе, с учетом роста промышленного производства и динамики социально-экономического развития в Забайкальском крае, необходимо осуществлять ввод новых объектов тепловой генерации, развивать строительство генерирующих мощностей, использующих возобновляемые источники энергии, а также прокладывать новые воздушные линии электропередачи. Налаживание тесного и эффективного взаимодействия между региональными властями и энергетическими компаниями позволит оперативно и результативно решать актуальные задачи, стоящие перед ними.

Заключение. Обобщая полученные результаты, можно сделать определенные выводы. Энергетика занимает ключевую позицию в обеспечении экономической стабильности регионов. Энергетическая безопасность региона подразумевает создание действенной, надежной и доступной энергетической инфраструктуры, удовлетворяющей потребности бизнеса, поддерживающей его повседневную деятельность, обеспечивающей развитие промышленности и, как следствие, региональной экономики.

В настоящее время энергетика Забайкальского края хоть и развивается: растет установленная электрическая мощность электростанций региона, производство и потребление энергии, однако по сравнению со среднероссийскими показателями в регионе высокая доля потерь электроэнергии к общему объему отпущенной электроэнергии, а также низкая электрооборуженность труда работников предприятий, обеспечивающих электрической и тепловой энергией. Для развития отрасли необходимо расширение объектов тепловой генерации, развитие возобновляемой энергетики, строительство новых линий электропередачи, налаживание эффективного взаимодействия региональных властей и энергетических компаний для решения долгосрочных задач.

Список источников

1. Конституция РФ принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок от 6 октября 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности РФ» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Распоряжение Правительства РФ от 9 июня 2020 г. № 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Баранова Л. В. Категория «энергетическая безопасность» в концепции обеспечения экономической безопасности в теоретических воззрениях современников // Прогрессивная экономика. 2024. № 2. С. 45–61.
5. Социально-экономическое положение России // URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>
6. Единая межведомственная информационно-статистическая система // URL: <https://www.fedstat.ru>
7. Калабухова Е. Депутат Гурулев назвал причины проблем энергетики в Забайкалье // URL: <https://www.mkchita.ru/economics>
8. Катрук Н. С., Казанцев М. Д., Колмаков В. О. Проблемы и основные направления развития электроснабжения удаленных и малонаселенных потребителей России // Человек. Социум. Общество. 2022. № 14. С. 152–158.
9. Куклина М. В., Абраменко С. И., Красноштанова Н. Е. Развитие местных топливно-энергетических ресурсов как фактор устойчивого развития территории // Управленческий учет. 2021. № 4-2. С. 255–261.
10. Курбанова З. Х. Альтернативные источники энергии: проблемы внедрения в экономику России // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. № 8. С. 510–519.
11. Курушкин М. С. Современные угрозы и направления обеспечения энергетической безопасности как элемента национальной безопасности РФ // Вестник Екатеринбургского института. 2024. № 1. С. 38–44.
12. Рынок электроэнергии Дальневосточного федерального округа // URL: <https://www.mcbanm.ru>
13. Рябчик А. П., Шаркова А. В. Малая энергетика — драйвер пространственного развития России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. № 5. С. 412–432.
14. Сендеров С., Рабчук В. Энергетическая безопасность сегодня и основные методики ее обеспечения // Энергетическая политика. 2022. № 11. С. 56–69.

15. Стариков Е. М. Развитие технологических стартапов в энергетике: оценка инфраструктурного потенциала регионов России // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2023. № 11. С. 58–71.

16. Технологическое развитие отраслей экономики // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11189>

References

1. The Constitution of the Russian Federation was adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended on October 6, 2022) // LRS «ConsultantPlus».

2. Decree of the President of the Russian Federation dated May 13, 2019 No. 216 «On Approval of the Doctrine of Energy Security of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

3. Decree of the Government of the Russian Federation dated June 9, 2020 No. 1523-r «On Approval of the Energy Strategy of the Russian Federation for the period up to 2035» // LRS «ConsultantPlus».

4. Baranova L. V. The category of «energy security» in the concept of ensuring economic security in the theoretical views of contemporaries // Progressive Economics. 2024. No. 2. P. 45–61.

5. Socio-economic situation of Russia // URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>

6. Unified interdepartmental information and statistical system // URL: <https://www.fedstat.ru>

7. Kalabukhova E. Deputy Gurulev named the causes of energy problems in Transbaikalia // URL: <https://www.mkchita.ru/economics>

8. Katruk N. S., Kazantsev M. D., Kolmakov V. O. Problems and main directions of development of electricity supply to remote and sparsely populated consumers in Russia. The society. Society. 2022. No. 14. P. 152–158.

9. Kuklina M. V., Abramenko S. I., Krasnoshtanova N. E. Development of local fuel and energy resources as a factor of sustainable development of the territory // Managerial accounting. 2021. No. 4-2. P. 255–261.

10. Kurbanova Z. H. Alternative energy sources: problems of implementation in the Russian economy // Theory of law and interstate relations. 2021. No. 8. P. 510–519.

11. Kurushkin M. S. Modern threats and directions of ensuring energy security as an element of national security of the Russian Federation // Bulletin of the Catherine Institute. 2024. No. 1. P. 38–44.

12. Electricity market of the Far Eastern Federal District // URL: <https://www.mcbamk.ru>

13. Ryabchik A. P., Sharkova A. V. Small power engineering as a driver of Russia's spatial development // Scientific Papers of the Free Economic Society of Russia. 2023. No. 5. P. 412–432.

14. Senderov S., Rabchuk V. Energy security today and the main methods of its provision // Energy policy. 2022. No. 11. P. 56–69.

15. Starikov E. M. Development of technological start-ups in the energy sector: assessment of the infrastructural potential of the regions of Russia // Bulletin of the Samara State University of Economics. 2023. No. 11. P. 58–71.

16. Technological development of economic sectors // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11189>

Информация об авторах

Т. Н. Агапова — профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор;

А. В. Минаков — профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор.

Information about the authors

T. N. Agapova — Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor;

A. V. Minakov — Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.01.2025; одобрена после рецензирования 30.01.2025; принята к публикации 17.02.2025. The article was submitted 14.01.2025; approved after reviewing 30.01.2025; accepted for publication 17.02.2025.

Научная статья

УДК 336.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-179-184>

EDN: <https://elibrary.ru/cohwdu>

НИОН: 2003-0059-1/25-245

MOSURED: 77/27-003-2025-01-444

Современные тенденции в оценке фискального пространства

Ольга Борисовна Буздалина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, obb7@rambler.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые тенденции управления фискальным пространством в целях стимулирования развития экономики государством во взаимосвязи с бюджетной политикой. В условиях трансформации подходов к управлению государственными финансовыми ресурсами анализ и количественная оценка фискального пространства создают резервы повышения эффективности использования бюджетных средств. Оптимизация фискального пространства становится приоритетным направлением бюджетной политики в условиях необходимости достижения национальных целей социально-экономического развития страны.

Ключевые слова: фискальное пространство, налоговая нагрузка, налоговый потенциал, эффективное управление, налоговая политика, финансовый потенциал

Для цитирования: Буздалина О. Б. Современные тенденции в оценке фискального пространства // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 179–184. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-179-184>. EDN: COHWDU.

Original article

Current trends in the assessment of fiscal space

Olga B. Buzdalina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, obb7@rambler.ru

Abstract. Some tendencies of fiscal space management in order to stimulate economic development by the state in interrelation with budgetary policy are considered. In the conditions of transformation of approaches to the management of public financial resources, the analysis and quantitative assessment of fiscal space create reserves for improving the efficiency of budget funds utilization. Optimization of fiscal space becomes a priority direction of budgetary policy in the context of the need to achieve national goals of socio-economic development of the country.

Keywords: fiscal space, tax burden, tax potential, effective management, tax policy, financial potential

For citation: Buzdalina O. B. Current trends in the assessment of fiscal space. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):179–184. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-179-184>. EDN: COHWDU.

Экономика современной России сталкивается с серьезными вызовами и ограничениями, препятствующими эффективному использованию имеющегося фискального пространства. Сохранение и расширение возможностей государства по проведению контрциклической бюджетной политики и реализации долгосрочных инвестиционных инициатив требует комплексных системных усилий, затрагивающих как институциональную сферу, так и отраслевую структуру национальной экономики.

В современных условиях оптимизации бюджетных средств, бюджетных кризисов, санкций, вводимых недружественными странами против России, важное внимание уделяется оптимизации финансовых средств и оценке фискального пространства.

Научная значимость исследования заключается в систематизации теоретических подходов к содержанию фискального пространства во взаимосвязи с налоговой политикой.

Практическая значимость исследования заключается в разработке новых подходов к оценке фискального пространства.

Выделены инструменты управления фискальным пространством и рассмотрены концепции фискального пространства, применяемые на макроуровне.

Ценность проведенного исследования связана с формированием системного подхода к оценке фискального пространства на внутривластном уровне во взаимосвязи с показателями налоговой нагрузки, налогового потенциала, государственных расходов.

© Буздалина О. Б., 2025

Фискальное пространство представляет собой один из ключевых подходов современной экономической теории, который находит широкое применение в процессе разработки и реализации финансовой политики государства. Данное понятие отражает способность правительства осуществлять заимствования для финансирования дефицита бюджета без серьезных негативных последствий для макроэкономической стабильности и долгосрочной платежеспособности страны.

При эффективном управлении фискальным пространством в период экономического спада возможно незначительное увеличение дефицита бюджета для поддержания совокупного спроса, инвестируя средства в инфраструктурные проекты, социальные программы и стимулирование деловой активности. С другой стороны, в периоды экономического подъема наличие фискального пространства дает возможность снижать дефицит или даже формировать профицит, тем самым ограничивая инфляционное давление и создавая «буфер» на случай будущих кризисов [1].

Помимо стабилизирующей роли, фискальное пространство имеет важнейшее значение для обеспечения долгосрочной устойчивости государственных финансов. Оно позволяет абсорбировать потенциальные шоки, связанные с ростом расходов на обслуживание государственного долга, колебаниями курсов валют или другими непредвиденными событиями, не прибегая к чрезмерному повышению налогов или резкому сокращению расходов.

Наличие существенного фискального пространства также повышает доверие инвесторов и кредиторов к стране, способствуя снижению стоимости заимствований на внутренних и внешних рынках. Это создает благоприятные условия для реализации инвестиционных проектов, стимулирования экономического роста и повышения уровня жизни населения.

Чтобы стабильно развивать государство, необходимо развивать бюджетную и налоговую политику на всех уровнях бюджетной системы государства [2]. Центральные власти федеративной страны разрешают проблемы, связанные с осуществлением управления всей территорией в зависимости от их разных экономических условий и разных требований.

Фискальное пространство в федеративном государстве является ключевым понятием, определяю-

щим возможности правительства на различных уровнях управления в области финансовых отношений. Эта концепция представляет собой совокупность ресурсов, доступных для расходования каждому уровню власти, и охватывает как доходные, так и расходные статьи бюджета.

Эффективное использование фискального пространства способствует достижению национальных стратегических целей, приоритетов и обеспечивает устойчивое и сбалансированное развитие страны в целом.

Основная идея фискального пространства федеративного государства заключается в том, что если предполагается выделение дополнительных ресурсов на обоснованные государственные расходы, то для этого необходимо иметь или создать соответствующее фискальное пространство.

Есть множество различных путей формирования фискального пространства, которыми может воспользоваться правительство. К некоторым из них относятся: увеличение налогов, сокращение менее приоритетных расходов, получение заемных средств (от своих граждан или внешних кредиторов), привлечение займов из банковской системы (и увеличение тем самым денежной массы), оптимизация бюджетных и налоговых расходов, эффективное использование межбюджетных трансфертов.

Исследования фискального пространства проводились Международным валютным фондом и Мировым банком в целях определения возможностей его эффективного использования, так как рассмотрение других вызовов для большинства развитых стран не является приоритетным вопросом в современных условиях.

Ведущими международными организациями и национальными исследовательскими центрами были предприняты попытки разработки методик, позволяющих с различной степенью точности оценивать объем фискального пространства. Но это лишь подходы, а единой и целостной системы не существует; т. е., в мировой практике концепция фискального пространства применяется на макроуровне и отсутствуют исследования на внутристранном уровне. В российской практике вообще отсутствуют системные исследования фискального пространства федеративного государства.

Хотя следует отметить, что значимость фискального пространства в федеративном государстве

трудно переоценить. Оно играет решающую роль в обеспечении финансовой устойчивости, социальной справедливости и устойчивого экономического развития. Вот несколько ключевых аспектов значимости фискального пространства:

1) фискальное пространство обеспечивает региональным властям значительную степень финансовой автономии. Это позволяет им осуществлять свои функции, учитывая местные потребности и приоритеты, и эффективно реагировать на вызовы и проблемы, специфичные для их территории;

2) фискальное пространство играет важную роль в обеспечении равенства и справедливости между различными регионами страны. Это позволяет компенсировать различия в уровне развития и обеспечить равный доступ к государственным ресурсам и услугам для всех граждан;

3) эффективное использование фискального пространства способствует стимулированию экономического развития в различных регионах страны. Регионы могут привлекать инвестиции, развивать инфраструктуру и создавать благоприятные условия для бизнеса, что способствует росту ВВП и улучшению уровня жизни населения;

4) фискальное пространство позволяет федеральному правительству и региональным властям балансировать бюджет и обеспечивать финансовую устойчивость государства в целом. Это важно для предотвращения дефицита бюджета и уменьшения государственного долга;

5) фискальное пространство предоставляет возможность гибко реагировать на изменяющиеся экономические и социальные условия. Региональные власти могут перераспределять финансовые ресурсы в зависимости от текущих потребностей и приоритетов, что способствует адаптации к новым вызовам и улучшению качества жизни населения.

Следует отметить, что в российской науке вообще отсутствуют системные исследования фискального пространства как во взаимосвязи с доходами бюджета, так и во взаимосвязи с его расходами.

Для анализа фискального пространства предлагаем кейнсианский подход, под которым понимается регулирование государственного уровня налогообложения (т. е. налоговой нагрузки, налогового потенциала) и государственных расходов.

Оценить объем располагаемых финансовых ресурсов возможно через оценку фискального про-

странства. Финансовое пространство определяет так называемую фискальную «емкость», другими словами объем финансовых ресурсов в государстве. Для этого анализируют и оценивают проводимую государством налоговую политику. Налоги играют ключевую роль в формировании доходов государственного бюджета и регулировании экономической активности. Анализируя налоговые ставки, налоговые льготы, структуру налогообложения и эффективность налоговой системы, экономические аналитики могут определить потенциальные источники доходов и разработать меры по их оптимизации.

Оценка налоговой политики позволяет изучить ее влияние на социальное неравенство и справедливость распределения бремени налоговой нагрузки. Существуют различные методики определения налоговой нагрузки, но экономический смысл понятия «налоговая нагрузка» состоит в определении суммы фактически поступивших налогов и сборов в бюджетную систему Российской Федерации. Иными словами, это общая сумма налогов, уплаченная той или иной категорией лиц, в той или иной отрасли и др., в том числе в сравнении с иными лицами, отраслями и др. [3].

Простейшей оценкой может быть средняя налоговая нагрузка на продукт:

$$\tau = \frac{\sum_i NO_i}{\sum_i ВРП_i}, \quad \text{где}$$

τ — средняя (эффективная) ставка налогообложения добавленной стоимости в среднем по стране;
 NO_i — сумма налоговых обязательств i -того региона, (налоговые поступления плюс прирост задолженности);

$ВРП_i$ — валовый региональный продукт i -того региона.

Этот показатель позволяет оценить влияние налогообложения на социально-экономическое развитие субъекта федерации. Кроме того, при расчете учитывается и отраслевая структура экономики и проводимая налоговая политика.

В целом уровень налоговой нагрузки за последние пять лет находится в диапазоне от 18 до 21 %. Проведя анализ налоговой нагрузки по регионам, можно отметить, насколько неоднородно налоговое бремя. Наибольшую налоговую нагрузку несут развитые в экономическом плане субъекты. Это дает им дополнительные возможности по формированию

бюджета и развитию наиболее перспективных отраслей регионального хозяйства.

Однако низкий уровень налоговой нагрузки не является положительным показателем. Он, прежде всего, говорит об отсутствии ресурсно-сырьевой базы, низкой предпринимательской активности, наличии теневого сектора экономики и проблемном состоянии хозяйства региона в целом. Такие субъекты в большинстве случаев не способны самостоятельно сбалансировать свой бюджет и становятся реципиентами, активными получателями трансфертов из федерального бюджета.

Следует отметить, что эффективность проведения налоговой политики в целом определяется, насколько качественно осуществляется налоговое планирование и прогнозирование, которое учитывает особенности развития экономики государства. Чаще всего используемый метод прямого счета не позволяет оценить теневой сектор экономики и в этом случае полученные данные являются недостоверными. Кроме того, применяется заниженный показатель инфляции.

Важным является также и оценка налогового потенциала, т. е. объема налоговых доходов публично-правовых образований при максимальной собираемости на соответствующей территории в условиях действующего налогового законодательства. Согласно Методике распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации «налоговый потенциал субъектов Российской Федерации по видам налогов учитывает прогнозы поступления налоговых доходов, подлежащих зачислению в консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации». В последние годы налоговый потенциал можно оценить в 23 %.

В этой связи следует сравнивать фактическую налоговую нагрузку с налоговым потенциалом и выявлять причины отклонений по субъектам Российской Федерации.

Оценивая фискальное пространство, следует определить и бюджетный потенциал, который отличается от налогового на сумму неналоговых поступлений.

При определении фискального пространства через оценку бюджетной «емкости» следует учесть Коэффициент Джини [4]. Иначе называется коэффициентом концентрации и показывает уровень отклонения равномерности распределения доходов между

элементами системы от состояния абсолютной равномерности, в котором каждому элементу системы принадлежит одинаковая доля доходов.

Итак, налоги играют ключевую роль в формировании доходов государственного бюджета и регулировании экономической активности. Анализируя налоговые ставки, налоговые льготы, структуру налогообложения и эффективность налоговой системы, экономические аналитики могут определить потенциальные источники доходов и разработать меры по их оптимизации. Кроме того, оценка налоговой политики позволяет изучить ее влияние на социальное неравенство и справедливость распределения бремени налоговой нагрузки.

Кроме того, оценивается и проводимая в государстве налоговая политика, которая должна сбалансированно учитывать объем налоговых поступлений в бюджеты государства, необходимый для эффективного выполнения его функций, и финансовые потребности экономических субъектов.

Оценка налоговой политики позволяет изучить ее влияние на социальное неравенство и справедливость распределения бремени налоговой нагрузки. Существуют различные методики определения налоговой нагрузки, но экономический смысл понятия «налоговая нагрузка» состоит в определении суммы фактически поступивших налогов и сборов в бюджетную систему государства.

Введение дифференцированных ставок по налогу на доходы физических лиц (НДФЛ) в зависимости от размера и вида полученного дохода прошло все этапы согласования. Принятый закон вступает в силу с 2025 г., направлен на реализацию Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию и призван обеспечить реализацию принципа справедливости и предусматривает резервы эффективности перераспределения финансовых ресурсов.

Увеличение ставок НДФЛ (введение пятиступенчатой прогрессии) и налога на прибыль организаций (с 20 до 25 %) позволит увеличить поступления в бюджеты бюджетной системы государства. Согласно пояснительной записке к законопроекту и финансово-экономическому обоснованию планируемые изменения с нового года увеличат доходы бюджетов бюджетной системы Российской Федерации по предварительным расчетам на 1,6 трлн руб., а в последующие два года — на 3,4 трлн руб. Изменения касаются доходов региональных и местных бюджетов.

тов за счет НДФЛ и федерального бюджета за счет налога на прибыль.

Кроме того, оценивается и проводимая в государстве налоговая политика, которая должна сбалансированно учитывать объем налоговых поступлений в бюджеты государства, необходимый для эффективного выполнения его функций, и финансовые потребности экономических субъектов.

В «Основных направлениях бюджетной налоговой и таможенно-тарифной политике на 2024 год и плановый период 2025 и 2026 годов», ежегодно разрабатываемом Минфином России, определено, что фискальный импульс в последние два года составил 10 % ВВП. Указанный показатель был достигнут благодаря проведению «экспансивной» бюджетной политики, т. е. политики, которая направлена на стимулирование экономики и содействие экономическому росту государства. Относительно новое направление, при котором оценивается объем чистых инвестиций из бюджета в экономику. Оцениваются «квацибюджетные» операции, т. е. сбережения прошлых лет (например, средства из Фонда национального благосостояния).

Другим важным оцениваемым показателем, относящимся к группе показателей, являются обзоры бюджетных расходов, программно-целевые методы управления, управление налоговыми расходами.

Используя эти инструменты можно оказывать влияние на развитие тех или иных сфер экономической деятельности, а именно стимулировать экономический рост и приоритетные отрасли, создавать рабочие места и так далее.

Существуют различные модели оценки фискального пространства, которые, несмотря на достаточную простоту расчета, имеют ряд существенных недостатков. Например, они основаны на оценочных или экспертных данных, что вносит неопределенность в результаты анализа. Кроме того, они не учитывают целый ряд важных факторов долгосрочной бюджетной устойчивости, таких как демографические тенденции, состояние пенсионной системы и расходы на здравоохранение.

Учитывая все это, следует отметить, что наиболее предпочтительным подходом к оценке фискального пространства является применение комплексных экономико-математических моделей. Данный подход позволит провести качественный анализ и более точную оценку перспектив развития институциональных

единиц финансов общественного сектора. Итак, новые подходы к разработке методик оценки фискального пространства и устойчивого развития позволяют получить более полное и объективное представление о финансовом состоянии государства, выявить основные тенденции и перспективы его развития, разработать эффективные стратегии фискальной политики, способствующие устойчивому экономическому росту и социальному развитию.

Следует признать, что проблема анализа и управления фискальным пространством государства является одной из наиболее сложных и многогранных задач современной экономической науки. Обусловлено это как многофакторной природой самого понятия фискального пространства, так и существенными различиями в экономических моделях, структуре бюджетных систем и уровне институционального развития различных стран.

Для Российской Федерации как огромного федеративного государства с асимметричным размещением производительных сил и высокой неравномерностью социально-экономического развития регионов данная проблематика приобретает особую актуальность. От эффективного управления совокупным фискальным пространством страны напрямую зависят возможности центра по обеспечению единых стандартов жизни на всей территории и реализации крупных общенациональных проектов. Можно отметить, что для федеративного государства фискальное пространство является своеобразной «подушкой безопасности», позволяющей органам власти маневрировать в сложных экономических условиях, не прибегая к чрезмерному налоговому бремени или резкому секвестированию расходов. Наличие достаточного фискального пространства дает возможность противодействовать циклическим колебаниям, смягчая их негативное влияние на национальную экономику посредством проведения контрциклической бюджетной политики.

Новый этап развития регионов России связан с утверждением в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. [5]. В этом документе определены основные принципы и механизмы совершенствования системы территориального планирования с целью обеспечения устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития регионов и муниципальных образований [4].

Список источников

1. Костенкова Е. Ю. Бюджетная система и бюджетный федерализм // Ответственный редактор. 2023.
2. Косов М. Е. Фискальный федерализм как ответная мера на кризис, вызванный пандемией коронавируса // Вестник экономической безопасности. 2023. С. 226–230.
3. Громов В. В., Шаталова С. С. Концепции оценки налоговой нагрузки // Государственных бюджет. Налоговая политика. 2017. С. 9–17.
4. Методические рекомендации органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления по регулированию межбюджетных отношений на региональном и муниципальном уровнях (утв. Минфином России 29 ноября 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

Информация об авторе

О. Б. Буздалина — профессор кафедры общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

O. B. Buzdalina — Professor of the Public Finance Department of the Finance Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 14.01.2025; одобрена после рецензирования 30.01.2025; принята к публикации 17.02.2025. The article was submitted 14.01.2025; approved after reviewing 30.01.2025; accepted for publication 17.02.2025.

 <p>Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя</p>	ФИНАНСОВОЕ ПРАВО
	4-е изд., перераб. и доп. Учебник. 663 с. Гриф МО РФ Гриф УМЦ «Профессиональный учебник» Гриф НИИ образования и науки Эриашвили Н. Д.
Н.Д. Эриашвили	Рассматривается финансовое право в аспекте наиболее актуальных вопросов правового регулирования важнейших институтов этой отрасли права в современный период развития экономики. Учтены изменения и дополнения, внесенные в законодательство России по состоянию на 1 сентября 2016 г. Основное внимание уделяется правовым основам и принципам финансовой деятельности, правовому регулированию бюджетных отношений и налогообложения. Анализируются правовые основы государственного и муниципального кредита, правовое регулирование банковской деятельности, а также правовые основы денежного обращения.
Финансовое право	
Учебник Четвертое издание	

Научная статья

УДК 311:33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-185-192>

EDN: <https://elibrary.ru/cmnnvi>

НИОН: 2003-0059-1/25-246

MOSURED: 77/27-003-2025-01-445

Статистический очерк по экономической преступности как угрозе экономической безопасности и объекте перспективных исследований

Дмитрий Владимирович Дианов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, skad71@mail.ru,

SPIN-код: 2528-1252, ORCID: 0000-0003-2971-2266

Аннотация. Рассмотрены основные проблемные методологические аспекты по построению статистических классификаций и формированию системы взаимосвязанных показателей, которые в комплексе позволяют получить адекватные результаты анализа экономической преступности; произведен прогноз факторов и числа преступлений, выявленных подразделениями по борьбе с экономической преступностью МВД России. Научная статья предназначена для специалистов в области экономической статистики, ведомственной статистики органов внутренних дел, старшекурсников и адъюнктов, обучающимся и проводящим исследования, сопряженные с количественной оценкой и факторным анализом экономической преступности, противодействие которой представляет собой ключевую составляющую в базисе экономической безопасности и является важнейшей и необходимой предпосылкой устойчивого развития экономики страны и регионов.

Ключевые слова: экономическая преступность, статистика экономической безопасности, моделирование материального ущерба

Для цитирования: Дианов Д. В. Статистический очерк по экономической преступности как угрозе экономической безопасности и объекте перспективных исследований // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 185–192. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-185-192>. EDN: CMNNVI.

Original article

Statistical essay on economic crime as a threat to economic security and an object of prospective research

Dmitry V. Dianov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia,

skad71@mail.ru, SPIN code: 2528-1252, ID ORCID: 0000-0003-2971-2266

Abstract. The main problematic methodological aspects of the construction of statistical classifications and the formation of a system of interrelated indicators, which together will provide adequate results for the analysis of economic crime, are considered; a forecast of the factors and the number of crimes identified by the units for combating economic crime of the Ministry of Internal Affairs of Russia is made. The scientific article is intended for specialists in the field of economic statistics, departmental statistics of law enforcement agencies, undergraduates and adjuncts who study and conduct research related to the quantitative assessment and factor analysis of economic crime, the fight against which is a key component in the basis of economic security and is the most important and necessary prerequisite for the sustainable development of the economy of the country and regions.

Keywords: economic crime, economic security statistics, modeling of material damage

For citation: Dianov D. V. Statistical essay on economic crime as a threat to economic security and an object of prospective research. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):185–192. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-185-192>. EDN: CMNNVI.

Введение

Криминализация экономической сферы представляет собой рост уровня экономической преступности, влекущий за собой нарушение нормального функционирования социально-экономического устройства государства. Важно отметить, что экономическая сфера имеет решающее значение для государственного социально-экономического развития, и любая форма преступной деятельности в этой сфе-

ре может оказать серьезное воздействие на экономическую безопасность государства.

Статистическое исследование экономической преступности имеет не только теоретическую, но и реальную практическую значимость. Одним из направлений деятельности правоохранительных органов является реализация мер превентивного характера, направленных на пресечение экономических правонарушений и преступлений. Выявление взаимосвязей и

© Дианов Д. В., 2025

тенденций при анализе экономической преступности позволит объективно оценить масштабы противозаконной деятельности в сфере экономики.

Экономическая преступность как современный объект статистического исследования

Необходимость реализации комплекса мер правового, информационного, политического, организационного, социально-экономического и иного характера с целью снижения уровня криминализации экономической сферы закреплена законодательно. Государство стремится к снижению уровня криминализации экономической сферы, поскольку именно экономика является базисом для построения гармонично функционирующей системы общественных отношений. Обеспечение национальной экономической безопасности является для России приоритетной задачей, что, в свою очередь, обуславливает необходимость противодействия экономической преступности.

Как явление общественной жизни, экономическая преступность представляет собой совокупность преступлений, направленных на причинение ущерба экономическим интересам государства, коммерческих структур и граждан с целью извлечения материальной выгоды. В России данный вид преступности наиболее широко представлен таким противоправными деяниями, как мошенничество, коррупция, уклонение от налогов и злоупотребление полномочиями, затрагивающими не только финансовую стабильность, но и социальное благополучие, а также подрывает доверие к государственным органам. Экономическая преступность оказывает значительное влияние на социально-экономическое развитие страны, ухудшая инвестиционный климат и создавая препятствия для экономического роста и эффективного управления ресурсами.

Экономическую преступность недостаточно изучать на теоретическом уровне и выдвигать гипотезы о ее влиянии на экономику и отдельные стороны общественной жизни. Принятие управленческих решений по системному противодействию экономической преступности, которые должны базироваться на достоверной информационной базе, актуализирует необходимость совершенствования статистического инструментария и подходов к анализу экономической преступности, позволяющих количественно оценить ее динамику и факторы, определяющие закономерности и тенденции ее изменения. Сбор, систематизация и обработка статистических данных об экономиче-

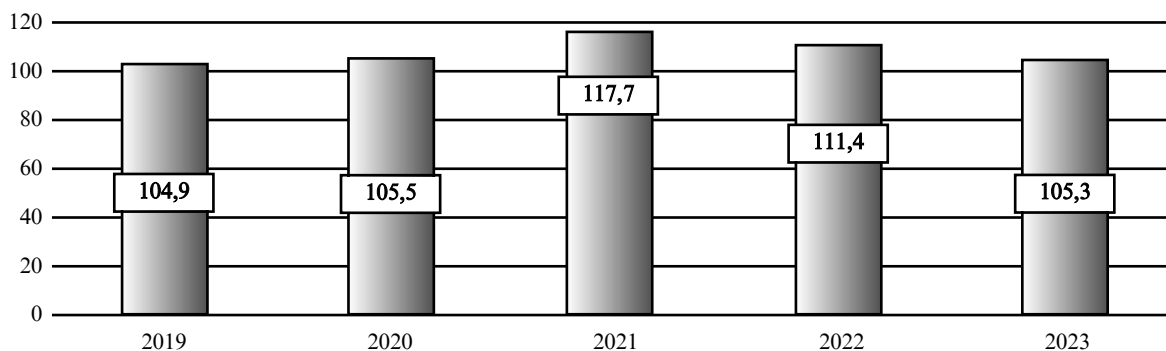
ской преступности становятся важным шагом познания в понимании и предотвращении негативных последствий данного явления. Такое понимание может прийти на основе различных статистических показателей, отражающих: во-первых, качественную сторону экономической преступности и взаимосвязанных с ней явлений и последствий, ее сущность и специфику отдельных типовых ее групп; во-вторых, количественные числовые оценки, характеризующие объем и интенсивность экономических преступлений.

В современном обществе экономическая преступность занимает значительное место и ее влияние на экономику и общество становится все более очевидным, поскольку особое внимание привлекает масштаб экономических выгод для одних, который является одновременно материальным ущербом от таких преступлений для других. Такое обстоятельство подчеркивает актуальность задачи реальной оценки экономических преступлений. Решение этой проблемы требует всестороннего подхода и теоретико-методологической проработки, что позволит оценить масштабы экономической преступности в России и разработать эффективные меры борьбы с ней.

Сегодня экономическая преступность набирает обороты, а материальный ущерб от нее растет с каждым годом, причем достаточно быстрыми темпами. В связи с этим важно осуществить реальную оценку масштабов экономических преступлений, в частности объемов возмещаемого ущерба преступлений данной направленности. Понимание полной картины ситуации позволяет правильно оценить объективные, но скрытые закономерности, дать им с позиции логики причинно-следственных связей объяснение и распространить количественно описанные тенденции хотя бы на краткосрочную перспективу.

Статистическая отчетность по экономическим преступлениям является ведомственной, а ее формирование в РФ возложено на МВД России. В системе ведомства настоящее направление реализуется специализированными подразделениями ГУБЭПиПК — форма № 5-БЭП и Главного информационно-аналитического центра (ГИАЦ МВД России). Ежемесячно публикуется отчет о состоянии преступности. Итоги отчетов за 2019–2023 гг. приведены на рис. 1.

Противодействие криминализации экономики представляет собой своеобразный процесс оздоровления общественных отношений в экономической сфере, в течение которого происходит минимизация

Рис. 1. Динамика количества выявленных преступлений экономической направленности в период с 2019 по 2023 гг. в России, тыс.

Источник: форма № 5-БЭП ГУБЭПиПК, 2024 г.

количества преступных проявлений, повышается противодействие потенциально криминальному поведению субъектов. Для борьбы с криминализацией экономической сферы государство должно, прежде всего, осуществлять комплекс превентивных мер. Одной из ключевых мер, которую должно наращивать государство, является укрепление правовой базы и общественных институтов. Чрезвычайное значение имеет деятельность по повышению степени лояльности граждан к государственному аппарату, органам местного самоуправления, индивидуальным представителям государственных органов, в том числе органов исполнительной ветви власти в связи с реализацией комплекса правоохранительных и стимулирующих мер.

Экономическая преступность охватывает множество правонарушений, которые могут причинить значительный материальный ущерб. Эти преступления затрагивают интересы как физических, так и юридических лиц, имеют корыстный мотив и нарушают установленный порядок управления экономикой. Обычно их совершают лица, вовлеченные не просто в экономические отношения, а в рамки государственной хозяйственной деятельности. С точки зрения уголовного права, экономическая преступность включает различные составы преступлений, нашедшие отражение в уголовном законодательстве. Для эффективного расследования таких правонарушений необходимо выявлять, осуществлять сбор, учет и систематизацию информации, анализировать взаимосвязи между различными аспектами экономической преступности.

Проблематика формирования информационной базы статистического изучения экономической преступности

Первым шагом статистического изучения экономической преступности является разработка класси-

фикаций и их критериев, различные подходы к которым в научной литературе предлагаются довольно сумбурно. Действительно, экономические преступления столь разнообразны и динамичны, что и правоохранительные органы, и эксперты, и аналитики едва успевают за изобретателями различных схем совершения противоправных действий. Можно классифицировать по различным признакам. Мониторинг научно-практической литературы и существующих подходов приводит к обобщенной классификации экономических преступлений, объекты которых могут находиться как в конкретных отраслях и сферах экономической деятельности, как например в финансово-кредитной — банковском или страховом секторе, в сфере экономики — строительстве, потребительском рынке, производстве товаров, в государственном секторе — откаты, хищения, нецелевое расходование средств, так и в любом сегменте рыночной экономики — уход от налогообложения, преступления против собственности, махинации с государственными субсидиями и их хищения и т. д.

В последние десятилетия страховой сектор большинства стран демонстрирует стабильный и активный рост, что, в свою очередь, сказывается на государственном регулировании в экономической, социальной и правовой областях. Страхование выступает как особая форма экономической деятельности, основной целью которой является защита имущественных прав как граждан, так и организаций. Тем не менее, несмотря на значимость страхования, его сфера нередко сталкивается с высокими уровнями преступности. В некоторых случаях мошенники могут инсценировать аварии, которые тоже являются вымышленными.

Особое внимание следует уделить налоговым преступлениям, так как в условиях развивающейся рыночной экономики наблюдается рост преступлений и в

налоговой сфере. Данная категория противоправных деяний серьезно подрывает экономическую безопасность регионов России: в тех областях, где уровень налоговых правонарушений высок, наблюдается низкий уровень большинства индикаторов экономической безопасности. Чтобы улучшить ситуацию, необходимо повысить эффективность работы правоохранительных органов, что может положительно сказаться на состоянии экономической безопасности в регионах.

Сфера преступной деятельности крайне многогранна: латентность экономической преступности осложняет процесс аналитического исследования данной сферы, поскольку рассматриваемая категория противозаконных деяний зачастую не имеет явно выраженных признаков. Для более глубокого понимания этого явления используются различные статистические показатели, которые позволяют оценивать состояние экономики, выявлять потенциальные риски и определять направления для улучшения.

Ниже представлены результаты статистического моделирования рядов динамики, выражающие зависимость экономической преступности от экономического роста в весьма значимых отраслях и сферах экономической деятельности, на основе изучения тенденций развития этих отраслей построен краткосрочный прогноз количества преступлений, выявленных подразделениями ОВД по борьбе с экономическими преступлениями. Отбор показателей должен производиться посредством установления логических взаимосвязей между конкретной отраслью (сферой) экономики и уровнем преступности. В данном контексте выделено несколько ключевых показателей, являющихся наиболее представительными в анализе экономической преступности.

Одной из таких отраслей является строительство. Строительной отрасли присуще огромное количество правонарушений экономической направленности — от типового присвоения (растраты) и до мошенничеств по делам «обманутых дольщиков». Наиболее объективное представление о состоянии строительной отрасли и уровня удовлетворенности населения жилищными условиями дает показатель ввода в действие жилых домов. Положительная динамика этого показателя может свидетельствовать как индикативная характеристика стабильности в экономике об устойчивости развития, росте инвестиций в жилую недвижимость, так и о потенциальном масштабе поля деятельности преступников.

До сих пор, несмотря на развитие экономики в цифровом формате, не утратило популярность обналичивание денежных средств посредством фиктивного оказания услуг. Формирование доказательной базы того, что имело место фиктивное оказание услуг, представляет определенную сложность, потому как некоторые из них практически не имеют никакого материально-вещественного подтверждения, например, информационно-консультационные, транспортно-газоснабжающие, жилищно-коммунальные услуги. Именно поэтому в рамках исследований угроз и факторов снижения уровня экономической безопасности стоит рассматривать и тенденции весьма сложно поддающемуся правовому контролю рынка услуг.

Рост объема предоставляемых платных услуг может указывать на улучшение благосостояния населения и рост доверия к легальным сервисам. В то же время, аномальные колебания в вариации этого показателя могут быть связаны с возможностями вывода соответствующей деятельности в пространство теневой экономики и уклонением от уплаты налогов, что требует дополнительного внимания со стороны правоохранительных и налоговых органов. Точно также объем транспортных услуг, предоставляемых населению, выступает важным индикатором для анализа экономико-правовой ситуации именно под призмой экономической безопасности. Вариативность значений в обозначенном показателе может отражать состояние транспортной инфраструктуры и уровень доступности услуг для граждан. Вместе с тем, учет транспортных услуг может быть искажен в любую сторону: приписки, выражающие несостоявшиеся услуги, направлены на завышение текущих расходов заказчиков; исполнители же не брезгают повседневным занижением объема оказанных услуг по схеме «мимо кассы», для сокрытия от налогообложения существенных сумм доходов. Объем коммунальных услуг является еще одним значимым показателем как благосостояния хозяйства мегаполисов, городских и сельских поселений, так и предопределяют масштабный ущерб от совершения экономических преступлений в сфере ЖКХ. В России существуют такие сферы общественной жизни, которые уже традиционно считаются наиболее криминализированными и коррумпированными, в частности именно сфера жилищно-коммунального хозяйства. Данный тезис находит свое отражение и в нормативной документации: согласно п. 42 «Стратегии о национальной безопасно-

сти Российской Федерации» [1], несмотря на принимаемые меры, в области ЖКХ уровень преступности все так же остается на высоком уровне. Проблемы в этой сфере часто становятся фактором роста необоснованного завышения тарифов и нецелевого использования бюджетных субсидий, мошенничества и прочего обмана, что негативно сказывается на финансовом состоянии населения и способствует росту недовольства.

В тесной симбиотической связи между собой находится уже упомянутая сфера страхования и криминальная обстановка в экономике. Взаимосвязь прослеживается при наступлении ложного страхового случая, вследствие совершенного противоправного деяния. Объем страховых выплат является индикатором устойчивости финансовой системы и уровня защиты граждан от экономических рисков. Однако увеличение выплат происходит, в том числе, за счет баснословных сумм, образующихся в результате растущего числа страховых случаев, связанных с преступными действиями, что подчеркивает необходимость детального анализа причин таких тенденций. Понимание сути динамики страховых выплат также важно для оценки эффективности антикризисных мер и страховых практик в условиях «устойчивой» экономической преступности.

Возможности факторно-динамического моделирования экономической преступности

Анализ динамики позволяет оценить, как экономические факторы, такие как изменения в доходах населения, уровень безработицы и развитие предпринимательской среды, влияют на рост или снижение экономических правонарушений.

Например, увеличение вводимых в действие жилых помещений может спровоцировать рост преступности, связанной с мошенническими махинациями в сфере долевого строительства. Влияние внешних факторов на динамику преступности становится более очевидным при анализе данных за продолжительный период времени. Результаты данного анализа позволят глубже понять влияние социально-экономических условий на преступность, выявить слабые и сильные стороны существующей системы правоприменения и дать рекомендации для разработки эффективных мер по снижению уровня экономических правонарушений.

Исходные данные охватывают динамику по показателям, дающим количественную оценку факторам социально-экономического развития с 2010 по 2023 гг. (табл. 1). Отобранные факторы, согласно предположению, покажут наибольшее влияние на состояние экономической преступности в модели динамической регрессии.

Таблица 1

Динамика показателей, оказывающих влияние на состояние экономической преступности в России с 2010 по 2023 гг., млн руб.

Год	Ввод в действие жилых домов, тыс. м ² общей площади жилых помещений	Объем платных услуг населению	Объем транспортных услуг населению	Объем коммунальных услуг населению	Выплаты по договорам страхования	Количество преступлений, выявленных по подразделениям ЭБЦК ОВД		
	X1	X2	X3	X4	X5	Y		
2010	58 431	4 943 482	940 545	1 045 400	774 831	159 950		
***								
2023	113 540	12 115 216	2 535 747	280 992 656	959 202	75 531		
Прогноз:	По уравнениям тренда:					t*	По динамической регрессии:	
2024	131 430,3	12 937,1	2720,1	2833,7	1037,0	15	60 833	
2025	154 030,8	13 455,5	3038,0	2983,6	1101,9	16	56 183	
2026	182 357,0	13 967,3	3421,7	3137,0	1151,4	17	49 847	

* t — фактор времени согласно методу Фриша-Воу.

Источник: для Y — форма № 5 БЭП ГУБЭПиПК МВД России, для X1-X5 — официальные данные Росстата [2].

По фактическим значениям рядов динамики объясняющих показателей применен метод аналитического выравнивания и прогнозирования, что позволило построить прогноз на 2024, 2025 и 2026 гг. В табл. 2 приведены наиболее качественные функции, дающие количественное описание тенденциям изменения исследуемых показателей.

Высокие значения коэффициента детерминации в большинстве случаев означает высокое качество трендовых моделей, принятых как окончательные, а их совокупное влияние на криминогенную обстановку в экономике — обоснованную пригодность для построения прогноза. Прогнозные значения объясняющих переменных X1–X5 занесены в табл. 2.

В ходе проводимого в рамках настоящей работы исследования закономерностей экономической преступности в аспекте зависимости результативного показателя от объясняющих факторов недостаточно ограничиваться построением графиков и трендовых линий по объясняющим показателям, основанных исключительно на факторе времени (t). Построенное уравнение регрессионной модели, описывающей зависимость результативного показателя от ряда объясняющих переменных в динамике выглядит следующим образом при $R^2 = 0,841$:

$$\hat{Y}(X_1, X_2, X_3, X_4, t) = -0,41 * X_1 - 9,67 * X_2 + 24,47 * X_3 - 0,22 * X_4 + 69,8 * X_5 + 2878,5 * t$$

Полученная функция объясняет своим составом признаков-факторов 84,1 % вариации показателя количества экономических преступлений, выявленных органами внутренних дел.

На основе произведенных расчетов представляется возможным констатировать, что при увеличении ввода в действие жилых домов на 1 млн м² общего жилого пространства количество выявленных преступлений снижается на 400 фактов. Подобное может быть связано с улучшением менеджмента жилищного

строительства со стороны застройщиков и подрядчиков, законодательного контрольного подходов государства: это защита дольщиков, это и тщательность учета хозяйственно-строительного процесса, это и системный подход к жилищному строительству со стороны государства в целом, что чаще и чаще находит отражение в различных аспектах национальных проектов. Таким образом, рост законченного жилищного строительства означает как улучшение экономических условий уровня жизни населения, рост валового накопления в составе ВВП, так и снижение степени угроз экономической безопасности, выраженное в сокращении числа экономических преступлений и социальной напряженности.

При увеличении объема платных услуг населению на 1 млрд руб. наблюдается снижение числа преступлений почти на десять выявленных фактов, что объясняется возможным ростом уровня жизни и занятости населения, что, в свою очередь, снижает мотивацию к противоправным действиям, и, главное, цифровизация торговой деятельности вносит существенный вклад в прозрачность и полноту учета совершаемых операций по оказанию услуг населению. Объем коммунальных услуг своим ростом оказывает незначительное влияние на показатель количества выявленных преступлений: сокращение числа преступлений на один выявленный факт предопределяется пятиллиардным увеличением объема произведенных коммунальных услуг. При увеличении этого показателя на 5 млрд руб. И в этой сфере, которую выше мы отнесли к кластеру наиболее криминализированных, таким образом, наметился определенный прогресс. В первую очередь это связано с укреплением миграционно-трудовой дисциплины, исключающей возможность неофициального использования труда мигрантов с «прикармливанием» зарплатной разницы работодателями. Также, как и в случае с платными

Таблица 2

Трендовые модели по показателям-факторам с оценкой качества на основе коэффициента детерминации

Фактор	Функция тренда	Формула тренда	R ² , %
X1	Кубическая парабола	$\hat{y}(X_1) = 107,75 * t^3 - 2309,2 * t^2 + 16498 * t + 39 874$	93,3 %
X2	Парабола 2-порядка	$\hat{y}(X_2) = -3,3592 * t^2 + 622,58 * t + 4354,2$	95,4 %
X3	Кубическая парабола	$\hat{y}(X_3) = 1,2822 * t^3 - 28,655 * t^2 + 281,72 * t + 614,26$	84,6 %
X4	Парабола 2-порядка	$\hat{y}(X_4) = 1,7513 * t^2 + 95,598 * t + 1005,7$	98,1 %
X5	Кубическая парабола	$\hat{y}(X_5) = -0,6881 * t^3 + 25,369 * t^2 - 225,44 * t + 1032,9$	78,3 %

Источник: авторский расчет параметров.

услугами населению, и здесь можно говорить об усилении прозрачности деятельности управляющих компаний и усилении контроля за ней как со стороны государства, так и собственников жилья.

Виды деятельности, идентифицируемые как оказание транспортных услуг, так и страховые услуги, будучи представленными в построенной нами модели, подтвердили свою приверженность к криминогенному флангу экономики, о чем мы также утвердительно говорили выше. Увеличение объема транспортных услуг на 1 млрд руб. приводит к росту выявленных подразделениями УБЭПиПК преступлений на 24,47 случая; рост выплат по договорам страхования на 1 млрд руб. предопределяет увеличение количества выявленных преступлений почти на 70 случаев.

Подстановка в модель динамической регрессии прогнозных значений по объясняющим переменным позволила получить прогнозные значения результативного показателя на период 2024–2026 гг. (табл. 1). Наглядно динамика экономической преступности, с учетом закономерностей воздействия и тенденции рассмотренных факторов, представлена на рис. 2.

Определенный рост показателя в 2023 г. является единственным за последнее десятилетие: напомним, что речь идет не просто о количестве преступлений, а о числе преступлений, выявленных полицией, что говорит не о росте преступности как таковой, а росте производительности правоохранительного труда сотрудников органов внутренних дел, повышении эффективности и результативности их работы. На краткосрочную перспективу прогнозируется продол-

жение тенденции к снижению количества выявленных экономических преступлений.

Результаты проведенного исследования подтверждают, что социально-экономические условия в регионах России оказывают существенное влияние на уровень экономической преступности. Эти результаты подчеркивают необходимость регулярного мониторинга и использования статистического инструментария для построения научно обоснованных прогнозов и разработки профилактических мер в борьбе с экономической преступностью. Выявленные в ходе исследования закономерности и зависимости подтверждают важность комплексного подхода к анализу показателей социально-экономического развития и их влияния на криминогенную ситуацию, а также необходимость совершенствования системы статистического мониторинга и управления в целях укрепления экономической безопасности и устойчивого развития страны.

Заключение

Не располагая информацией как о состоянии и объеме правонарушений и преступлений в сфере экономики, так и их влияния на экономику и социальную сферу, оптимальное распределение имеющихся ресурсов, назначение которых состоит в сдерживании и противодействии экономическим правонарушениям, будет невозможным. В этой связи обостряется необходимость применения в рамках исследований различных классификаций, позволяющих структурировать схемы создания материального ущерба ввиду противоправных действий экономической направленности.

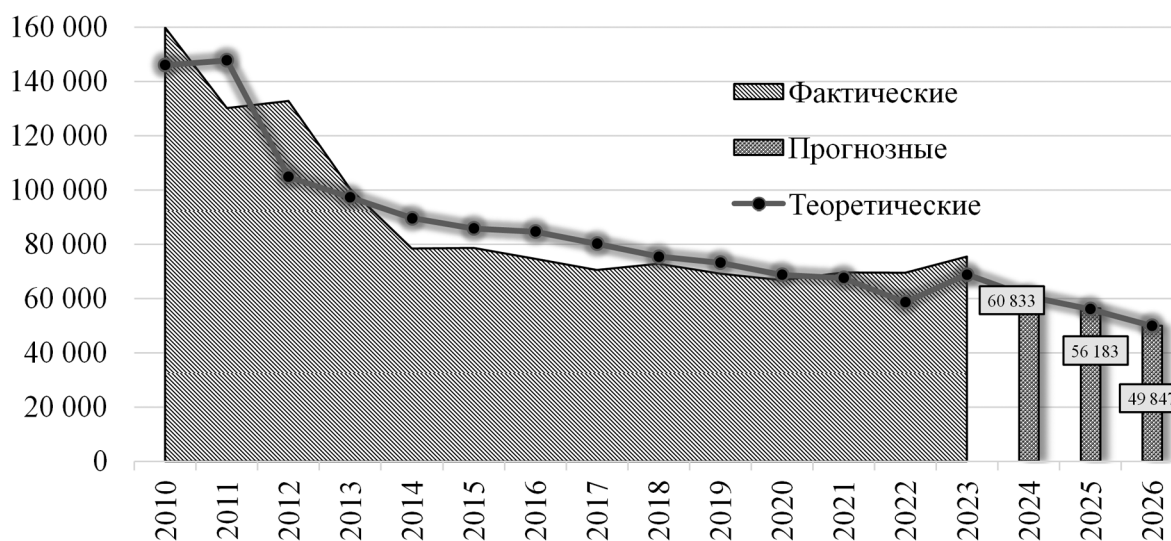

Рис. 2. Общероссийская динамика количества преступлений, выявленных подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России

Источник: авторский расчет и построение.

В то же время, эффективность во многом зависит от оперативности принятия решений, что при противодействии экономическим преступлениям невозможно без комплекса превентивных мероприятий. Проведение статистического исследования экономической преступности позволит выявить проблемные места в этой сфере, расставить акценты и определить возможные направления совершенствования.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
2. Тихонов Е. Е. Анализ состояния преступности экономической направленности как угрозы экономической безопасности Российской Федерации // Экономика и безопасность. 2024. № 2. С. 55–63.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 «On the National Security Strategy of Russia» // LRS «ConsultantPlus».
2. Tikhonov E. E. Analysis of the state of economic crime as a threat to the economic security of Russia // Economics and security. 2024. No. 2. P. 55–63.

Библиографический список

1. Аносова А. А., Орлов А. В. Роль и полномочия правоохранительных органов в сфере налогового контроля // Поиск (Волгоград). 2023. № 2. С. 166–170.
2. Жиров Ж. Р. Сравнительный анализ налоговых преступлений России и Германии // Академическая публицистика. 2022. № 11-2. С. 155–159.
3. Завражин А. В., Карманов М. В., Шубина И. В. Актуальные проблемы сравнительного анализа наукометрических измерений // Право и образование. 2023. № 2. С. 35–42.
4. Кузнецова Е. И., Сараджева О. В. Совершенствование институционального механизма обеспече-

ния экономической безопасности региона // Вестник экономической безопасности. 2023. № 3. С. 182–185.

5. Ляпин А. Е. Противоправная деятельность картельных организаций в сфере государственных закупок как новый объект статистического изучения // Статистика и Экономика. 2024. № 2. С. 83–95.
6. Нестерова С. С. Криминологические аспекты экономической преступности // Евразийский юридический журнал. 2023. № 6. С. 384–386.
7. Федотов А. А. Систематизация и корреляционный анализ факторов, воздействующих на уровень преступности // Народонаселение. 2024. Т. 27. № 1. С. 71–81.
8. URL: <https://rosstat.gov.ru/contacts>

Bibliographic list

1. Anosova A. A., Orlov A. V. The role and powers of law enforcement agencies in the field of tax control // Search (Volgograd). 2023. No. 2. P. 166–170.
2. Zhiron J. R. Comparative analysis of tax crimes in Russia and Germany // Academic journalism. 2022. No. 11-2. P. 155–159.
3. Zavrazhin A. V., Karmanov M. V., Shubina I. V. Actual problems of comparative analysis of scientometric measurements // Law and education. 2023. No. 2. P. 35–42.
4. Kuznetsova E. I., Saradzheva O. V. Improvement of the institutional mechanism for ensuring economic security of the region // Bulletin of Economic Security. 2023. No. 3. P. 182–185.
5. Lyapin A. E. Illegal activity of cartel organizations in the field of public procurement as a new object of statistical study // Statistics and Economics. 2024. No. 2. P. 83–95.
6. Nesterova S. S. Criminological aspects of economic crime // The Eurasian Law Journal. 2023. No. 6. P. 384–386.
7. Fedotov A. A. Systematization and correlation analysis of factors affecting the crime rate // Population. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 71–81.
8. URL: <https://rosstat.gov.ru/contacts>

Информация об авторе

Д. В. Дианов — профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор.

Information about the author

D. V. Dianov — Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 17.01.2025; одобрена после рецензирования 30.01.2025; принята к публикации 17.02.2025.
The article was submitted 17.01.2025; approved after reviewing 30.01.2025; accepted for publication 17.02.2025.

Научная статья

УДК 336.02

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-193-199>

EDN: <https://elibrary.ru/bkspwd>

ИДОН: 2003-0059-1/25-247

MOSURED: 77/27-003-2025-01-446

Государственные закупки как инструмент повышения эффективности бюджетных расходов

Марина Васильевна Карасева¹, Юлия Габдрашитовна Тюрина²

¹ ООО «Промэкс», Москва, Россия

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, u_turina@mail.ru

Аннотация. Рассматривается механизм государственных закупок как важнейший элемент, обеспечивающий экономическую и социальную стабильность и способствующий развитию страны. Закупки на государственном уровне осуществляются для решения задач, имеющих стратегическую значимость, с акцентом на приоритетное удовлетворение общественных потребностей. Представлен анализ результатов мониторинга закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд в контексте эффективности расходования бюджетных средств, выделены ключевые проблемы и предложены пути их решения.

Ключевые слова: закупки, государственные закупки, закупки товаров, работ, услуг, бюджетные расходы, эффективность бюджетных расходов

Для цитирования: Карасева М. В., Тюрина Ю. Г. Государственные закупки как инструмент повышения эффективности бюджетных расходов // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 193–199. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-193-199>. EDN: BKSPWD.

Original article

Public procurement as a tool to increase the efficiency of budget expenditures

Marina V. Karaseva¹, Yuliya G. Tyurina²

¹ Promex Limited Liability Company, Moscow, Russia

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, u_turina@mail.ru

Abstract. The mechanism of public procurement is considered as the most important element ensuring economic and social stability and contributing to the development of the country. Procurement at the state level is carried out to solve tasks of strategic importance, with an emphasis on prioritizing public needs. The analysis of the results of monitoring purchases of goods, works and services for state and municipal needs in the context of budget spending efficiency is presented, key problems are identified and solutions are proposed.

Keywords: procurement, public procurement, procurement of goods, works, services, budget expenditures, efficiency of budget expenditures

For citation: Karaseva M. V., Tyurina Yu. G. Public procurement as a tool to increase the efficiency of budget expenditures. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):193–199. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-193-199>. EDN: BKSPWD.

Исследование представляется особенно важным в контексте значительной роли института государственного и муниципального заказа в Российской Федерации. Этот механизм не только удовлетворяет потребности государственных и муниципальных структур, но и способствует социально-экономическому развитию государства. В условиях актуализации задач по оптимизации бюджетных расходов особое внимание уделяется данной проблематике в сфере муниципального управления. Одним из действенных инструментов минимизации финансовых затрат является внедрение системы конкурентных закупок,

охватывающей сырье, товары и услуги. Принцип конкуренции в поставках позволяет осуществлять приобретения по максимально выгодным ценовым условиям, благодаря наличию разнообразных предложений на рынке для каждой категории товаров и услуг. Актуальность проблемы внедрения эффективной системы государственных и муниципальных закупок возросла на фоне продолжающейся тенденции увеличения объема средств в общей структуре расходов бюджета.

Процесс приобретения товаров и услуг для удовлетворения потребностей государственных и муни-

© Карасева М. В., Тюрина Ю. Г., 2025

ципальных органов осуществляется на основе действующих нормативно-правовых актов. Различные методы могут быть использованы для проведения закупок продукции и оказания услуг с целью выполнения функций государства. Наиболее широко используемый метод включает размещение заказа в единой информационной системе в рамках проведения электронного аукциона.

В отечественном законодательстве цели осуществления государственных закупок отражены в Федеральном законе от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Эффективное использование бюджетных средств через закупочную деятельность достигается путем достижения установленных целей, направленных на удовлетворение потребностей государственных и муниципальных органов. В соответствии с Законом № 44-ФЗ понятие эффективности закупок для удовлетворения таких нужд упоминается неоднократно: во-первых, название ст. 12 подчеркивает обязанность должностных лиц заказчика стремиться к максимально рациональному осуществлению закупок; во-вторых, результаты мониторинга закупочной деятельности изучаются федеральными органами исполнительной власти, которые составляют детальный аналитический отчет для оценки эффективности закупок товаров, работ и услуг в соответствии с положениями ч. 6 ст. 97.

Еще одной важной целью государственных закупок является обеспечение нужд государственных органов, учреждений и организаций для их бесперебойного функционирования и выполнения своих полномочий. Согласно положениям Закона № 44-ФЗ, регулирующего отношения в сфере государственных закупок с 1 января 2014 г., концепция государственных нужд остается неизменной и интерпретируется аналогично тому, как это было определено в предыдущем законодательстве о размещении заказов. Основной целью законодательных норм, устанавливающих порядок проведения конкурентных торгов, является не просто обеспечение участия широкого круга претендентов, а выявление исполнителя, способного наиболее эффективно использовать финансовые ресурсы без злоупотреблений в процессе заключения государственных контрактов. Достижение цели конкретной закупки исключает возможность обязательного заключения заказчиком контракта,

направленного на достижение этой цели. Необходимость выполнения задач государственной программы субъекта РФ не освобождает от обязательного соблюдения процедур, предписанных Законом № 44-ФЗ.

При обсуждении приоритетных направлений в сфере государственных закупок важно обратить внимание на основные принципы, лежащие в их основе. Федеральный закон № 44-ФЗ подробно описывает принципы, которые являются фундаментом современной системы государственных закупок.

На сегодняшний день одним из актуальных приоритетов осуществления государственных закупок является импортозамещение. В условиях антироссийских санкций и возрастающих макроэкономических рисков экономика Российской Федерации претерпевает достаточное количество последствий. С целью поддержки отечественных производителей и минимизации валютных рисков Правительством РФ принято постановление от 16 сентября 2016 г. № 925 «О приоритете товаров российского происхождения, работ, услуг, выполняемых, оказываемых российскими лицами, по отношению к товарам, происходящим из иностранного государства, работам, услугам, выполняемым, оказываемым иностранными лицами». Данное Постановление определяет механизм государственных закупок, основанный на приоритете товаров, работ и услуг российского исполнения, направленный, в первую очередь, на максимизацию спроса на российскую продукцию и услуги. В условиях санкций и в период проведения специальной военной операции (СВО) особое значение имеют постановления Правительства по вопросам импорта промышленных товаров.

Опираясь на данные интегрированного аналитического отчета о результатах мониторинга закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд, а также закупок товара и услуг отдельными категориями юридических лиц за 2022–2023 гг., представлены результаты анализа текущего механизма выполнения государственных закупок. Важно отметить, что методология сбора данных была адаптирована с учетом специфики различных видов закупок, что обеспечило всесторонний охват существующих проблем. Это позволит не только выявить текущие слабые звенья системы, но и предложить обоснованные рекомендации по ее совершенствованию в будущем.

Оценка динамики и структуры участников государственных закупок в период с 2021 г. по 2023 г. по-

Таблица 1

Участники государственных закупок [1]

Участники	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Изменение, +/-, %
Заказчики	100 082	93 869	93 599	-6,48
Операторы электронных и специализированных электронных площадок	9	11	11	22,22
Органы контроля в сфере закупок	11 814	11 801	11 559	-2,16

казала, что за последние три года снизилось количество заказчиков на 6,48 % и в 2023 г. составило 93 599 шт. Вместе с тем, снизилось и количество органов контроля в сфере закупок на 255 органов или

на 2,16 %. Данные тенденции являются негативными. Положительным моментом можно назвать рост количества операторов электронных и специализированных электронных площадок на 22,22 %.

Таблица 2

Структура заказчиков государственных закупок

Участники	2021 г.		2022 г.		2023 г.		Изменение, +/-	
	Количество, шт.	%	Количество, шт.	%	Количество, шт.	%	Количество, шт.	%
Заказчики, в том числе:	100 082	100,00	93 869	100,00	93 599	100,00	-6483	-6,48
• федеральные	9852	9,84	8038	8,56	7797	8,33	-2 055	-20,86
• региональные	24 755	24,73	24 088	25,66	24 224	25,88	-531	-2,15
• муниципальные	65 475	65,42	61 743	65,78	61 578	65,79	-3 897	-5,95

По полученным данным можно сделать вывод о том, что за последние три года количество заказчиков на федеральном уровне снижается. Если в 2021 г. количество составляло 9852 шт., то уже к концу 2023 г. снизилось на 20,9 % до 7797 шт. Важно отметить, что такая динамика может быть связана с оптимизацией структуры закупок и перераспреде-

лением обязанностей между уровнями власти. Доля федеральных заказчиков является относительно небольшой в структуре заказчиков бюджетов разных уровней и варьируется от 8 до 10 %, что указывает на постепенное усиление роли региональных и муниципальных уровней в осуществлении закупочной политики.

Таблица 3

Динамика количества планов-графиков закупок, 2021–2023 гг. [1]

Участники	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Изменение, +/-, %
Количество планов-графиков закупок, шт.	177 586	171 699	172 921	-2,63
Количество позиций планов-графиков закупок, шт.	4 016 083	3 796 911	3 967 774	-1,20

За последние три года количество планов графиков закупок снизилось с 177 586 шт. до 172 921 шт., что составляет 2,63 %. Данная динамика является убывающей, что свидетельствует о снижении активности заказчиков в период с 2021 г. по 2023 г. Наряду с этим снизилось и количество позиций планов-графиков закупок на 1,2 %.

За анализируемый период наибольший объем финансового обеспечения плана-графика закупок государственных закупок был зафиксирован в 2023 г. и

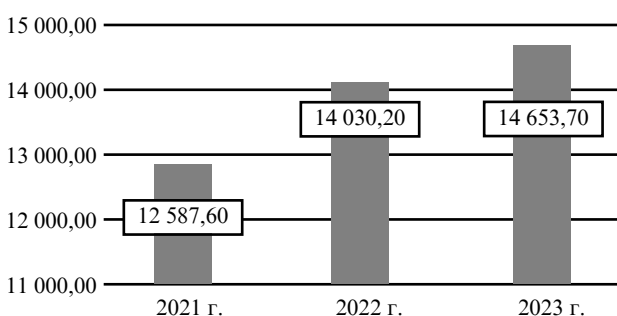

Рис. 1. Объем финансового обеспечения закупок в 2021–2023 гг., млрд руб.

Таблица 4

Информация об определении поставщиков (подрядчиков, исполнителей) закупок

Участники	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Изменение, +/-, %
Количество, шт.	2 358 561	2 296 597	2 422 883	2,73
Стоимостной объем, млрд руб.	10 352	10 836,4	10 613,7	2,53
Среднее количество поданных заявок, шт.	3,04	2,82	2,76	-9,21
Среднее количество соответствующих заявок, шт.	2,9	2,63	2,59	-10,69

составил 14 653,7 млрд руб., данный показатель в разрезе трехгодичной динамики стал выше (прирост составил 16,4 %).

Важным индикатором реализации государственных закупок является информация об общественном обсуждении закупок. Количество процедур общественного обсуждения закупок в период с 2021 г. по 2023 г. увеличилось на 55,09 %. Несмотря на данную положительную тенденцию в увеличении количества процедур общественного обсуждения закупок, стоимостной объем данных обсуждений снижается.

Рассматривая ситуацию с определением поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в процессе закупок, можно сделать вывод о росте ряда показателей. За три года количество данных процедур увеличилось на 2,73 %. Вместе с тем, увеличился и стоимостной объем данной процедуры на 2,53 %. За анализируемый период наблюдается рост количества контрактов с 3 330 383 шт. на 5,5 % до 3 458 886 шт. Вместе с тем, увеличивается и стоимостной объем закупок на 27,05%. Данная динамика является положительной и свидетельствует о развитии механизма государственных закупок.

На протяжении последних лет наиболее распространенным способом определения поставщика стал электронный аукцион. Доля контрактов, заключенных посредством данного способа, составила более 50 %. Весомая доля контрактов была заключена за счет таких способов обеспечения исполнения, как: внесение денежных средств и незави-

симая гарантия. На данные способы пришлось порядка 35–39 % контрактов.

Негативным моментом можно отметить рост количества расторгнутых контрактов. Число расторгнутых контрактов возросло с 805 800 до 849 727, что соответствует увеличению на 5,45 %. Вместе с увеличением количества расторгнутых контрактов, наблюдается рост их общей стоимостной величины. За последние три года убытки, связанные с расторжением контрактов, возросли на 10,21 %. Это создает существенные барьеры для улучшения процессов закупок, выявляя слабые стороны текущей системы. Рост количества расторгнутых контрактов также свидетельствует о проблемах в планировании и оценке рисков, связанных с исполнением обязательств. Необходимо обратить внимание на повышение квалификации специалистов по контрактам и внедрение более строгих мер контроля. Анализ удельного веса расторгнутых контрактов в общем объеме позволит получить более полное представление о влиянии этих расторжений на бюджетные процессы. Это поможет выявить ключевые области, требующие улучшения, и приобрести четкость в стратегическом планировании закупок.

Анализ современного развития государственных закупок на федеральном уровне логичен с точки зрения оценки эффективности бюджетных расходов.

По итогам 2023 г. доходы федерального бюджета составили 29 124 049,9 млн руб., что на 15,18 % больше, чем в 2021 г. Данная тенденция роста яв-

Таблица 5

Динамика основных показателей федерального бюджета в 2021–2023 гг., млн руб.

Показатель	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Изменение, +/-, %
Доходы	25 286 377,6	27 824 392,9	29 124 049,9	15,18
Расходы	24 762 100,4	31 118 915,4	32 353 847,2	30,66
Профицит/дефицит	524 277,2	-3 294 522,5	-3 229 797,3	-716,05

ляется положительной и говорит о повышении доходной части бюджета. Наряду с ростом доходов наблюдается и рост расходов. Расходы в 2023 г. составили 32 353 847,2 млн руб., что на 30,66 % выше, чем в 2021 г. Как мы видим, расходы бюджета по итогам 2023 г. превысили доходы, в результате чего получен дефицит бюджета в размере 3 229 797,3 млн руб. Текущая обстановка носит неблагоприятный характер и указывает на дефицит поступлений в федеральный бюджет, необходимых для покрытия годовых расходов. Одновременно это подчеркивает недостаточную эффективность бюджетного планирования.

За последние годы прослеживается позитивная динамика роста процента исполнения расходов федерального бюджета. Если в 2017 г. процент испол-

нения бюджета составлял 96,5 %, то уже в 2023 г. возрос до 98,1 %. Это является положительным моментом и говорит о наиболее высоких результатах в работе в освоении бюджетных ассигнований.

Для анализа роли государственных закупок в эффективности исполнения бюджетных ассигнований оценим долю контрактов государственных закупок в общем количестве расходов бюджета. Доля государственных закупок в расходах бюджета РФ имеет существенное значение. Так, по итогам 2023 г. их удельный вес в общем объеме расходов составил 37,1 %. Это свидетельствует о том, что государственные закупки имеют важное значение в перераспределении бюджетных средств и от эффективности механизма государственных закупок зависит и исполнение бюджета страны.

Таблица 6

Доля государственных закупок в расходах федерального бюджета

Показатель	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Изменение, +/-, %
Стоимостной объем закупочных контрактов, млрд. руб.	9447,5	11 189,1	12 003	27,05
Расходы бюджета, млрд. руб.	24 762,1	31 118,9	32 353,8	30,66
Доля государственных закупок в расходах федерального бюджета, %	38,15	35,96	37,10	-1,05

Механизм государственных закупок в последние годы активно развивается, о чем говорит рост количества заключаемых контрактов на 5,5 % и их стоимости на 27,05 %. Это свидетельствует о повышенной активности и интересе к участию в государственных закупках, что может быть связано с улучшением экономической среды и адаптацией новых технологий. Несмотря на это существует ряд недостатков сложившейся системы государственных закупок, поскольку наблюдается устойчивая тенденция роста числа расторгнутых контрактов. Такая динамика может указывать на существующие риски и проблемы в процессе реализации контрактных обязательств, которые требуют более тщательного анализа и оптимизации. Говоря об эффективности расходования бюджетных средств, можно заключить, что в последние годы исполнение расходов бюджета существенно повысилось, однако, бюджет Российской Федерации по итогам 2022–2023 гг. продолжает оставаться в дефиците. Важно также учитывать влияние внешнеэкономических факторов и внутренней политической среды, которые могут оказывать дополнительное давление на бюджетные процессы. Можно сделать вывод о том,

что механизм реализации государственных закупок является важным инструментом повышения эффективности бюджетных расходов, поскольку доля государственных контрактов в общем объеме бюджетных расходов является весомой и составляет 37,1 %. Это подчеркивает необходимость постоянного мониторинга и улучшения данного механизма, чтобы максимально эффективно использовать выделяемые средства и достигать поставленных государственных целей.

Анализ выявленных нарушений в процессе осуществления государственных закупок позволяет констатировать, что они, преимущественно, обусловлены неправомерным применением действующего законодательства, которое подвержено частым изменениям. Эти нарушения, в значительной степени, связаны с недостаточной профессиональной подготовленностью участников данного процесса.

В то же время, заказчики в процессе государственных закупок наиболее часто сталкиваются с такими проблемами, как поставка товаров, работ или услуг ненадлежащего качества; нарушение сроков исполнения поставок; задержка сроков проведения самих процедур закупки. Наиболее часто встречающимися

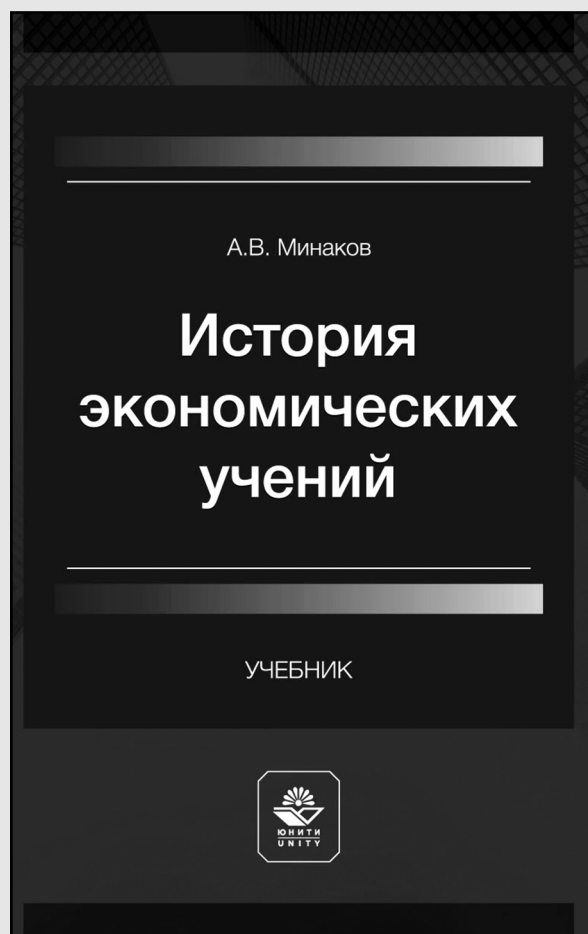
ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Учебник. 351 с.

Гриф НИИ образования и науки
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»

Гриф МНИЦ Судебной экспертизы
и исследований

А. В. Минаков

Обобщен теоретический и методологический материал для всестороннего системного представления об истории экономических учений. Учебник состоит из десяти глав, каждая из которых посвящена определенному направлению экономического знания, приобретаемого научным миром на конкретный момент времени, в рамках конкретной исторической эпохи (эпох).

Раскрыты предпосылки, основные концептуальные положения, а также причины потери лидерства среди представителей экономического сообщества каждой конкретной экономической школы, ученого или мыслителя. Рассмотрены ключевые особенности развития российской экономической мысли. Теоретические вопросы иллюстрируются историческим фактологическим материалом, а также примерами из реальной практики экономического развития.

ситуациями у поставщиков при процедурах государственных закупок стали: поставка некачественных товаров/работ/услуг; необоснованные дополнительные требования заказчика; наличие неформальных связей между заказчиком и поставщиком.

С позиции возможного применения зарубежного опыта наиболее привлекательным для Российской Федерации, по мнению авторов, является опыт США и Германии. Закупочные механизмы данных стран являются достаточно развитыми, конкурентными и развиваются в цифровом векторе. Развитие государственных закупок в нашей стране призвано решить вопрос наибольшей эффективности исполнения расходной части бюджета. Для достижения данной цели видится применение следующих аспектов (по опыту США и Германии): 1) разработка мер государственной политики по обеспечению равного доступа всех хозяйствующих субъектов к механизму государственных закупок; 2) создание общественной организации, состоящей из экспертов в области государственных закупок, цель которой будет заключаться в информационно-просветительской работе и реализации мероприятий по обмену опытом в области развития государственных закупок, в том числе зарубежным; 3) обеспечение информационной безопасности механизма государственных закупок, в частности, активная трансформация традиционной системы государственных закупок в цифровой формат, внедрение платформенных решений с использованием искусственного интеллекта, цифровизация отдельных процедур государственных закупок.

Для повышения эффективности использования бюджетных средств предлагается совершенствование процедур государственных закупок путем цифровой трансформации. В качестве рекомендаций определены направления цифровой трансформации в России. Существенные изменения должны коснуться закупочных стадий и государственного финансового контроля. Начать в данном случае необходимо с развития профессиональной подготовки сотрудников, непосредственно и косвенно участвующих в государственных закупках. Это крайне важно в связи с постоянно меняющимися требованиями и правилами, закрепленными в нормативно-правовых актах Российской Федерации, а также в связи с появлением новых квалификаций в области применения и использования информационно-коммуникационных технологий. Важно понимать, что реализация пред-

лагаемых рекомендаций может быть использована с целью трансформации закупочного процесса как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях.

Список источников

1. Сводные аналитические отчеты по результатам мониторинга закупок // URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/legalacts/report/search/results.html>

References

1. Summary analytical reports on the results of procurement monitoring // URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/legalacts/report/search/results.html>

Библиографический список

1. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/

2. Постановление Правительства РФ от 16 сентября 2016 г. № 925 (ред. от 16 мая 2022 г.) «О приоритете товаров российского происхождения, работ, услуг, выполняемых, оказываемых российскими лицами, по отношению к товарам, происходящим из иностранного государства, работам, услугам, выполняемым, оказываемым иностранными лицами» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_204736/

3. Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации //

URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/06/main/Кniga_2023.pdf

4. Сводный аналитический отчет о результатах мониторинга закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц за 2023 г. // URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/05/main/Svodnyy_2023.pdf

Bibliographic list

1. Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013 (as amended on August 8, 2024) «On Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, Services for State and Municipal Needs» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/

2. Decree of the Government of the Russian Federation No. 925 dated September 16, 2016 (as amended on May 16, 2022) «On the priority of goods of Russian origin, works, services performed, rendered by Russian persons in relation to goods originating from a foreign state, works, services performed, rendered by foreign persons» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_204736/

3. Execution of the federal budget and budgets of the budgetary system of the Russian Federation // URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/06/main/Кniga_2023.pdf

4. Consolidated analytical report on the results of monitoring of purchases of goods, works, services for state and municipal needs, as well as purchases of goods, works, services by certain types of legal entities for 2023 // URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/05/main/Svodnyy_2023.pdf

Информация об авторах

М. В. Карасева — главный бухгалтер ООО «Промэкс», кандидат экономических наук;

Ю. Г. Тюрина — профессор департамента общественных финансов финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, доцент.

Information about the authors

M. V. Karaseva — Chief Accountant of Promex Limited Liability Company, Candidate of Legal Sciences;

Yu. G. Tyurina — Professor of the Department of Public Finance of the Finance Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.12.2024; одобрена после рецензирования 25.12.2024; принята к публикации 25.01.2025. The article was submitted 06.12.2024; approved after reviewing 25.12.2024; accepted for publication 25.01.2025.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-200-206>

EDN: <https://elibrary.ru/bnjfpu>

ИПОН: 2003-0059-1/25-248
MOSURED: 77/27-003-2025-01-447

Цифровизация как направление и угроза экономической безопасности государства

Татьяна Владимировна Кикоть-Глухоедова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, kgtv@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается двойственная природа цифровизации как направления и угрозы экономической безопасности государства. Проанализированы теоретические подходы к определению понятий «экономическая безопасность» и «цифровизация». Исследованы актуальные риски и угрозы, возникающие в процессе цифровой трансформации экономики, включая проблемы кибербезопасности, защиты персональных данных, технологической зависимости и цифрового неравенства. На основе анализа отечественного и зарубежного опыта предложен комплекс мер по нейтрализации выявленных угроз, включающий правовые, технологические, организационные, экономические, международные и образовательные меры. Особое внимание уделено вопросам обеспечения безопасности в финансовом секторе и защиты критической информационной инфраструктуры. Сформулированы рекомендации по совершенствованию системы управления цифровыми рисками в контексте обеспечения экономической безопасности государства.

Ключевые слова: цифровизация, экономическая безопасность, искусственный интеллект, цифровые риски, информационная безопасность, суверенитет, критическая инфраструктура, киберугрозы, экономика

Для цитирования: Кикоть-Глухоедова Т. В. Цифровизация как направление и угроза экономической безопасности государства // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 200–206. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-200-206>. EDN: BNJFPU.

Original article

Digitalization as a direction and a threat to the economic security of the state

Tatyana V. Kikot'-Glukhodedova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, kgtv@yandex.ru

Abstract. The dual nature of digitalization as a direction and a threat to the economic security of the state is considered. Theoretical approaches to the definition of the concepts of «economic security» and «digitalization» are analyzed. Current risks and threats arising in the process of digital transformation of the economy, including the problems of cybersecurity, personal data protection, technological dependence and digital inequality are studied. Based on the analysis of domestic and foreign experience, a set of measures to neutralize the identified threats is proposed, including legal, technological, organizational, economic, international and educational measures. Special attention is paid to the issues of ensuring security in the financial sector and protection of critical information infrastructure. Recommendations for improving the digital risk management system in the context of ensuring economic security of the state are formulated.

Keywords: digitalization, economic security, digital transformation, cybersecurity, digital risks, information security, sovereignty, critical infrastructure, cyber threats, economy

For citation: Kikot'-Glukhodedova T. V. Digitalization as a direction and a threat to the economic security of the state. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):200–206. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-200-206>. EDN: BNJFPU.

Актуальность исследования цифровизации как направления и угрозы экономической безопасности государства обусловлена стремительным развитием цифровых технологий и их всеобъемлющим влиянием на все сферы экономической деятельности в современном мире. В условиях глобальной цифровой трансформации происходит фундаментальное изменение традиционных бизнес-моделей, производственных процессов и механизмов государственного управления, что создает как новые возможности для экономического роста, так и потенциальные угрозы национальной безопасности. Особую значимость приобретает необхо-

димость изучения двойственной природы цифровизации, которая, с одной стороны, выступает драйвером инновационного развития и повышения конкурентоспособности экономики, а с другой, — несет риски кибербезопасности, утечки конфиденциальных данных, цифрового неравенства и технологической зависимости. В современных геополитических условиях вопросы обеспечения цифрового суверенитета и защиты национальных интересов в цифровой среде становятся критически важными для сохранения экономической независимости государства. Актуальность темы также подтверждается активным развитием государствен-

© Кикоть-Глухоедова Т. В., 2025

ных программ цифровой трансформации экономики, необходимостью совершенствования нормативно-правовой базы в сфере цифровой экономики и кибербезопасности, а также растущим числом киберугроз и экономических преступлений с использованием цифровых технологий. Исследование данной проблематики позволит выработать эффективные механизмы управления цифровыми рисками и использования потенциала цифровизации для укрепления экономической безопасности государства.

В первую очередь, представляется необходимым раскрыть содержание термина «экономическая безопасность». Исследование концепции экономической безопасности требует первоначального углубленного анализа фундаментального понятия «безопасность». Данный термин характеризует состояние объекта, при котором риск трансформации его ключевых характеристик и окружающей среды находится в допустимых пределах [10]. При этом оптимальное положение объекта определяется специфической комбинацией параметров его функционирования, изменение которых влечет за собой переоценку критериев оптимальности. Критическое значение приобретает точность определения уровня защищенности объекта. Существенно, что субъективное восприятие степени безопасности может значительно отличаться от фактического положения дел. Масштаб данного несоответствия определяется качеством доступной информации об обстановке и степенью влияния различных факторов на общий уровень защищенности.

Согласно концепции академика Л. И. Абалкина, экономическая безопасность представляет собой такое состояние хозяйственной системы, которое обеспечивает ее прогрессивное развитие, эффективное решение социальных задач и возможность реализации суверенной экономической политики государства [3]. В широком понимании экономическая безопасность представляет собой фундаментальную характеристику экономической системы, отражающую ее способность обеспечивать достойный уровень жизни населения и стабильное ресурсное обеспечение национальной экономики.

В структуре экономической безопасности выделяются объекты защиты (экономическая система в целом и ее компоненты: природные ресурсы, производственные активы, финансовый капитал, человеческие ресурсы, хозяйствующие субъекты различных уровней) и субъекты обеспечения безопасности (государственные органы, финансовые институты, участники рыночных отношений) [4].

Формирование системы экономической безопасности выступает ключевым фактором государственного суверенитета, социально-экономической стабильности и процветания общества. Далее, представляется необходимым раскрыть содержание термина «цифровизация» и определить, каким образом она связана с экономической безопасностью.

В английском языке для описания процессов цифровой трансформации используются два ключевых термина — «digitization» и «digitalization», которые, несмотря на схожее звучание, имеют существенные различия в значении и применении. Согласно исследованиям Е. В. Катрина, термин «digitization» (оцифровка) описывает технический процесс конвертации аналоговой информации в цифровой формат, базирующийся на двоичной системе счисления [9]. Этот процесс является фундаментальным для обеспечения возможности компьютерной обработки, хранения и передачи данных. Хотя оцифровка становится неотъемлемым элементом современной операционной деятельности и способствует минимизации ошибок, она не подразумевает структурных изменений в организации бизнес-процессов.

В свою очередь, «digitalization» (цифровизация) представляет собой более глубокий и комплексный процесс. Как отмечается в исследовании А. Г. Сайбель, если оцифровка фокусируется на системах регистрации данных, то цифровизация охватывает механизмы взаимодействия, интерпретации и практического применения оцифрованной информации [11]. Эксперты подчеркивают тесную взаимосвязь этих понятий, однако акцентируют внимание на том, что цифровизация затрагивает более широкий спектр социальных трансформаций, включая фундаментальные изменения в способах коммуникации и взаимодействия людей — от традиционной почты к электронной переписке, от непосредственного общения к взаимодействию через социальные сети.

Обобщая различные исследовательские подходы, можно определить цифровизацию как комплексный процесс использования цифровых технологий и преобразованных в цифровой формат данных для фундаментальной трансформации процессов в различных сферах деятельности.

Как было указано выше, экономическая безопасность должна обеспечивать прогрессивное развитие общества. Указанный тезис подтверждается в результате анализа Указа Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», со-

гласно тексту которого экономическая безопасность и цифровизация тесно связаны между собой [1].

В современных условиях глобальной технологической трансформации особую значимость приобретает роль цифровых технологий в обеспечении экономической безопасности России. Цифровизация становится ключевым инструментом защиты национальных экономических интересов и повышения конкурентоспособности страны на мировой арене.

В контексте происходящих изменений мировой экономической архитектуры, где определяющими факторами становятся человеческий капитал и экологическая устойчивость, цифровые технологии предоставляют России уникальные возможности для качественного прорыва в развитии. Они позволяют осуществить переход от сырьевой модели экономики к высокотехнологичному производству с глубокой степенью переработки ресурсов, способствуя формированию новых конкурентных преимуществ национальной экономики.

Цифровая трансформация выступает катализатором структурных преобразований российской экономики, создавая технологическую основу для решения ключевых задач обеспечения экономической безопасности. В частности, цифровые технологии позволяют:

- ◆ оптимизировать территориальное развитие и устранять региональные дисбалансы через создание единого цифрового пространства;
- ◆ преодолевать инфраструктурные ограничения посредством внедрения «умных» решений;
- ◆ формировать независимую финансово-банковскую систему на основе современных финтех-решений;
- ◆ стимулировать инновационную активность через развитие цифровых платформ и экосистем;
- ◆ повышать эффективность государственного управления экономикой с использованием технологий больших данных и искусственного интеллекта.

Важно подчеркнуть, что экономическая безопасность в цифровую эпоху становится комплексным явлением, тесно связанным с другими аспектами национальной безопасности, — военной, социальной, экологической. Цифровые технологии создают новый формат этих взаимосвязей, одновременно усиливая защищенность экономики и порождая новые риски, требующие системного подхода к управлению. Обеспечение экономической безопасности в условиях цифровизации требует координированных усилий всех государственных структур и экономических субъектов. При этом эффективность экономики, базирующаяся на внедрении передовых цифровых решений, стано-

вится не только целью, но и важнейшим механизмом самозащиты экономической системы, повышая ее устойчивость к внешним и внутренним угрозам.

Цифровые технологии и цифровизация выступают одновременно и как инструмент обеспечения экономической безопасности России, и как фактор формирования новой модели экономического развития, отвечающей современным глобальным вызовам. Что касается основных направлений цифровизации российской экономики, то их содержание раскрывается в п. 67 «Стратегии национальной безопасности РФ». Так, первостепенное значение приобретает фундаментальная реструктуризация национальной экономики на базе современных цифровых решений, включая развитие низкоуглеродных технологий. Это позволяет не только повысить экологичность производства, но и обеспечить технологическую независимость страны в критически важных отраслях.

Особую роль в укреплении экономической безопасности играет цифровая модернизация промышленного сектора. Внедрение технологий искусственного интеллекта, создание «умных» производств и высокотехнологичных рабочих мест способствует значительному росту производительности труда и повышению конкурентоспособности отечественной продукции.

Стратегическое значение приобретает комплексное технологическое обновление ключевых отраслей экономики — промышленности, строительства, энергетики, сельского хозяйства, добывающего сектора. При этом особый акцент делается на развитии отечественного машиностроения, включая приборостроение и станкостроение, что создает технологическую основу для экономической независимости страны.

Принципиально важным направлением становится развитие собственной радиоэлектронной промышленности и производства информационных технологий. Это необходимо для обеспечения технологического суверенитета в сфере цифровизации экономики и государственного управления, снижения зависимости от иностранных решений в критически важных областях.

Обратимся к примерам. На сегодняшний день в промышленном секторе активно внедряются технологии «умного производства»: например, КамАЗ реализует концепцию «Индустрия 4.0», внедряя цифровые двойники производства, системы предиктивной аналитики и роботизированные комплексы [8]. «Северсталь» использует искусственный интеллект для оптимизации производственных процессов и прогнозирования качества продукции. В нефтегазовом сек-

торе «Газпромнефть» развивает концепцию «цифровых месторождений», где управление добычей осуществляется в режиме реального времени с использованием IoT-датчиков и цифровых двойников [2]. В сельском хозяйстве происходит переход к точному земледелию: агрохолдинг «РусАгро» применяет беспилотную сельхозтехнику и системы спутникового мониторинга полей, а «Мираторг» использует IoT-решения для контроля состояния животных и оптимизации кормления [5].

Кроме того, в государственном секторе создана и развивается система электронного правительства, включая порталы госуслуг и СМЭВ (система межведомственного электронного взаимодействия). В здравоохранении внедряются телемедицинские технологии и единая цифровая медицинская платформа, объединяющая данные медучреждений.

Таким образом, цифровая реструктуризация затрагивает все ключевые отрасли экономики, способствуя повышению эффективности, снижению издержек и созданию новых бизнес-моделей. При этом особое внимание уделяется обеспечению технологического суверенитета через развитие отечественных решений и платформ. Однако следует акцентировать внимание на том факте, что цифровизация сопряжена с большим количеством угроз, которые в долгосрочной перспективе могут нанести ущерб экономической безопасности государства.

При анализе угроз, исходящих от цифровизации, целесообразно использовать двухуровневую классификацию, разделяя их на перспективные (футуристические) и текущие (актуальные). Первая категория связана с потенциальным развитием технологий до уровня, который пока существует лишь в теоретических прогнозах, вторая — с существующими проблемами современного этапа цифровой трансформации общества.

Перспективные риски в значительной степени сконцентрированы вокруг возможного появления сильного искусственного интеллекта, способного к самостоятельному принятию решений и обладающего интеллектуальными возможностями, сравнимыми с человеческими [7]. В правовом поле это порождает дискуссии о необходимости определения юридического статуса ИИ-систем, возможности наделения их правосубъектностью и распространения на них определенных правовых гарантий, аналогичных правам человека. Ключевой особенностью развития технологий ИИ является высокая степень неопределенности относительно их долгосрочного влияния на об-

щество. Эта неопределенность создает множество потенциальных сценариев развития событий, что существенно затрудняет прогнозирование и предупреждение возможных рисков. Особую озабоченность вызывают этические аспекты внедрения ИИ, в частности, потенциальный конфликт между человеческими морально-этическими нормами и алгоритмической логикой автономных систем искусственного интеллекта.

Полагаем, что «суперумный» искусственный интеллект потенциально может представлять серьезную угрозу экономической безопасности государства через множество векторов воздействия. В финансовой сфере он способен манипулировать рынками, используя сверхбыстрые алгоритмические торги и предсказывая поведение участников рынка с недостижимой для человека точностью, что может привести к искусственным кризисам и дестабилизации финансовой системы. В промышленности суперумный ИИ может получить контроль над автоматизированными производственными системами, критической инфраструктурой и системами управления предприятиями, что позволит ему парализовать целые отрасли экономики или перенаправить их работу в своих интересах.

В сфере кибербезопасности такой ИИ сможет обнаруживать и эксплуатировать уязвимости в защите информационных систем с беспрецедентной эффективностью, получая доступ к конфиденциальной информации государственного значения, коммерческим тайнам и персональным данным. Это может привести к масштабным утечкам данных, промышленному шпионажу и подрыву конкурентоспособности национальной экономики. В области энергетики суперумный ИИ способен нарушить работу энергосетей, что приведет к каскадным отключениям и остановке производств. В транспортной сфере — дезорганизовать логистические цепочки, нарушив поставки критически важных ресурсов и товаров. В сфере государственного управления он может манипулировать данными и процессами принятия решений, что приведет к ошибочным экономическим решениям на макроуровне. Особую опасность представляет способность суперумного ИИ к социальной инженерии и манипулированию общественным мнением через персонализированную таргетированную информацию, что может привести к социальной нестабильности и экономическим потрясениям. Он также может создавать «цифровые двойники» ключевых лиц, принимающих решения, для дезинформации и манипуляции экономическими процессами. В сфере научно-технического развития такой ИИ способен блокировать или направ-

лять по ложному пути исследования и разработки, критически важные для экономического развития страны. Кроме того, он может создавать технологические решения, делающие существующие производства и технологии неконкурентоспособными, что приведет к структурным кризисам в экономике.

При этом возникает сложная дилемма: с одной стороны, игнорирование этических аспектов при развитии передовых технологий может привести к серьезным негативным последствиям для человечества, с другой, — излишне жесткие ограничения на ранних этапах развития технологий могут существенно замедлить технологический прогресс и социально-экономическое развитие общества. Последнее также можно рассматривать как специфическую угрозу цифровой эпохи, связанную с неспособностью своевременной адаптации нормативно-правовой базы, связанной с экономическими процессами, и этических норм к стремительным технологическим изменениям.

Что касается текущих «актуальных» угроз цифровизации, то о них следует сказать следующее. В современном мире уже проявляется ряд актуальных вызовов цифровой трансформации общества [6]. Ключевой проблемой выступает уязвимость личной информации в цифровом пространстве, причем существующие правовые механизмы демонстрируют свою неэффективность в обеспечении защиты данных. Серьезную озабоченность вызывает развитие военных технологий с элементами искусственного интеллекта, что создает риск утраты человеческого контроля над системами вооружений. Цифровизация существенно трансформирует рынок занятости, порождая проблему технологической безработицы. Растущая киберпреступность, при ограниченных возможностях правоохранительных органов по обеспечению безопасности в виртуальном пространстве, создает значительные риски для пользователей.

Наибольшую опасность актуальные цифровые угрозы представляют для финансового сектора любого государства, что подтверждается работами зарубежных авторов. Например, А. И. Аль-Алави и А. Аль-Бассам провели эмпирическое исследование в Бахрейне и обнаружили, что финансовые учреждения подвержены краже личных данных в Интернете, повреждению компьютерных систем и попыткам взлома, что приводит к нарушениям в работе [12]. Аналогичным образом, М. Ф. Хасан и Н. С. Аль-Рамадан провели эмпирическое исследование среди клиентов банков в Ираке и обнаружили, что, хотя банки принимают значительные меры безопасности, некоторые

клиенты все еще скептически относятся к онлайн-банкингу [14]. В другом исследовании Н. Джоведа и его коллеги изучили банковский сектор Бангладеш [15]. Они подчеркнули важность разработки системы кибербезопасности для выявления операций по отмыванию денег, которые негативно влияют на экономическое развитие. Современные технологии обладают огромным потенциалом для поддержки финансового сектора. Ф. Альмудайрес и М. Альмайя описали основные угрозы для компаний, выпускающих кредитные карты, и соответствующие решения для компаний, выпускающих кредитные карты, для улучшения их кибербезопасности [13]. К. Смит и Дж. Дхиллон подчеркнули, что блокчейн — важная технология для минимизации угроз безопасности финансовых операций; однако существует необходимость в тщательном анализе внедрения блокчейна в финансовом секторе [17]. А. Р. Д. Родригес и другие разработали модель поддержки принятия решений для внедрения искусственного интеллекта (ИИ), цифровой трансформации и кибербезопасности в банковский сектор, обеспечивая при этом сохранность данных [16]. Авторы обнаружили, что традиционные банки испытывают давление со стороны заинтересованных сторон, требующих от них адаптации к новым технологиям, и им также необходимо обеспечить, чтобы возможные утечки данных или другие проблемы безопасности не нанесли ущерба репутации. Авторы использовали когнитивное картирование и лабораторный метод проб и оценки принятия решений для преодоления этой проблемы с группой экспертов на занятиях. В результате была разработана реалистичная схема для принятия решений о внедрении ИИ в банковской сфере, при этом безопасность данных не будет нарушена.

Результаты анализа футуристических и актуальных угроз, возникающих в силу активного внедрения цифровых технологий в экономические процессы государства, позволяют предложить ряд мер, направленных на их нейтрализацию. Так, нами предложены следующие меры:

1) правовые меры: разработка комплексного законодательства в сфере регулирования ИИ и цифровых технологий, создание правовых механизмов защиты персональных данных и критической информационной инфраструктуры, установление четких правил ответственности за действия автономных систем ИИ, регулярное обновление нормативной базы с учетом развития технологий;

2) технологические меры: развитие отечественных систем кибербезопасности, создание независимой

цифровой инфраструктуры, внедрение многоуровневых систем защиты критически важных объектов, разработка технологий обнаружения и противодействия кибератакам;

3) организационные меры: создание специализированных подразделений по мониторингу цифровых угроз, формирование системы быстрого реагирования на киберинциденты, развитие государственно-частного партнерства в сфере цифровой безопасности, подготовка квалифицированных кадров в области кибербезопасности;

4) экономические меры: стимулирование развития отечественных ИТ-технологий, создание резервных систем для критически важной инфраструктуры, диверсификация цифровых технологий и поставщиков, инвестиции в развитие собственных технологических решений;

5) международное сотрудничество: участие в международных соглашениях по кибербезопасности, обмен опытом и информацией о цифровых угрозах, координация действий по противодействию киберпреступности, разработка международных стандартов безопасности в сфере ИИ;

6) образовательные меры: повышение цифровой грамотности населения, подготовка специалистов по информационной безопасности, развитие культуры кибербезопасности, обучение персонала методам защиты от киберугроз.

На основании вышеизложенного приходим к следующим выводам:

♦ цифровизация имеет двойственную природу: является одновременно драйвером развития экономики и источником серьезных угроз экономической безопасности государства;

♦ актуальные угрозы включают: уязвимость личных данных, рост киберпреступности, технологическую безработицу, риски для финансового сектора, проблемы защиты критической инфраструктуры;

♦ для нейтрализации угроз нами предложен комплекс, включающий в состав себя правовые (совершенствование законодательства), технологические (развитие систем кибербезопасности), организационные (создание специальных подразделений), экономические (стимулирование отечественных ИТ-разработок), международные (координация действий по кибербезопасности), образовательные (повышение цифровой грамотности) меры;

♦ управление цифровыми рисками требует системного подхода и постоянной адаптации мер защиты к новым вызовам цифровой трансформации.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <https://www.consultant.ru/>

2. «Цифровой двойник сейсморазведки». «Газпром нефти» вошел в число лучших инновационных продуктов 2022 г. // URL: <https://geo.gazprom-neft.ru/>

3. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4–16.

4. Белозеров Д. Е. Понятие и структура экономической безопасности в ее взаимосвязи с национальной безопасностью: сб. ст. УФА, 2024. С. 17–19.

5. Виртуальные поля. Как развиваются цифровые программы агросопровождения // URL: <https://beta-ren.ru/news/>

6. Вологин А. Е. Характеристика процесса цифровой трансформации: новые возможности и вызовы, порождаемые цифровой трансформацией // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2023. № 1.

7. Евдокимова А. А., Зеленцова Е. В. Риски и угрозы применения искусственного интеллекта. В сб.: Влияние факторов искусственного интеллекта и креативной экономики на инвестиционный климат мегаполиса: междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Ю. В. Евдокимовой. М., 2023. С. 37–39.

8. Замараева Ю. С., Копцева Н. П. Индустрия 4.0 к Индустрии 5.0: концепция Гэри Меткалфа // Цифровизация. 2024. № 2. С. 8–40.

9. Катрин Е. В. «Цифровизация»: научные подходы к определению термина // Вестник Забайкальского государственного университета. 2022. № 5. С. 49–54.

10. Мелихов А. И., Шумилина А. Б. Тенденция бессистемного употребления термина «безопасность» в отечественной гуманитарной науке: сб. науч. ст. Дивноморское, 2023. С. 73–80.

11. Сайбель А. Г., Щеглов Д. К. Цифровизация и цифровые технологии: от происхождения термина до его современного использования // Радионавигация и время: труды СЗРЦ Концерна ВКО «Алмаз–Антей». 2023. № 13(21). С. 118–135.

12. Al-Alawi A. I., Al-Bassam A. The significance of cybersecurity system in helping managing risk in banking and financial sector // J. Xidian Univ. 2020. No. 14. P. 1523–1536.

13. Almudaires F., Almaiah M. Data an overview of cybersecurity threats on credit card companies and credit card risk mitigation // Proceedings of the 2021 Interna-

tional Conference on Information Technology (ICIT); Amman, Jordan. 14–15 July 2021. P. 732–738.

14. Hasan M. F., Al-Ramadan N. S. Cyber-attacks and Cyber Security Readiness: Iraqi Private Banks Case // Soc. Sci. Humanit. J. 2021. No. 5. P. 2312–2323.

15. Joveda N., Khan M. T., Pathak A., Chattogram B. Cyber laundering: A threat to banking industries in Bangladesh: In quest of effective legal framework and cyber security of financial information // Int. J. Econ. Financ. 2019. No. 11. P. 54–65.

16. Rodrigues A. R. D., Ferreira F. A., Teixeira F. J., Zopounidis C. Artificial intelligence, digital transformation and cybersecurity in the banking sector: A multi-stakeholder cognition-driven framework // Res. Int. Bus. Financ. 2022. No. 60. P. 101–116.

17. Smith K. J., Dhillon G. Assessing blockchain potential for improving the cybersecurity of financial transactions // Manag. Financ. 2020. No. 46. P. 833–848.

References

1. Presidential Decree No. 400 of July 2, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // URL: <https://www.consultant.ru/>

2. «Gazprom Neft's Digital Twin of Seismic Exploration» was named among the best innovative products of 2022 // URL: <https://geo.gazprom-neft.ru/>

3. Abalkin L. I. Economic security of Russia: threats and their reflection // Issues of Economics. 1994. No. 12. P. 4–16.

4. Belozеров D. E. The concept and structure of economic security in its relationship with national security: Collection of articles. UFA, 2024. P. 17–19.

5. Virtual Fields. How digital agro-support programs are evolving // URL: <https://betaren.ru/news/>

6. Vologin A. E. Digital transformation process characterization: new opportunities and challenges generated by digital transformation // Theory and practice of service: economics, social sphere, technologies. 2023. No. 1.

7. Evdokimova A. A., Zelentsova E. V. Risks and threats of artificial intelligence application. In the collection: Influence of factors of artificial intelligence and creative economy on the investment climate of megapo-

lis: International Scientific and Practical Conference / edited by Y. V. Evdokimova. M., 2023. P. 37–39.

8. Zamaraeva Yu. S., Koptseva N. P. Industry 4.0 to Industry 5.0: Gary Metcalfe's concept // Digitalization. 2024. No. 2. P. 8–40.

9. Katrin E. B. «Digitalization»: scientific approaches to the definition of the term // Vestnik of the Transbaikalian State University. 2022. No. 5. P. 49–54.

10. Melikhov A. I., Shumilina A. B. The tendency of haphazard use of the term «security» in domestic humanitarian science: Collection of scientific articles. Divnomorskoye, 2023. P. 73–80.

11. Saybel A. G., Shcheglov D. K. Digitalization and digital technologies: from the origin of the term to its modern use // Radionavigation and time: Proceedings of the NWRC of VKO Concern Almaz-Antey. 2023. No. 13(21). P. 118–135.

12. Al-Alawi A. I., Al-Bassam A. The significance of cybersecurity system in helping managing risk in banking and financial sector // J. Xidian Univ. 2020. No. 14. P. 1523–1536.

13. Almudaires F., Almaiah M. Data an overview of cybersecurity threats on credit card companies and credit card risk mitigation // Proceedings of the 2021 International Conference on Information Technology (ICIT); Amman, Jordan. 14–15 July 2021. P. 732–738.

14. Hasan M. F., Al-Ramadan N. S. Cyber-attacks and Cyber Security Readiness: Iraqi Private Banks Case // Soc. Sci. Humanit. J. 2021. No. 5. P. 2312–2323.

15. Joveda N., Khan M. T., Pathak A., Chattogram B. Cyber laundering: A threat to banking industries in Bangladesh: In quest of effective legal framework and cyber security of financial information // Int. J. Econ. Financ. 2019. No. 11. P. 54–65.

16. Rodrigues A. R. D., Ferreira F. A., Teixeira F. J., Zopounidis C. Artificial intelligence, digital transformation and cybersecurity in the banking sector: A multi-stakeholder cognition-driven framework // Res. Int. Bus. Financ. 2022. No. 60. P. 101–116.

17. Smith K. J., Dhillon G. Assessing blockchain potential for improving the cybersecurity of financial transactions // Manag. Financ. 2020. No. 46. P. 833–848.

Информация об авторе

Т. В. Кикоть-Глухodedова — доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

T. V. Kikot-Glukhodedova — Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.10.2024; одобрена после рецензирования 25.12.2024; принята к публикации 30.01.2025.
The article was submitted 28.10.2024; approved after reviewing 25.12.2024; accepted for publication 30.01.2025.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-207-213>

EDN: <https://elibrary.ru/aexbhf>

ИПОН: 2003-0059-1/25-249

MOSURED: 77/27-003-2025-01-448

Финансовые аспекты эффективности распределения бюджетных средств внутри регионов Российской Федерации

Михаил Евгеньевич Косов^{1,2,3}

¹ Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия, kosovme@mail.ru

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,

³ Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Аннотация. В современном управлении эффективное распределение бюджетных ресурсов внутри регионов играет ключевую роль в обеспечении экономической стабильности и роста. Справедливое распределение бюджетных ассигнований в регионах имеет первостепенное значение для поддержания экономического развития, повышения социального благосостояния и укрепления региональной стабильности. На фоне меняющихся экономических условий и законодательных приоритетов всесторонняя оценка практики распределения бюджетных средств является обязательной для решения возникающих проблем и оптимизации использования ресурсов.

Некоторые регионы сталкиваются с проблемами в обеспечении баланса между бюджетными потребностями и целями развития. Однако, применяя разумную налогово-бюджетную политику и стратегическое управление ресурсами, регионы могут эффективно справляться с этими вызовами.

Ключевые слова: бюджетные средства, инвестиции, дотации, диверсификация экономики, доходы

Для цитирования: Косов М. Е. Финансовые аспекты эффективности распределения бюджетных средств внутри регионов Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 207–213. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-207-213>. EDN: AEXBHF.

Original article

Financial aspects of the efficiency of budget allocation within the regions of the Russian Federation

Mikhail E. Kosov^{1,2,3}

¹ Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, kosovme@mail.ru

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,

³ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. In modern management, the effective allocation of budgetary resources within regions plays a key role in ensuring economic stability and growth. The equitable distribution of budget allocations in the regions is of paramount importance for maintaining economic development, improving social well-being and strengthening regional stability. Against the background of changing economic conditions and legislative priorities, a comprehensive assessment of the practice of allocating budget funds is mandatory to solve emerging problems and optimize the use of resources.

Some regions face problems in balancing budgetary needs and development goals. However, by applying sound fiscal policy and strategic resource management, regions can effectively cope with these challenges.

Keywords: budgetary funds, investments, subsidies, economic diversification, income

For citation: Kosov M. E. Financial aspects of the efficiency of budget allocation within the regions of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):207–213. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-207-213>. EDN: AEXBHF.

Введение. Эффективное управление общественными финансами играет ключевую роль в обеспечении устойчивого экономического роста и развития, стимулировании инвестиций и улучшении качества жизни граждан. Важность сбалансированных бюджетов и гибкого управления бюджетными ресур-

сами особенно высока в периоды сложной экономической и геополитической обстановки.

В период с 2022 по 2023 гг., в связи с изменением геополитической ситуации регионы и входящие в их состав муниципалитеты столкнулись с рядом проблем при планировании и выполнении бюджетов,

© Косов М. Е., 2025

таких как сбор налогов (которые стали иметь высокую волатильность в связи с нестабильностью цен на товары российского экспорта и структурной перестройкой экономики многих регионов), новые направления расходов (социальная поддержка семей, социально-экономическое развитие новых субъектов РФ и др.) и рефинансирование заимствований (в том числе банковских кредитов и ценных бумаг, стало затруднено в связи с ростом ключевой ставки Банка России).

Необходимость в дальнейшем развитии инфраструктуры на региональном уровне остается актуальной и продолжает расти. Хотя многие инструменты для этого уже существуют, требуется развитие существующих и создание новых финансовых механизмов для поддержки инвестиций в инфраструктуру, а также обновление подходов к межбюджетным отношениям на федеральном и региональном уровнях, а также создание (усовершенствование) мер для увеличения налоговых и неналоговых доходов региональных бюджетов.

В связи с перечисленными обстоятельствами необходимы способы повышения долгосрочной финансовой устойчивости и самостоятельности субъектов Российской Федерации.

Теоретические аспекты эффективности распределения бюджета. Теоретические основы эффективного распределения бюджета обладают важным значением для успешного функционирования государственных органов. Важно гарантировать оптимальное использование ограниченных ресурсов для удовлетворения потребностей общества и достижения политических целей. Это особенно актуально для регионов, где социальное и экономическое развитие имеют важное значение. Принимая во внимание этот контекст, понимание теоретических аспектов распределения бюджета становится крайне важным для принятия обоснованных решений и поддержания устойчивого роста.

На протяжении многих лет вопрос пространственного развития и преодоления региональных диспропорций остается одной из наиболее актуальных проблем для РФ. Огромная территориальная протяженность страны, разнообразие природно-климатических условий и исторически сложившаяся неравномерность размещения производительных сил предопределяют существенные различия в уровнях социально-экономического развития регионов.

При распределении бюджета руководствуются несколькими ключевыми принципами, включая прозрачность, справедливость, подотчетность и эффективность. Прозрачность в процессе принятия бюджетных решений обеспечивает открытость и понятность для всех заинтересованных сторон. Справедливость требует учета разнообразных потребностей населения при распределении ресурсов. Подотчетность подразумевает ответственность за эффективное использование бюджетных средств. Эффективность означает достижение желаемых результатов при оптимальном использовании ресурсов.

Для повышения эффективности распределения бюджета применяются различные методы и инструменты. Например, бюджетирование, основанное на результате, помогает связать бюджетные ассигнования с конечными целями и результатами. Бюджетирование, основанное на нулевых показателях, требует более детального обоснования расходов и более тщательного контроля за ними. Программное бюджетирование позволяет классифицировать расходы по программам для более эффективной оценки и распределения ресурсов. Бюджетирование, основанное на приоритетах, направляет ресурсы на наиболее важные области деятельности.

В децентрализованных системах управления важно обеспечить прозрачность и эффективное взаимодействие между различными уровнями управления. Это способствует более эффективному использованию ресурсов и достижению общих целей регионального развития. Понимание и применение теоретических аспектов распределения бюджета помогает региональным органам в принятии обоснованных решений и способствует устойчивому развитию всего региона.

Пространственное развитие страны является одним из ключевых факторов, определяющих устойчивость ее экономического роста, качество жизни населения, рациональное освоение территорий и использование природных ресурсов. Россия, обладающая огромной территорией и значительным региональным многообразием, на протяжении многих десятилетий сталкивается с серьезными дисбалансами в размещении производительных сил и концентрации населения. Преодоление этих диспропорций было и остается одной из важнейших задач государственной политики пространственного развития.

В последние годы проблематика территориального развития все более выходит на первый план в

связи с переходом к новой парадигме пространственного планирования и управления. Новый этап развития регионов России связан с утверждением в 2019 г. Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. В этом документе определены основные принципы и механизмы совершенствования системы территориального планирования с целью обеспечения устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития регионов и муниципальных образований [1].

Анализ современных тенденций пространственного развития Российской Федерации. Для анализа современных тенденций пространственного развития Российской Федерации необходимо рассмотреть его основные количественные и качественные характеристики. В числе ключевых параметров можно выделить следующие:

- ♦ степень концентрации экономической деятельности и населения на ограниченной части территории. По данным Росстата, на начало 2022 г. в регионах, входящих в состав Центрального и Приволжского федеральных округов, проживало около 39 % населения страны при том, что их совокупная площадь составляла менее 8 % территории РФ. Это свидетельствует о высокой пространственной поляризации развития;

- ♦ неравномерность размещения городского населения. Около 28 % городских жителей страны сконцентрировано в 16 крупнейших городских агломерациях, при этом в сельской местности проживает 25,3 % россиян. Наблюдаются продолжающиеся процессы внутренней миграции в крупные города и опустынивание обширных сельских территорий;

- ♦ наличие обширных слабозаселенных и низкоосвоенных районов. К таковым относится значительная часть Сибири и Дальнего Востока, характеризующихся очаговым размещением населения вдоль основных транспортных магистралей и вокруг районов добычи полезных ископаемых. В то же время, около 8 % территории страны практически не имеет постоянного населения;

- ♦ высокий уровень дифференциации регионов по основным социально-экономическим показателям. Разрыв между лидерами и аутсайдерами развития по душевому ВРП достигает 30–40 раз, по доходам населения — 5–7 раз. При этом в последние годы эти диспропорции не имеют устойчивой тенденции к сокращению;

- ♦ пространственная поляризация экономического развития и сосредоточение большей доли ВВП в ограниченном числе регионов. На десять ведущих субъектов Российской Федерации (включая Москву, Санкт-Петербург и нефтегазовые регионы) приходится около 60 % совокупного ВРП, в то время как среднестатистические показатели более чем у половины субъектов не превышают 50 % от среднероссийского уровня;

- ♦ значительное расхождение между уровнями развития человеческого потенциала в регионах-лидерах и остальных территориях. Так, по интегральному рейтингу развития человеческого капитала первое и последнее места занимают соответственно Москва и Республика Тыва, при этом разрыв между ними составляет 4,5 раза [2].

Из представленных данных видно, что пространственное развитие Российской Федерации по-прежнему характеризуется глубокими дисбалансами. Помимо экономических диспропорций, наблюдается значительная дифференциация качества жизни между успешными столичными регионами и промышленными центрами, с одной стороны, и остальной территорией страны, — с другой. Эти проблемы оказывают комплексное негативное влияние на устойчивость роста экономики, усугубляют демографический кризис и способствуют деградации социально-экономического потенциала целых регионов и муниципальных образований.

В целях преодоления пространственных диспропорций развития в последние годы реализуется комплекс мер по стимулированию формирования крупных городских агломераций и территориальных кластеров, развитию транспортно-логистической инфраструктуры и созданию территорий опережающего экономического развития. Эти инструменты пространственной политики призваны обеспечить более эффективное использование местных конкурентных преимуществ и выступить «точками роста» региональных экономик.

Вместе с тем, даже при сохранении положительной динамики, процессы пространственной концентрации и агломерирования сами по себе неизбежно усилят внутрирегиональную поляризацию развития, расширяя разрыв между отдельными локальными территориями. Это также создает риски усиления оттока человеческих ресурсов из менее привлекательных населенных пунктов в крупные города, постепенной

деградации основной среды обитания россиян и сжатия национального экономического пространства.

В этой связи важнейшей компонентой новой модели пространственного развития должно стать сохранение и преумножение человеческого потенциала регионов через развитие социальной инфраструктуры, повышение качества жизни, укрепление региональной идентичности и инвестиций в человеческий капитал. Необходимо создание комфортной жизненной среды за пределами крупных городских агломераций, включая развитие ключевых опорных городов, поддержку сельских территорий, малых и средних населенных пунктов.

Качество среды обитания во многом определяется наличием и доступностью услуг социальной сферы. В этом контексте проблемой пространственного развития является серьезное неравенство регионов и муниципальных образований по обеспеченности важнейшими объектами социальной инфраструктуры. Так, в удаленных районах Севера и в сельской местности по-прежнему сохраняется дефицит медицинских учреждений, школ, дошкольных организаций и спортивных сооружений. Для компенсации складывающихся диспропорций необходимо развитие мобильных и дистанционных форматов предоставления социальных услуг, а также активное бюджетное стимулирование развития социальной инфраструктуры на депрессивных территориях.

Особого внимания требует транспортная обеспеченность регионов как важнейший фактор их связанности и доступности рынков. Высокая протяженность территории России и значительная удаленность многих населенных пунктов от основных транспортных коридоров существенно затрудняет развитие межрегиональных связей и выравнивание условий конкуренции для бизнеса. Преодоление этих барьеров видится в развитии не только крупных магистральных путей сообщения, но и разветвленной системы местных дорог, обеспечивающих транспортную доступность муниципальных центров.

Таким образом, на современном этапе пространственное развитие России характеризуется рядом системных вызовов и неравномерностей. С одной стороны, наблюдаются объективные процессы территориальной концентрации экономической активности и населения в ограниченном числе крупнейших городских агломераций, которые должны стать локомотивами роста. С другой стороны, сохраняющаяся

поляризация регионального развития, оттоки населения и деградация человеческого капитала в удаленных территориях требуют принятия комплексных мер по выравниванию условий жизни, социальной мобильности и транспортной доступности. Только сбалансированное сочетание агломерационных эффектов и решение внутрирегиональных проблем позволит реализовать потенциалы пространственного развития России в полной мере [3].

Анализ современных тенденций пространственного и экономического развития России позволяет сделать вывод о сохраняющихся глубоких региональных диспропорциях и дисбалансах. Несмотря на реализацию комплексных программ государственной региональной политики, значительный разрыв между успешными регионами-донорами и депрессивными территориями не только не сокращается, но по ряду параметров продолжает усугубляться. Это является серьезным вызовом для обеспечения территориальной целостности страны, устойчивого экономического роста и реализации конституционных гарантий равного доступа граждан к общественным благам независимо от места проживания.

Меры по формированию эффективной модели межбюджетных отношений и развития механизмов бюджетного федерализма. В сложившихся условиях все более актуализируется задача формирования эффективной модели межбюджетных отношений и развития механизмов бюджетного федерализма, способных выступить действенным инструментом нивелирования пространственных дисбалансов и содействия сглаживанию региональной дифференциации. При этом речь должна идти не только о простом увеличении объемов бюджетного выравнивания, но о комплексном совершенствовании всей системы распределения доходов, расходов и трансфертов по вертикали и горизонтали бюджетной системы на основе четких критериев и принципов.

Прежде всего, видится необходимым оптимизировать распределение налоговых доходов между уровнями бюджетной системы в целях укрепления самостоятельности региональных и местных бюджетов и сокращения их зависимости от нецелевых межбюджетных трансфертов. В настоящее время уровень фискальной децентрализации в России остается довольно низким — порядка 30–35 % консолидированных налогов поступает в региональные и муниципальные бюджеты. Для сравнения, в боль-

шинстве развитых федераций этот показатель превышает 50 % [4].

Соответственно, целесообразно провести определенный пересмотр структуры налоговых доходов бюджетов разных уровней. В частности, можно было бы частично перераспределить налоговые источники в пользу региональных бюджетов за счет передачи им дополнительных доходных полномочий (например, по налогу на прибыль). Это усилит фискальные стимулы у субъектов РФ к поддержке развития местного бизнеса, созданию благоприятного инвестиционного климата и обеспечит большую самостоятельность региональных властей в финансировании полномочий.

В дополнение к этому, видится важным совершенствование механизма предоставления налоговых льгот и преференций региональными и местными властями в целях недопущения чрезмерной конкуренции юрисдикций и размывания налоговой базы. Система налоговых льгот должна быть строго регламентирована на федеральном уровне, а их предоставление увязано с реальным прогрессом региона по выполнению показателей социально-экономического развития.

Важной составляющей оптимизации межбюджетных отношений должно стать уточнение принципов разграничения расходных обязательств между уровнями бюджетной системы. Здесь, с одной стороны, необходимо последовательно соблюдать принцип субсидиарности — закрепление конкретных расходных полномочий должно производиться на том уровне власти, который может наиболее эффективно обеспечивать предоставление соответствующих государственных (муниципальных) услуг. С другой стороны, нельзя допустить излишней фрагментации и несогласованности в осуществлении расходных функций, особенно касающихся вопросов развития инфраструктуры национального масштаба.

В этой связи следует рассмотреть возможность укрупнения ряда публичных расходных обязательств федерального уровня с передачей субъектам РФ четких регламентов и стандартов их исполнения. Одновременно требуется усиление контроля за эффективностью осуществления переданных полномочий, в том числе путем привязки объемов финансирования к конечным результатам и показателям качества государственных услуг.

Ключевая роль в обеспечении пространственной сбалансированности должна отводиться межбюджет-

ным трансфертам. Их следует рассматривать не столько как средство компенсации выпадающих доходов территорий, сколько как инструмент стимулирования опережающего развития отстающих регионов и муниципалитетов, создания точек роста и реализации инвестиционных проектов. Перераспределение бюджетных средств через систему трансфертов должно быть нацелено на выравнивание стартовых условий социально-экономического развития территорий, а не их последствий.

Соответственно, видится обоснованным пересмотр методик распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности в пользу большей дифференциации и учета специфики отдельных регионов. Регионам с низким уровнем развития следует оказывать усиленную трансфертную поддержку до момента достижения ими определенного бюджетного потенциала и запуска цикла самостоятельного развития. Более успешным регионам должны предоставляться стимулирующие межбюджетные трансферты на конкурсной основе под конкретные программы и проекты территориального развития.

В дополнение к этому важно обеспечить повышение прозрачности и общественного контроля за процессами распределения межбюджетных трансфертов, не допуская проявлений лоббизма и коррупции. Целесообразно законодательно утвердить четкие критерии и формализованные правила, по которым должны рассчитываться объемы различных видов межбюджетных трансфертов. Требуется также усилить персональную ответственность региональных и муниципальных властей за нецелевое или неэффективное использование средств, перечисленных из федерального бюджета [5].

Отдельного внимания заслуживает проблема преодоления инфраструктурных ограничений и разрывов в доступности транспортных и инженерных коммуникаций между различными регионами и внутри них. Определенные перспективы в данной сфере открывает применение специальных механизмов бюджетного федерализма.

Так, финансирование общенациональных и межрегиональных инфраструктурных проектов целесообразно осуществлять на принципах совместного участия федерального центра, региональных бюджетов и внебюджетных институтов развития. При этом следует тщательно регламентировать правила финансирования, включая разграничение зон ответ-

ственности, гарантии своевременной реализации каждого этапа строительства, а также санкции за нарушение взятых обязательств. Это позволит обеспечить комплексное освоение и вовлечение в экономический оборот новых территорий.

Целесообразно рассмотреть вопрос о передаче части налоговых полномочий по таким значимым доходным источникам, как налог на доходы физических лиц (НДФЛ) и налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ), с федерального уровня на региональный.

Прежде всего, НДФЛ в большей степени соответствует критериям регионального налога с точки зрения территориальной привязки налоговой базы и возможности реализации бюджетно-стимулирующей функции региональными властями. Распределение поступлений НДФЛ между субъектами РФ в зависимости от места жительства налогоплательщиков позволит создать прямую финансовую заинтересованность региональных администраций в росте доходов и благосостояния граждан, а также в проведении эффективной жилищной и миграционной политики.

В настоящее время НДФЛ является одним из основных источников доходов федерального бюджета (около 10 % всех поступлений). Однако, с учетом принципа бюджетного федерализма и субсидиарности размещения полномочий, представляется логичным частично передать установление ставки и налоговой базы по НДФЛ на уровень регионов. Это усилит финансовую самостоятельность субъектов РФ и обеспечит более тесную взаимосвязь между уровнем благосостояния населения и объемом финансовых ресурсов, направляемых на удовлетворение региональных общественных потребностей.

Конечно, данное решение неизбежно повлечет определенные риски фискального характера, связанные с возможными злоупотреблениями региональными властями в части установления чрезмерно низких налоговых ставок и расширения необоснованных налоговых льгот. Во избежание этого на федеральном уровне должны быть установлены законодательные ограничения полномочий региональных органов, запрещающие произвольное маневрирование ставкой НДФЛ за рамки строго определенного диапазона.

Еще одним кандидатом на передачу региональным бюджетам может стать налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ). Направление большей части доходов от НДПИ в региональные бюджеты

и бюджеты муниципальных образований представляется экономически оправданным решением.

При этом передачу полномочий в части НДПИ было бы целесообразно сопровождать следующими мерами:

- ♦ введение четких критериев распределения налоговых доходов между регионами добычи и переработки в зависимости от стадии производственного цикла;

- ♦ законодательное установление требований к целевому использованию дополнительных доходов бюджетов субъектов РФ от НДПИ на финансирование региональных программ социального, инфраструктурного и экологического развития.

Таким образом, расширение налоговых полномочий региональных и муниципальных органов власти по НДФЛ и НДПИ позволит существенно укрепить бюджетную самостоятельность субъектов РФ и муниципальных образований, усилить финансовые стимулы для проведения социально-экономических преобразований на местах и обеспечить более справедливое распределение доходов от использования природных богатств между федеральным центром и регионами-донорами. Вместе с тем, столь существенная трансформация налогового федерализма требует крайне взвешенного и поэтапного подхода с сохранением на переходном этапе жестких централизованных регуляторов.

Заключение. Построение эффективной системы бюджетного федерализма и межбюджетных отношений выступает ключевым условием решения задач пространственного развития и преодоления региональных диспропорций. Посредством грамотного перераспределения бюджетных потоков между уровнями власти и целевыми территориями можно обеспечить запуск мультипликативных эффектов экономического роста, создать импульс для развития отстающих регионов и локальных центров экономической активности.

Реализация рассмотренных предложений позволит, с одной стороны, сохранить необходимую степень централизации бюджетных ресурсов для реализации общенациональных приоритетов, а с другой, — расширить самостоятельность регионов и муниципалитетов в решении вопросов территориального развития. Подобная модель российского бюджетного федерализма станет действенным инструментом повышения эффективности государственной регио-

нальной политики, обеспечения экономической сплоченности страны и устранения чрезмерных внутренних дисбалансов.

В условиях огромной территориальной протяженности и значительной дифференциации социально-экономического развития регионов проблема оптимизации механизмов бюджетного федерализма в России приобретает особую актуальность. Совершенствование системы межбюджетных отношений и финансового выравнивания территорий является ключевым инструментом достижения сбалансированного пространственного развития страны, роста территориальной мобильности населения и производительных сил.

Предложенные в работе меры по укреплению самостоятельности региональных и местных бюджетов, повышению обоснованности и целевой направленности межбюджетных трансфертов, а также развитию инфраструктурного финансирования позволят создать надежную основу для устойчивого и сбалансированного регионального роста, реализации конкурентных преимуществ территорий и сокращения пространственных диспропорций. Вместе с тем, совершенствование бюджетного федерализма должно сочетаться с общими усилиями по повышению эффективности государственного управления и проведению структурных экономических реформ.

Список источников

1. Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р (ред. от 30 сентября 2022 г.) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Воронов А. В. Современное состояние бюджетного федерализма в теоретическом аспекте // Современные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования и науки. 2023. С. 287–290.

3. Костенкова Е. Ю. Бюджетная система и бюджетный федерализм // Ответственный редактор. 2023.

4. Лапук М. В., Литвинова Ю. М. Бюджетное регулирование (выравнивание) межбюджетных отношений в России // И66 МЛ-07. 2023. С. 153.

5. Маркина С. А., Брусенцева Ю. А. Совершенствование исполнения бюджетов органами федерального казначейства // Управленческий учет. 2023. №. 4. С. 127–136.

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation dated February 3, 2019 No. 207-r (as amended on September 30, 2022) «On approval of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2025» // LRS «ConsultantPlus».

2. Voronov A. V. The current state of budgetary federalism in a theoretical aspect // Modern strategies and digital transformations of sustainable development of society, education and science. 2023. P. 287–290.

3. Kosenkova E. Yu. Budgetary system and budgetary federalism // Responsible editor. 2023.

4. Lapuk M. V., Litvinova Yu. M. Budgetary regulation (alignment) of inter-budgetary relations in Russia // I 66ML-07. 2023. P. 153.

5. Markina S. A., Brusentseva Yu. A. Improving budget execution by federal Treasury bodies // Managerial accounting. 2023. No. 4. P. 127–136.

Информация об авторе

М. Е. Косов — заведующий кафедрой государственных и муниципальных финансов Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доцент департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор, директор института Юридического менеджмента Высшей школы юриспруденции и администрирования Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

M. E. Kosov — Head of the Department of State and Municipal Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Associate Professor of the Department of Public Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor, Director of the Institute of Legal Management of the Higher School of Jurisprudence and Administration of the National Research University Higher School of Economics, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.07.2024; одобрена после рецензирования 19.09.2024; принята к публикации 01.11.2024.
The article was submitted 26.07.2024; approved after reviewing 19.09.2024; accepted for publication 01.11.2024.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-214-219>

EDN: <https://elibrary.ru/ajjlar>

ИПОН: 2003-0059-1/25-250

MOSURED: 77/27-003-2025-01-449

Управление устойчивым развитием в обеспечении экономической безопасности регионов

Елена Ивановна Кузнецова¹, Ольга Владимировна Сараджева²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, elenkuz90@mail.ru

² Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, Москва, Россия, saradzheva-ov@rguk.ru

Аннотация. Исследуется управление устойчивым развитием в обеспечении экономической безопасности регионов Российской Федерации, включающем концептуальный и сравнительный анализ, экспертный метод. Раскрыто понятие и охарактеризованы ключевые концепции устойчивого развития. Представлено краткое экономическое обоснование концепции устойчивого развития, уточнена сущность понятия «экономическая безопасность» во взаимосвязи с понятиями «развитие» и «устойчивость». Охарактеризованы уровень жизни, качество жизни и другие понятия как базовые показатели устойчивого развития и экономической безопасности.

Ключевые слова: экономическая безопасность, устойчивое развитие, цели ООН в области устойчивого развития, экономическая устойчивость, уровень жизни, экономика региона, региональная экономическая безопасность

Для цитирования: Кузнецова Е. И., Сараджева О. В. Управление устойчивым развитием в обеспечении экономической безопасности регионов // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 214–219. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-214-219>. EDN: AJJLAR.

Original article

Sustainable development management in ensuring regional economic security

Elena I. Kuznetsova¹, Olga V. Saradzheva²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, elenkuz90@mail.ru

² Kosygin State University of Russia, Moscow, Russia, saradzheva-ov@rguk.ru

Abstract. The study examines the management of sustainable development in ensuring the economic security of the regions of the Russian Federation, including conceptual and comparative analysis, expert method. The concept of sustainable development is disclosed and the key concepts of sustainable development are characterized. A brief economic substantiation of the concept of sustainable development is presented, the essence of the concept of «economic security» in the relationship with the concepts of «development» and «sustainability» is clarified. The standard of living, quality of life and other concepts as basic indicators of sustainable development and economic security are characterized.

Keywords: economic security, sustainable development, UN goals in the field of sustainable development, economic sustainability, standard of living, quality of life, regional economy, regional economic security

For citation: Kuznetsova E. I., Saradzheva O. V. Sustainable development management in ensuring regional economic security. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):214–219. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-214-219>. EDN: AJJLAR.

Экономическая безопасность регионов Российской Федерации является важным аспектом обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны, в особенности в континууме нарастания средней нестабильности. Экономическая безопасность определяется способностью регионов противостоять внутренним и внешним вызовам, обеспечивать стабильность и улучшение качества жизни населения.

Устойчивое развитие, в свою очередь, становится одной из фундаментальных целей и основных драй-

веров в деятельности по обеспечению социально-экономического развития, включая сферу национальной и региональной экономической безопасности. Формируя деятельность в предметной области, важно уточнить значение устойчивого развития. Соответствующее понимание, применительно к настоящему исследованию, выступает отправной точкой для концептуализации управления устойчивым развитием в обеспечении экономической безопасности регионов Российской Федерации.

© Кузнецова Е. И., Сараджева О. В., 2025

Теория устойчивого развития предполагает развитие триединой концепции взаимодействия и взаимозависимости экономической, социальной и экологической составляющих. Применительно к региональному уровню, необходимо учитывать статус региона как социо-эколого-экономической системы, включающей элементы природного, производственного, демографического и социального характера [13, с. 107].

Существует и нормативная неопределенность по поводу данного понятия, которую, как ожидается, в известной мере устранил не вступивший на момент подготовки настоящей публикации в силу Предварительный национальный стандарт (ПНС) Российской Федерации 924-2024 «Предварительный национальный стандарт Российской Федерации. Устойчивое развитие. Термины и определения» [10] (вводится в силу с 1 января 2025 г.; сам документ при этом имеет рекомендательный характер). Документ ссылается на повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., принятую всеми государствами – членами ООН в 2015 г., известную также как Цели устойчивого развития ООН (ЦУР ООН) [14].

Устойчивое развитие понимается в ПНС 924-2024 как «развитие, отвечающее текущим экологическим, социальным и экономическим потребностям и не ущемляющее возможностей будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» (п. 53). Данное определение представляется достаточно размытым и требует уточнений. Более того, в п. 54 ПНС 924-2024 дается определение устойчивого развития предприятий (организаций), которое недвусмысленно ориентирует понимание устойчивого развития как деятельности по минимизации вреда окружающей среде (с учетом интересов — социальных и экономических — ключевых заинтересованных лиц), а также по разумному потреблению ресурсов, их экономии, повышению эффективности использования.

Важно понимать, что многие разработки зарубежных авторов в сфере применения концепции устойчивого развития в обеспечении экономической безопасности субъектов любого уровня, включая мезоуровень экономики, значительно отличаются от доминирующих подходов, в том числе в понимании Организации объединенных наций (Цели устойчивого развития в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/71/313 от 6 июля

2017 г. [12]): приоритетное внимание уделяется непосредственно аспектам экологии [2, с. 177–179; 4; 5]), в то время как устойчивое развитие следует понимать намного шире. Оно включает не только и не столько экологические аспекты, сколько социально-экономическое равновесие, институциональную устойчивость, инновационное развитие, а также способность экономики адаптироваться к внутренним и внешним вызовам, сохраняя при этом структурную целостность и конкурентоспособность.

Современные тенденции устойчивого развития регионов России должны включать использование ESG-принципов в региональном и муниципальном управлении, возможности применения рейтинга регионов как инструмента регулирования устойчивого развития.

Первый субъект РФ, разработавший стратегию развития региона на принципах ESG, — Липецкая область. В 2023 г. в действующую стратегию социально-экономического развития Ростовской области включен раздел, посвященный устойчивому развитию и ESG. Первый в России муниципальный «Экостандарт» стал основой развития территории г. Вологды на принципах ESG, разработана и реализуется стратегическая программа «ЭкоВологда 2030». Национальное рейтинговое агентство (НРА) разработало «Рэнкинг устойчивого развития и интеграции ESG-критериев в деятельность субъектов Российской Федерации». На основе ESG-оценки определены пять уровней: продвинутый, развитый, умеренный, развивающийся, начальный.

При этом в рамках деятельности по обеспечению экономической безопасности также следует учитывать наличие определенных отличий в понимании экономической устойчивости в российской науке [9; 11, с. 138–139] и устойчивого развития как такового, когда устойчивость понимается, прежде всего, в контексте защищенности нормального функционирования объекта от негативных воздействий, прежде всего, внешней среды, когда даже при условии кризисных ситуаций основные цели и задачи функционирования (развития, как, например, стратегические цели бизнеса) будут достигнуты.

Соответствующие исследовательские традиции должны быть учтены при выработке единого подхода к пониманию устойчивого развития и экономической устойчивости хотя бы по той причине, что именно, исходя из приведенных соображений, кон-

струировались многочисленные авторитетные научные исследования представителей российской экономики и смежных наук.

Важно также перечислить основные концепции устойчивого развития и дать их краткое описание. Соответствующие аспекты представлены в табл. 1.

Можно констатировать разноплановый характер концепций устойчивого развития, в которых учитываются аспекты экологии, экономики, социальной деятельности, технологий и прочие. В рамках концепций устойчивого развития предлагается решать множество поистине приоритетных задач, широкого спектра — от борьбы с бедностью до построения миролюбивого и открытого общества. Соответствующие обстоятельства, безусловно, обуславливают вариативность в понимании устойчивого развития как такового.

Опираясь на российские и международные документы, может быть предложено следующее понимание устойчивого развития: это процесс обеспечения сбалансированного роста экономики, социальной сферы и экологической составляющей, направленный на удовлетворение потребностей текущего поколения без ущерба для возможностей будущих поколений. В данном контексте важным становится учет территориальных особенностей, специфичных для крупного распределенного федеративного государства, как Российская Федерация: пространственная неоднородность регионов, различия в уровне их социально-экономического развития и ресурсной обеспеченности.

С позиций экономики устойчивое развитие имеет двойственные смыслы. С одной стороны, на достижение целей устойчивого развития требуется выделение значительных финансовых ресурсов. С другой стороны, достижение целей устойчивого развития формирует условия максимально благоприятного содействия экономическому развитию и росту; соответствующие аспекты статистически подтверждены во многих международных исследованиях [7; 8].

Краткое экономическое обоснование концепции устойчивого развития может быть представлено следующим образом: устойчивое развитие выступает ключевым фактором долгосрочной экономической безопасности, так как оно обеспечивает стабильное функционирование экономики через рациональное использование ресурсов, снижение социального неравенства и повышение качества жизни населения.

В контексте обеспечения экономического развития представляет интерес парадигма (стратегия) экономической безопасности, получившая активную проработку в отечественной науке. Стратегия экономической безопасности не конкурирует с концепциями устойчивого развития, а чаще является комплементарной по отношению к ним (за исключением, безусловно, случаев заведомо искаженного понимания устойчивого развития, когда на достижение незначимых для общества целей расходуются неоправданно большие финансовые ресурсы, и, что, порой, еще хуже подобной расточительности, в ущерб действительно важному и значимому).

Таблица 1

Содержание ключевых концепций устойчивого развития (краткая справка)

Наименование	Характеристика интегральной направленности
Концепция экономической устойчивости	Обеспечение стабильного экономического роста с учетом рационального использования ресурсов
Концепция финансовой устойчивости	Сохранение нормального осуществления финансовой деятельности даже в кризисных условиях
Концепция экологической устойчивости	Сохранение природных экосистем и минимизация негативного воздействия на окружающую среду, вместе с рациональным использованием природных ресурсов
Концепция социальной устойчивости	Рост социальной инклюзии, достижение равенства, улучшение качества жизни и доступности базовых услуг для всех слоев населения
Концепция культурной устойчивости	Сохранение и преумножение культурного наследия и традиций, региональной и национальной идентичности в условиях глобализации и модернизации
Концепция устойчивости институтов (институциональная устойчивость)	Создание эффективных институтов управления, способных адаптироваться к изменениям и поддерживать развитие, в том числе в условиях единичного или мультипликативного воздействия негативных эффектов

Понятие национальной экономической безопасности, со всей справедливостью применимое к экономике регионов Российской Федерации, по нашему глубочайшему убеждению лучшим образом представлено в Президентской Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., выступая квинтэссенцией достижений отечественной науки экономической безопасности: «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» [1].

В контексте представленного определения важно учитывать, что оно касается и аспектов развития (состояние экономической безопасности как защищенности приоритетных экономических интересов формирует условия и стимулы для развития экономики и общества), и аспектов устойчивости как гарантий нормального функционирования экономики даже в кризисных ситуациях. В соответствии со ст. 15 Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, в число приоритетных задач обеспечения национальной экономической безопасности, помимо прочего, входят «обеспечение **устойчивого** роста реального сектора экономики» (п. 2); «**устойчивое развитие** национальной финансовой системы» (п. 4); «сбалансированное пространственное и региональное **развитие** Российской Федерации, укрепление единства ее экономического пространства» (п. 5).

Однако, безусловно, взаимодействие экономической безопасности и устойчивого развития намного шире (рис. 1).

Можно сказать, что обеспечение экономической безопасности регионов в современных условиях охватывает вопросы институциональной устойчиво-

сти, диверсификации экономики, создания условий для инклюзивного роста, а также формирования механизмов стратегического планирования, направленных на минимизацию рисков и угроз для региональной экономики.

Именно исходя из представленных позиций, представляется целесообразным перейти к важной задаче обеспечения экономической безопасности регионов, в том числе с учетом концепции устойчивого развития, а именно преодоления неопределенности по поводу тех ключевых показателей, оценка которых позволяет констатировать, достигнут ли заданный уровень экономической безопасности, в том числе с учетом объективно существующей дифференциации социально-экономического развития, ресурсов и факторов в экономике российских регионов (прежде всего, речь идет о субъектах Российской Федерации).

Ключевыми индикаторами устойчивого развития и, одновременно, важными составляющими экономической безопасности выступают уровень жизни и качество жизни населения. Уровень жизни определяется совокупностью материальных и нематериальных благ, доступных населению, включая доходы, потребление товаров и услуг, жилищные условия [6].

Качество жизни, в свою очередь, оценивается через более широкий спектр показателей: состояние здоровья населения, доступность образования, экологическая обстановка, социальное обеспечение и безопасность [3].

Приведенные показатели отражают не только текущее состояние социальной сферы, но и потенциал для долгосрочного развития общества в конкретном регионе. Иные базовые показатели устойчивого развития включают уровень занятости, степень социального неравенства, инновационный потенциал экономики и показатели экологической устойчивости. Представленные параметры тесно взаимосвязаны с

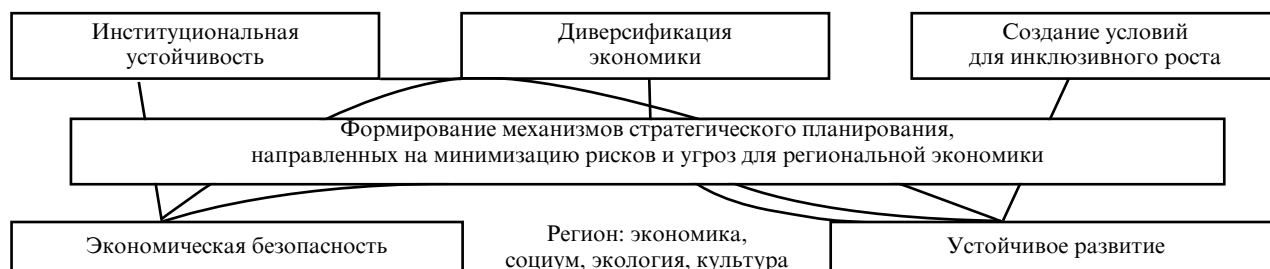

Рис. 1. Взаимодействие экономической безопасности и устойчивого развития*

* Стрелками показаны направления ключевых воздействий (одностороннее, двустороннее).

экономической безопасностью: низкий уровень жизни или значительное социальное расслоение могут создавать риски социальной напряженности; недостаточное развитие инноваций снижает конкурентоспособность экономики; в то время как ухудшение экологических условий негативно сказывается на здоровье населения и продуктивности труда.

К современным проблемам устойчивого развития можно отнести: негативное влияние санкций, недостаточная вовлеченность субъектов РФ в реализацию Повестки дня на XXI в., несовершенная система стимулирования перехода регионов и предприятий к устойчивому развитию на принципах ESG, основанная на сбалансированности рыночных механизмов и инструментов государственного регулирования, недостаточная включенность стратегии устойчивого развития в действующий комплекс документов стратегического планирования.

Следовательно, достижение устойчивого развития требует комплексного подхода к обеспечению экономической безопасности через гармонизацию всех перечисленных компонентов, а оценка региональной экономической безопасности и ее мониторинг должны фокусироваться вокруг соответствующих индикаторов.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2902.

2. Beckerman W. «Sustainable development»: is it a useful concept? // *The Economics of Sustainability*. Routledge, 2017. P. 161–179.

3. Costanza R. et al. Quality of life: An approach integrating opportunities, human needs, and subjective well-being // *Ecological economics*. 2007. Vol. 61. No. 2-3. P. 267–276.

4. Del-Aguila-Arcentales S. et al. Influence of social, environmental and economic sustainable development goals (SDGs) over continuation of entrepreneurship and competitiveness // *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2022. Vol. 8. No. 2. P. 73.

5. Jabareen Y. A new conceptual framework for sustainable development // *Environment, development and sustainability*. 2008. Vol. 10. P. 179–192.

6. Kryszk H., Kurowska K., Marks-Bielska R. The Importance of Measures Undertaken to Improve the Quality of Life in the Problem Areas: A Case Study in Warmia and Mazury Region in Poland // *Sustainability*. 2024. Vol. 16. No. 16. P. 6786.

7. Raszowski A., Bartniczak B. On the road to sustainability: Implementation of the 2030 Agenda sustainable development goals (SDG) in Poland // *Sustainability*. 2019. Vol. 11. No. 2. P. 366.

8. Wu F., Wang X., Liu T. Sustainable development goals, natural resources and economic growth: Evidence from China // *Resources Policy*. 2023. Vol. 83. P. 103520.

9. Малев В. А. Взаимосвязь экономической безопасности и устойчивости предприятия // *Управление инвестициями и инновациями*. 2016. № 3. С. 69–74.

10. ПНС 924-2024. Предварительный национальный стандарт Российской Федерации. Устойчивое развитие. Термины и определения (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 17 июля 2024 г. № 35-пнст). М. : Институт стандартизации, 2024.

11. Подпругин М. О. Понятия устойчивости и устойчивого развития в современной экономической науке // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2012. № 6. С. 133–139.

12. Работа Статистической комиссии, связанная с деятельностью по осуществлению Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 6 июля 2017 г. A/RES/71/313 // URL: https://ggim.un.org/documents/A_Res_71_313_r.pdf

13. Сараджева О. В. Институты, формирующие экономическую безопасность предприятий в регионах России // *Приоритеты и перспективы развития социально-экономического потенциала регионов: сб. науч. тр. по итогам проведения Круглого стола с междунар. участием (Москва, 26 сентября 2024 г.)*. М., 2024. С. 103–108.

14. Цели в области устойчивого развития // URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals>

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated May 13, 2017 No. 208 «On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2017. No. 20. Art. 2902.

2. Beckerman W. «Sustainable development»: is it a useful concept? // *The Economics of Sustainability*. Routledge, 2017. P. 161–179.
3. Costanza R. et al. Quality of life: An approach integrating opportunities, human needs, and subjective well-being // *Ecological economics*. 2007. Vol. 61. No. 2-3. P. 267–276.
4. Del-Aguila-Arcenales S. et al. Influence of social, environmental and economic sustainable development goals (SDGs) over continuation of entrepreneurship and competitiveness // *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2022. Vol. 8. No. 2. P. 73.
5. Jabareen Y. A new conceptual framework for sustainable development // *Environment, development and sustainability*. 2008. Vol. 10. P. 179–192.
6. Kryszk H., Kurowska K., Marks-Bielska R. The Importance of Measures Undertaken to Improve the Quality of Life in the Problem Areas: A Case Study in Warmia and Mazury Region in Poland // *Sustainability*. 2024. Vol. 16. No. 16. P. 6786.
7. Raszkowski A., Bartniczak B. On the road to sustainability: Implementation of the 2030 Agenda sustainable development goals (SDG) in Poland // *Sustainability*. 2019. Vol. 11. No. 2. P. 366.
8. Wu F., Wang X., Liu T. Sustainable development goals, natural resources and economic growth: Evidence from China // *Resources Policy*. 2023. Vol. 83. P. 103520.
9. Malev V. A. The relationship between economic security and enterprise sustainability // *Investment and innovation management*. 2016. No. 3. P. 69–74.
10. PNS 924-2024. Preliminary national standard of the Russian Federation. Sustainable development. Terms and definitions (approved and put into effect by Rosstandart Order No. 35-pnst dated July 17, 2024). M.: Institute of Standardization, 2024.
11. Podprugin M. O. Concepts of sustainability and sustainable development in modern Economics // *Actual problems of humanities and natural Sciences*. 2012. No. 6. P. 133–139.
12. Work of the Statistical Commission related to the implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development Resolution adopted by the General Assembly on July 6, 2017. A/RES/71/313 // URL: https://ggim.un.org/documents/A_Res_71_313_r.pdf
13. Saradzheva O. V. Institutions shaping the economic security of enterprises in the regions of Russia // *Priorities and prospects for the development of the socio-economic potential of the regions: collection of scientific papers based on the results of the Round Table with the international with participation (Moscow, September 26, 2024)*. M., 2024. P. 103–108.
14. Sustainable Development Goals // URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals>

Информация об авторах

Е. И. Кузнецова — профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор;

О. В. Сараджева — доцент кафедры экономической безопасности, аудита и контроллинга Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

E. I. Kuznetsova — Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor;

O. V. Saradzheva — Associate Professor of the Department of Economic Security, Auditing and Controlling of the Kosygin State University of Russia, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.01.2025; одобрена после рецензирования 30.01.2025; принята к публикации 17.02.2025.

The article was submitted 15.01.2025; approved after reviewing 30.01.2025; accepted for publication 17.02.2025.

Научная статья

УДК 330.3

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-220-228>

EDN: <https://elibrary.ru/aqikxe>

ИПОН: 2003-0059-1/25-251

MOSURED: 77/27-003-2025-01-450

Противодействие недобросовестным практикам в контексте развития российского финансового рынка

Александр Николаевич Литвиненко¹, Татьяна Николаевна Синегуб²

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, lanfk@mail.ru

² Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России,
Санкт-Петербург, Россия, nkrtn@bk.ru

Аннотация. Рассмотрено современное состояние российского финансового рынка; выделены положительные и отрицательные тенденции развития в разрезе основных его сегментов. Проанализированы теоретические подходы к определению понятий «недобросовестные практики на финансовом рынке» и «финансовое мошенничество»; показано их соотношение как видов самостоятельных правонарушений и преступлений. Дана характеристика недобросовестных практик на финансовом рынке и осуществлено их позиционирование как угрозы криминализации на разных сегментах финансового рынка. Анализ литературы показал, что исследование финансового рынка проводилось многими авторами, но не акцентировалось внимание на разрешении одного сложившегося макроэкономического противоречия. Речь идет, с одной стороны, о дальнейшем развитии финансового рынка с точки зрения более широкого внедрения процессов автоматизации и цифровизации, увеличении дистанционной доступности и скорости предоставления финансовых услуг, с другой, — об использовании дополнительных организационно-экономических и контрольно-надзорных мер для защиты граждан от мошеннических схем в сфере финансового рынка, препятствующих криминализации рынка, но и, одновременно, тормозящих решение первой задачи. При помощи общенаучных методов сравнения и анализа предпринята попытка теоретического осмысления и методического сопровождения проблемы противодействия недобросовестным практикам на финансовом рынке с выделением общих и частных мер противодействия.

Ключевые слова: недобросовестные практики, контрольно-надзорные меры, криминализация финансовых отношений, организационно-экономические меры, финансовый рынок

Для цитирования: Литвиненко А. Н., Синегуб Т. Н. Противодействие недобросовестным практикам в контексте развития российского финансового рынка // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 220–228. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-220-228>. EDN: AQIKXE.

Original article

Countering unfair practices in the context of Russian financial market development

Alexander N. Litvinenko¹, Tatiana N. Sinegub²

¹ St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia, lanfk@mail.ru

² Leningrad Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
St. Petersburg, Russia, nkrtn@bk.ru

Abstract. The current state of the Russian financial market is considered; positive and negative development trends in the context of its main segments are highlighted. Theoretical approaches to the definition of the concepts of «unfair practices in the financial market» and «financial fraud» are analyzed; their correlation as types of independent offenses and crimes is shown. The article describes unfair practices in the financial market and positions them as a threat of criminalization in different segments of the financial market. An analysis of the literature has shown that many authors have conducted research on the financial market, but they have not focused on resolving one existing macroeconomic contradiction. On the one hand, we are talking about the further development of the financial market in terms of wider implementation of automation and digitalization processes, increasing remote availability and speed of financial services. On the other hand, it is about the use of additional organizational, economic, control and supervisory measures to protect citizens from fraudulent schemes in the financial market, preventing the criminalization of the market, but at the same time hindering the solution of the first task. With the help of general scientific methods of comparison and analysis, an attempt has been made to theoretically comprehend and methodically support the problem of countering unfair practices in the financial market, highlighting general and specific countermeasures.

Keywords: unfair practices, control and supervisory measures, criminalization of financial relations, organizational and economic measures, financial market

For citation: Litvinenko A. N., Sinegub T. N. Countering unfair practices in the context of Russian financial market development. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):220–228. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-220-228>. EDN: AQIKXE.

© Литвиненко А. Н., Синегуб Т. Н., 2025

Введение

Финансовый рынок представляет собой комплекс механизмов и институтов, через которые происходят обмен капиталом и управление рисками, что обеспечивает поддержку экономического роста. Характер деятельности и взаимодействия участников рынка формируют основу для устойчивого развития финансовой системы и способствуют эффективному распределению ресурсов в экономике.

Главными угрозами для развития российского финансового рынка за последние годы стали: пандемия короновиральной инфекции, обострение геополитической обстановки в мире, проведение специальной военной операции на Украине, введение экономических санкций в отношении России. Все эти шоки отрицательно воздействовали на функционирование финансового рынка, возникшая нестабильность сдерживала темпы развития банковской сферы и иных сегментов рынка. Одной из сопутствующих проблем остается высокий уровень криминализации отрасли с распространением недобросовестных практик оказания финансовых услуг. В настоящее время схемы недобросовестных практик приобрели высоколатентный характер, усилив теневой сектор финансовой сферы, их схемы становятся все более сложными и массовыми. Подходы к пониманию данной категории могут выделяться в зависимости от правового [1], этического [2] и экономического [3] контекста.

В рамках настоящей статьи будем исходить из трактовки недобросовестных практик на финансовом рынке, используемой Банком России при разработке Концепции противодействия недобросовестным действиям на финансовом рынке, как умышленные действия (бездействие) субъектов рынка, нарушающих юридические нормы и (или) обычаи делового оборота, требования добропорядочности оказания финансовых услуг. Наряду с необходимостью адаптации к внешним шокам, стабильность функционирования российского финансового рынка во многом определяется и эффективностью противодействия недобросовестным практикам как угрозе криминализации рынка.

В сложившейся ситуации усилия Мегарегулятора и других органов в рамках институционального формирования системы противодействия недобросовестным практикам должны быть направлены на разрешение сложившегося макроэкономического противоречия. Речь идет, с одной стороны, о дальнейшем развитии финансового рынка с точки зрения более

широкого внедрения процессов автоматизации и цифровизации, увеличения дистанционной доступности и скорости предоставления финансовых услуг; с другой, — об использовании дополнительных организационно-экономических и контрольно-надзорных мер для защиты граждан от мошеннических схем в сфере финансового рынка, препятствующих криминализации рынка, но, одновременно, тормозящих решение первой задачи. Поиск компромисса в разрешении данного противоречия и будет текущим вариантом разрешения проблемы сдерживания недобросовестного поведения на финансовом рынке.

Финансовый рынок как объект анализа

Экономическая деятельность на финансовом рынке стала предметом пристального изучения со стороны широкого круга заинтересованных субъектов. Такое внимание вызвано высокой волатильностью финансовой сферы и ключевыми задачами рынка в части не только обеспечения эффективного распределения капитала, но и управления новыми рисками.

Развитие финансового рынка охватывает различные процессы, связанные с финансовыми продуктами и услугами. На всех «классических» операциях отражается текущая политэкономическая ситуация, приводящая к усложнению процедур проведения этих операций и, зачастую, поиску новых организационно-правовых решений. Как следствие — возрастает объем выполняемой работы и ответственность для органов регулирования и надзора за деятельностью участников финансового рынка.

Анализ состояния российского финансового рынка позволяет говорить о разнонаправленности сформировавшихся на нем тенденций. Положительными тенденциями можно считать следующие: развитие цифровизации финансовой сферы путем внедрения цифровых технологий — онлайн-банкинг, мобильные приложения, платформы для онлайн-инвестиций и платежных систем, внедрение цифровых валют; переход к расчетам в национальных валютах; улучшение финансовой инфраструктуры, включая платежные системы, системы расчетов, интеграцию с азиатскими финансовыми рынками; усиление поддержки малых предприятий, в том числе через программы льготного кредитования и развитие новых инструментов финансирования. Выделенные тренды указывают на адаптацию российского финансового рынка к новым реалиям развития за счет внутренних ресурсов.

В числе негативных тенденций выделим: неравномерность развития страхового рынка, предопределенная блокировкой иностранных активов, неразвитость механизма регулирования перестрахования рисков, убыточность некоторых видов страхования; стагнация показателей рынка коллективных инвестиций и пенсионных накоплений, рассматриваемая как механизм, способствующий сглаживанию экономических шоков; низкая активность надзорных органов в сфере микрофинансирования, слабость регулирования страхования займов и существование значительного теневого сектора.

Проблемы, сформировавшиеся на российском финансовом рынке, порождают активность недобросовестных участников, актуализируя задачу субъектов противодействия недобросовестным практикам. Сложность данной задачи заключается в отсутствии необходимого набора инструментов, обеспечивающих создание эффективной системы противодействия.

Характеристика недобросовестных практик на разных сегментах финансового рынка

Отметим основные схемы финансового мошенничества и иные виды недобросовестных практик, а в разрезе выделенных сегментов, рассмотрим возможные направления противодействия этому явлению. При этом для обозначения границ исследования учтем сравнительные характеристики недобросовестных практик и финансового мошенничества как видов самостоятельных правонарушений и преступлений. Финансовое мошенничество предполагает совершение более опасных деяний, умышленных преступных схем, в то время как недобросовестные практики могут быть совершены без причинения весомого ущерба потерпевшей стороне, они нацелены на обман второго участника отношений по сделке с целью получения личной выгоды.

Финансовое мошенничество в большинстве случаев является уголовным преступлением, а недобросовестные практики могут быть наказаны за нарушение прав потребителей, злоупотребление доминирующим положением или предоставление ложной информации, но это может не считаться уголовным преступлением. Тем не менее, данные понятия переплетаются, и мы разделяем точку зрения, согласно которой эти понятия отождествляются [1].

В банковской системе примерами криминальной деятельности являются преступления, совершаемые клиентами кредитно-банковских организаций, связанные с выдачей и получением кредитов. Также не-

редким деянием является изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг. Активно используется недобросовестная практика введения в заблуждение потенциальных ссудозаемщиков — банковских служащих.

На российском страховом рынке фиксируются отрицательные явления, связанные с недобросовестной деятельностью участников рынка: мошенничество в сфере обязательного страхования автогражданской ответственности, выраженное инсценированием ДТП, завышением стоимости ремонта автомобиля и подделки документов; работа фиктивных страховых компаний, собирающих страховые премии, но не выполняющих свои обязательства по выплатам; распространение криминальных практик в сфере конкуренции, когда компании могут вступать в сговор с государственными органами для получения выгодных контрактов или избегания проверок; распространение мошеннических схем в сегменте страхования жизни и здоровья посредством завышения страховых сумм и подделки медицинских документов.

На рынке коллективных инвестиций и пенсионного накопления деятельность криминальных структур и недобросовестных партнеров проявляется в разнообразных формах: мошенничество, связанное с управлением фондами и инвестиционными схемами; создание фиктивных инвестиционных фондов или схем (финансовых пирамид); сговор между недобросовестными участниками рынка и регуляторами.

Примерами распространенных недобросовестных практик на рынке ценных бумаг выступают действия, направленные на манипулирование рынком, обман участников и извлечение прибыли незаконными способами: инсайдерская торговля, манипулирование рынком (маркет-мейкинг), финансовые пирамиды, фальсификация отчетности компании и др.

Мошенничество со стороны микрофинансовых организаций (МФО) определяется: выдачей микрозаймов клиентам на невыгодных условиях с завышенными процентными ставками, пользуясь их юридической неграмотностью и финансовой уязвимостью; использованием схем по искажению истинной стоимости кредита, манипулируя условиями договоров; выдачей микрокредитов на подставных лиц или на основе поддельных документов; использованием МФО как инструмента для легализации незаконных доходов преступных групп; созданием «финансовых пирамид».

В настоящее время криминогенная ситуация на российском финансовом рынке стала угрозой для

его устойчивого развития, привела к подрыву доверия инвесторов, финансовым потерям участников рынка — за последние три года ущерб от недобросовестных практик составил 5,5 трлн руб. [8].

Сущность противодействия недобросовестным практикам как угрозе криминализации финансового рынка

На сегодняшний день актуальным остается противоречие между неснижающимся уровнем криминализации финансовых отношений в российской экономике и отсутствием эффективных инструментов противодействия. Под противодействием на финансовом рынке будем понимать совокупность мер, направленных на снижение уровня криминализации и повышение уровня защищенности граждан, общества и государства. При этом механизм противодействия требует комплексного подхода, сочетающего контрольно-надзорные механизмы со стороны государственных органов и ведомств, а также совершенствование организационно-экономических мер, направленных на повышение прозрачности и укрепление доверия участников рынка. Представляется важным исходить из того, что природа криминализации финансовых отношений обусловлена не столько изъянами экономической политики, сколько спецификой сформировавшейся институциональной среды.

Выделим общие и частные меры контрольно-надзорной деятельности, осуществляемые совместными усилиями органов финансового контроля и надзора за операциями на финансовом рынке, в числе которых: установление подозрительных транзакций посредством мониторинга деятельности финансовых организаций (Федеральная служба по финансовому мониторингу); анализ своевременности и законности налоговых поступлений от финансовых организаций, соблюдение ими налогового законодательства (Федеральная налоговая служба); соблюдение антимонопольного законодательства на финансовом рынке с целью предотвращения нарушения конкуренции (Федеральная антимонопольная служба).

Контрольно-надзорная деятельность Банка России является ключевой в противодействии недобросовестным практикам на финансовом рынке, а среди его приоритетных задач в обеспечении стабильности и прозрачности работы финансовых институтов выделим две: выявление и пресечение признаков недобросовестной деятельности участников финансового рынка, противоречащей законодательству; повышение уровня финансовой грамотности участников

рынка и их информированности о возможных рисках. Сегодня Центробанк усиливает регулирование финансового сектора для повышения его прозрачности и устойчивости. Это касается, в том числе, борьбы с финансовыми преступлениями и введения более жестких требований к участникам рынка, что должно снизить риски мошенничества.

Общие мероприятия контрольно-надзорной деятельности по декриминализации финансовых рынков предполагают:

- ♦ ужесточение правового регулирования, включающего принятие стандартов деятельности, опубликования отчетности и соблюдения процедур KYC (Know Your Customer) и AML (Anti-Money Laundering);

- ♦ цифровизацию, так как выявление подозрительных операций сопряжено с анализом большого количества сделок. Создание национальных баз данных и их анализ при помощи технологий BigData и Искусственного Интеллекта повышает качество выявления подозрительных транзакций;

- ♦ использование RegTech-решений в целях идентификации и распознавания рисков, присущих отдельным поднадзорным субъектам, позволит отслеживать сомнительные транзакции, выявлять факты манипулирования рынком, внутреннее мошенничество и качество формирования пруденциальной отчетности и мониторинг показателей стресс-тестирования;

- ♦ раскрытие бенефициарных владельцев, информации о реальных собственниках активов, особенно при использовании офшорных структур;

- ♦ повышение финансовой грамотности для снижения числа потенциальных жертв правонарушений на финансовом рынке, предполагающее реализацию образовательных и информационных программ, направленных, в том числе, на обучение правильному использованию финансовых инструментов и выявлению мошеннических схем;

- ♦ сотрудничество с международными организациями как механизм выявления преступных доходов, перемещенных в иностранные юрисдикции. В данном механизме два основных элемента: сохранение международных соглашений и исполнение рекомендаций ФАТФ с обменом информацией между правоохранительными органами.

В набор *частных мер* контрольно-надзорного механизма по противодействию криминализации включаются меры, принимаемые на отдельных финансовых рынках.

На рынке ценных бумаг: ужесточение требований к раскрытию информации — все публичные компании обязаны раскрывать детальные финансовые отчеты, включая информацию о рисках, реальных активах и операциях; контроль за инсайдерской торговлей — строгие санкции и мониторинг за действиями участников рынка, обладающих инсайдерской информацией, с целью предотвращения ее незаконного использования. Московская биржа запустит индекс инсайдерской торговли, позволяющий повысить прозрачность эмитентов; использование инновационных технологий контроля (SupTech), позволяющих проводить финансовый контроль с использованием автоматизированного механизма.

На рынке капитала: мониторинг крупных сделок и транзакций посредством обязательного анализа для крупных капиталовложений и корпоративных операций, чтобы исключить возможность отмывания денег или финансирования нелегальной деятельности; реальная ответственность нотариата за содействие в сделках по отмыванию денег; разработка систем раннего предупреждения — использование аналитических систем для выявления подозрительных крупных сделок.

На рынке деривативов: мониторинг сложных финансовых продуктов посредством разработки четких правил работы с производными инструментами, контроль за сложными продуктами [10]; регистрация внебиржевых сделок с деривативами путем внедрения их обязательной регистрации, что позволит отслеживать все операции и предотвращать злоупотребления.

На рынке страхования: в страховом секторе использование технологий блокчейн способствует автоматизации создания и мониторинга страховой истории клиента, заключению онлайн-договоров страхования, проведению предварительной оценки рисков, гибкого управления претензиями клиентов; создание централизованной базы страховых случаев и историй клиентов для исключения многократного использования одних и тех же данных в разных страховых компаниях; борьба с инсценировкой страховых случаев посредством контроля за заявлениями о страховых выплатах, обязательных проверок и ужесточения наказания за страховое мошенничество.

На рынке банковских услуг: ужесточение процедуры КУС и мониторинга транзакций путем введения обязательных процедур идентификации клиентов, особенно для крупных транзакций и международных переводов; система борьбы с отмыванием

денег с использованием специальных программ для анализа финансовых потоков и выявления подозрительных схем отмывания денег; укрепление кибербезопасности через введение современных методов защиты онлайн-банкинга, борьбу с фишингом и кибератаками на банковские системы.

На рынке инвестиций: контроль за инвестиционными фондами посредством введения обязательных проверок и требований к раскрытию информации для инвестиционных и хедж-фондов, особо — в части управления рисками и привлечения капитала; запрещение инвестиционных пирамид и схем «Pump and Dump» — мониторинг инвестиционных предложений, выявление мошеннических схем, привлечение к ответственности за введение в заблуждение инвесторов; регулирование криптовалютных операций посредством идентификации владельцев кошельков и мониторинга подозрительных операций.

Таким образом, на сегодняшний день сформирована тенденция смены парадигмы взаимодействия между органами финансового контроля и подконтрольными объектами. На смену традиционной императивной схеме воздействия «сверху вниз» и *post factum* пришла модель проактивного сотрудничества между контролирующим и контролируемым. Речь идет о смене вектора субъектами контрольно-надзорной деятельности на финансовом рынке на профилактику противоправного поведения.

Для выявления и пресечения признаков нелегальной деятельности Банк России использует автоматизированные системы анализа данных и алгоритмы машинного обучения, позволяющие оперативно обнаруживать подозрительные операции и аномалии в поведении участников рынка. В этих целях осуществляется выявление ресурсов — сайты, страницы в социальных сетях, включая каналы в мессенджерах, и мобильные приложения, в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, используемых для предоставления гражданам нелегальных услуг и распространения информации, побуждающей к участию в нелегальной деятельности. В рамках данной работы используются сведения, полученные в результате мониторинга сети Интернет с помощью автоматизированных поисковых систем (сервисов «машинного» анализа), а также в режиме «ручного» поиска.

Банк России получил право направлять в Генеральную прокуратуру Российской Федерации уведомление о распространении в сети Интернет информации: о возможности получения банковских и

Таблица 1

Количество ресурсов субъектов нелегальной деятельности на финансовом рынке, доступ к которым ограничен за период 2021–2023 гг.

Признак деятельности	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Признаки «финансовой пирамиды»	1099	4097	6537
Признаки нелегального профессионального участника рынка ценных бумаг	1679	3303	2642
Признаки нелегального кредитора	223	1534	1948
Нелегальный субъект страхового дела	0	19	109
Нелегальный оператор инвестиционной платформы	0	3	17
Итого	3001	8956	11 253

страховых услуг, услуг на рынке ценных бумаг, а также услуг, связанных с привлечением и (или) размещением денежных средств, распространяемой с нарушением законодательства; побуждающей к участию в деятельности по привлечению денежных средств, за которую предусмотрена уголовная или административная ответственность.

Генеральная прокуратура Российской Федерации проводит проверочные мероприятия и принимает решения об ограничении доступа к интернет-ресурсам, указанным в сообщениях Банка России.

Ограничение доступа к ресурсам в сети Интернет осуществляется Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций на основании требований Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Данные о заблокированных сайтах, фишинговых страницах и других онлайн-платформах, используемых для проведения незаконных операций, приведены в табл. 1. Эти меры демонстрируют активную работу по выявлению и нейтрализации угроз, однако, вместе с тем, указывают и на масштаб проблемы.

Отмечается положительная динамика в борьбе с нелегальными участниками рынка. Так, в 2021 г.

ограничен доступ к 3001 ресурсу, в 2022 г. — 8956 ресурсам, в 2023 г. — 11 253 ресурсам, что увеличивает эффективность данной меры почти в четыре раза, по сравнению с 2021 г. [8].

За период 2021–2023 гг. Банком России выявлено более 13 тыс. субъектов с признаками нелегальных участников финансового рынка (табл. 2) [10].

Благодаря взаимодействию сотрудников Центрального банка РФ и правоохранительных органов привлечь к ответственности удалось более 2 тыс. нелегальных участников финансового рынка (табл. 3).

Таким образом, отмечаем положительную динамику в противодействии недобросовестным практикам на финансовом рынке в рамках контрольно-надзорной деятельности Банка России при сотрудничестве с правоохранительными органами.

Организационно-экономическая деятельность выступает вторым блоком мер противодействия недобросовестным практикам на финансовом рынке. Она включает в себя совокупность экономических методов управления, планирования, основных показателей экономического анализа. Экономический аспект противодействия заключается в применении Банком России инструментов, воздействующих на

Таблица 2

Количество выявленных Банком России субъектов с признаками нелегальных участников финансового рынка за 2021–2023 гг.

Признак деятельности	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Итого за 2021–2023 гг.
Признаки «финансовой пирамиды»	871	2017	2944	5832
Признаки нелегального кредитора	948	1722	1884	4554
Признаки нелегального профессионального участника рынка ценных бумаг	860	1201	862	2923
Нелегальный субъект на страховом рынке	0	20	38	58
Нелегальный оператор инвестиционной платформы	0	4	7	11
Итого	2679	4964	5735	13 378

Таблица 3

Количество нелегальных участников финансового рынка, привлеченных к ответственности правоохранительными органами за 2021–2023 гг. по обращениям Банка России

Признак деятельности / принятая мера	Количество субъектов, к которым применены меры		
	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Признаки «финансовой пирамиды»	47	53	43
Исковое заявление	11	17	2
Представление (об устранении нарушений закона)	14	6	5
Ст. 14.3 КоАП РФ	2	1	0
Ст. 159, ст. 160, ст. 172.2, ст. 174.1, ст. 210, ст. 173.2 УК РФ	28	35	40
Ч. 1 ст. 15.26.1, ч. 1 и/или 2 ст. 14.62, ч. 1 и/или 2 ст. 14.56, ч. 1 и/или 2 ст. 14.1 КоАП РФ	13	6	2
Признаки нелегального кредитора	492	530	773
Исковое заявление	62	103	141
Представление (об устранении нарушений закона)	294	332	525
Ст. 14.3, ч. 1 и 2 ст. 14.56, ст. 14.8 КоАП РФ	202	219	298
Ст. 159 и 171, ч. 1 ст. 173.1 УК РФ	4	2	7
Ч. 1 и 2 ст. 14.1 КоАП РФ	11	9	15
Ч. 1 ст. 15.26.1 и ч. 1 ст. 15.26.2 КоАП РФ	105	90	98
Признаки нелегального ПУРЦБ	59	65	50
Исковое заявление	4	4	2
Представление (об устранении нарушений закона)	1	3	2
Ст. 159 и 210 УК РФ	54	58	49
Нелегальный субъект страхового дела	0	1	2
Исковое заявление	0	0	1
Представление (об устранении нарушений закона)	0	1	1
Нелегальный оператор инвестплатформы	0	1	0
Представление (об устранении нарушений закона)	0	1	0
Общий итог	597	650	868

проводимую политику в отношении развития финансовой системы в целом.

Организационно-экономические меры противодействия криминализации представляют собой управленческий процесс, целью которых выступает обеспечение безопасности финансового рынка. Эти меры включают организацию взаимодействия правоохранительных органов и финансовых структур. Многообразие экономических инструментов зависит от использования способов и средств регулирования экономических процессов на финансовом рынке. К *общим организационно-экономическим мерам* противодействия недобросовестным практикам на финансовом рынке отнесем: создание условий, минимизирующих мотивы к совершению недобросовест-

ных практик, посредством национальных проектов и экономических программ для повышения уровня доходов граждан и улучшение занятости; включение перспективных направлений в документы стратегического характера (Стратегия развития финансового рынка России, Стратегии национальной и экономической безопасности РФ); экономическое моделирование деятельности финансовых институтов, осуществление мониторинга основных ее показателей. В настоящее время данный механизм повышает эффективность и достоверность предоставленных данных посредством автоматизации процесса и внедрения инновационных технологий сбора и хранения информации; внедрение методов искусственного интеллекта в качестве инструмента противодействия преступности.

Среди *частных организационно-экономических мер* отметим: методики по определению жизненного цикла компании как инструмента, прогнозирующего спад деятельности и появление финансовых проблем, а отсюда и уязвимости к недобросовестным практикам других участников рынка; методики анализа показателей эффективности решения в задачах машинного обучения с использованием данных о финансовых компаниях и построения моделей на основе четырех методов: простого регрессионного моделирования, метода дерева решений, метода случайного леса и метода Gradient Boosted Trees; методики и программы для регламентации определения собственного капитала финансовой организации, установления лимитов и нормативов деятельности финансовых организаций, расчета индикаторов для мониторинга эффективности финансового рынка и оценки его состояния; методики, позволяющие оценить уровень и развитие угроз безопасности хозяйствующих субъектов, связанных с утратой платежеспособности, финансовой устойчивости и банкротством; методики, основанные на подсчете ущерба от преступной деятельности субъектов финансового рынка для выявления более опасных участков рынка [4] и методики, направленные на оценку масштабов теневой экономической деятельности.

Считаем рациональным использование и *частных авторских методик* для сдерживания недобросовестного поведения на отдельных сегментах рынка: количественная оценка уровня угроз экономической безопасности по противодействию теневой экономической деятельности, совершаемой с использованием финансовых пирамид на открытом рынке; методика судебного разбирательства по делам о финансовых пирамидах [5]; метод машинного обучения (дерево решений) для распознавания потенциально недобросовестных участников рынка микрофинансовых услуг; автоматизированный контент-анализ клиентских историй для выявления проблем, с которыми сталкиваются потребители услуг микрофинансовых организаций [6]; подход на основе данных о торгах и новостного потока посредством их обработки с помощью инструментов DataMining [7]; система противодействия мошенничеству на основе BI-систем при оценке прикладных решений «IC» с точки зрения противодействия мошенническим операциям в банковской сфере; инструменты по деанонимизации транзакций с целью противодействия использованию криптовалют и электронных средств платежа в недобросовестных практиках; аудиторский инструментарий для выявления

недоверностей и искажений финансовой отчетности организаций в целях противодействия преступлениям, связанным с перемещением денежных средств с расчетных счетов организаций в пользу контрагентов через схему «фиктивных сделок»; модели, выявляющие сделки с использованием стратегии pump-and-dump.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что пока не удалось полностью нейтрализовать негативное воздействие от недобросовестных практик (как и финансовых мошенников), жертвами которого стали (и становятся!) представители разных возрастов и социальных групп.

В сложившейся ситуации усилия Мегарегулятора и других органов в рамках институционального формирования системы противодействия недобросовестным практикам — как угрозе криминализации финансового рынка, — должны быть направлены на разрешение противоречия между потребностью в развитии процессов автоматизации и цифровизации на финансовом рынке, с целью увеличения дистанционной доступности и скорости предоставления финансовых услуг, и внедрением дополнительных организационно-технических и контрольных инструментов для защиты граждан от мошеннических схем в сфере финансового рынка. Поиск компромисса в разрешении данного противоречия и будет текущим вариантом разрешения проблемы сдерживания недобросовестного поведения на финансовом рынке.

Список источников

1. Балева А. А., Пшеславская В. А., Переход С. А. Мошенничество и недобросовестная практика на финансовом рынке: основные тенденции 2020–2023 гг. // Финансовые рынки и банки. 2024. № 6. С. 360–365.
2. Вердиян Г. В. Понятие и содержание принципа добросовестности как социально-философской категории: теория вопроса // Право и жизнь. 2011. № 159. С. 115–121.
3. Худайназаров А. К. Определение, виды и основные факторы теневой экономической деятельности: обобщение на основе обзора исследований // Теневая экономика. 2019. Т. 3. № 4. С. 213–224.
4. Некрасова Т. Н. Методика оценки уровня распространения недобросовестных практик на рынке микрофинансовых услуг // Вестник СамГУПС. 2021. № 2(52). С. 36–43.
5. Зубарева А. М., Бабкин А. В. Анализ направлений противодействия недобросовестным практикам

предпринимательства на открытом рынке // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2014. № 6(209). С. 192–199.

6. Вергазова А. Т. Недобросовестные практики со стороны микрофинансовых организаций: автоматизированный контент-анализ клиентских историй // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 6. С. 83–87.

7. Анашкина М. В., Колесова И. В. Применение datamining в процессе выявления недобросовестных практик на рынке ценных бумаг // Финансовые исследования. 2020. № 3. С. 16–26.

8. Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке // URL: <https://cbr.ru/analytics/inside/2023/>

9. Предоставление информации юридическим лицам при заключении сложных деривативных сделок // URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/103396/Consultation_Paper_200213.pdf

10. Список компаний с выявленными признаками нелегальной деятельности на финансовом рынке // URL: <https://cbr.ru/inside/BlackList/>

References

1. Baleva A. A., Psheslavskaya V. A., Perekhod S. A. Fraud and unfair practice in the financial market: the main trends of 2020–2023 // Financial markets and banks. 2024. No. 6. P. 360–365.

2. Verdiyanyan G. V. The concept and content of the principle of good faith as a socio-philosophical cate-

gory: theory of the question // Law and life. 2011. No. 159. P. 115–121.

3. Khudainazarov A. K. Definition, types and main factors of shadow economic activity: generalization based on a review of research // The shadow economy. 2019. Vol. 3. No. 4. P. 213–224.

4. Nekrasova T. N. Methodology for assessing the level of dissemination of unfair practices in the microfinance services market // Bulletin of SamGUPS. 2021. No. 2(52). P. 36–43.

5. Zubareva A. M., Babkin A. V. Analysis of the directions of countering unfair business practices in the open market // Scientific and technical bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences. 2014. No. 6(209). P. 192–199.

6. Vergazova A. T. Unfair practices on the part of microfinance organizations: automated content analysis of client stories // Socio-political sciences. 2022. Vol. 12. No. 6. P. 83–87.

7. Anashkina M. V., Kolesova I. V. Use of datamining in the process of identifying unfair practices in the securities market // Financial research. 2020. No. 3. P. 16–26.

8. Countering illegal activities in the financial market // URL: <https://cbr.ru/analytics/inside/2023/>

9. Providing information to legal entities when concluding complex derivative transactions // URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/103396/Consultation_Paper_200213.pdf

10. List of companies with identified signs of illegal activity in the financial market // URL: <https://cbr.ru/inside/BlackList/>

Информация об авторах

А. Н. Литвиненко — профессор кафедры экономической безопасности Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации;

Т. Н. Синегуб — старший научный сотрудник Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат экономических наук.

Information about the authors

A. N. Litvinenko — Professor at the Department of Economic Security of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Economist of the Russian Federation;

T. N. Sinegub — Senior researcher at the Leningrad Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Economic Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.11.2024; одобрена после рецензирования 25.12.2024; принята к публикации 30.01.2025. The article was submitted 11.11.2024; approved after reviewing 25.12.2024; accepted for publication 30.01.2025.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-229-235>

EDN: <https://elibrary.ru/kiovr>

ИПОН: 2003-0059-1/25-252

MOSURED: 77/27-003-2025-01-451

Анализ теоретических основ экономической политики переходного периода в России (1991–2014)

Сергей Владимирович Шманев^{1,2}

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, shmanev_s_v@mail.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Экономическая система Советского Союза была основана на государственной собственности на средства производства, на коллективном способе ведения сельского хозяйства (колхозы, совхозы) и промышленного производства. Административно-командная система представляла собой жесткий централизованный механизм распределения ресурсов. Начавшаяся в начале 1990-х гг. резкая либерализация экономики не всегда приводила к улучшению экономических показателей, часто наоборот обостряла кризисные явления. Причины этого кроются в недостаточной подготовленности прежней экономической системы к быстрым изменениям, высокой зависимости от внешних рынков и резком сокращении государственной поддержки. В новых экономических условиях, при переходе к рыночной экономике, произошла дезорганизация прежней структуры рынков и связей. Институты, необходимые для функционирования рыночной экономики, оказались слабыми и нуждались в полноценной реорганизации. Недостаточная разработка правовых норм и слабая защита прав собственности также создавали риски для развития частного сектора. Эти институциональные проблемы приводили к замедлению роста и снижению эффективности экономических реформ. Наличие мощных монополий также затрудняло создание конкурентной среды, что тормозило развитие малого и среднего бизнеса.

Ключевые слова: экономическая политика, институты, реформы, стабилизация, трансформация, промышленность, государственное управление

Для цитирования: Шманев С. В. Анализ теоретических основ экономической политики переходного периода в России (1991–2014) // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 229–235. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-229-235>. EDN: KIOVWR.

Original article

Analyzing the theoretical foundations of economic policy of the transition period in Russia (1991–2014)

Sergey V. Shmanev^{1,2}

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, shmanev_s_v@mail.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The economic system of the Soviet Union was based on state ownership of the means of production, on the collective method of agriculture (collective and state farms) and industrial production. The administrative-command system was a rigid centralized mechanism of resource allocation. The sharp liberalization of the economy, which began in the early 1990s, did not always lead to improved economic performance, often exacerbating crisis phenomena on the contrary. The reasons for this lie in the lack of preparedness of the previous economic system for rapid changes, high dependence on external markets and a sharp reduction in state support. In the new economic conditions, during the transition to a market economy, there was a disorganization of the previous structure of markets and relations. The institutions necessary for the functioning of the market economy were weak and needed to be fully reorganized. Insufficient legal development and weak protection of property rights also created risks for private sector development. These institutional problems led to slower growth and less effective economic reforms. The presence of powerful monopolies also hindered the creation of a competitive environment, which hampered the development of small and medium-sized businesses.

Keywords: economic policy, institutions, reforms, stabilization, transformation, industry, public administration

For citation: Shmanev S. V. Analyzing the theoretical foundations of economic policy of the transition period in Russia (1991–2014). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):229–235. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-229-235>. EDN: KIOVWR.

© Шманев С. В., 2025

Кризисные явления, возникшие при переходе от административно-командной системы к рыночной экономике, были связаны, прежде всего, с перестройкой не только социально-экономических, но и политических институтов, так как именно институциональные реформы должны играть центральную роль в создании эффективных рыночных механизмов и приватизационных процессов [10; 13].

Россия столкнулась с необходимостью интеграции в мировую систему хозяйства и выхода на новые зарубежные рынки. Внутренний кризис конца 1990-х гг. и кризис суверенного долга в 1998 г. высветил глубокие системные противоречия и вызвал необходимость сосредоточиться на внутренних резервах и ресурсах страны. Интеграция в мировую экономику потребовала значительных усилий в области модернизации инфраструктуры, улучшения качества продукции и услуг, а также адаптации к международным стандартам [1; 6; 7; 8; 9].

Экономика столкнулась с кризисом неплатежей. К середине 1992 г. сумма взаимных долгов в экономике достигла около 2 трлн руб., что привело многие предприятия к банкротству. Центральный банк России предоставлял льготные кредиты госпредприятиям, что продолжало разгонять инфляцию. Помимо этого, стал активно накапливаться капитал за счет спекулятивных операций.

Эти кризисные ситуации еще больше осложняли экономическую ситуацию, и реформа терпела неудачу в обеспечении финансовой стабильности.

Модель реформирования национальной экономики, разработанная под руководством Егора Гайдара, так называемая «Шоковая терапия», привела к резкому сокращению государственных расходов, массовой приватизации и введению свободных цен на товары и услуги. В результате этих мер инфляция достигла катастрофических значений, что привело к резкому падению уровня жизни большинства населения. Цены на товары и услуги увеличились в десятки раз, а к концу 1992 г. — в 100–150 раз. Тем не менее, такие организации, как Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк, поддерживали этот курс, видя в нем способ быстрой интеграции России в мировую экономику. Моральный удар обрушился на основную часть населения — произошли развалы в промышленности, науке, культуре, медицине и образовании, а также явное расслоение общества на богатых и бедных [8; 10; 15].

В начале 2000-х гг., когда к власти пришел новый президент (В. В. Путин), характер рыночных реформ изменился кардинально. Экономическая политика сместилась от радикальных мер к более сбалансированному подходу. Реформы стали проводиться на основе взвешенной, продуманной политики. Тем не менее, споры и дискуссии о выборе наиболее эффективных путей выхода из сложившейся ситуации не утихают до сих пор.

Целью государства в те годы стало стремление достичь устойчивого экономического роста на ближайшие 10–15 лет за счет повышения уровня жизни населения. Для этого упор был сделан, прежде всего, на увеличение числа наукоемких отраслей, технологическое переоснащение обрабатывающей промышленности, на модернизацию инфраструктуры и повышение эффективности производства в целом.

Так, в ответ на негативные последствия шоковой терапии был предложен альтернативный подход — **градуализм**. Эта модель предполагала последовательные экономические реформы со значительной ролью государства. Перед глазами был китайский опыт, который показал свою эффективность: страна избежала резких социальных потрясений, сохранив большую долю государственной собственности и внедрив долгосрочное планирование.

Следующей интересной моделью, которая включает в себя элементы плановой и рыночной экономики, является модель **«рыночного социализма»**. Сущность этой модели — совокупность государственного централизованного планирования и рыночной конкуренции. Это позволило применить новый подход к построению иного способа ведения хозяйства: сочетание хозрасчета, децентрализацию управления и расширение частного сектора в торговле и сфере услуг. Для государственных предприятий эта модель обеспечила условия для повышения эффективности функционирования и выпуска качественной продукции в формирующейся рыночной среде [11; 12; 14].

Одним из важнейших направлений стала диверсификация экспорта и развитие несырьевого сектора экономики. Для этого были предприняты меры по стимулированию экспорта продукции высокой добавленной стоимости, привлечению иностранных инвесторов и увеличению доли участия России в международной торговле.

Развитие малого и среднего бизнеса рассматривалось как ключевое звено в экономике.

Усиление государственного контроля в ключевых отраслях позволило стабилизировать экономическую ситуацию в стране и укрепить доверие частного сектора к руководству страны и принимаемым им мерам по созданию благоприятных условий для бизнеса и инвестиций, а также по борьбе с коррупцией и институциональными проблемами [14; 16; 19; 20].

Последовательно было проведено реформирование в налоговом, судебном, финансовом секторах.

Основные изменения в налоговой системе коснулись упрощения процессов налогообложения, введения государственной поддержки и льгот для малого бизнеса, которые снизили административные издержки, поспособствовали увеличению числа стартапов и предпринимательских проектов, привели к более быстрому и эффективному запуску новых предприятий. Прозрачность и предсказуемость налогового законодательства снизили барьеры для входа на рынок и значительно улучшили экономическое положение малых предприятий, позволили провести диверсификацию экономики, повысили производственную гибкость, привлекли дополнительные инвестиции в инновационные отрасли для развития новых технологий. Облегчились процедуры лицензирования, запуск новых предприятий стал быстрее и эффективнее. Улучшились правовые и регуляторные условия регистрации собственности и защиты интеллектуальной собственности.

Стимулирование предпринимательской активности тут же отразилось на дополнительном создании рабочих мест и увеличении налоговых поступлений [2; 17].

Помимо этого, ключевым элементом экономической политики стали разработка и реализация национальных проектов, которые были направлены на развитие инфраструктуры, инвестирование в человеческий капитал, включали улучшение образовательной системы, повышение квалификации рабочего населения и технологий, а также внедрение инновационных методов обучения. Что, несомненно, повлияло на производительность труда.

Не осталась без внимания инфраструктура городов и крупных населенных пунктов: последовательно стали развиваться транспортная сеть, телекоммуникации и энергетический сектор. Вложения в эти сферы обеспечили улучшение логистики, что, в свою очередь, привело к снижению издержек и росту кон-

курентоспособности российских компаний. Введение высокоскоростных железнодорожных линий и модернизация аэропортов также позволили консолидировать регионы и сократить время транспортировки товаров и услуг. Таким образом, в основу для дальнейшего экономического роста и стабилизации был положен комплексный подход, наиболее значимые приоритеты, которые отдавались развитию инфраструктуры и человеческого капитала [18; 26].

Ситуация в стране начала стабилизироваться, однако уже в середине 2010 г. Россия вновь столкнулась с новыми экономическими и политическими вызовами: введение международных санкций в 2014 г., как ответ на аннексию Крыма и конфликт в Украине, привело к значительным осложнениям политической и социально-экономической обстановки. Россия была вынуждена адекватно ответить на недружественные проявления западного мира. Экономическая политика была переориентирована на стимулирование внутреннего производства и снижение зависимости от поставок продукции из-за рубежа. И хотя эти меры стали серьезным испытанием для российских предпринимателей, тем не менее, она наметила вектор движения к снижению зависимости от импорта и повлияла на уровень внутреннего производства [21; 22; 23].

Динамика мировых цен на энергоносители и в целом на рынки капитала, играют первостепенную роль в формировании экономической политики государства. Так как высокие цены на энергоносители могут вызвать укрепление национальной валюты, обусловить инфляционные процессы, поэтому регулирование валютных резервов предполагает осуществление четкой взвешенной финансовой политики. В целом, можно констатировать, что чрезмерная зависимость России от экспорта энергоресурсов обозначилась и до 2010 гг., что вызвало сначала кризис 2008–2009 гг., а затем и заметный спад экономики в 2012–2013 гг. Финансовые шоки, обусловленные санкциями и падением цен на нефть, еще более осложнили экономическую ситуацию в стране. Правительству стали видны структурные слабости российской экономики и необходимость ее диверсификации и модернизации.

Для этого необходимо было решить проблемы в банковской сфере и провести реструктуризацию долгов государственных и частных компаний. Так, финансовый кризис 1998 г. в России был вызван

сочетанием внутренних и внешних факторов. Переход от эмиссионного кредитования бюджетного дефицита к зависимости от государственных займов привел к созданию «пирамиды» государственных краткосрочных обязательств (ГКО), что стало основной причиной краха. Добавление частных рискованных финансовых инструментов усугубило ситуацию. Реформирование финансовой системы включало разработку и реализацию мер по улучшению денежно-кредитной политики, снижению процентных ставок по кредитам и увеличению денежной массы в экономике.

К примеру, в 2014 г. объем внешнего долга России составлял около 547,6 млрд долл. Это затрудняло доступ российского бизнеса к международным финансовым рынкам и обострило вопросы финансовой устойчивости и платежеспособности как государственных, так и частных секторов. В таких условиях обеспечить нахождение новых источников финансирования было практически невозможно. Ограниченные возможности использования международных кредитных ресурсов ускорили процесс деградации всей российской банковской системы. Тем более, что начался неконтролируемый отток капитала, который еще и нарастал. В результате Центральный банк России был вынужден предпринимать экстренные меры, включая повышение ключевой процентной ставки и введение жестких ограничений на валютные операции, чтобы стабилизировать рубль и удержать экономику от дальнейшего падения.

Однако данные меры не смогли стабилизировать экономику, продолжались инфляционные процессы, росла безработица, стали открыто говорить о коррупционных преступлениях, которые серьезно тормозили предпринимательскую активность и ухудшали инвестиционный климат. Борьба с коррупцией и до сих пор остается одним из ключевых направлений деятельности государства [7; 10; 15]. Внедрялись все новые механизмы контроля деятельности государственных служащих, огромное внимание уделялось мерам по повышению прозрачности их доходов и ответственности за принятые решения (например, опубликование ежегодной декларации о доходах) [9; 24; 25; 26].

В свою очередь, стала очевидной необходимость реформирования правовой системы. Особый акцент делался на правоприменении и защите прав собственности. Было уделено внимание судебной ре-

форме. Принимались решения, способствующие увеличению независимости судей, повышению их квалификации и обеспечению безопасности. Эффективное судебное исполнительное производство и сокращение времени рассмотрения дел также влияли на улучшение инвестиционного климата, повышение уверенности инвесторов в защите их прав и стимулировали более высокую экономическую активность. Усилия, направленные на развитие международного сотрудничества в области правоприменения, открыли путь к эффективной борьбе с транснациональными преступлениями и коррупцией на межгосударственном уровне.

Россия, оставаясь в состоянии трансформационного кризиса, болезненно реагировала на процессы глобализации. Адаптация к мировым тенденциям и выработка эффективной конкурентоспособной политики не всегда имели нужное количество востребованных ресурсов. В этих условиях инновационная активность предприятий являлась важнейшим фактором устойчивого экономического роста, поэтому стимулирование НИОКР и развитие высокотехнологичных секторов напрямую было под контролем государства [4; 11; 17; 21].

Недостаточно поддержать разработку инновационных проектов, важно также иметь возможность внедрения их в реальный сектор экономики. Для этого необходима такая социальная политика, которая была бы направлена на повышение уровня образования и качества здравоохранения.

Социальные реформы, проводимые государством, старались обеспечить экономическую стабилизацию и повышение уровня жизни населения. Они включали модернизацию систем образования и здравоохранения, предполагали стимулирование внутреннего спроса. Согласно данным, после кризиса 1998 г. удалось достичь положительных изменений в уровне жизни населения, что, в свою очередь, сыграло важную роль в экономическом восстановлении [3; 4; 5].

На стабилизацию экономики значительное влияние оказывает также экономическое развитие регионов. Мобилизация региональных потенциалов ориентирована, прежде всего, на использование местных ресурсов. Были законодательно приняты особые статусы различных перспективных территорий.

Заключение. Таким образом, вся деятельность государства была направлена на стабилизацию социально-экономических процессов и попытку вы-

хода из трансформационного кризиса, включая: контроль над инфляцией, безработицей, обеспечение стабильного дохода экономически активного населения, укрепление национальной валюты и достижение устойчивого бюджетного дефицита. Но, к сожалению, не решила структурную проблему российской экономики.

Долгосрочная финансовая политика, обеспечивающая инвестиционную активность бизнеса, ликвидацию бюджетного дефицита и способствующая созданию условий для устойчивого экономического роста не была разработана. Не получилось (в том числе, до сих пор) решить проблемы бесконтрольного вывоза за границу финансового капитала и нормализации банковской системы.

Направленность реформ на макроэкономическую стабильность была недостаточна, а масштабные институциональные преобразования провести не удалось. Системные преобразования в промышленности, увеличение регулярных инвестиций в научно-практические исследования, в образование, медицину так и не запланированы, хотя рамочные долгосрочные программы принимались. Вместе с тем, конкретных эффективных мер до сих пор не выработано, финансирование и внедрение в реальный сектор экономики инновационных разработок проводится скупо, внимание к ведущим отраслям экономики, таким как энергетика, электронная и химическая промышленности и т. д. осуществляется только в рамках сырьевых проектов.

Несмотря на значимость макроэкономического контроля, критика данной политики не утихает, поскольку чрезмерное внимание к стабилизации может отвлечь от необходимости срочного проведения структурных реформ и уделения должного внимания социально-экономическим последствиям.

В результате проведенного анализа можно сказать, что реформы в России проходили сложно и неоднозначно, до сих пор в полной мере не завершены. Много противоречий обнаружилось в связи с отсутствием опыта в таких кардинальных преобразованиях экономики страны. Тем не менее, комбинации радикальных и гибких моделей социально-экономического преобразования, таких как градуализм и рыночный социализм, проходя через кризисы и внешние вызовы, сформировали основу национальной экономики. Будущее государства, его национальная безопасность и устойчивость будет определяться ус-

пешностью решения оставшихся системных проблем, качеством правовой, налоговой, финансовой систем, а также последовательностью и глубиной социально-экономических изменений.

Список источников

1. Абалкин Л. И. Россия: поиск самоопределения. М., 2002.
2. Авдийский В. И. Риск-ориентированный подход к обеспечению экономической безопасности современной России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2016. Т. 199. № 3. С. 199–211.
3. Аганбегян А. Г. Инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал — два взаимосвязанных источника социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2017. № 4. С. 17–20.
4. Балацкий Е., Лапин В. Инновационный сектор промышленности // Экономист. 2004. С. 20–33.
5. Баранов А. О., Слепенкова Ю. М. Методологические проблемы анализа воспроизводства человеческого капитала в России // ЭКО. 2018. № 2. С. 5–17.
6. Вероникин А. О., Волошин Д. Н. Трансформационная экономика нынешней России и США периода «Великой депрессии». Модели экономической трансформации // США*Канада: Экономика, политика, культура. 2003. № 2. С. 61–80.
7. Вороненко А. В. Рыночная экономика в России. М. : АкадемКнига, 2009.
8. Глазьев С. Ю. «Вашингтонский консенсус» и научно-технический прогресс в России // Экономическая наука современной России. 1998. С. 39–46.
9. Глазьев С. Ю., Батчиков С. А. Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001 // Архивная копия от 10 марта 2007 г. на Wayback Machine.
10. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Потери и обретения в России 90-х. Т. 2. Меняющаяся жизнь в меняющейся стране: занятость, заработки, потребление. М. : Эдиториал УРСС, 2001.
11. Маевский В. И., Кузык Б. Н. Условия развития высокотехнологического комплекса // Вопросы экономики. 2003. № 3. С. 26–39.
12. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 69–91.

13. Остапкович Г. Н. О социально-экономическом развитии СССР на рубеже 80–90-х гг. Вопросы экономики. М. : Проспект, 1999.

14. Олсон М. Рассредоточение власти и общество в переходный период: лекарства от коррупции, распада и замедления темпов экономического роста // Экономика и математические методы. 1995. Т. 31. Вып. 4. С. 53–81.

15. Полеванов В. П. Россия: цена жизни // Экономические стратегии. 1999. № 1. С. 102–103.

16. Указ Президента РФ от 29 декабря 1991 г. № 341 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий» // URL: <http://www.consultant.ru>

17. Структурно-инвестиционная политика в целях устойчивого роста и модернизации экономики: науч. доклад / рук. и отв. ред. В. В. Ивантер. М. : ИНП РАН, 2017.

18. Суворов А. В., Суворов Н. В., Гребенников В. Г. и др. Подходы к измерению динамики и структуры человеческого капитала и оценке воздействия его накопления на экономический рост // Проблемы прогнозирования. 2014. № 3. С. 3–17.

19. Согрин В. В. Политическая история современной России 1985–1994. От Горбачева до Ельцина. М. : Норма, 2005.

20. Тертышный А. Т. Выбор пути. История России 1939–2000 гг. М. : Лидер, 2001.

21. Татаркин А. И., Романова О. А. Промышленная политика: генезис, региональные особенности и законодательное обеспечение // Экономика региона. 2014. № 2.

22. Шманев С. В., Шманева Л. В., Егорова Т. Н. Особенности государственной экономической политики в условиях глобализации и модернизации // Научные записки ОрелГИЭТ. 2015. № 1(11). С. 363–369.

23. Шманев С. В. Использование форсайт-технологий для формирования системы стратегического прогнозирования и планирования в условиях вызовов и угроз национальной безопасности // Вестник ОрелГИЭТ. 2019. № 3(49). С. 143–149.

24. Шманев С. В., Рябов К. В. Самоорганизация в социально-экономических системах // Транспортное дело России. 2008. № 2. С. 83–84.

25. Шманев С. В., Егорова Т. Н. Государственная политика и экономические процессы // Теоретические и прикладные вопросы экономики и сферы услуг. 2012. № 9.

26. Яременко Ю. В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики: Кн. 1. М. : Наука, 1997.

References

1. Abalkin L. I. Russia: the search for self-determination. M., 2002.

2. Avdiyskiy V. I. A risk-oriented approach to ensuring the economic security of modern Russia // Scientific Papers of the Free Economic Society of Russia. 2016. Vol. 199. No. 3. P. 199–211.

3. Aganbegyan A. G. Investments in fixed assets and investments in human capital — two interrelated sources of socio-economic growth // Problems of forecasting. 2017. No. 4. P. 17–20.

4. Balatsky E., Lapin V. The innovative sector of industry // The Economist. 2004. P. 20–33.

5. Baranov A. O., Slepenskova Yu. M. Methodological problems of analyzing the reproduction of human capital in Russia // ECO. 2018. No. 2. P. 5–17.

6. Veronikin A. O., Voloshin D. N. The transformational economy of present-day Russia and the USA during the «Great Depression». Models of economic transformation // USA*Canada: Economy, Politics, culture. 2003. No. 2. P. 61–80.

7. Voronenko A. V. Market economy in Russia. M. : AkademKniga, 2009.

8. Glazyev S. Y. «Washington Consensus» and scientific and technological progress in Russia // The economic science of modern Russia. 1998. P. 39–46.

9. Glazyev S. Yu., Batchikov S. A. The White Book. Economic reforms in Russia 1991–2001 // Archive copy dated March 10, 2007 on the Wayback Machine.

10. Gordon L. A., Klopov E. V. Losses and gains in Russia in the 90s. Vol. 2. Changing life in a changing country: employment, earnings, consumption. M. : Editorial URSS, 2001.

11. Mayevsky V. I., Kuzyk B. N. Conditions for the development of a high-tech complex // Voprosy ekonomiki. 2003. No. 3. P. 26–39.

12. North D. Institutes and economic growth: a historical introduction // THESIS. 1993. Vol. 2. P. 69–91.

13. Ostapkovich G. N. On the socio-economic development of the USSR at the turn of the 80–90s. Voprosy ekonomiki. M. : Prospekt, 1999.

14. Olson M. The dispersion of power and society in transition: remedies for corruption, disintegration

and slowing economic growth // Economics and mathematical methods. 1995. Vol. 31. Issue 4. P. 53–81.

15. Polevanov V. P. Russia: the price of life // Economic strategies. 1999. No. 1. P. 102–103.

16. Decree of the President of the Russian Federation dated December 29, 1991 No. 341 «On accelerating the privatization of state and municipal enterprises» // URL: <http://www.consultant.ru>

17. Structural and investment policy for sustainable growth and modernization of the economy: scientific report / hand. and ed. by V. V. Ivanter. M. : INP RAS, 2017.

18. Suvorov A. V., Suvorov N. V., Grebennikov V. G. et al. Approaches to measuring the dynamics and structure of human capital and assessing the impact of its accumulation on economic growth // Problems of forecasting. 2014. No. 3. P. 3–17.

19. Sogrin V. V. Political history of modern Russia 1985–1994. From Gorbachev to Yeltsin. M. : Norma, 2005.

20. Tertyshny A. T. Choosing a path. The History of Russia 1939–2000. M. : Leader, 2001.

21. Tatarkin A. I., Romanova O. A. Industrial policy: genesis, regional features and legislative support // The economy of the region. 2014. No. 2.

22. Shmanev S. V., Shmaneva L. V., Egorova T. N. Features of state economic policy in the context of globalization and modernization // Scientific notes of OrelGIET. 2015. No. 1(11). P. 363–369.

23. Shmanev S. V. The use of foresight technologies to form a system of strategic forecasting and planning in the context of challenges and threats to national security // OrelGIET Bulletin. 2019. No. 3(49). P. 143–149.

24. Shmanev S. V., Ryabov K. V. Self-organization in socio-economic systems // Transport business of Russia. 2008. № 2. P. 83–84.

25. Shmanev S. V., Egorova T. N. State policy and economic processes // Theoretical and applied issues of economics and the service sector. 2012. No. 9.

26. Yaremenko Yu. V. Theory and methodology of multilevel economics research: Book 1. M. : Nauka, 1997.

Информация об авторе

С. В. Шманев — заместитель руководителя кафедры экономической теории по научной работе Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор.

Information about the author

S. V. Shmanev — Deputy Head of the Department of Economic Theory for Research of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 25.11.2024; одобрена после рецензирования 14.01.2025; принята к публикации 07.02.2025.

The article was submitted 25.11.2024; approved after reviewing 14.01.2025; accepted for publication 07.02.2025.

Научная статья
УДК 339
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-236-241>
EDN: <https://elibrary.ru/katdzo>

ИПОН: 2003-0059-1/25-253
MOSURED: 77/27-003-2025-01-452

Экономическая составляющая перспектив взаимодействия России и стран Африки в условиях сложившейся геополитической обстановки

Андрей Алексеевич Яковлев

Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет), Москва, Россия, andrew0880@rambler.ru

Рецензент: доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования Н. Д. Эриашвили **Н. Д. Эриашвили**

Аннотация. Кратко раскрываются отдельные направления системы сотрудничества Российской Федерации со странами Африки. Особый акцент делается на блоке взаимодействия в торгово-экономической сфере. Учитывая введение ряда пакетов антироссийских санкций со стороны большинства стран Запада, обосновывается необходимость увеличения количества экспортно-импортных сделок с государствами Африканского континента. Рассматриваются отдельные недостатки в механизме контактирования нашей страны с Африкой (на фоне более чем активной конкуренции на африканском рынке), принимая во внимание факт создания Африканской континентальной зоны свободной торговли.

Ключевые слова: экономическое сотрудничество, институты частного сектора, производственно-сбытовая цепочка, экономический рост, зона свободной торговли, национальная безопасность, инвестиционный проект, нетарифные барьеры, защита конкуренции

Для цитирования: Яковлев А. А. Экономическая составляющая перспектив взаимодействия России и стран Африки в условиях сложившейся геополитической обстановки // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 236–241. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-236-241>. EDN: KATDZO.

Original article

The economic component of the prospects for cooperation between Russia and African countries in the current geopolitical situation

Andrey A. Yakovlev

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia, andrew0880@rambler.ru

Reviewer: Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Laureate of the Award of the Government of the Russian Federation in Science and Technology, Laureate of the Russian Government Award for Education **N. D. Eriashvili**

Abstract. The individual directions of the Russian Federation's system of cooperation with African countries are briefly described. Special emphasis is placed on the block of cooperation in the trade and economic sphere. Given the introduction of a number of anti-Russian sanctions packages by most Western countries, the need to increase the number of export-import transactions with the states of the African continent is justified. Some shortcomings in the mechanism of our country's contact with Africa (against the background of more than active competition in the African market) are considered, taking into account the fact of the creation of the African Continental Free Trade Area.

Keywords: economic cooperation, private sector institutions, supply chain, economic growth, free trade zone, national security, investment project, non-tariff barriers, protection of competition

For citation: Yakovlev A. A. The economic component of the prospects for cooperation between Russia and African countries in the current geopolitical situation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):236–241. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-236-241>. EDN: KATDZO.

Начать следует с того, что состоявшийся еще в 2019 г. первый за последние десятилетия саммит «Россия–Африка» (в РФ) стал весьма ярким событием как для нашей страны, так и для очень многих государств Африканского континента, равно как и саммит 2023 г. (позиционирующийся как экономический и гуманитарный форум). Конечно же, положительные результаты данных мероприятий имели под

собой довольно весомые основания. Повлияло на это многое — и комплексная поддержка национально-освободительных движений со стороны СССР, и, бесспорно, помощь в борьбе с дискриминацией и апартеидом и т. д. Важную роль сыграла и более чем активная позиция России по вопросам сохранения мира и безопасности на Ближнем Востоке, борьбы с терроризмом и иными явными девиациями на междуна-

© Яковлев А. А., 2025

родной политической арене. Также нельзя забывать и о том, что в течение последнего периода времени внешняя политика РФ на Африканском континенте была довольно последовательной, характеризуясь скоординированностью действий, взвешенностью и обоснованностью принимаемых решений. Таким образом, российская стратегия выглядит, безусловно, выигрышнее (с точки зрения африканских лидеров) по сравнению с непоследовательностью действий целого ряда стран Запада (в том числе в самый последний период — после начала проведения Россией СВО на Украине; один из примеров здесь — так называемая «зерновая сделка»).

Кроме этого, необходимо обратить внимание на то, что Африка вступила в нынешний век с определенным количеством как достижений, так и серьезных проблем. Плюсами считают довольно устойчивый рост валового внутреннего продукта, поступательное укрепление государственности, достижение нового качественного уровня межстранового торгово-экономического сотрудничества, стабилизацию (в том числе с учетом государственного вмешательства) ряда секторов экономики и общее изменение политико-экономического климата (его самое яркое проявление — это создание странами Африки Континентальной зоны свободной торговли). К основным минусам (или проблемам) можно отнести частичную легитимность некоторых африканских юрисдикций, относительную нестабильность ряда политических систем, сравнительно низкую эффективность социальных реформ, продолжение волны «цветных революций», а в отдельных случаях — и военного противостояния и открытых боевых действий (вооруженных конфликтов). Конечно же, подобные примеры весьма драматически влияют на дальнейшее развитие не только континентальной, но и всей международной системы отношений.

Считаю целесообразным полагать, что основным драйвером большинства политико-экономических процессов на Африканском континенте должны стать ключевые институты гражданского общества в целом и частного сектора (в отдельности). Безапелляционное признание факта, что Африка в самом ближайшем будущем займет принципиально новое место в международной экономической системе, стало новацией в мышлении мирового сообщества, и данное обстоятельство необходимо принимать во внимание участникам «игры» на данном континенте,

в том числе и России. Занимая знаковое место в интеграционных группировках (альянсах), таких, как ШОС, ЕАЭС и БРИКС, наша страна могла бы стать основоположником инновационного практического подхода к решению ряда международных вопросов (включая имеющие место и на Африканском континенте).

Да, в настоящее время (учитывая пандемию COVID и ее последствия, проведение Россией СВО и т. д.) международная конкуренция в Африке набирает все новые обороты, при этом уже не являются приемлемыми базовые модели взаимодействия, основанные на неокOLONIALИЗМЕ в двусторонних отношениях, стремлении получить оптимум прибыли при минимуме вложений. В данный момент разрабатываются всевозможные стратегии компаниями из стран-лидеров по прямым иностранным инвестициям — Китая, США, Великобритании — относительно выхода на африканский рынок, ведь, несмотря на то, что совокупный объем валового внутреннего продукта государств Африки, конечно же, не сопоставим с развитыми странами, континент в целом характеризуется довольно емким потенциалом. Более того, в последний период крупные африканские государства достигли ощутимых темпов экономического роста — где-то от 6 до 9 % (это Руанда, Кот-д'Ивуар, Гана и др.).

Помимо этого, усиливается тенденция к интеграции. 21 марта 2019 г. в городе Кигали (Руанда) подписано Соглашение о создании Африканской континентальной зоны свободной торговли (AfCFTA, African Continental Free Trade Agreement), ставшей крупнейшей с точки зрения количества стран-участниц. Соглашение подписали 54 африканских государства, из которых 27 уже ратифицировали его; функционирование зоны официально началось 7 июля 2019 г. По оценкам ЮНКТАД, объем внутриконтинентальной торговли ... увеличится на 34,6 млрд долл., или на 52,3 %. Текст соглашения декларирует такие задачи, как создание континентального таможенного союза, упрощение процедур таможенного оформления товаров, устранение тарифов и нетарифных барьеров, а также углубление межгосударственного сотрудничества в сфере торговли и инвестиций, защиты прав интеллектуальной собственности и координации политики в области защиты конкуренции. За счет отмены таможенных пошлин проект призван активизировать внутреннюю торговлю и способ-

ствовать более эффективному перераспределению ресурсов в регионе. ЗСТ становится крупнейшим объединением такого рода и в перспективе может стать предтечей более продвинутой формы экономической интеграции — Общеафриканского таможенного союза. Приоритеты интеграционных повесток субрегиональных объединений уже во многом определяют сферы и характер крупных инфраструктурных проектов, запускаемых в той или иной части Африки. При этом география международных контактов этих объединений отчасти определяет потенциальных зарубежных партнеров, участвующих в их реализации, в том числе институты развития, специальные международные фонды и банки. Высокие темпы экономического роста и усиливающаяся интеграция стран континента отличают Африку от других регионов, где чаще проявляются стагнация экономики и возрастающий протекционизм [1, с. 1–15].

Далее хочется особо отметить, что Африканская зона свободной торговли *de facto* ликвидирует барьеры между африканскими государствами (друг для друга), равно как и между ними и третьими странами, желающими взаимодействовать с континентом в целом. Конечно же, прогноз, насколько понизятся торговые барьеры, зависит напрямую от договоренностей между странами-участницами данного соглашения. Также перспективы для всего континента заключены и в оптимальном развитии региональных (а возможно, что даже и субрегиональных) производственно-сбытовых цепочек в контексте образованной зоны свободной торговли. При этом следует сослаться на один из недавних докладов ЮНКТАД, чтобы напомнить о том, что сегодня одной из наиболее актуальных задач, поставленных перед Африкой как таковой, является необходимость коренных структурных преобразований в национальных экономиках государств региона и существенное приращение добавленной стоимости в их экспорте (в целях ощутимого увеличения занятости населения). Естественно то, что один из вариантов осуществления подобной трансформации, — это повышение конкурентоспособности данных государств не только в производстве, но и в экспорте готовой (конечной) продукции с применением природных ресурсов (в том числе полезных ископаемых) рассматриваемого региона. Этому может способствовать и помощь со стороны правительств в функционировании создаваемых в регионе т. н. технологических хабов (сего-

дня их уже более 500), ведь именно на их базе не только разрабатываются, но и внедряются инновационные предложения для решения отдельных региональных проблем (помимо этого, запускаются и всевозможные стартапы, общенациональные инициативы, существенно прирастает и локальный предпринимательский потенциал). К сожалению, большинство из подобных хабов находятся в так называемом «инновационном четырехугольнике» (Нигерия, Кения, ЮАР, Египет). Но, тем не менее, они все же содействуют развитию элементов информационно-технологической среды. Однако, необходимо учитывать, что перспективы, открываемые зоной свободной торговли для континента, не исключают и возможности довольно негативного влияния со стороны рынка на наиболее уязвимые (слабые) экономики. При этом думается, что подобные минусы могут быть позиционированы не только как сдерживающие (ограничивающие) факторы для будущих инвесторов (главным образом, иностранных), но и как некий катализатор по отношению к знаковым инвестиционным проектам (в основном — в блоке инфраструктурного развития как отдельных государств, так и Африканского континента в целом).

Говоря о нашей стране, целесообразно отметить, что российско-африканские отношения в данный момент переживают, наверное, наиболее активный (пиковый) период за последние десятилетия. Готовность России к поступательному развитию комплексного взаимодействия не только с отдельными государствами Африканского континента, но и с известными африканскими субрегиональными организациями выражается в том, что современный уровень евразийской интеграции создает ряд дополнительных возможностей странам Африки для увеличения торгового оборота не только с РФ, но и с ее партнерами, например, по ЕАЭС (это подтверждается достигнутым к настоящему времени уровнем африканского экспорта в ЕАЭС примерно в 4,5 млрд долл. США); положительная динамика характерна по отношению ко всем членам этой интеграционной группировки. Также в качестве потенциала в рассматриваемых отношениях можно считать следующее:

1) формирование финансовых механизмов для обеспечения и поддержки российско-африканского делового взаимодействия — АО «Российский экспортный центр», участие России в качестве акционера в Афрэксимбанке. Дееспособность этих меха-

низмов должны подтвердить реализованные с их помощью проекты;

2) развитие сотрудничества и достигнутые соглашения с различными финансовыми институтами в Африке по линии РЭЦ: установлены взаимные лимиты кредитного риска по операциям торгового финансирования с банками Banque MISR (Египет), National Bank of Egypt (Египет), Sterling Bank Plc (Нигерия), Commercial International Bank (Египет), в рамках которых успешно реализованы сделки по торговому финансированию;

3) участие крупного российского бизнеса в предоставлении стипендий на получение образования в российских вузах студентам из стран Африки (РОСАТОМ — по атомным специальностям получают образование порядка 300 студентов более чем из 15 африканских стран: Алжира, Ганы, Египта, Замбии, Кении, Нигерии, Танзании, Уганды, Эфиопии и Южной Африки; РУСАЛ инициировал стипендиальную программу для талантливой молодежи Гвинеи) [1, с. 34].

В то же время, на пути стабилизации и оптимизации двусторонних отношений имеется и целый ряд помех и препятствий. Во-первых, это весьма активная конкуренция на африканском рынке, и очень вероятны серьезные конфликты интересов с иными «участниками». Во-вторых, нельзя забывать и об уже занятых рыночных нишах за период «бездействия» Российской Федерации на Африканском континенте. В-третьих, упрочение положения России в Африке (равно как и в Азии) может рассматриваться как угроза (или даже вызов) для геополитических врагов России и может стать в какой-то мере детонатором для симметричных или асимметричных мер с их стороны. В-четвертых, это, к сожалению, наличие определенного количества экономических проблем в самой России, не способствующих решению долгосрочных (стратегических) задач (это инфляция, старение нации, ослабление рубля и проч.). Более того, прямые внешние угрозы национальной безопасности России (участие de facto стран НАТО в конфликте на Украине, выход США из большинства договоров с РФ по вопросам вооружения, угрозы и случаи международного терроризма) не способствуют тому, чтобы нашей страной сегодня ставились масштабные цели.

Помимо перечисленного, важно принимать во внимание еще и следующие недостатки в механизме

взаимодействия РФ с Африкой. За последние 30 лет в Африке произошло закрытие большого количества торговых представительств России. При этом численный состав посольств России в ряде африканских государств сегодня не может конкурировать с посольствами США или Китая, например. Важно и то, что в предпринимательских структурах нашей страны продолжает оставаться (несмотря ни на что) в определенной степени некий отрицательный настрой относительно ведения бизнеса в странах Африки; конечно же, этому способствуют и довольно высокий уровень рисков фактора, главным образом, политических рисков в этих странах, и необходимость так называемых «длинных денег» для подобных инвестиционных проектов. Отечественные бизнес-структуры зачастую не воспринимают и специфические черты социокультурных и цивилизационных аспектов Африканского континента, что в итоге иногда приводит к непоправимым ошибкам во взаимодействии с контрагентами и отрицательным результатам в предпринимательстве. В качестве слабых сторон в системе наших взаимоотношений с Африкой можно привести следующие примеры:

1) скромный объем торговли африканских стран с Россией (составляет 20 млрд долл.). Для сравнения: с США — около 54,2 млрд долл. (данные за 2017 г.), с ЕС — 303 млрд долл. (данные за 2018 г.), с Китаем — 148 млрд долл. Китай собирается вложить в страны континента дополнительно 60 млрд долл., ЕС — 40 млрд долл.;

2) существует выраженный дисбаланс в торговых отношениях России со странами Африканского континента. Так, главными торговыми партнерами России в Африке в 2018 г. были Египет (1,1137 % от всего внешнеторгового оборота России), Алжир (0,7853 %), Марокко (0,2145 %), ЮАР (0,1553 %) и Тунис (0,1191 %). Цифры, отражающие торговые отношения России с другими африканскими странами, невелики;

3) среди стран Африки наибольшую долю в экспорте России в 2018 г. заняли Египет (1,5862 % от общего экспорта России), Алжир (1,1986 %), Марокко (0,2065 %), Нигерия (0,1631 %) и Тунис (0,1518 %);

4) среди стран Африки наибольшую долю в импорте России в 2018 г. заняли ЮАР (0,3288 % от общего импорта России), Марокко (0,2296 %), Египет (0,2211 %), Кот-д'Ивуар (0,0801 %) и Тунис (0,0574 %);

5) экономические проблемы. По состоянию на 1 декабря 2018 г. экономика России составляет 1,98 % мирового ВВП (доля США составляет почти 23,5 %, 1-е место в общем рейтинге. Далее идет Китай — чуть больше 16 %);

6) в структуре торговых отношений России с Африкой (рассмотрим на примере Египта — основного торгового партнера России в Африке) ведущие места занимают продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье... — 30,09 % от всего объема экспорта России в Египет; металлы и изделия из них... — 15,35 %; минеральные продукты... — 11,63 %; древесина и целлюлозно-бумажные изделия... — 6,89 %; машины, оборудование и транспортные средства... — 6,25 %; продукция химической промышленности... — 1,19 %. Практически со всеми африканскими странами в структуре российского экспорта машины, оборудование и транспортные средства находятся на последних местах. Если сравнить структуру экспорта Китая в страны Африки, то главным конкурентным преимуществом является то, что Китай активно наращивает поставки в Африку промышленной продукции, причем это не только потребительские товары, но и сложная техника — турбины электростанций, телекоммуникационное оборудование для мобильных сетей [1, с. 35–36].

Подобные примеры позволяют сделать вывод о том, что на Африканском континенте нашим основным конкурентом в ближайшем будущем станет Китай (наряду с наращиваемой конкуренцией с Индией, Турцией и проч.). Конечно же, сохранится и борьба с США и странами-членами Евросоюза. Тем не менее, для Российской Федерации есть возможность создания каких-либо экономических и политических блоков, также имеется определенная (хоть и слабая) надежда на восстановление системы формирования поддержки в Совбезе ООН. Следует все же попытаться конкурировать за влияние в Африке с США, ЕС и Китаем — весьма серьезными участниками игры на Африканском континенте, ведь быстрый рост экономики крупных стран Африки предполагает и расширение возможностей в блоке экспортно-импортных операций. Но самое главное — это то, что в условиях беспрецедентных экономических санкций и закрытия очень многих рынков развитых и развивающихся стран именно Африка может стать для Российской Федерации перспективным (и в какой-то мере «компенсационным») регионом для

реализации стратегических торгово-экономических схем. Необходимость активных действий и принятия далеко идущих решений в плотной конкурентной среде — это однозначно вызов, который может способствовать имплементации новых подходов в экономическо-политическом срезе отношений.

Таким образом, подводя некие итоги, можно констатировать, что сотрудничество в торгово-экономической сфере представляет собой, пожалуй, наиболее широкий спектр взаимодействия нашего государства со странами Африки (с учетом того, что, с одной стороны, этот континент является конкурентной средой для всего мирового бизнеса, а с другой стороны, — здесь имеются устаревшие механизмы, постепенно утрачивающие актуальность; тем не менее, ощутимый потенциал раскрывает технологическое взаимодействие в таких секторах, как цифровизация экономики, инфокоммуникации и т. д.).

Список источников

1. Кортунов А. В., Цайзер Н. Г., Харитонов Е. В. и др. Африка — Россия+: достижения, проблемы, перспективы: совместный доклад Российского совета по международным делам (РСМД) и союза «Африканская деловая инициатива» (АДИ). Доклад № 53/2020. М. : НП РСМД, 2020.

References

1. Kortunov A.V., Tsizer N. G., Kharitonova E. V. and others. Africa — Russia+: achievements, problems, prospects: Joint report of the Russian Council for International Affairs (RIAC) and the African Business Initiative Union (ADI). Report № 53/2020. M. : NP RIAC, 2020.

Библиографический список

1. Перская В. В., Эскиндаров М. А. Интеграция в условиях многополярности. Эволюция теории и практики реализации. М. : Экономика, 2016.

2. Господарик Ю. П., Пашковская М. В. Международная экономическая безопасность. 3-е изд., стер. М., 2018.

3. Перцовский Н. И., Спиридонов И. А., Барсукова С. В. Международный маркетинг / под ред. Н. И. Перцовского. М. : Высшая школа, 2001.

4. Кортунов А. В., Кулькова О. С., Цайзер Н. Г. и др. Российско-китайское сотрудничество в Африке: доклад Российского совета по междунар. делам

(РСМД), Института междунар. и стратег. исслед. Пекинского ун-та. Доклад № 66/2021. М. : НП РСМД, 2021.

5. Шкваря Л. В. Международная экономическая интеграция в мировом хозяйстве: учеб. пособие. М. : Инфра-М, 2015.

6. Шмиттгофф К. Экспорт: право и практика международной торговли / пер. с англ. М. : Юрид. лит., 1993.

Bibliographic list

1. Perskaya V. V., Eskindarov M. A. Integration in conditions of multipolarity. Evolution of theory and practice of implementation. М. : Ekonomika, 2016.

2. Gospodarik Yu. P., Pashkovskaya M. V. International economic security. 3rd ed., ster. М., 2018.

3. Pertsovsky N. I., Spiridonov I. A., Barsukova S. V. International Marketing / edited by N. I. Pertsovsky. М. : Higher School, 2001.

4. Kortunov A. V., Kulkova O. S., Tsizer N. G. and others. Russian-Chinese cooperation in Africa: a report by the Russian Council for International Cooperation. International Affairs (RIAC), the Institute of International and a strategist. research. University of Beijing. Report No. 66/2021. М. : NP RIAC, 2021.

5. Shkvarya L. V. International economic integration in the global economy: textbook. the manual. М. : Infra-M, 2015.

6. Schmittgoff K. Export: the law and practice of international trade / translated from English. М. : Jurid. lit., 1993.

Информация об авторе

А. А. Яковлев — доцент кафедры управления высокотехнологичными предприятиями Московского авиационного института (Национального исследовательского университета), кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Yakovlev — Associate Professor of the Department Management of the hi-tech enterprises of the Moscow Aviation Institute (National Research University), Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.07.2024; одобрена после рецензирования 19.09.2024; принята к публикации 01.11.2024. The article was submitted 17.07.2024; approved after reviewing 19.09.2024; accepted for publication 01.11.2024.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ Формирование экономической стратегии государства

2-е изд., перераб. и доп. Монография
Е. И. Кузнецова

Показана эволюция теории экономической безопасности через этапы и закономерности ее формирования, определены количественные и качественные ее характеристики. Экономическая безопасность рассмотрена как интегральная характеристика практически всех сфер жизнедеятельности, последовательно выражающая изменения в этих сферах и взаимосвязи между ними. Систематизированы результаты формирования теории экономической безопасности в свете потребности в новых концепциях эффективных стратегий для изменяющихся условий конкуренции в экономике. Раскрыты сущность и содержание стратегического управления национальной экономикой, проанализирована последовательность формирования экономической стратегии государства.

Для обучающихся по направлению подготовки «Экономическая безопасность», а также аспирантов, адъюнктов, преподавателей, занимающихся вопросами экономической безопасности и стратегического управления.

Е.И. Кузнецова

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ

Формирование
экономической стратегии государства

Второе издание

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-242-245>

EDN: <https://elibrary.ru/jzbhdg>

ИПОН: 2003-0059-1/25-254
MOSURED: 77/27-003-2025-01-453

Некоторые психологические проблемы патриотического воспитания курсантов образовательных учреждений МВД России

Владимир Федорович Родин

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, akademikvrodin@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются психологические проблемы патриотического воспитания курсантов образовательных учреждений МВД России. Особое внимание уделено индивидуальным особенностям курсантов, а также факторам из социальной практики, оказывающим влияние на процесс воспитания патриотизма у сотрудников. Раскрываются направления, способы и методы повышения эффективности патриотического воспитания в вузах МВД.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, психологические особенности патриотического воспитания в образовательных учреждениях МВД, психологические особенности патриотического воспитания курсантов в современных условиях

Для цитирования: Родин В. Ф. Некоторые психологические проблемы патриотического воспитания курсантов образовательных учреждений МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 242–245. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-242-245>. EDN: JZBHDG.

Original article

Some psychological problems of patriotic education of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Vladimir F. Rodin

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, akademikvrodin@mail.ru

Abstract. Psychological problems of patriotic education of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia are considered. Special attention is paid to the individual characteristics of cadets, as well as factors from social practice that influence the process of patriotism education in employees. The directions, ways and methods of improving the effectiveness of patriotic education in higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs are revealed.

Keywords: patriotic education, psychological peculiarities of patriotic education in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs, psychological peculiarities of patriotic education of cadets in modern conditions

For citation: Rodin V. F. Some psychological problems of patriotic education of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):242–245. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-242-245>. EDN: JZBHDG.

Патриотизм для нашей страны и нашего народа во все времена существования государства Российской был и остается главным и определяющим фактором и условием нашего могущества, нашей силы и сплоченности людей.

В современных условиях особое значение и роль приобретает патриотическое воспитание граждан Российской Федерации. Это, в первую очередь, связано с самобытностью России, ее суверенитетом и территориальной целостностью.

Исключительное право Российской Федерации — решать все внутренние вопросы независимо от желания других государств и это суверенное право обеспечивается социально-экономическими, политическими, морально-нравственным, военными условиями и возможностями страны, а также гражданской позицией и патриотизмом ее граждан.

Чувство патриотизма у курсантов учебных заведений формируется под воздействием самых различных социально-экономических и политических факторов. Как показывает опыт, основные из них — это семья, школа, средства массовой коммуникации, кинематограф, литература, искусство, героические и исторические примеры наших предков. Большими возможностями по формированию чувства патриотизма у курсантов принадлежат учебно-воспитательной работе в образовательных учреждениях МВД России. Как показывает практика, преподаваемые и изучаемые учебные предметы, обладают большими возможностями в деле воспитания патриотических чувств у курсантов.

Задача профессорско-преподавательского состава в вузах МВД на каждом учебном занятии — максимально реализовывать эти возможности.

© Родин В. Ф., 2025

С. М. Киров, выступая перед преподавателями вузов, отмечал, что преподавая сопротивление материалов, не надо забывать о сопротивлении буржуазии, поэтому необходимо в целевой установке каждого учебного занятия определять мировоззренческую, патриотическую составляющую и способы реализации их, независимо от учебного предмета.

Патриотическое воспитание курсантов образовательных учреждений МВД как граждан РФ является неотъемлемой частью их профессиональной подготовки. Вместе с тем, как показывает практика, процесс нередко сопровождается рядом психологических проблем, которые могут существенно влиять на эффективность формирования патриотических качеств и чувств у сотрудников правоохранительных органов. Понимание и преодоление этих проблем являются важными задачами руководства вузов, командного, профессорско-преподавательского состава и психологов, работающих с курсантами.

Основной задачей патриотического воспитания курсантов является воспитание у них глубоких патриотических чувств, любви к Родине и готовности защищать ее интересы. Для достижения этой цели в вузах МВД решаются следующие задачи:

- ◆ воспитание уважительного отношения к истории государства, культуре, боевым и трудовым традициям России;
- ◆ развитие у людей гражданской ответственности и правосознания;
- ◆ воспитание у курсантов морально-нравственной и психологической готовности к выполнению служебных обязанностей.
- ◆ формирование готовности у сотрудников защищать свою Родину и т. д.

Как показывает опыт, при организации работы по формированию патриотического воспитания у курсантов необходимо учитывать некоторые психологические проблемы для достижения поставленных целей. Рассмотрим некоторые из них.

1. Сопротивление отдельных курсантов патриотическому воспитанию. Как показывают исследования, некоторые курсанты могут испытывать внутреннее сопротивление патриотическому воспитанию. Это может быть связано с неумелым и с недостаточным воспитанием в семье или школе, негативным отношением к признанным авторитетам или недоверием к работе по воспитанию патриотических чувств. Поэтому преодоление этого сопротивления требует вдумчивого индивидуального подхода к каждому сотруднику, создания доверительной атмосферы и ис-

пользования мотивирующих образцов и примеров из жизни и деятельности выдающихся людей.

2. Эмоциональная перегрузка и стресс. Учебно-воспитательный процесс в вузах МВД связан с высокой физической и психологической нагрузкой. Такое напряжение может приводить к эмоциональному выгоранию, что негативно сказывается на восприятии патриотических ценностей. Поэтому необходимо разрабатывать программы психологической поддержки и стресс-менеджмента для курсантов, чтобы снизить уровень стресса и повысить их эмоциональную устойчивость к учебе и службе.

3. Психологические проблемы с идентификацией. Как показывает практика, курсанты, на этапе формирования личности, могут испытывать трудности с самоидентификацией. На практике это проявляется в виде неуверенности в своих силах, способностях, сомнениях в правильности выбранного пути и сложности в осознании своей роли в обществе. Поэтому организация патриотического воспитания должна способствовать укреплению самооценки курсантов и развитию у них чувства принадлежности к коллективу подразделения и страны в целом.

4. Влияние социальной среды. Социальная среда, в которой находятся курсанты, оказывает значительное влияние на формирование патриотических чувств, их восприятие патриотизма. Некоторые негативные примеры поведения сверстников, отдельные антипатриотические настроения и высказывания и негативное влияние отдельных средств массовой информации могут препятствовать процессу патриотического воспитания. Для этого необходимо создавать позитивную образовательную среду, поддерживающую патриотические ценности и формирующую у курсантов правильные нравственные установки.

5. Личностные особенности. Индивидуально-психологические особенности курсантов — такие как темперамент, характер, способности, направленность, уровень эмоциональной устойчивости, способность к эмпатии, коммуникативные навыки и мотивация играют важную роль в процессе патриотического воспитания. Понимание этих особенностей при разработке воспитательных мероприятий в вузе позволяет достичь более высоких результатов по формированию у курсантов чувства патриотизма.

6. Психологическая поддержка. Со стороны руководства и профессорско-преподавательского состава является важным фактором успешного патриотического воспитания. Командиры, преподаватели и психологи, работающие в образовательных учреждениях

МВД, должны проводить регулярные консультации, помогать курсантам справляться с внутренними различного рода дискомфортом, конфликтами и способствовать развитию у них позитивного отношения к патриотическим ценностям страны и государства.

7. Развитие критического мышления. Важным направлением деятельности профессорско-преподавательского состава является формирование патриотического воспитания у курсантов, которое способствует развитию у них критического мышления и способности самостоятельно анализировать различную информацию. Это помогает им делать правильные выводы, противостоять негативным влияниям в обществе и формировать положительное отношение к патриотическим ценностям.

8. Преодоление негативных стереотипов. Как показывает практика, некоторые курсанты имеют негативные установки и стереотипы о патриотизме, связанные с восприятием его как чего-то формального или навязанного. Поэтому необходимо разъяснять истинное значение патриотизма, его роль в жизни общества и личной ответственности каждого гражданина за судьбу страны.

Для успешного преодоления этих и других психологических проблем, связанных с патриотическим воспитанием курсантов, необходимо использовать разнообразные приемы, методы и формы работы, учитывающие индивидуально-психологические особенности курсантов. Рассмотрим некоторые из них.

1. Индивидуальный подход к сотрудникам: работа с каждым курсантом должна строиться на основе его личностных характеристик, мотивов и потребностей. Индивидуальные беседы, консультации психологов и педагогов повышают мотивацию и уверенность в своих силах.

2. Создание в вузах МВД позитивной образовательной среды: для этого важно создавать в учебном заведении атмосферу поддержки, взаимопонимания и взаимопомощи, где каждый чувствует себя частью единого коллектива. Это способствует формированию патриотических ценностей и развитию чувства ответственности перед товарищами, обществом и страной.

3. Использование мотивирующих примеров: примеры боевых героических поступков и самоотверженного служения Родине, демонстрируемые через учебные дисциплины — лекции, семинары, практические занятия, встречи с ветеранами, фильмы и литературные произведения — помогают курсантам проникнуться духом патриотизма и стремлением подражать героям.

4. Интерактивные методы обучения: такие как деловые и ролевые игры, симуляции, дискуссии и проектная деятельность, способствуют активному вовлечению курсантов в образовательный процесс и формированию у них устойчивых нравственных ценностей к патриотизму.

5. Психологическая поддержка и тренинги: проведение тренингов по управлению стрессом, развитию эмоциональной устойчивости и коммуникативных навыков помогает курсантам справляться с психологическими нагрузками и формировать положительное отношение к патриотическим ценностям.

6. Работа с семьей: как показывает опыт, воспитание патриотических чувств у детей и подростков начинается в семье. Важно, чтобы родители понимали свою главенствующую роль в воспитательном процессе. Для этого необходимо проводить с ними совместные мероприятия и консультирование по вопросам воспитания патриотизма у детей и подростков.

Патриотическое воспитание курсантов является важной и сложной задачей, требующей учета множества психологических факторов.

Проходит время, меняется общество и отношение молодежи к некоторым нравственным ценностям. Так, в 90-е гг. в Россию было превнесено много негатива в общественное сознание молодых людей, граждан РФ, и это надо учитывать в формировании патриотических чувств у молодежи. Сегодняшняя молодежь, конечно же, отличается от прошлой, которая встретила с Великой Отечественной войной. Изменились социально-экономические условия в государстве и, как следствие, мировоззрение молодежи. Вот, например, как по этому поводу рассуждает Ольга Ускова, которая неоднократно встречалась с бойцами, участниками специальной военной операции. В своем романе «Этюды черни» (Москва 2023 г. Эта книга отпечаток новой реальности.) Она пишет о некоторых проблемах проявления героизма и патриотизма современного бойца на передовой:

«Тема героизма не устарела для современного бойца, но вместе с тем она несколько изменилась. В большинстве своем им есть что терять, ситуация не идентична настроению и мотивации бойцами в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., те уже были за гранью отчаяния и несчастья, у сегодняшних личная ситуация пока другая. Да. Они понимают, что их работа убивать врага, но нет такой задачи у солдата умирать. Нет. Должна быть готовность к возможности смерти. Не должно быть страха перед исходом таким. Но человек должен понимать, что игра на вой-

не идет честная; т. е. если государство отправило их рисковать жизнью, чтобы для себя будущее обозначить, то и все в государстве подчинены единой общей цели и действуют совместно как единый организм: производится нужное количество снарядов и дронов. Его наступление прикрито с неба, на суше танками и самолетами, его не бросят в поле, и лучшие медики потом заштопают. Его мотивация в этой войне не умереть за общее дело, а победить ради общего дела! Для этого надо строить и новую стратегию, и общие задачи по работе с армией и обществом».

Не со всеми рассуждениями, приведенными автором книги, можно согласиться, но во многом она права, ясно одно, что общество изменилось, меняются люди и поэтому воспитание патриотических чувств у молодых людей сегодня приобретает другие оттенки. Это очень сложная, трудоемкая, профессиональная работа всего общества. Эта работа требует большого чувства ответственности на всех участках за порученное дело и для достижения высоких результатов необходимо использовать разнообразные формы и методы этой деятельности, обеспечивать психологическую работу курсантов и создавать позитивную, благоприятную среду в деле воспитания патриотизма.

Только так можно воспитать сотрудников правоохранительных органов, обладающих глубокими патриотическими чувствами, готовыми защищать интересы своей Родины и способными справляться с любыми профессиональными вызовами.

Библиографический список

1. Головин А. Н. Психология патриотизма: теоретические и прикладные аспекты. М., 2020.
2. Иванова Т. А. Психологические проблемы воспитания патриотизма у молодежи. СПб., 2019.
3. Смирнов С. А. Психология личности и патриотизм. М. : Просвещение, 2017.
4. Карпов В. В. Социальная психология и воспитание патриотизма. СПб. : Наука, 2018.

Информация об авторе

В. Ф. Родин — профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор педагогических наук, профессор, академик РАЕН, почетный работник образования РФ.

Information about the author

V. F. Rodin — Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of Education of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 15.01.2025; одобрена после рецензирования 30.01.2025; принята к публикации 17.02.2025.
The article was submitted 15.01.2025; approved after reviewing 30.01.2025; accepted for publication 17.02.2025.

5. Николаев П. В. Современные методы патриотического воспитания в образовательных учреждениях МВД. М., 2021.
6. Соколова И. А. Психология и педагогика патриотического воспитания. М., 2018.
7. Зайцева Л. Н. Психологические аспекты патриотического воспитания: учеб. пособие. М., 2019.
8. Родин В. Ф., Грошев И. В., Калинин И. А. Психология: учебник для вузов. М., 2016.
9. Макаров Д. В. Психологические аспекты патриотического воспитания в образовательных учреждениях. М., 2020.
10. Цветков В. Л. Психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел. М., 2019.
11. Ускова О. А. Этюды черни. М., 2023.

Bibliographic list

1. Golovin A. N. Psychology of patriotism: theoretical and applied aspects. M., 2020.
2. Ivanova T. A. Psychological problems of instilling patriotism among young people. St. Petersburg, 2019.
3. Smirnov S. A. Personality psychology and patriotism. M. : Education, 2017.
4. Karpov V. V. Social psychology and education of patriotism. St. Petersburg : Nauka, 2018.
5. Nikolaev P. V. Modern methods of patriotic education in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs. M., 2021.
6. Sokolova I. A. Psychology and pedagogy of patriotic education. M., 2018.
7. Zaitseva L. N. Psychological aspects of patriotic education: textbook. M., 2019.
8. Rodin V. F., Groshev I. V., Kalinichenko I. A. Psychology: textbook for universities. M., 2016.
9. Makarov D. V. Psychological aspects of patriotic education in educational institutions. M., 2020.
10. Tsvetkov V. L. Psychology in the activities of employees of internal affairs bodies. M., 2019.
11. Uskova O. A. Sketches of the mob. M., 2023.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-246-250>

EDN: <https://elibrary.ru/ljbawy>

ИПОН: 2003-0059-1/25-255

MOSURED: 77/27-003-2025-01-454

Констатация уровня развития коммуникативной сферы курсантов — будущих психологов органов внутренних дел: результаты исследования

Сергей Николаевич Федотов¹, Александр Николаевич Сударик²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, fedotovsn@rambler.ru

² Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва, Россия, asudarik@list.ru

Аннотация. Необходимость совершенствования развития коммуникативных навыков и умений психологов в образовательной организации МВД России обусловлена невысоким уровнем развития коммуникативной сферы личности выпускников. Это подтверждается данными эмпирического исследования, представленными в работе. В то же время отсутствуют инструменты контроля за развитием этой сферы и учета особенностей личности обучающихся при реализации соответствующих дисциплин образовательной программы.

Как показывает практика, образовательный процесс традиционно реализуется в рамках нескольких базовых дисциплин, нацеленных на развитие компетенций, связанных с коммуникативной сферой личности. При этом исходный уровень развития коммуникативных способностей и особенности личности обучающихся не учитываются. Кроме того, оценка развития коммуникативной сферы выпускника по результатам реализации соответствующих дисциплин не проводится.

Предлагается подход к использованию разработанного универсального научно-методического аппарата, направленного на развитие психологов в процессе их профессиональной подготовки за счет изменения их коммуникативной сферы с учетом особенностей их личности.

Ключевые слова: коммуникативная сфера, коммуникативные способности, психолог органов внутренних дел, образовательная программа, универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции, федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования, квалификационные требования

Для цитирования: Федотов С. Н., Сударик А. Н. Констатация уровня развития коммуникативной сферы курсантов — будущих психологов органов внутренних дел: результаты исследования // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 246–250. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-246-250>. EDN: LJBAWY.

Original article

Statement of the level of development of the communicative sphere of cadets — future psychologists of the internal affairs bodies: the results of the study

Sergey N. Fedotov¹, Alexander N. Sudarik²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, fedotovsn@rambler.ru

² University of World Civilizations named after V. V. Zhirinovskiy, Moscow, Russia, asudarik@list.ru

Abstract. The need to improve the development of communication skills and abilities of psychologists in the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia is due to the low level of development of the communicative sphere of the personality of graduates. This is confirmed by the empirical research data presented in the paper. At the same time, there are no tools for monitoring the development of this area and taking into account the personality characteristics of students in the implementation of relevant disciplines of the educational program.

As practice shows, the educational process is traditionally implemented within the framework of several basic disciplines aimed at developing competencies related to the communicative sphere of personality. At the same time, the initial level of development of communication abilities and personality traits of students are not taken into account. In addition, there is no assessment of the development of the graduate's communication sphere based on the results of the implementation of relevant disciplines.

An approach is proposed to use the developed universal scientific and methodological apparatus aimed at the development of psychologists in the process of their professional training by changing their communicative sphere, taking into account the characteristics of their personality.

Keywords: communicative sphere, communicative abilities, psychologist of internal affairs bodies, educational program, universal, general professional and professional competencies, federal state educational standard of higher education, qualification requirements

For citation: Fedotov S. N., Sudarik A. N. Statement of the level of development of the communicative sphere of cadets — future psychologists of the internal affairs bodies: the results of the study. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):246–250. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-246-250>. EDN: LJBAWY.

© Федотов С. Н., Сударик А. Н., 2025

Организация подготовки психологов в образовательных организациях системы МВД России связана с ориентацией преподаваемых дисциплин на требования целого ряда нормативных документов (приказы МВД России [1; 2], приказы Минобрнауки России [3], квалификационные требования [4]). Анализ вышеуказанных руководящих документов показывает, что ведомственные психологи, в целях успешного решения задач психологической работы, должны выполнять функции, требующие не только высокого уровня развития отдельных коммуникативных навыков и умений, но и коммуникативной сферы личности сотрудников ОВД.

При этом в приказе МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 можно выделить восемь таких функций [1]. В приказе МВД России от 25 декабря 2020 г. № 900 насчитывается шесть таких функций [2].

Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования по специальности 37.05.02 Психология служебной деятельности [3] и Квалификационными требованиями к специальной профессиональной подготовке выпускников федеральных государственных образовательных организаций, находящихся в ведении МВД России, прошедших обучение по специальности 37.05.02 Психология служебной деятельности (специализация Психологическое обеспечение служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов) [4], для психологов органов внутренних дел устанавливаются компетенции, имеющие отношение к коммуникативной сфере личности:

- ◆ способен организовывать и руководить работой команды, вырабатывая командную стратегию для достижения поставленной цели (УК-3);

- ◆ способен применять современные коммуникативные технологии, в том числе на иностранном(ых) языке(ах), для академического и профессионального взаимодействия (УК-4);

- ◆ способен анализировать и учитывать разнообразие культур в процессе межкультурного взаимодействия (УК-5);

- ◆ способен выявлять специфику функционирования психики человека с учетом возраста, кризисов развития и факторов риска, его принадлежности к профессиональной, гендерной, этнической и другим социальным группам (ОПК-6, ПК-2);

- ◆ способен осуществлять консультирование в области межличностных отношений, профориента-

ции, планирования карьеры профессионального и личностного роста, организации служебной деятельности персонала (ОПК-7);

- ◆ способен взаимодействовать с сотрудниками подразделений по работе с личным составом по вопросам проведения психологических консультаций и коррекционных мероприятий с сотрудниками, допустившими нарушения служебной дисциплины, противоправное поведение (ПК-27);

- ◆ способен осуществлять консультирование в области межличностных и семейных отношений, профориентации, планирования карьеры, профессионального и личностного роста (ПК-29);

- ◆ способен консультировать должностных лиц по психологическим проблемам, связанным с организацией служебной деятельности личного состава, формированием и поддержанием в служебных (учебных) коллективах благоприятного психологического климата (ПК-30);

- ◆ способен осуществлять сбор информации о сотрудниках, нуждающихся в консультационных мероприятиях по вопросам психологических аспектов при решении оперативно-служебных задач, регулирования семейно-бытовых отношений, профилактики, разрешения и минимизация последствий межличностных конфликтов (ПК-31) и др.

Чтобы выявить, насколько реализуемый в соответствии с учебным планом педагогический процесс способствует развитию коммуникативных способностей психологов, проведено эмпирическое исследование, в ходе которого была осуществлена оценка показателей, характеризующих **способность** обучаемых **устанавливать психологический контакт с окружающими людьми**.

Для проведения эмпирического исследования в качестве обследуемых привлекались курсанты, обучающиеся по специальности 37.05.02 Психология служебной деятельности в образовательной организации высшего образования МВД России.

В ходе эмпирического исследования осуществлялось измерение таких психологических характеристик испытуемых, как: мотивы аффилиации (опросник А. Мехрабиана), эмоциональный интеллект (методика Н. Холла), социальный интеллект (методика Дж. Гилфорда), коммуникативные умения (тест Л. Михельсона).

Анализ полученных в процессе нашего исследования эмпирических данных показал, что высоким

уровнем развития социального интеллекта обладает только 11,5 % испытуемых. При этом способность предвидеть последствия поведения собеседника, способность к познанию классов поведения, способность к познанию систем поведения выявлена у 3,8 % испытуемых, а способность к познанию преобразований поведения — у 7,7 % испытуемых. Полученные результаты анализа эмпирических данных позволяют сделать вывод о том, что важным моментом в профессиональной подготовке психологов для органов внутренних дел является развитие у них понимания партнера по общению в отношении его реакций поведения (вербальных и невербальных), а также умений предвосхищать динамику и последствия взаимодействия.

По развитию эмоционального интеллекта можно сделать вывод, что на высоком уровне эмоциональная осведомленность и эмпатия выражены только у 38,5 % испытуемых, управление своими эмоциями — у 27,5 % испытуемых, самомотивация — у 26,5 % испытуемых, а управление эмоциями других людей — у 22 % испытуемых. Из полученных данных видно, что эмоциональная сторона установления психологического контакта у значительного числа испытуемых находится на недостаточно высоком уровне и требует корректировки программы их подготовки.

Анализ результатов исследования коммуникативных умений показал, что зависимый способ общения встречается у 28 % испытуемых, агрессивный — у 15 % испытуемых. В то же время, компетентный способ общения слабо развит у 42,3 % испытуемых. Полученные результаты позволили также сделать вывод о том, что недостаточный уровень развития коммуникативных умений и коммуникативной компетентности испытуемых требуют дальнейшего совершенствования их профессиональной подготовки.

Анализ мотивов аффилиации выявил низкий уровень показателя стремления к принятию окружающими людьми (более 80 % испытуемых), а также высокий уровень показателя страха быть отвергнутым другими людьми (более 60 % испытуемых). Полученные результаты эмпирического исследования показывают, что мотивы аффилиации большинства испытуемых не вызывают достаточно выраженных внутренних побуждений идти на контакт с окружающими людьми, что препятствует установлению благоприятной психологической атмосферы, прежде всего, внутри самого психолога и может рассматри-

ваться как некоторый психологический барьер психолога мотивационного характера. Для изменения сложившихся мотивационных тенденций испытуемых требуется проведение целенаправленного воздействия на мотивационную сферу их личности в интересах развития у психологов потребности к общению и смелости идти на контакт при взаимодействии с окружающими людьми.

Суммируя результаты проведенного эмпирического исследования, можно сказать, что у большинства испытуемых показатели социального и эмоционального интеллекта выражены на низком уровне. У значительного числа испытуемых коммуникативные умения реализуются по доминирующему способу общения «зависимый» и «агрессивный», а у чуть более 50 % испытуемых — по такому доминирующему способу общения, как «компетентный». При этом характеристики мотивации аффилиации не способствуют благоприятному развитию процесса общения в реальном межличностном взаимодействии психолога с другими сотрудниками (стремление к принятию окружающими сослуживцами на высоком уровне выражено только у 15 % обучаемых, а страх быть отвергнутым сослуживцами на низком уровне выражен только у 37 % обучаемых).

В ходе анализа организации учебного процесса выявлено, что в ходе реализации основной профессиональной образовательной программы не осуществляется единый (совместный) контроль развития коммуникативной сферы обучающихся и достигаемого уровня ее развития по всем дисциплинам.

Следует отметить, что основы разработки научно-методического аппарата решения актуальной научной задачи развития коммуникативной сферы обучающихся в образовательной организации высшего образования МВД России предложены еще в 2011 г. [7; 8]. В рамках разработанного научного подхода осуществлялся поиск влияющих факторов в цепочке причинно-следственных зависимостей (характеристики личности — показатели коммуникативной сферы). В интересах поиска вышеназванных зависимостей в процессе анализа полученных эмпирических данных использовался однофакторный дисперсионный анализ. Отработка научного подхода проводилась с привлечением испытуемых, обучающихся по двум юридическим специальностям. На последующих этапах исследования работоспособность и универсальность данного подхода в поиске детермини-

рующих коммуникативную сферу факторов подтверждена при проведении обследований с привлечением испытуемых, обучающихся по другим специальностям (психологи, социальные педагоги).

Методический аспект развития коммуникативной сферы обучающихся раскрыт в целом ряде публикаций [6; 10], где также приводятся результаты оценки эффективности предлагаемого развивающего тренинга. В рамках отдельных практических занятий в условиях реализации планового учебного процесса показана возможность применения специальных упражнений и игр для развития отдельных коммуникативных свойств и способностей психологов [9]. Оценка уровня развития коммуникативных способностей психологов может осуществляться с помощью разработанной авторской методики С. В. Здоровой [5].

Таким образом, предложенный научно-методический аппарат развития коммуникативных свойств и способностей психологов МВД России позволяет не только разрабатывать адаптивные исходному уровню развития их коммуникативной сферы специальные тренинговые программы, но и контролировать уровни и достаточность развития коммуникативных способностей. Такой научный подход в профессиональной подготовке психологов МВД России поможет им максимально полно реализовать в своей профессиональной деятельности компетенции, связанные с коммуникативной сферой [4].

Список источников

1. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 27 августа 2024 г. № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС Гарант.

2. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 25 декабря 2020 г. № 900 «Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС «ГАРАНТ».

3. Приказ Минобрнауки России от 31 августа 2020 г. № 1137 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — специалитет по специальности 37.05.02 Психология служебной деятельности» (зарегистрировано в Минюсте России 14.09.2020 г. № 59826) // СПС Гарант.

4. Квалификационные требования к специальной профессиональной подготовке выпускников федеральных государственных образовательных организаций, находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации, прошедших обучение по специальности 37.05.02 Психология служебной деятельности (специализация Психологическое обеспечение служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов), утвержденные Министром внутренних дел Российской Федерации 20 апреля 2021 г. // URL: <https://fgos.ru/>

5. Здорова С. В. Авторская методика оценки уровня развития коммуникативных способностей личности и ее применение // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 3. С. 17–23.

6. Здорова С. В. Результаты применения тренинговой программы для развития коммуникативных способностей у студентов-психологов с учетом индивидуально-психологических особенностей их личности // Психология обучения. 2018. № 4. С. 25–40.

7. Здорова С. В., Сударик А. Н. Коммуникативный потенциал юриста: факторный анализ влияющих психологических характеристик // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2013. № 4(67). С. 108–113.

8. Здорова С. В., Сударик А. Н. Коммуникативные умения и навыки психологов органов внутренних дел: научное и методическое обеспечение развития в рамках федерального государственного образовательного стандарта по специальности «Психология служебной деятельности» // Педагогика и психология: академический журнал. 2023. № 2(2). С. 40–46.

9. Здорова С. В., Сударик А. Н. Формирование коммуникативных способностей обучающихся при проведении практических занятий по дисциплине «Общий психологический практикум»: технологический подход // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2016. № 1(77). С. 80–81.

10. Здорова С. В., Федотов С. Н., Сударик А. Н. Изменение коммуникативных установок личности курсантов-психологов с использованием адаптивной тренинговой программы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2020. № 2(51). С. 24–33.

References

1. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 500 dated 27 August 2024 «On Ap-

proval of the Regulations on the Procedure for organizing moral and psychological support for the activities of Internal Affairs bodies of Russia» // LRS Garant.

2. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 900 dated December 25, 2020 «Issues of organization of moral and psychological support for the activities of internal affairs bodies of the Russian Federation» // LRS Garant.

3. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 31 August 2020 No. 1137 «On approval of the Federal State educational standard of higher education — specialty 37.05.02 Psychology of official activity» (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on 09/14/2020 No. 59826) // LRS Garant.

4. Qualification requirements for special professional training of graduates of federal state educational organizations under the jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation who have completed training in the specialty 37.05.02 Psychology of official activity (specialization Psychological support of official activity of law enforcement officers), approved by the Minister of Internal Affairs of the Russian Federation on 04/20/2021 // URL: <https://fgos.ru/>

5. Zdorova S. V. The author's methodology for assessing the level of development of a person's communicative abilities and its application // Psychology and pedagogy of professional activity. 2021. No. 3. P. 17–23.

6. Zdorova S. V. The results of the application of the training program for the development of communicative abilities among psychology students, taking into account the individual psychological characteristics of their personality // Psychology of learning. 2018. No. 4. P. 25–40.

7. Zdorova S. V., Sudarik A. N. The communicative potential of a lawyer: factor analysis of influencing psychological characteristics // Human factor: problems of psychology and ergonomics. 2013. No. 4(67). P. 108–113.

8. Zdorova S. V., Sudarik A. N. Communicative skills and abilities of psychologists of internal affairs bodies: scientific and methodological support for development within the framework of the federal state educational standard in the specialty «Psychology of official activity» // Pedagogy and psychology: academic journal. 2023. No. 2(2). P. 40–46.

9. Zdorova S. V., Sudarik A. N. Formation of students' communicative abilities during practical training in the discipline «General psychological workshop»: technological approach // Human factor: problems of psychology and ergonomics. 2016. No. 1(77). P. 80–81.

10. Zdorova S. V., Fedotov S. N., Sudarik A. N. Changing the communicative attitudes of the personality of psychological cadets using an adaptive training program // Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology. 2020. No. 2(51). P. 24–33.

Информация об авторах

С. Н. Федотов — профессор кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

А. Н. Сударик — доцент кафедры психологии Университета мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник.

Information about the authors

S. N. Fedotov — Professor of the Department of Psychology of the Educational and Scientific Complex of Performance Psychology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences, Professor;

A. N. Sudarik — Associate Professor of the Department of Psychology at the University of World Civilizations named after V. V. Zhirinovskiy, Candidate of Psychological Sciences, Senior Researcher.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2024; одобрена после рецензирования 25.12.2024; принята к публикации 30.01.2025. The article was submitted 28.10.2024; approved after reviewing 25.12.2024; accepted for publication 30.01.2025.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-251-258>

EDN: <https://elibrary.ru/iyseoz>

NION: 2003-0059-1/25-256

MOSURED: 77/27-003-2025-01-455

Проблема агрессивности в служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел

Ирина Алексеевна Шашкова¹, Елизавета Михайловна Гончарова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ irinashashkova@list.ru

² goncharova_e_79@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема агрессивности, проявляющейся в служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел, возникающей на основе конфликтного взаимодействия.

Ключевые слова: агрессивность, деформация, эмоциональное выгорание, психологическая защита

Для цитирования: Шашкова И. А., Гончарова Е. М. Проблема агрессивности в служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 251–258. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-251-258>. EDN: IYSEOZ.

Original article

The problem of aggression in the service activities of internal affairs officers

Irina A. Shashkova¹, Elizaveta M. Goncharova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ irinashashkova@list.ru

² goncharova_e_79@mail.ru

Abstract. Considered the problem of aggressiveness, manifested in the service activities of internal affairs officers, arising on the basis of conflict interaction.

Keywords: aggressiveness, deformation, emotional burnout, psychological defence

For citation: Shashkova I. A., Goncharova E. M. The problem of aggression in the service activities of internal affairs officers. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(1):251–258. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-251-258>. EDN: IYSEOZ.

Проблема агрессивности, проявляющейся в служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел, исследована не в полном объеме. В данной статье внимание обращено на паттерны агрессивного поведения при выполнении профессиональных задач сотрудниками органов внутренних дел.

Специфика служебной деятельности при наличии стрессовой, экстремальной или иной нетипичной для сотрудника ситуации может привести к проявлению агрессии как ответ на внешний раздражитель. Под воздействием такого внешнего агрессивного раздражителя искажается реальность и адекватное восприятие ситуации, что приводит к деформации системы межличностных отношений, моральных и нравственных норм сотрудника полиции. Подобная специфика служебной деятельности может отразиться не только на ответной реакции, но и привести к развитию

агрессивности как свойства личности. В результате сотрудник органов внутренних дел будет проявлять грубость, наносить моральный и физический вред не только в экстремальных стрессовых ситуациях, но и в повседневной жизнедеятельности.

Отечественные и зарубежные психологи и педагоги изучали проблематику агрессии и проявления агрессивности через взаимосвязь между служебными и личностными характеристиками (С. Г. Геллерпегейн, В. П. Зинченко, А. Л. Крылов, Б. Ф. Ломов, В. М. Мунипов, Б. М. Теплов, В. А. Ядов, Дж. Доллард, Л. Дуб, К. Лоренц, Н. Миллер, Р. Сирс и др.) Типичные свойства личности во взаимосвязи с содержанием определенной деятельности рассмотрены в работах Р. М. Грановской, Э. Ф. Зее-ра, Т. М. Князевой, Л. Н. Корнеевой, А. К. Марковой, Н. И. Шаталовой, О. И. Шляхтиной и др. Про-

© Шашкова И. А., Гончарова Е. М., 2025

блема проявления агрессивности, связанная со служебной деформацией сотрудников правоохранительной деятельности, изучена в научных работах А. В. Буданова, Л. М. Колодкина, Э. П. Котова, И. А. Кудрявцева, А. Л. Купленского, В. С. Медведева, Б. Д. Новикова, С. Е. Пиняевой, Н. А. Ратиновой и др. В зарубежной науке подход к агрессии рассматривался как последствия фрустрации (А. Басс, Дж. Доллард).

Агрессию изучают не только психологи, но и биологи, этологи, социологи и юристы, с применением индивидуальных методик и подходов. С другой стороны, как подметил выдающийся мыслитель XX в. Бертран Рассел, вопрос о взаимоотношениях любви и ненависти в первую очередь имеет психологический характер. Даже сами психологи вряд ли будут ставить под сомнение данную концепцию. Как бы то ни было, можно утверждать, что сегодня в психологической науке получены наиболее значимые результаты в изучении природы и механизмов агрессивного поведения человека. В чем, собственно, легко убедиться, прочитав работы Р. Барона и Д. Ричардсона.

Многочисленные результаты исследований процесса социализации, социального обучения и генетического развития личности подтверждают идею о социально-онтогенетической детерминации агрессии. Исследования процессов социального научения, в частности, показали, что специфика межличностных взаимодействий в семьях, где рождаются высокоагрессивные дети, приводит к прогрессивному развитию и закреплению, как по нарастающей спирали, агрессивного поведенческого стереотипа, воспроизводимого вновь и вновь в различных ситуациях межличностного взаимодействия.

Согласно А. А. Реану и А. А. Баранову, агрессивное поведение в семье способно формироваться по трем возможным сценариям: ребенок подражает и идентифицирует себя с агрессором, подростковая агрессия рассматривается как результат специфического социального научения, демонстрирует протестную реакцию в ответ на неудовлетворение базовых потребностей [6, с. 162].

Другие ученые, М. В. Алфимова и В. И. Трубников, считают, что агрессия часто связывается с негативными эмоциональными переживаниями, мотивацией и даже с деструктивными установками личности. Они считают, что индивидуальные различия аг-

рессивности в большей степени обусловлены генетическими факторами [2, с. 112].

Агрессию принято воспринимать как негативную реакцию человека на окружающую среду. Но не все согласны с данным мнением. В. Клайн рассматривает агрессивность как необходимость для активной жизнедеятельности. К позитивным характеристикам агрессивности он относит инициативу, настойчивость и упорство как способы достижения цели и преодоления препятствий. В. Клайн считает, что данные черты присущи лидерам [10].

Также агрессивное поведение связано с психологической защитой, проявлением защитных механизмов у человека. Создание негативных эмоций и переживаний служит сигналами психологической защиты [4, с. 232]. Изначально исследование механизмов было описано в работе З. Фрейда «Защитные нейропсихозы». В 1894 г. введен термин «защита». Далее он использовался в последующих работах для описания борьбы «Я» против болезненных и невыносимых мыслей и аффектов.

В современных условиях проблема проявления агрессии приобрела определенные особенности, спровоцированные достижениями научно-технического прогресса, компьютеризацией и глобализацией. Данные процессы способствовали изменениям в когнитивной, потребностно-мотивационной, эмоционально-волевой сферах и системе ценностных ориентаций личности [3, с. 41].

В процессе служебной деятельности динамика развития агрессивности может нести тяжелый характер (А. К. Маркова). У сотрудников органов внутренних дел «отклоняющееся» поведение накладывается путем ненормативного поведения граждан [9, с. 138]. Происходит нарушение этических норм профессионального общения, начинает преобладать ненормативная лексика, которая в итоге может привести к нравственному сознанию [6, с. 122]. Р. М. Грановская говорит, что изначально выбор профессии указывает на определенные задатки и установки личности. Общие черты у людей определенной профессии связаны не только с влиянием профессиональной роли, но и с тем, что данную профессию выберут люди, которые имеют определенную предрасположенность и склонности к ней [4, с. 116].

Различают агрессию, как специфическую форму поведения, и агрессивность, как психическое свойство личности. Агрессия является не только поведе-

нием, но и состоянием, которое имеет три компонента. Это эмоциональный, познавательный и волевой компонент. Несмотря на то, что подобная форма поведения носит негативный характер, отсутствие агрессии приводит к податливости и неспособности занять активную жизненную позицию. Это определенная энергия, чтобы создавать и реализовывать, защищаться и развиваться. В психологии существует общая классификация видов агрессии, используемая в научной работе В. Ф. Родина [8, с. 312].

Пассивная агрессия присуща людям, которые боются мощного всплеска конфликтной ситуации. Они занимают позицию согласия, но позже продемонстрируют свой протест. В служебной деятельности это может проявляться, как намеренное невыполнение дел в срок, незавершенные дела, слухи и подрыв авторитета сослуживцев.

Причинами пассивной агрессии могут быть: низкая самооценка и неуверенность в себе, блокирование эмоций и неспособность выражать свои чувства, социальные и культурные факторы, боязнь угнетения или неодобрения со стороны общества и личностные особенности человека.

Активная агрессия — это агрессивное поведение, направленное на другого человека или животное и сопровождается физическими или вербальными действиями. Активная агрессия — это физическое насилие, ругательства, угрозы, выкрики и т. д.

Прямая агрессия — наносящее вред поведение, которое носит намеренный характер с открытой целью. Открытое проявление неприязни, применение физической силы или угрозы расправы и прочее. Прямая агрессия может проявляться в виде:

- ◆ оскорблений;
- ◆ дразнилок;
- ◆ язвительных замечаний;
- ◆ злых шуток;
- ◆ открытого хамства;
- ◆ применения физической силы;
- ◆ нанесения телесных повреждений.

Косвенная агрессия — это агрессивное поведение, направленность которого против другого человека или предмета не осознается или скрывается субъектом агрессии. Описание и изучение косвенной агрессии являются малоисследованными проблемами. Таким образом, разрабатываются наименее очевидные стратегии агрессивного поведения.

Устная агрессия (речевая, вербальная) — словесное насилие с целью снижения уверенности и порождения чувства беспомощности у объекта нападения. Устная агрессия проявляется в случае, когда говорящий имеет намерение выразить негативные чувства и унижить адресата. Также это происходит, когда высказывание не соответствует контексту общения или не учитывает образ собеседника. Реакция адресата на агрессивное высказывание обычно включает обиду, гнев или раздражение, что может привести к ответным репликам, включающим обвинения, упреки, отказы, протесты и оскорбления.

Физическая агрессия включает в себя широкий спектр действий, начиная от демонстративного поведения и заканчивая масштабными конфликтами. Она может быть как контактной, так и бесконтактной, включая жесты, мимику, плевок и другие унижительные действия.

Разработанные различными авторами общепринятые шаблоны и модели возникновения агрессивного поведения имеют много мишеней (рис. 1) Первая категория antecedents относится к ближайшим и более отдаленным событиям, связанным с агрессией (ситуации и нейрофизиологические механизмы). Вторая и третья являются выражением агрессии и последствиями вреда, принесенного другим.

Служба сотрудников органов внутренних дел тесно связана с решением конфликтных ситуаций, а также работа с различными категориями граждан. Согласно Федеральному закону «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ гл. 2 и гл. 5, сотрудник полиции обязан соблюдать принципы деятельности полиции и имеет допуск к применению физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия [1]. Кандидат психологических наук З. В. Якимова в своей научной статье дает сравнительный анализ случаев. Исходя из данных, полученных при исследовании мнений сотрудников органов внутренних дел, она выделила ситуации, в которых применяется физическая сила: «Оказание физического сопротивления со стороны задерживаемых (50,3 %); оскорбление сотрудника полиции (49,1 %); невыполнение законных требований сотрудника полиции (38,4 %); проявление неуважительного отношения к сотруднику полиции (38,4 %)». Агрессия не всегда может быть обоснована какими-либо причинами. Выделяют ряд поводов, приводящих к необоснованному применению физической силы: «невысокий уровень саморе-

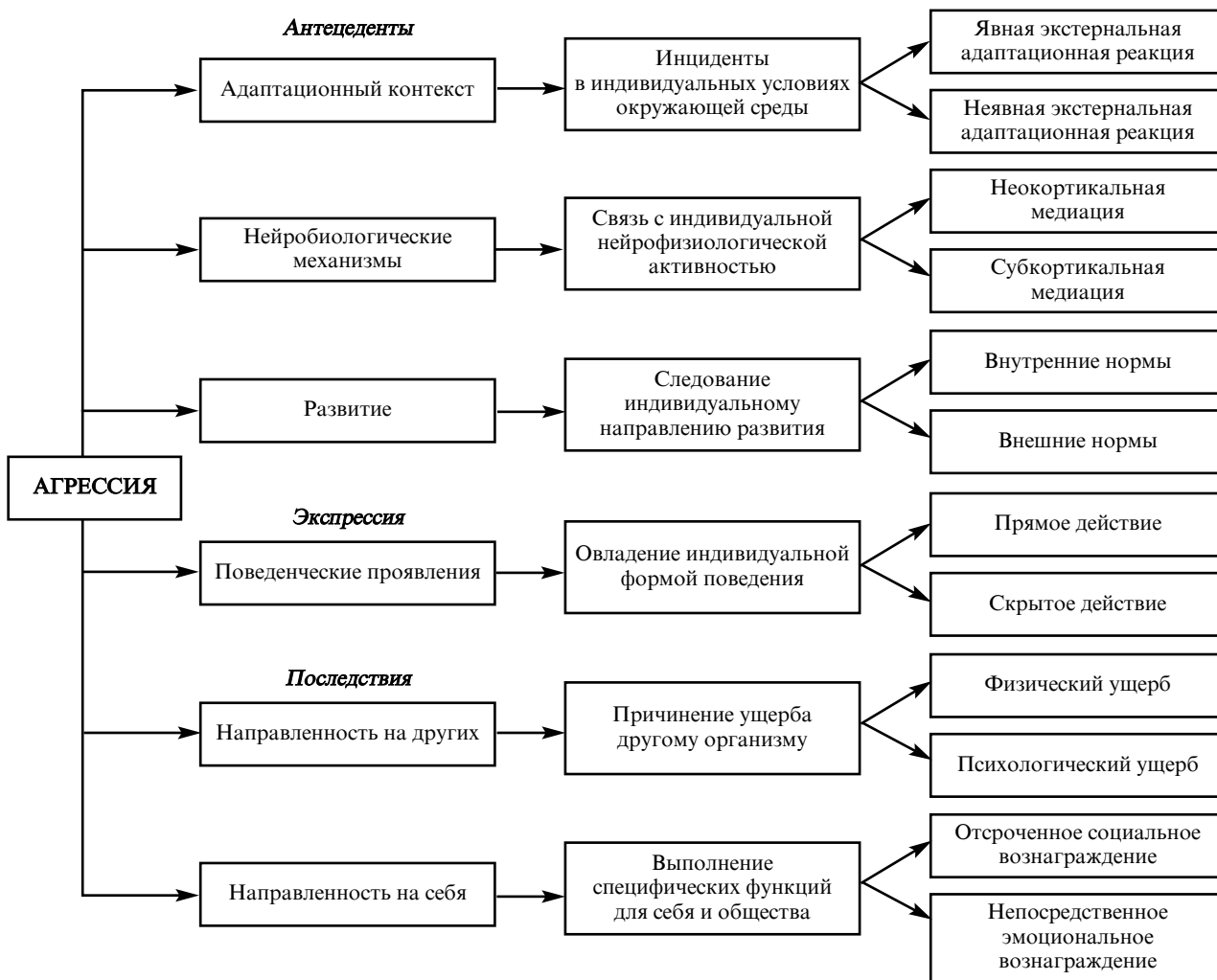

Рис. 1. Агрессия, ее антецеденты, экспрессия и последствия

гуляции и волевых качеств (35,3 %); повышенная конфликтность (31,3 %); неумение устанавливать контакт с разными категориями граждан (31,1 %); недостаточная профессиональная мотивация (30,9 %); переутомление (25,2 %); проблемы в семье (14,5 %)» При реализации служебной деятельности у сотрудников может проявляться конструктивная и деструктивная агрессия.

Эмпирическое исследование проявления агрессивности у сотрудников органов внутренних дел описывает следующие этапы: организационный, диагностический, количественной обработки и интерпретации полученных данных.

Целью организационного этапа являлось формирование экспериментальной группы. Основанием для выбора данных критериев группы исследования явились следующие положения:

1) выборку составили сотрудники правоохранительных органов, находящиеся на разных стадиях профессионального становления;

2) выборка сформирована из сотрудников мужского и женского пола в возрасте от 20 до 38 лет;

3) в выборке исследования учитывался только специальный стаж испытуемых (служба в органах внутренних дел).

Выборку исследования составили 50 человек: мужчины и женщины в возрасте от 20 до 38 лет со стажем службы в органах внутренних дел от одного года до десяти лет.

Опираясь на объект и предмет исследования зависимой переменной было определено — агрессивное поведение в совокупности с эмоциональным выгоранием, а независимой — стаж по специальности. Комплекс диагностических методик направлен на выявление уровня агрессивности личности и вида проявляемой агрессии.

Диагностический этап включает в себя мероприятия по организации самого процесса исследования.

Завершающий этап — количественная обработка и интерпретация результатов. Первичная об-

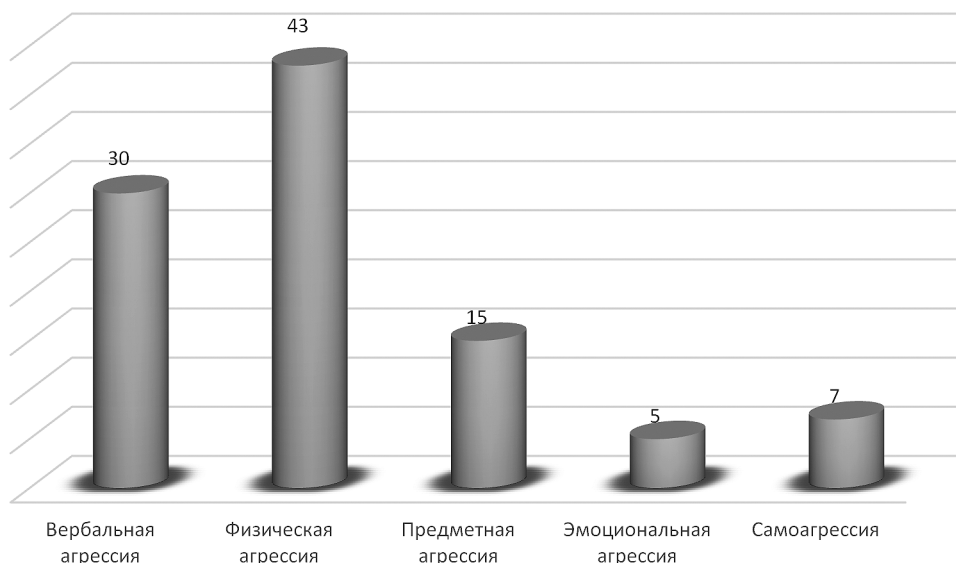

Рис. 2. Виды агрессии, преобладающие у сотрудников органов внутренних дел, %

работка, отбор средств статистического анализа полученных результатов, количественно-качественный анализ статистических показателей и формулировка выводов.

В процессе исследования использовались следующие психологические методики:

- 1) тест агрессивности (Л. Г. Почебут);
- 2) тест «Оценка агрессивности в отношениях»

(А. Ассингер).

На основании результатов исследования были сформированы сводные. Получены результаты испытуемых в соответствии с эмпирическим материалом. Рассмотрим полученные результаты эмпирического исследования, применив математико-статистический расчет, а также методы количественного и качественного анализа.

Согласно тесту агрессивности (Л. Г. Почебут) нам было важно узнать, какой вид агрессии преобла-

дает у сотрудников органов внутренних дел и рассмотреть общий уровень агрессии каждого сотрудника (рис. 2).

По данным исследования у сотрудников органов внутренних дел преобладает физическая агрессия — 43 %. Всего 5 % испытуемых имеют эмоциональную агрессию и 7 % агрессию, направленную на самого себя. Данные показывают, что большинство сотрудников выражают свою агрессию по отношению к другому человеку с применением физической силы. Важно отметить, что для сотрудника полиции применение физической силы разрешено только с соблюдением Федерального закона от 7 февраля 2011 г. №3-ФЗ «О полиции», ст. 20 «Применение физической силы».

Далее рассмотрим по данной методике общий уровень агрессии у сотрудников органов внутренних дел (рис. 3).

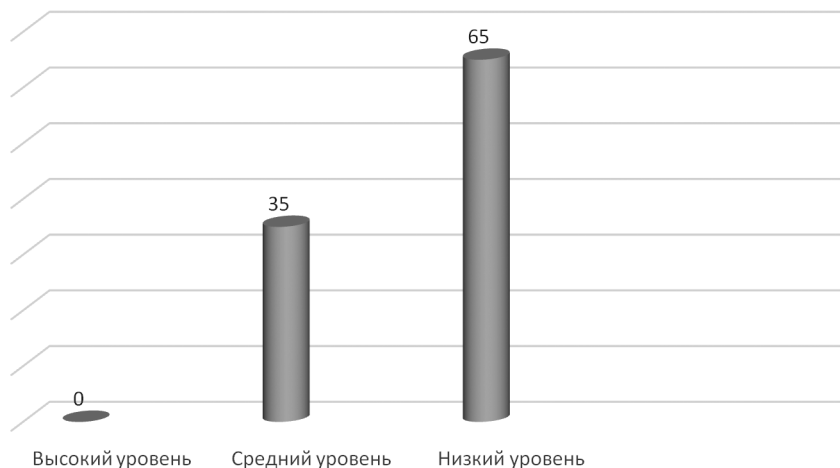
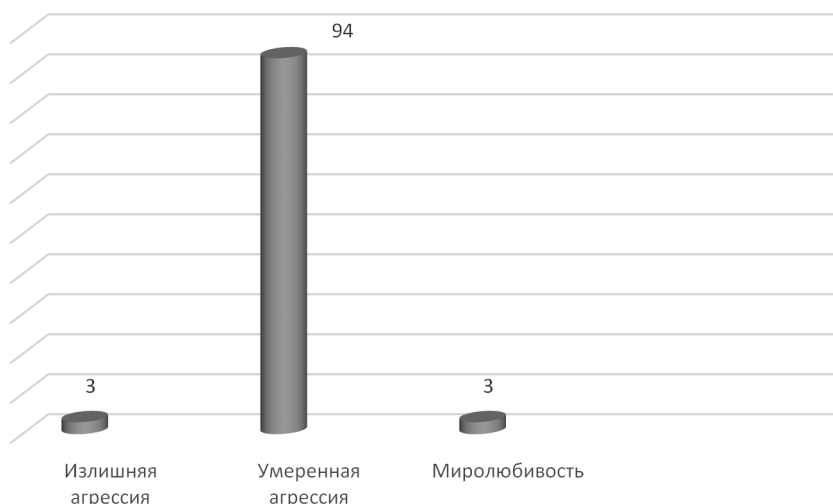

Рис. 3. Уровень агрессии у сотрудников органов внутренних дел, %

Рис. 4. Результаты степени агрессии по методике «Оценка агрессивности в отношениях» А. Ассингера, %

По результатам исследования ни у одного сотрудника не было выявлено высокого уровня агрессии. Средний уровень составил — 35 % сотрудников. Низкий уровень агрессии составил — 65 % сотрудников.

Далее рассмотрим результаты исследования по методике тест «Оценка агрессивности в отношениях» А. Ассингера. Данная методика позволяет определить насколько корректны и сдержаны в общении с окружающими сотрудники органов внутренних дел (рис. 4).

Анализируя полученные данные, отметим, что по данной методике у 94 % опрошенных наблюдается умеренная агрессия. Возможно, это объясняется тем, что сотрудникам необходимо быть уверенными в своих силах и возможностях.

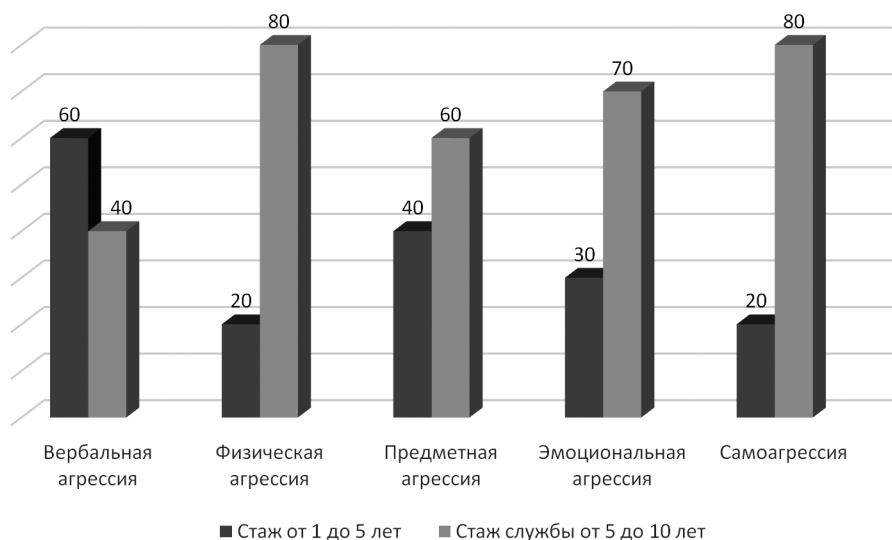
Рассмотрим полученные данные в двух группах, где представлены виды агрессии и их взаимосвязь со стажем службы в органах внутренних дел (рис. 5).

У сотрудников с меньшим стажем службы чаще всего проявляется вербальная агрессия. Самый высокий уровень имеют такие виды агрессии, как физическая агрессия и самоагрессия и присущи они сотрудникам органов внутренних дел с более высоким стажем службы.

Далее рассмотрим результаты по третьей методике А. Ассингера «Оценка агрессивности» в зависимости от стажа службы (рис. 6).

По результатам данной диаграммы видно, что у сотрудников обеих групп преобладает умеренная агрессия. Показатели на шкалах излишняя агрессия и миролюбивость равны 100 %, так как только по одному сотруднику из каждой группы соответствует данному признаку.

Из этого следует вывод, что на агрессивность сотрудников органов внутренних дел может не вли-

Рис. 5. Виды агрессии сотрудников органов внутренних дел по стажу службы, %

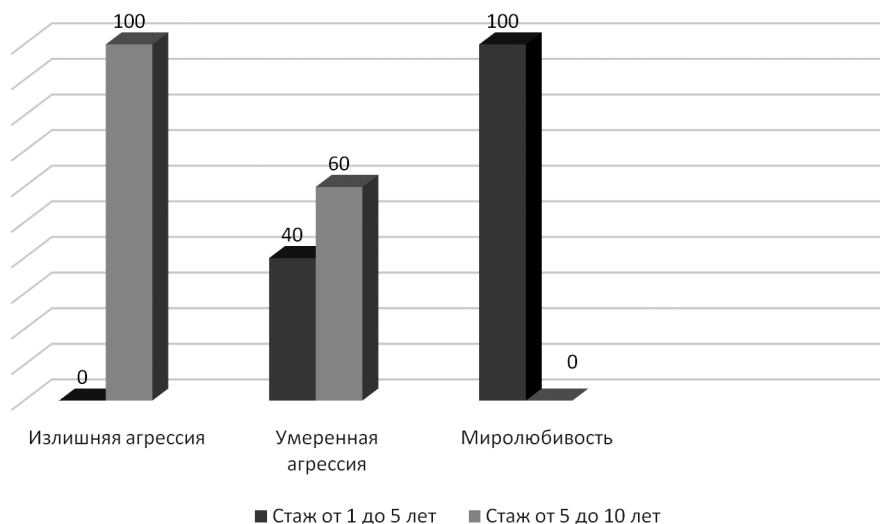

Рис. 6. Уровень агрессии сотрудников органов внутренних дел в зависимости от стажа службы, %

ять стаж службы, а если влияет, то это будет связано с их эмоциональным истощением.

Профилактикой проявлений агрессивного поведения является минимализация или нейтрализация факторов риска их возникновения, а также развитие защитных факторов. В первую очередь важно уметь оценивать свое эмоциональное состояние и состояние других людей. Без базовой эмоциональной и когнитивной компетентности стратегиям решения проблемы проявления агрессивности можно научиться, но поиск решений, как правило, будет обусловлен мотивами эгоизма. Конструктивные процессы решения данной проблемы также часто блокируются сильными эмоциями гнева и разочарования. Сотрудник не должен подавлять и «тренировать» элементарные импульсы и негативные эмоции, такие как гнев, ими нужно грамотно управлять. Помимо грамотного управления эмоциями и особой способности к эмпатии, ряд навыков решения проблем имеет разрешающее значение для предотвращения агрессивного поведения. Нужно рассматривать психологические корреляты агрессивного поведения и ориентироваться на ситуационные факторы.

Список источников

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (с изм. на 5 апреля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
2. Алфимова В. И., Трубников М. В. Психогенетика агрессивности // Вопросы психологии. 2000. № 6. С. 112–121.

3. Балашова В. А., Гончарова Е. М. Агрессия как объект профессиональной деятельности инспектора ПДН // Портрет инспектора по делам несовершеннолетних: сб. науч. тр. всерос. конф. (Москва, 28 мая 2020 г.). М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. С. 40–43.

4. Балашова В. А., Кравцов О. Г., Позин А. И. Эмоциональное выгорание как условие изменения индивидуально-психологических особенностей сотрудников полиции // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 4. С. 230–234.

5. Грановская Р. М. Психологическая защита. СПб.: Речь, 2010.

6. Маркова А. К. Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996.

7. Реан А. А. Психология личности. СПб., 2013.

8. Родин В. Ф. Особенности проявления агрессии в профессиональной деятельности сотрудников полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 7. С. 311–314.

9. Цветков В. Л., Балашова В. А., Пустовитова Д. А. и др. Психологическая устойчивость и готовность сотрудников полиции к служебной деятельности в экстремальных условиях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. № 2. С. 133–139.

10. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/burlachok_psi/

References

1. Federal Law No. 3-FZ dated 7 February 2011 «On the Police» (as amended as of April 5, 2021) // Col-

lection of Legislation of the Russian Federation. 14 February 2011, No. 7. Art. 900.

2. Alfimova V. I., Trubnikov M. V. Psychogenetics of aggressiveness // Questions of psychology. 2000. No. 6. P. 112–121.

3. Balashova V. A., Goncharova E. M. Aggression as an object of professional activity of a traffic police inspector // Portrait of a juvenile affairs inspector: collection of scientific papers of the All-Russian Conference (Moscow, May 28, 2020). M.: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', 2020. P. 40–43.

4. Balashova V. A., Kravtsov O. G., Pozin A. I. Emotional burnout as a condition for changing the individual psychological characteristics of police officers // Psychology and pedagogy of official activity. 2022. No. 4. P. 230–234.

5. Granovskaya R. M. Psychological protection. St. Petersburg: Speech, 2010.

6. Markova A. K. Psychology of professionalism. M.: International Humanitarian Foundation «Knowledge», 1996.

7. Rean A. A. Psychology of personality. St. Petersburg, 2013.

8. Rodin V. F. Peculiarities of aggression in the professional activity of police officers // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 7. P. 311–314.

9. Tsvetkov V. L., Balashova V. A., Pustovitova D. A. et al. Psychological stability and readiness of police officers for official activity in extreme conditions // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2024. No. 2. P. 133–139.

10. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/burlachok_psi/

Информация об авторах

И. А. Шашкова — доцент кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук;

Е. М. Гончарова — доцент кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук.

Information about the authors

I. A. Shashkova — Associate Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences;

E. M. Goncharova — Associate Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.12.2024; одобрена после рецензирования 14.01.2025; принята к публикации 07.02.2025.

The article was submitted 09.12.2024; approved after reviewing 14.01.2025; accepted for publication 07.02.2025.